

2022
КЫЗЫЛ

РАЭСК

оссийская
археолого-этнографическая конференция
студентов и молодых учёных

Материалы
LXII

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Правительство Республики Тыва

Министерство культуры и туризма Республики Тыва
Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

Агентство по науке Республики Тыва
Центр палеоэтнологических исследований
Тувинский государственный университет

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
Тувинский научный центр
Центр развития тувинской традиционной культуры и ремёсел

МАТЕРИАЛЫ
LXII РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Кызыл, 22–24 сентября 2022 г.

Красноярск
СФУ
2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Siberian Federal University

Government of the Republic of Tuva

Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Tuva
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva

Agency for Science of the Republic of Tuva

Palaeoethnological Research Center

Tuva State University

Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research

Tuva Science Center

Tuvan Traditional Culture and Crafts Development Center

MATERIALS
OF THE LXII RUSSIAN ARCHEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC CONFERENCE
OF STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS

Kyzyl, September 22–24, 2022

Krasnoyarsk
SFU
2022

УДК 902(470+571)(063)+39(470+571)(063)

ББК 63.48(2Рос)+63.529(2Рос)

М341

Ответственные редакторы:

К. А. Бичелдей, доктор филологических наук

П. В. Мандрыка, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

К. В. Бирюлева

Е. В. Айыжы, кандидат исторических наук

В. М. Дамдынчап, кандидат исторических наук

А. О. Дыртык-оол, кандидат исторических наук

Т. В. Люндуп, кандидат исторических наук

В. Д. Март-оол, кандидат исторических наук

Ч. Н. Самбыла, доктор биологических наук

А. А. Стороженко, кандидат исторических наук

Л. Д. Чадамба, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь

С. С. Тулуш

Рецензенты:

Н. И. Дроздов, доктор исторических наук, профессор

А. В. Харинский, доктор исторических наук, профессор

Д. В. Пежемский, кандидат биологических наук

М341 **Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых.** Кызыл, 22–24 сентября 2022 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. – 226 с.

ISBN 978-5-7638-4734-5

Представлены материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, которая состоялась в г. Кызыле (Республика Тыва). Размещены результаты исследований по проблемам историографии, археологии и этнографии России и зарубежья.

Издание предназначено археологам, этнографам, историкам, культурологам, а также студентам, осваивающим эти специальности, и широкому кругу читателей, интересующимся вопросами истории и археологии.

*Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов*

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 902(470+571)(063)+39(470+571)(063)
ББК 63.48(2Рос)+63.529(2Рос)

ISBN 978-5-7638-4734-5

© Сибирский федеральный университет, 2022
© Национальный музей им. Алдан-Маадыр
Республики Тыва, 2022

ПРИВЕТСТВИЯ

Дорогие участники LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых!

Рад приветствовать всех Вас на тувинской земле, где мы впервые принимаем участников и гостей ежегодной конференции.

Республику Тыва по праву можно назвать одной из главных «археологических Мекк» нашей страны. Археологические памятники Тувы всегда вызывали большой интерес ученых со всего мира, открытия же этих памятников имели общемировое значение. В первой половине 1970-х годов раскопки царского кургана «Аржаан – I», датируемого IX–VIII вв. до н.э., помогли подтвердить центральноазиатское происхождение скифской культуры. Спустя 30 лет в ходе раскопок царского кургана «Аржаан – II», датируемого VII вв. до н.э., было найдено более 20 кг уникальных золотых предметов скифской культуры. На сегодня эти бесценные артефакты прошлого хранятся как в Государственном Эрмитаже, организовавшем раскопки под руководством Константина Владимировича Чугунова, так и в Национальном музее Республики Тыва.

2022 год был важным временем для развития тувинской археологии. В июне в Чаа-Хольском кожууне была организована научно-практическая конференция, посвященная 50-летию юбилейному непрерывному археологическому полевому сезону в Туве под руководством кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры Российской Академии наук Владимира Анатольевича Семенова.

Проведение археологических исследований важно и для нашей практической работы, для подготовки территорий для строительства. Этим летом ученые Тувинского института гуманитарных исследований и Национального музея провели самостоятельные экспедиции в черте города Кызыла с участием волонтеров и студентов.

Впервые за долгое время в Туве проведены крупные археологические экспедиции, организованные региональными научными учреждениями, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Тувинский государственный университет и Национальный музей Республики Тыва совместно организовали археологические изыскания в Чеди-Хольском кожууне (могильник «Чаа-Суг I»), Тандынском кожууне (Межегейское городище) и в чертах города Кызыла (на месте строительства школы в Вавилинском затоне).

Отрадно осознавать, что научное сообщество Тувы прилагает большие усилия в деле консолидации своих собственных сил и ресурсов для возрождения добрых традиций тувинской археологии. Наши коллеги из Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа даже выступили с предложением создать единый Центр археологических исследований при Тувинском институте гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, в стенах которого всю свою жизнь работал первый профессиональный археолог Тувы, кандидат исторических наук и один из руководителей раскопок кургана «Аржаан – I» Монгуш Хургул-оолович Маннай-оол.

Но главным археологическим событием 2022 года стали открытия Константина Владимировича Чугунова, который спустя 20 лет после открытий кургана «Аржаан – II» обнаружил в кургане «Чинге-Тей I» нетронутое захоронения знатного военачальника скифской эпохи. С нетерпением ждем подробностей об этом открытии.

Ещё одним важным событием в истории тувинской археологии в 2022 году стала наша конференция. Возможно, именно в ходе РАЭСКа будут составлены основное видение и планы на развитие тувинской археологии в будущем. Постараюсь учесть все Ваши предложения и замечания, чтобы приложить максимум усилий для развития археологии в Туве. Если кто-то из участников конференции, неважно студенты ли, аспиранты ли, в будущем станут ведущими археологами и этнографами России, то задачи конференции, на мой взгляд, будут выполнены.

Желаю всем Вам плодотворной работы, конструктивных дискуссий и дальнейших успехов!

Глава Республики Тыва

В. Ховалыг

Дорогие друзья!

Мы рады приветствовать Вас на ежегодной научно-практической LXII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК). В 2022 году один из старейших молодёжных форумов проходит на территории Тувы – в самом сердце Азии.

Тува богата памятниками истории и археологии. Тысячелетиями хранят свои тайны древние курганы и средневековые городища, на страже степей безмолвно стоят каменные изваяния. Археологической сенсацией стали находки из скифских захоронений – царских курганов Аржан 1 (IX–VIII до н. э.) и Аржан 2 (вторая половина VII до н. э.), которым нет аналогов в мире. Культовые предметы, оружие, элементы конской упряжи, а также украшения из бронзы и золота свидетельствовали о наличии в Туве ювелирного производства высочайшего уровня. В настоящее время эти бесценные артефакты хранятся и экспонируются в Национальном музее Тувы. 2022 год – год проведения LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК) в Кызыле – вносит в историю российской и тувинской археологии ещё одно сенсационное открытие – захоронение знатного скифского воина в кургане «Чинге-Тей 1» в знаменитой Долине Царей Тувы. Раскопки вела археологическая экспедиция Эрмитажа (Санкт-Петербург) под руководством К. В. Чугунова.

Тувинцы – один из древнейших тюркоязычных народов, населяющих Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье, составляют основное население Республики Тыва, находящейся в составе России с 1944 года. Формирование тувинского этноса представляло собой сложный и длительный процесс, завершившийся в конце XVIII — начале XIX века, что предопределило уникальную национальную самобытность тувинцев. В настоящее время в жизни тувинцев тесно переплелись сохранившиеся древние традиции и современные реалии.

В LXII РАЭСК (2022 г.) принимают участие ведущие учёные-историки, археологи, этнографы и антропологи России и зарубежья, а также студенты, аспиранты, молодые учёные, которые обмениваются опытом по уже традиционным направлениям конференции: «Историография, теория и методология археологии», «Каменный век», «Эпоха палеометалла», «Средневековье и Новое время», «Антропология, этнология и этноархеология», «Музееведение и охрана культурного наследия», «Информационные технологии в археологических и этнологических исследованиях».

Пусть первые шаги молодых археологов осеняют великие открытия прошлого и настоящего – ваши открытия впереди. Желаю добрых начинаний, успехов и успешности, дорогие друзья!

С глубоким уважением,
директор Национального музея Республики Тыва,
доктор филологических наук, академик РАЕН и РАСН,
почётный профессор ТувГУ, почётный доктор Института истории
и археологии АН Монголии

К. А. Бичелдей

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ	4
--------------------------	---

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Арефьев А. Е.</i> «Там, за Ачинским острогом...»: археология Ачинского и Назаровского районов в путевых записях первых исследователей Сибири XVIII в.	11
<i>Бай-Кара А. Б.</i> Вклад М. Х. Маннай-оола в этнографическое изучение Тувы.....	14
<i>Еремеев А. В.</i> Археологические исследования Восточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества в конце XIX в.: сравнительная характеристика	16
<i>Кара-Хуна Ю. Р.</i> Digital биография М. Б. Кенин-Лопсан.....	19
<i>Ооржак У-С. Г.</i> Археологические исследования С. И. Вайнштейна в Туве.....	21
<i>Рахматуллина О. Р.</i> Археологические исследования Восточной Сибири и «Известия ВСОИРГО» как публикационная площадка	22
<i>Сат М. М.</i> Музейная деятельность Светланы Монгушевы Биче-оол.....	25
<i>Спасибко А. Б.</i> 3D-технологии в археологических исследованиях: из опыта Научно-исследовательского центра «Байкальский регион» ИГУ.....	27
<i>Суслова О. В.</i> К вопросу о проблеме неопределенности понятия «археологическая находка» в правовом аспекте.....	30
<i>Тандыянова А. Е.</i> Виртуальный туризм в актуализации наследия среди молодёжи	33
<i>Федорова А. А.</i> Хоабинский комплекс - современное состояние изученности. Пещера Там Ханг	36
<i>Чикичева А. А.</i> История исследования острова Бурнина в комплексе археологических памятников Среднего Приангарья.....	38

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

<i>Абрашина М. Е., Уланов И. В.</i> Опыт технологической классификации элементов орнамента керамики посольского типа Байкало-Енисейской Сибири	41
<i>Власенко Д. Е.</i> Археологическая карта Забайкальского края: эпоха палеолита.....	45
<i>Гордиевский С. П.</i> Неолитическая стоянка-мастерская Усть-Чечемонга в Нижнем Приангарье.....	48
<i>Деревнина А. С.</i> Комбинированные орудия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)	51

<i>Дударёк С. П.</i> Проблема ориентировки погребений эпохи неолита Северного Приангарья.....	54
<i>Еремеева Е. А.</i> Опыт организации и проведения экспериментальной площадки по расщеплению обсидиана (Приморский край).....	57
<i>Золотарев Д. П.</i> Техники микропластинчатого производства позднего этапа верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири (по материалам местонахождения Черемушник 2).....	60
<i>Керик А. Д.</i> Перфорация тонко выделанной шкуры: результаты экспериментальных данных.....	63
<i>Киенко А. В.</i> Типологический анализ коллекции скребел культурного слоя 3 стоянки Куналей (Западное Забайкалье).....	66
<i>Левина Е. В.</i> Экспериментальное моделирование хозяйственной деятельности населения Алтая в начале верхнего палеолита.....	69
<i>Почекунин Д. М.</i> Опорные памятники каменного века в долине реки Витим.....	71
<i>Соколова Н. Б.</i> Некоторые вопросы культурной атрибуции средненеолитического населения юга Байкало-Енисейской Сибири.....	73
<i>Степанов М. В.</i> Экспериментальная реконструкция технологии изготовления сылахской сетчатой керамики: историографический аспект.....	76
<i>Трухина Ю. А., Кустов Г. Н., Филатов Е. А.</i> Планиграфический анализ жилища 3 культурного слоя 5 поселения Студеное-2.....	79
<i>Щипун О. И.</i> Каменный инвентарь памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 (общие и особенные черты).....	81

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Белимов В. С.</i> Сосуды типа триподов: проблемы культурной и хронологической интерпретации.....	85
<i>Боярский А. С.</i> Зооморфная уздечная бляха раннего железного века из коллекции Чесменского историко-краеведческого музея: датировка, культурная принадлежность и интерпретация.....	87
<i>Валавин Н. А.</i> Традиции строительства внутримогильных каменных конструкций федоровской культуры.....	90
<i>Гармаева А. В.</i> Анхабайский комплекс культуры плиточных могил: история и проблемы изучения.....	94
<i>Губенко Е. В.</i> Гравированные бусины из сердолика с территории Верхнего и Среднего Енисея в раннем железном веке.....	96
<i>Мамаева А. К.</i> Поминальные комплексы таштыкского времени на местонахождении Сагайская протока-8 в Аскизском районе республики Хакасия (результаты работ 2021 г.).....	99
<i>Некраш А. А.</i> Особенные захоронения одиновской культуры на памятниках Венгеровского микрорайона.....	103
<i>Титова А. В.</i> Импортные предметы в материалах памятников саргатской культуры.....	105

<i>Токарев Д. С.</i> Анализ метательного оружия (каменных наконечников стрел) (по материалам стоянки Поповский Луг)....	108
<i>Шустова А. Н.</i> Детские погребения тесинской культуры.....	111

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Болонин И. А.</i> Стеклянные браслеты Георгиевского – I раскопа (г. Старая Русса)	115
<i>Вахрушева Е. Е.</i> Средневековая лепная керамика финно-пермских истоков (XVIII группа)	118
<i>Давыдов Р. В.</i> Источники материала железных изделий аскизской культуры по данным элементного анализа торевтики долины реки Ус.....	123
<i>Иванов А. А.</i> Предметы досуга из коллекции ОКН «Город Гижигинск»	126
<i>Комогоров А. В.</i> Остроги Забайкалья: проблема сохранности и юридического статуса объектов.....	129
<i>Кузнецов В. Е.</i> Роль Волжской Булгарии в проникновении древнерусских изделий на территорию Пермского Предуралья	132
<i>Папшев Д. И.</i> Три археологических подхода к определению религиозной принадлежности культовых зданий	135
<i>Половников И. С.</i> Подпружные пряжки с территории Среднего Енисея в I тыс. н. э.: технологическая традиция изготовления из рога и кости.....	139
<i>Смирнов Д. С.</i> Предметный комплекс средств передвижения и конского снаряжения, как отражение хозяйственной деятельности жителей б. д. Постановогово из раскопок Рождественского могильника.....	142
<i>Такпаева В. И.</i> Керамический комплекс поселения Купчегень-1 (материалы раскопок 2021 г.).....	146
<i>Торохова А. Д.</i> К истории исследования погребальных комплексов эпохи средневековья в Северном Приангарье	148
<i>Ухинов З. Ч.</i> Погребение XII–XIV вв. в пади Ранет (Юго-Восточное Забайкалье)	151
<i>Шаманин Д. А.</i> Мохэское жилище: проблема конструкции входа	154
<i>Яковлева Е. А.</i> Монашеское захоронение на кладбище Ново-Тихвинского монастыря	156

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бурашникова К. С.</i> Пищевые растения в системе питания качинцев.....	160
<i>Кочергин С. Е.</i> Деятельность музеев Восточной Сибири в области сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов (1990–2000-е гг.).....	162
<i>Ондар Б. Б.</i> Роль шаманизма в туризме Республики Тыва	165
<i>Ошлокова Д. В.</i> Кукла и оберег в старообрядческой культуре.....	168

Паук Е. А. Конструирование сложной идентичности: на примере якутского фильма «Пугало».....	170
Хмельницкая О. В., Шайдуров А. В. Репрезентативность этнического образа в дизайне костюма участников фестиваля «Сибирская этника».....	173
Шайдуров А. В. Культурные изменения, вызываемые антропоценными процессами.....	176
Ябыштаев С. С. Ирбизек как символ этноспорта Республики Алтай	179

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

Владиминова И. А., Можарова Е. А., Овсянникова Т. Н. История изучения памятников наскального искусства в верховьях р. Маны (на примере писаницы Шкапчик – 1, 2).....	182
Гражданкина В. А. Изображения лошадей на «оленных» камнях (по результатам работ В. В. Волкова в Монголии).....	185
Кацер Н. С. К вопросу о становлении концепций исследователей по интерпретации и периодизации образов и стилей в наскальном искусстве Среднего Приангарья.....	186
Можарова Е. А., Владимировна И. А., Овсянникова Т. Н. Койская писаница по материалам В. Ф. Капелько	189
Овсянникова Т. Н., Владимировна И. А., Можарова Е. А. Характеристика писаницы Шкапчик-3 (по материалам В. Ф. Капелько).....	194
Сирюкин И. В. Петроглифы как один из компонентов «культы гор» у коренного населения Минусинской котловины ..	197
Тишкин Ал. Ал. Формирование базы данных об изображениях щитов на «оленных» камнях Центральной Азии.....	201
Ячменёв О. Ю. Антропоморфные фигуры в наскальном искусстве Восточного Забайкалья (Забайкальский край)....	203

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Дружинин Д. С. Каменные наконечники в древнейших комплексах Патагонии: разновидности и хронология.....	208
Елошкин Г. А. Декапитация как важнейший элемент ритуальных практик в южной части перуанского побережья	210
Мальцева А. И. Археологические памятники Таиланда: хронология, периодизация, состояние изученности	213
Очур-оол А. А. Этнокультурные традиции Южной Кореи.....	216
Савельева Е. А. Трансформация статуса женщин Китая в современном мире.....	217
Федорова А. А. Хоабинский комплекс – современное состояние изученности. Пещера Там Ханг	220
Шегутов И. С. Техноморфологические критерии выделения нуклеусов-резцов карене, бюске и Вашон.....	222

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	225
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902(571.1/5)

«Там, за Ачинским острогом...»: археология Ачинского и Назаровского районов в путевых записях первых исследователей Сибири XVIII в.

А. Е. Арефьев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

История археологического изучения Ачинского и Назаровского районов берёт своё начало в первой четверти XVIII в., со времени работы первых научных экспедиций. 15 ноября 1718 г. Пётр I подписал указ об отправлении Д. Г. Мессершмидта – немецкого врача и учёного, находящегося на русской службе, – в Сибирь, для изыскания раритетов и аптекарских вещей. 1 марта 1719 г. Д. Г. Мессершмидт покинул Санкт-Петербург – обратно он вернётся только спустя 8 лет и 26 дней [Путевой журнал..., 2021, с. 33].

В одном из писем от 1721 г. Д. Г. Мессершмидт писал о том, что велено ему, помимо всего прочего, отыскивать «могильные древние вещи, медные и железные». Это фактически первое упоминание научного изучения сибирских древностей. Неподдалёку от Абаканского острога Д. Г. Мессершмидтом были проведены первые научные раскопки кургана, что и послужило началом сибирской археологии.

Несмотря на то, что экспедицией были исследованы некоторые памятники археологии, её деятельность всё-таки преследовала задачи, направленные на изучение флоры, фауны, а также жизни коренного населения. Возможно, поэтому на страницах своего путевого журнала Д. Г. Мессершмидт не уделяет проблеме древностей особого внимания, не занимается их целенаправленными поисками.

В конце июня 1722 г. он оказался в Ачинском остроге, где пробыл четыре дня. В запи-

сках от 20-го июня читаем: «Это место очень убогое. Острог состоит из высокого четырёхугольного забора, который означает собственно крепость, где стоит три дома» [Путевой журнал..., 2021, с. 155]. В записях последующих дней фиксируются новые слова, которым его обучили татары, описывается разыгравшаяся в ночь гроза, назойливые насекомые, но ни слова не сказано об истории или археологии здешних мест.

24-го июня Д. Г. Мессершмидт покинул Ачинский острог и двинулся южнее: «В 8 утра я снова добрался до Чулыма, который здесь имел особенный изгиб-петлю. На том берегу вверх по течению были расположены татарские юрты, которые назывались Шуш-Урюпскими. <...> Здешняя местность была покрыта берёзовыми рощами и сосновыми лесами, сразу же за которыми начиналась открытая голая степь, среди которой виднелось несколько курганов». 26 июня – «денщики Петер и Андрей отправились в степь на раскопки кургана». 28 июня Д. Г. Мессершмидт сообщает, что ничего ценного в тех медных ножах и наконечниках копий, которые принесли ему денщики, нет. 29 июня денщики снова отправляются на раскопку курганов, но они оказываются разграблены. [Путевой журнал..., 2021, с. 160–162]. Характерный изгиб р. Чулым, про который упоминает учёный (и даже зарисовывает его), расположен в месте, где река огибает Аргинский хребет, здесь же она соединяется со своим левым притоком – р. Урюпом. Следовательно, описанные Шуш-Урюпские юрты и курган-

ная группа могли располагаться на границе современных Назаровского и Шарыповского районов, в районе д. Скрипачи и оз. Белого. На это же указывает запись от 30 июня: «Под вечер лошади были загружены, и я отправился в путь в 9 часов вечера из Шуш-Урюповских юрт в направлении реки Урюп через Белое озеро» [Путевой журнал..., 2021, с. 163].

Перед Второй Камчатской экспедицией, организованной Сенатом, Синодом и Академией наук в 1733 г. под началом В. Беринга, помимо морского изучения берегов Камчатки, ставилась задача дальнейшего исследования Сибири. Важная заслуга Г. Ф. Миллера, руководившего сухопутным отрядом этой экспедиции, – собрание коллекции архивных документов по сибирским архивам, «хотя в них архивные письма от древности и мокроты погнили, мышами и червями изъедены и побросаны в кучи» [Миллер, 1999, с. 33–34]. В этих документах – информация о продвижении русских в Сибирь, об их взаимоотношениях с коренным населением, о традициях, быте, этнографической специфике последнего. Отряд Г. Ф. Миллера не только изучает сохранившиеся письменные источники, но и обращается к археологии. Им раскопано множество курганов, охарактеризованы при этом строение могил, их конструкция, положение скелетов, найденные вещи, описаны памятники наскального искусства, а по возвращению из экспедиции привезена внушительная коллекция древностей.

Оказавшись на территории современного Ачинского и Назаровского районов в начале 1740 г., Г. Ф. Миллер не уделяет столь подробного внимания археологическим памятникам, как это было несколькими месяцами ранее в Абаканском остроге. Зато им зафиксирована информация о первом Ачинском остроге. В 8 главе «Истории Сибири», посвящённой русскому времени, Г. Ф. Миллер записывает: «Успешно пошло дело с постройкой в 1641 г. острога в Томском уезде, дабы держать в повиновении киргизов. То Ачинский острог, который был построен тогда у оз. Сызырима, к востоку от р. Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке» [Миллер, 2000, с. 98]. Ачинский острог, построенный на новом месте, а также оз.

Сызырим-куль и деревня Сызыримская (Дорохова) упоминаются в «Путешествии из Красноярска в Томск», датированном февралём 1740 г. [Эллерт, 1990, с. 298]. Споры о том, где располагался первый Ачинский острог, продолжаются до сих пор, причём варианты оказываются разбросаны на территории площадью более ста километров. Перевод «Путешествия», сопоставленный с выдержками из «Истории Сибири» и точными географическими привязками, позволил А. Х. Эллерту теоретически обосновать новую версию – возле с. Дорохово, ниже по течению р. Чулым от г. Назарово. С. Дорохово существует и сейчас, а оз. Сызырим-Куль – это современное оз. Домашнее, что подтверждается археологическими полевыми исследованиями, проведёнными группой учёных в 2021 г. [Бутанаев, 2022, с. 741–748]. На этом месте были обнаружены следы валов и рвов, планиграфически создающих вид трапеции, свойственный для первых сибирских острогов.

Через тридцать лет после того, как сухопутный отряд Второй Академической экспедиции вернётся в столицу, в Сибирь отправится новый исследователь – П. С. Паллас. Своё путешествие он будет совершать, практически в точности повторяя маршрут Д. Г. Мессершмидта, впечатления от поездки по Сибири П. С. Паллас опишет во второй части «Путешествия по разным местам Российского государства», относящейся к 1770 г.

Описания П. С. Палласа интересны не столько с археологической, сколько с этнографической и исторической стороны. У него не встречается подробных характеристик находок (хотя им и составлены описания разграбленного кургана у с. Тесь, городища у с. Шушенское и пр.), вместе с фиксацией флоры и фауны он описывает быт и общее состояние Сибири второй половины XVIII в. [Вадецкая, 1973, с. 101]. Так говорит он о с. Ачинском, сокращаясь на количество тараканов: «Здесь же, в Ачинском, во всех крестьянских избах водится оных множество, так что днём совершенно наполнены оными тёмные углы, щели и чуланы, а ночью все стены облеплены» [Паллас, 1786, с. 444].

Итак, первый этап археологического изучения отмечен деятельностью научных экс-

педиций, несмотря на уникальность каждой из них, объединённых общими мотивами путешествий и одинаковым отношением к археологическим памятникам. Действуя согласно инструкциям и выполняя конкретные задачи по описанию гидрографических, климатических, природных особенностей территории Сибири, они изучали археологию региона в большинстве случаев из собственного интереса. Тем не менее, им ставилось в обязанность скупать у бугровщиков всё, что представляло бы какую-либо археологическую или историческую ценность. Что

касается информации об археологическом изучении этими учёными современной территории Ачинского и Назаровского районов, то их описания порой неточны и фрагментарны, они перемежаются с другими дорожными впечатлениями, но в то же время, это первые научные сведения об археологии данных районов.

*Научный руководитель – П. В. Мандрыка,
д-р. ист. наук, профессор кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

1. Бутанаев В. Я., Скобелев С. Г., Чуманов А. В. К вопросу о месте нахождения первого Ачинского острога // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 15 (5). С. 741–748.
2. Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. 1973. Вып. 6. С. 91–159.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
5. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства // СПб.: Императорская академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book4739/> (дата обращения: 12.04.2022 г.)
6. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 гг. / перевод, составление, комментарии: Г. Ф. Быконя, И. Г. Фёдоров, Я. И. Фёдоров. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.
7. Эллерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1990. 247 с.

«There, beyond the Achinsk prison...»: archeology of the Achinsky and Nazarovsky districts in the travel records of the first explorers of Siberia of the XVIII century

A. E. Arefev

The article reviews the first stage of the archaeological research in Achinsk and Nazarovo districts. Based on the travel records and scientific papers that were written by researchers of Siberia of the XVIII century, a conclusion is made about the goals and objectives of the first scientific expeditions, about their contribution to the archaeological researches of these areas.

Keywords: Achinsk and Nazarovo districts, archaeological research, D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, P. S. Pallas.

Арефьев Анатолий Евгеньевич

Студент 2-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: tolya.arefev.2002@mail.ru

Arefev Anatoly Evgenievich

Student 2nd year
Siberian Federal University
e-mail: tolya.arefev.2002@mail.ru

УДК 39(571.52)

Вклад М. Х. Маннай-оола в этнографическое изучение Тувы

А. Б. Бай-Кара

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Актуальность статьи определяется тем, что в настоящее время под влияние глобализации активно попадают этносы, тем самым теряя традиционную, самобытную, неповторимую культуру с ее оригинальными материальными и духовными ценностями. В связи с этим поднимаются вопросы сохранения традиционной культуры учеными, политиками, историками и общественными деятелями. Создаются национальные проекты, направленные на поддержание культурных атрибутов и занимающиеся их внедрением в повседневную жизнь населения. На этом основании учеными, включая и М. Х. Маннай-оола, исследуются вопросы этнографии.

Прежде чем начинать, для ясности затронем определение этнографии как науки. В интернет-ресурсах этнография определяется как «наука, изучающая народы-этносы и другие этнические образования, их происхождение, состав, расселение, культурно-бытовые особенности, а также их материальную и духовную культуру» (Wikipedia).

Этнография как наука в России образуется исторически с 1845 г., когда создалось Русское географическое общество. Тем самым усилился интерес к северным народам. История тувинской этнографии уходит на столетия. По мнению Ч. К. Иргит яркое формирование тувинской этнографии пришлось на середину XX в. Для детализации этого процесса, учеными предлагаются разные варианты периодизации этнографического изучения тувинцев. Немаловажную роль в этом сыграл С. И. Вайнштейн. *Периодизация по Вайнштейну:*

Первый период – от XVII в. до 80-х гг. XIX в.

Второй период – от конца XIX до образования ТНР в 1921 г.

Третий период – годы существования ТНР (1921–1944).

Четвертый период – с 1944 г.

Помимо этого, имеются периодизации и других ученых: монография А. К. Кужугет «Духовная культура тувинцев», статьи на эту тему Ч. К. Ламажаа.

Ч. К. Иргит, проанализировав вышестоящие труды предлагает дополненную периодизацию:

Первый период – от XVII в. до первой половины 1890-х гг. Из-за большого хронологического делит на три этапа: 1) XVII в. – начало XVIII в., 2) 1730-е – 1840-е гг., 3) вторая половина XIX в. – 1897 г.

Второй период – вторая половина 1890-х до 1920 г. Впервые проводятся специальные этнографические исследования.

Третий период – 1921 – 1944 гг. (годы существования ТНР).

Четвертый период – от 1945 до начала 1990-х гг. В 1945 создание ТНИИЯЛИ.

Пятый период – 1990-е гг. и по настоящее время [Иргит, 2013].

Научная деятельность М. Х. Маннай-оола как раз пришлась на пору становления этнографии как полноценной науки в Туве. Монгуш Хургул-оолович родился 22 апреля 1933 г. в местечке Улаатай Овюрского района в семье арата. Окончив семилетнюю школу в с. Хандагайты (1942–1949 гг.) продолжил обучение в Кызылском педагогическом училище (1950–1954 гг.), после окончания которого поступает учиться в Ленинградский государственный университет. В 1959 г. завершив обучение, получил профессиональную квалификацию историка. М. Х. Маннай-оол поступил на работу в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), с которым связана вся его трудовая деятельность [Чадамба, 2018].

Является заслуженным деятелем науки Республики Тыва, обладатель Ордена Буяна-Бадырды, кавалер Ордена Республики Тыва, кандидат исторических наук и других почестей.

М. Х. Маннай-оол является автором около 180 научных трудов и монографий по археологии и этнографии Тувы:

- «Тува в скифское время» (М., 1970);
- «Тува в эпоху феодализма» (Кызыл, 1986);
- «Археологические памятники Тувы» (Кызыл, 1964);
- «Тайны кургана Аржаана» (Кызыл, 1985);
- «Тувинцы: происхождение и формирование этноса» [Маннай-Оол, 2004].

Свои заключения как по этнографии, так и по другим смежным наукам ученый предлагает в монографии «Тувинцы. Происхождение и формирование этноса». Работа представляет собой первый комплексный опыт монографического исследования истории формирования тувинского этноса, начиная с его истоков, т.е. со скифского времени до формирования в единый этнос. Работа базируется на сравнительно-историческом анализе разнообразных источников – письменных, археологических, этнографических, антропологических. Существенная основа исследования взята из материалов собственных полевых работ. Маннай-оол на протяжении длительного времени (с 1960 по 1985 г.) являлся руководителем археологической экспедиции Тувинского института языка, литературы и истории [Анайбан, Маннай-оол, 2013]. Ученый в своей монографии поднимает вопрос становления тувинского этноса. Умело собрав научные труды приводит к мысли, что первоначальные основы социально-этнической общности у тувинцев сложились в VI–XII вв., а уже в своем труде «Тува в эпоху феодализма» 1986 года доводит мысль, что раннефеодальные отношения в Туве возникли еще в VI–VIII вв. и получили дальнейшее развитие в IX–XII вв. Как итог, автор приходит к мысли, что тувинцы окончательно сложились в единый этнос

в XVIII – начале XIX вв. К этому времени завершился длительный процесс формирования территориальной, языковой общности, укрепились хозяйственные, торговые и территориальные экономические связи между внутренними племенами Тувы. Также в это время закрепилось общее название племен Тувы, тувинцев – «тыва кижы». [Маннай-Оол, 2004, с. 119].

Также немаловажно затронуть другие важные работы ученого в этой области. Под редакцией Маннай-оола и С. И. Вайнштейна вышла переработанная и дополненная книга «История Тувы», в которой затронуты вопросы этнографии. В числе работ отметим труды М. Х. Маннай-оол «Тувинцы в Монголии: Традиции и современность». С 1971 г. начинаются раскопки памятника раннескифского времени – царского кургана Аржан, который по своей значимости является важнейшим археологическим открытием XX века. Начальником экспедиции был назначен М. Х. Маннай-оол, научным консультантом и руководителем раскопок – выдающийся советский археолог М. П. Грязнов.

Таким образом, можно сказать, что этнография как наука продолжает совершенствовать свои знания. В этом процессе видную деятельность сыграл также М. Х. Маннай-оол, труды которого имеют ценность для развития этнографической науки Тувы. Ученый за свою научную жизнь провел множество разнообразных исследований, которые не ограничиваются только этнографией, но и взаимодействуют с другими смежными областями.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории,
археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

1. Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. Электр. журнал. 2013. № 3. С. 19–37. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6487-anaibay-mannayool.html (дата обращения: 06.06.22.).
2. Иргит Ч. К. Периодизация истории этнографического изучения тувинцев // Новые исследования Тувы. Электр. журнал. 2013, № 3. С. 38–46. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6478-irgit.html (дата обращения: 06.06.22.).
3. Чадамба Л. Д. Значение научного наследия М. Х. Маннай-оола для развития археологической науки Тувы (к 85-летию со дня рождения) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. № 4. С. 269–273.
4. Маннай-Оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. – Новосибирск: Наука, 2004.

Contribution of M. H. Mannai-ool to the ethnographic study of Tuva

A. B. Buy-Kara

The purpose of the study is to evaluate the contribution of M.H. Mannai-ool to the ethnographic study of Tuva. The article describes the scientist's research in the field of ethnography, as well as his general contribution to the science of Tuva. In particular, his monograph «Tuvans: the origin and formation of an ethnic group» will be considered. During his life Mongush Hurgul-oolovich Mannai-ool managed to work in many expeditions as part of the TNIIYALI (now TIGPI), notable among which are the excavations of the Arzhaan-1 mound. On the basis of many of his works, it is possible to trace the history of the study of the ethnography of the Tuvan people, to give a characteristic and significance for today. The periodization of the ethnographic science of Tuva, its features and directions of development are also considered.

Keywords: Mannai-ool, ethnography, ethnology, science of Tuva, Tuvans, history

Бай-Кара Араажы Болатович

Студент 2 курса

Тувинский государственный университет

e-mail: arazhu2002@gmail.com

Buy-Kara Araajy Bolatovichstudent 2nd year

Tuva State University

e-mail: arazhu2002@gmail.com

УДК 902(571.5)(571.61/62)

Археологические исследования Восточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества в конце XIX в.: сравнительная характеристика*

А. В. Еремеев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Начало систематической исследовательской деятельности в Сибири было положено в 1851 г., и непосредственно связано с открытием Сибирского (с 1877 г. Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества. Благодаря деятельности отдела проводились разноплановые научные изыскания, в том числе и в области археологии. Так, на протяжении второй половины XIX столетия, на территории региона было открыто множество объектов деятельности и мест пребывания древнего человека. Приамурский отдел был основан в результате отделения от Восточно-Сибирского отдела в 1894 г. с целью сконцентрироваться на научных исследованиях на данной территории.

Основной целью научно-исследовательской работы является сравнение интенсивности и характера археологических исследований Восточно-Сибирского и Приамурского

отделов. Это позволит выявить роль археологических исследований в контексте общих исследовательских задач, как нового Приамурского отдела, так и Восточно-Сибирского отдела и определить их вклад в изучение края.

Основу работы составляет анализ периодичности археологических исследований в публикациях отделов. Работа также включает в себя характеристику исследователей, упомянутых в периодических публикациях, а также непосредственно сам анализ содержания публикаций. Объектом исследования станут публикации «Известий Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» и «Записок Приамурского отдела Русского географического общества» в период 1894–1900 гг.

Всего за исследуемый период в публикациях Приамурского отдела было выявлено 4 статьи, относящиеся к археологической тематике.

*Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-22-317.

Исходя из анализа публикаций, можно прийти к выводу о наличии регулярных археологических изысканий – за указанный период статьи с исследованиями отнесённые к археологической тематике публиковались по одному разу в год в промежутке с 1895–1899 гг. Исследования не публиковались в 1894–1895 гг.

Опубликованные работы можно соотнести к трем условным категориям по тематике исследования: исследование физических останков и погребального инвентаря (2 публикации); предметов материальной культуры, включающей в себя анализ каменного инвентаря, и фрагментов керамики (1 публикация); изучение останков палеофауны (1 публикация). Упоминания о прошедших археологических исследованиях на территории Забайкалья и Приамурья проведенные Л. Я. Штернбергом и К. Д. Логиновским, встречаются также и в отчете отдела за 1897 г. С хронологической точки зрения, исследования, встреченные в публикациях Приамурского отдела, охватывают период от каменного века до средневековья.

К составу авторов публикаций отнесенных к археологической тематике относятся такие деятели как П. А. Крюков, Н. П. Годдати, В. А. Маргаритов. Стоит отметить, что первые два исследователя публиковались по археологическому направлению единожды, в то время как В. А. Маргаритов имел в отмеченный промежуток, две публикации по данной тематике.

Исходя из анализа изученного материала, можно смело прийти к выводу, что, несмотря на относительно регулярные археологические изыскания, последние не играли для Приамурского отдела ведущей роли. Полученный во время исследований археологический материал был лишь частью результата основной темы публикации авторов, которая, как правило, сводилась к краеведению. Так, найденные останки мамонтовой палеофауны являлись лишь сопутствующим результатом от основной цели – исследование Анадырского края, а опубликованный анализ погребального инвентаря древнего населения Камчатки являлся лишь одним из способов изучения «древних камчатцев», наряду с этнографическим и историографическим [Маргаритов, 1899, с. 123–137].

Более того, найденные в публикациях материалы практически не подвергаются анализу с археологической точки зрения, который уже

к тому моменту встречается в публикациях Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Термин «археология» в публикациях также практически не встречается. Можно предположить, что последнее связано с различием основных исследовательских интересов членов отдела, которые в первую очередь были связаны с изучением естественно-научного облика дальневосточного региона, а также исследования особенностей его населения.

Иная ситуация была в ВСОИРГО. За весь исследуемый период в публикациях Восточно-Сибирского отдела ИРГО всего было опубликовано 6 статей связанных с археологической тематикой. Исследования также публиковались с относительно высокой частотой – в 1894, 1896 гг. выходило по 1 публикации, а в 1897–1898 гг. выходило по 2 публикации в год. Исследования не публиковались в 1895, 1899 гг.

Опубликованные работы так же можно соотнести к следующим категориям – исследование предметов материальной культуры, изучение древних захоронений, а также исследование петроглифов. Публикации, отнесенные к первой категории, являются самыми многочисленными (всего 4 статьи), вторая и третья категория включает в себя по 2 публикации.

К кругу авторов публикаций относятся следующие деятели – А. С. Еленев, Н. А. Виташевский, Н. В. Кирилов, А. А. Кузнецов, А. В. Попов. Каждый из авторов публиковал исследование с археологическими изысканиями в текущий временной промежуток лишь единожды.

Анализируя характер публикаций Восточно-Сибирского отдела, можно сделать вывод о том, что они продолжают традиции Восточно-Сибирского отдела и являются полноценными археологическими исследованиями.

А. С. Еленев в своей публикации описывает целенаправленное археологическое исследование, проведенное на территории граничащих с Иркутском поселений, с целью продолжить археологическую экспедицию Н. И. Витковского [Еленев, 1894, с. 92–96]. Результатом археологических раскопок Еленева являлись выявленные предметы каменного инвентаря, а также фрагменты керамики. Однако, исследование правого берега р. Куды, которое, по мнению, Витковского являлось перспективным с археологической точ-

ки рассмотрения местом, не принесло никаких результатов.

Исследование археологии в окрестностях Верхнеудинска проводилось и Н. В. Кирилловым, описавшим на данной территории древние могильные плиты, петроглифы, а также останки палеофауны, предположительно отнесенные к мамонтам. Найденные плиты исследователь связывает с древним кочевым населением, а наскальное изображение, в свою очередь, по мнению исследователя имеет связь с первобытной историей. [Кириллов, 1897, с. 136–143]

Археологические исследования отмечены и на территории Якутии. В ходе анализа петроглифов, Н. А. Виташевским были выявлены очертания изображения человека, предположительно держащего в руках орудие. Обнаружены так же очертания наскального изображения лося. В ходе проведенного анализа исследователем были выявлены аналогии с современными на тот момент изображениями нанесенными тунгусами [Виташевский, 1897, с. 280–287].

Таким образом, исходя из анализа, можно прийти к некоторым выводам. Основное отличие Приамурского отдела от Восточно-Сибирского заключается в подходе исследователей к археологическим изысканиям. Для членов Приамурского отдела археологические исследования были лишь побочным результатом от их этнографической, геологической и краеведческой деятельности. Вероятнее всего, это было вызвано

с изначально различными от археологии целями отдела, ставившими в приоритет изучение специфики не познанного полностью к тому времени региона. Можно предположить, что большую важность к тому моменту составляло изучение сфер наиболее связанных с практическим освоением «подконтрольной» отделу территории, в то время как исследование его древней истории, возможно, не было в тот момент так актуально. ВСОИРГО, в свою очередь продолжал начатое ранее археологическое исследование территории Восточной Сибири. Целенаправленные археологические изыскания были регулярны и имели широкий территориальный масштаб. Имея перед собой богатую исследовательскую традицию, ВСОИРГО продолжал реализовывать ранее начатый курс на разносторонние исследования, в числе которых с начала 1880-х гг. прочно обосновалась археология. Археологические исследования Восточно-Сибирского и Приамурского отделов в конце XIX в., оказали влияние археологов XX столетия, например, А. П. Окладникова [Окладников, 1976 с. 76]. Таким образом, не смотря на различное место археологии в системе приоритетов отделов, проведенные в изучаемый период исследования оказали своё влияние на изучение древней истории региона.

*Научный руководитель – Г. В. Оглезнева,
канд. ист. наук, доцент
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Виташевский Н. А. Изображение на скалах по реке Олёкме // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 28. Вып. 4. С. 280–287.
2. Еленев А. С. Заметка к археологии окрестностей г. Иркутска // Известия ВСОИРГО. 1894. Т. 24. Вып. 1. С. 92–96.
3. Кириллов Н. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 28. Вып. 2. С. 136–143.
4. Маргаритов В. П. Камчатка и ее обитатели // Записки Приамур. отдела Император. Рус. географ. о-ва. 1899. Т. 5. Вып. 1. С. 123–137.
5. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья // Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.

Archaeological research of the East Siberian and Amur departments of the Russian Geographical Society at the end of the 19th century: comparative characteristics

Yeremeyev A.V.

The article presents the results of an analysis of archaeological research conducted by Eastern Siberian and Amur region departments of Russian geographical society at the end of the XIX century. The comparative analysis is based on a research of a frequency of archaeological research papers and characteristics of published research papers published in the period from 1894 to 1900 in the departments. 4 research papers related to archaeology were discovered in this period in the Amur region department's publications. Discovered archaeological material was only a part of the main theme of

the research papers related to local studies. 6 research papers related to archaeology were discovered in Eastern Siberian department's publications. Archaeologists from this department continued previously started archaeological researches that had wide territorial scale. Archaeological researches by Eastern Siberian and Amur region departments influenced archaeologists from this regions further.

Keywords: VSOIRGO, Amur region department, the end of the 1890s., analysis of archaeological research

Еремеев Артем Витальевич

Магистрант 1-го года обучения

Иркутский государственный университет

e-mail: artem2112eremeev@gmail.com

Eremeev Artem Vitalievich

Graduate student 1st year

rkutsk State University

I e-mail: artem2112eremeev@gmail.com

УДК 82:004(092)(571.52)

Digital биография* М. Б. Кенин-Лопсан

Ю. Р. Кара-Хуна

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Целью данной статьи является представление биографии легендарной личности, доктора исторических наук, Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана с помощью цифровых технологий. Он внес большой вклад в изучение и возрождение шаманизма в Туве. Репрезентация его трудов и биографии в цифровом формате необходима для знакомства молодежи с научной деятельностью.

В современном мире, когда у каждого человека есть личные гаджеты, информацию люди привыкли воспринимать в цифровом виде, чаще всего это сайты в интернете, что гораздо доступнее и понятнее нынешнему пользователю телефонов. Перечисляя достоинства цифрового формата, следует также упомянуть о доступности приложения Glide, информацию из которого можно воспроизвести на мобильном устройстве вне зависимости от времени суток. Актуальность в том, что в Туве еще не практикуется представление биографических и научных материалов с помощью интернет-ресурсов. Более того, это первая работа такого рода. Большинство репрезентативных проектов создаются традиционными способами, анализируя личность со всех сторон поэтапно. Наш проект рушит

эту консервативность. На одной платформе будет собрана вся информация про определенного человека, пользователь может вводить поисковый запрос по материалам, т.е. в данном случае подразумеваем труды, биографические данные М. Б. Кенин-Лопсана. Целое приложение посвящено одной личности, его жизни, творчеству и влиянию на культуру в целом.

Поэтому можно говорить о преимуществе digital формата по сравнению с бумажным носителем. Glide как платформа удобна для цифрового представления различных материалов в более мобильной форме. Жизнь учёного и шамана разделена на четыре этапа:

- 1) детство;
- 2) становление как этнографа;
- 3) научная деятельность;
- 4) литературное творчество.

Также добавлены страницы, содержащие ссылки на его труды, диссертации, в особенности книги и поэзию. Аудио и видео ресурсы содержат его научные труды и поэтические произведения.

Биография Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана интересна поскольку он жил и творил в разные исторические периоды Тувы,

* <https://go.glideapps.com/app/OtIYbzOazM6g55VmMre4/layout> – созданное нами приложение в платформе Glide (биография М. Б. Кенин-Лопсан)

начиная с ТНР и до современной Тувы. Перипетии истории отражены в его деятельности. Кенин-Лопсан имеет уникальную судьбу, будучи потомком шаманов, в советский период он собирал материалы по шаманизму и после распада СССР, начинает возрождение шаманизма, запрещенного ранее. За свои заслуги он был удостоен почетного звания «Живое сокровище шаманизма» в 1994 году. [Самдан, 2019] В ресурсе использованы различные форматы, в том числе интерактивная карта, на которой размещены места его учебы и работы, связанные с его литературным творчеством, аудио с записанными отрывками из его произведений. Проект digital биографии выдающейся личности является проектом цифрового сохранения и репрезентации нематериального культурного наследия и направлен на популяризацию науки.

Методика создания проекта в данном мобильном приложении Glide состоит из нескольких этапов. Собранный материал по истории и

деятельности М. Б. Кенин-Лопсана был отобран и отредактирован. Были записаны аудио файлы и созданы видеоматериалы. Следующий этап загрузка всех материалов в Google-таблицы. Затем загружаем данные в приложение, где редактируем настройки для лучшего визуального отображения в виде сайта или мобильного приложения.

Таким образом, в цифровую эпоху сохранение и представление нематериального культурного наследия возможно с помощью разработанных веб-приложений, что способствует приобщению молодежи и широкого круга пользователей мобильных телефонов к истории личности и его вклада в науку и культуру Тувы.

*Научный руководитель – В. М. Дамдынчап
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории,
археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

1. Самдан З. Б. Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. 2019, № 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.13 [Электронный ресурс] URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/872> (дата обращения: 06.06.22 г.).
2. Приложение Glide [Электронный ресурс] // URL: <https://www.glideapps.com/>

Digital biography of M.B. Kenin-Lopsan

Y. R. Kara-Khuna

This article reviews the biography of the living treasure of shamanism Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan in the format of the digital application Glide. Our project is structured for the convenience of users and includes interviews with his daughter, his scientific papers and books. A step-by-step development of the application is also presented. This format was chosen for a reason - in our time, this type of presentation of information is especially popular, which makes the research relevant and useful at the present time.

Keywords: Glide, Internet resource, biography, Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan, shamanism, mobile application.

Кара-Хуна Юлия Родионовна

Студентка 2 курса

Тувинский государственный университет

e-mail: karaxuna@inbox.ru

Kara-Khuna Yulia Rodionovna

student 2nd year

Tuva State University

e-mail: karaxuna@inbox.ru

Археологические исследования С. И. Вайнштейна в Туве

У-С. Г. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Актуальность темы обусловлена тем, что роль и вклад С. И. Вайнштейна велика, благодаря ему выявлена специфика культуры тувинского народа, его труды до сегодняшнего дня вызывают интерес для ученых всего мира.

Научная новизна состоит в том, что Севьян Израилевич в ходе полевых исследований создал этноархеологическую коллекцию Национального музея Республики Тыва, изучил темы родства и прочность межнациональных связей, а также раскрыл особенности истории тувинского народа.

Цель статьи – вклад и роль С. И. Вайнштейна в археологических исследованиях Тувы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: подробный анализ археологических данных во время исследования, оценка роли Вайнштейна в археологической науке Тувы.

С. И. Вайнштейн обследовал древние памятники Тоджи (1951 г.), Юго-Восточной Тувы (1952), руководил раскопками в долине реки Уюк (Пий-Хемский район, 1953), где были открыты памятники бронзового века. Провёл раскопки скифского могильника (на Алашском плато, у горы Казылган, в горах Западной Тувы (1954 г.)), по итогам которых выделил казылганскую культуру (в литературе для памятников Тувы скифского времени используются и другие наименования: уюкская культура, по Л. Р. Кызласову; алды-бельская и саглынская культуры, по А. Д. Грачу, и др.). При участии Вайнштейна экспедиция в районе реки Хемчик открыла стоянку Ийме, одну из первых палеолитических стоянок Тувы. [Вайнштейн, 1959, с. 268]. Он инициировал раскопки древней крепости Пор-Бажын на островке посреди озера Тере-Холь (в 1957 г.). Севьян Израиле-

вич собрал коллекцию произведений народного искусства тувинцев (камнерезные работы из агальматолита и серпентинита, резные изделия из дерева и кости, образцы кузнечного ремесла). Их составление было частью собрания декоративно-прикладного творчества этого музея. [Вайнштейн, 1959, с. 260].

За это время, с 1959 по 2008 гг. Вайнштейн был сотрудником Института этнографии. Полевые исследования проводил в Туве и Хакасии, в Иркутской области и Горном Алтае, в Монголии. Был одним из руководителей экспедиции, возглавляемой Л. П. Потаповым в Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (1957–1966 гг.). В 1963 г. в составе Тувинской комплексной экспедиции возобновил раскопки крепости Пор-Бажын, на территории которой обнаружены развалины дворца. Описывая этот памятник, Вайнштейн выдвинул гипотезу о времени и обстоятельствах его постройки. 1969 г. защитил докторскую диссертацию по истории тувинского народа «Происхождение и историческая этнография тувинского народа». [Вайнштейн, 1959, с. 268].

Таким образом, фундаментальное исследование, которое изучал С. И. Вайнштейн, не только заполняет большую часть пробелов в изучении этнографии тувинского народа, но и открывает новые возможности для изучения важнейших вопросов хозяйственно-культурной истории кочевничества во всемирной истории.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории,
археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. (Предварительное сообщение по материалам археологических исследований 1957–1958 гг.) // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. VII. С. 260–274.

Archaeological research of S.I. Weinstein in Tuva

Oorzhak U-S.G.

This article structures the archaeological data given in the reports of S.I. Weinstein's research expeditions conducted on the territory of Tuva. As a result, he discovered dozens of archaeological sites, studied the folk art of the Tuvan peoples, the economic and social culture of the Todzhin reindeer herders of the late XIX – early XX century.

Keywords: S. I. Weinstein, archeology, Tuva, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, TNIIYALI.

Ооржак Уран-Сай Георгиевна

Студентка 2-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: uoorzhak3@gmail.com

Oorzhak Uran-Say Georgiyevna

IF student, 2nd year

Tuva State University, Kyzyl, Russia

e-mail: uoorzhak3@gmail.com

УДК 902(571.5)

Археологические исследования Восточной Сибири и «Известия ВСОИРГО» как публикационная площадка*

О. Р. Рахматуллина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Исследуя периодическую печать в качестве источника по истории археологических изысканий в Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв., основным печатным органом мы назовем «Известия Восточно-Сибирского Отделения Императорского Русского Географического Общества». Это обусловлено чрезвычайной содержательностью специального издания и многоплановостью представленных в нем материалов [Рахматуллина, 2021a]. Целевая аудитория журнала состоит из ученых-профессионалов естественных и гуманитарных направлений, что определяет первостепенную значимость «Известий ВСОИРГО» в ходе анализа и подбора подходящих данных. Столь богатое полезными, а зачастую уникальными, сведениями по археологии Восточной Сибири издание до сих пор не становилось еще предметом специального исследования, и, соответственно, целенаправленный подбор материалов, так или иначе касающихся истории изучения древностей региона, не проводился. Следствием этого обстоятельства, к сожалению,

может стать окончательная утеря интереснейших сюжетов и ярких страниц тернистого пути становления и развития сибирской археологии как важного научного направления.

«Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества» – главный источник в ряду периодических изданий по изучению истории археологических исследований региона [Рахматуллина, 2021b]. Свой печатный орган появляется у СОИРГО уже в 1856 г. – «Записки СОИРГО». Здесь публиковались научные труды местных исследователей, отчеты о проведенных экспедициях, различные краеведческие статьи, протоколы заседаний общества и распорядительного комитета. С 1870 г. вместо «Записок» стали издаваться «Известия СОИРГО» (с 1878 г. – «Известия ВСОИРГО»), которые после революции были переименованы в «Известия ВСОИРГО», а сам Восточно-Сибирский отдел вплоть до начала 30-х гг. XX в. руководил всей научно-исследовательской работой в означенном регионе [Рахматуллина, 2022].

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

В 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Императорское Русское Географическое Общество, сразу же развернувшее обширные экспедиции. С открытием в Иркутске в 1851 г. местного отделения ИРГО исследовательская деятельность региона заметно оживилась. Активному изучению подверглись ранее упущенные из объектива Общества области. Анализируя содержание «Известий» по географическому принципу, отметим ряд наиболее часто упоминаемых регионов: Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, территория современной Иркутской области, отчасти Приамурье, Магаданская область, зарубежные территории: Монголии и Китая.

Большое внимание ВСОИРГО уделяло археологическим исследованиям Восточной Сибири. Со страниц «Известий» мы можем почерпнуть полезные сведения о деятельности Д. Давыдова (раскопки погребений позднего железного века) и А. Павлуцкого (исследование курганов) в Забайкалье; И. С. Полякова (раскопки погребений и описание подъемного материала) в Бурятии; Н. И. Попова (исследование писаниц, письменных памятников, каменных изваяний), И. Т. Савенкова (исследование палеолита на Афонтовой горе), Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха (там же) в Красноярском крае; Н. М. Ядринцева (изучение орхонских надписей) – в Монголии; И. Д. Черского (исследование фауны, окружавшей древнего человека), Н. Н. Агапитова (изучение флоры и фауны послеледниковой эпохи, исследование древних городищ), Н. И. Витковского (раскопки китойских погребений), М. П. Овчинникова (исследование материалов Глазковского предместья, изучение материалов Верхоленской горы), Б. Э. Петри (изучение стоянок древнего человека на Байкале, исследования в Кудинской долине), П. П. Хороших (изучение древностей острова Ольхона и т.д.), В. И. Сосновского (раскопки в окрестностях с. Суховского) в пределах г. Иркутска и Иркутской губернии.

«Известия» сохранили для нас изображения многих предметов, погибших в Иркутском пожаре 1879 г., от чего значимость их многократно возрастает. Описание многих наскальных изображений и памятников древнего искусства, ныне погибших, живы в трудах исследователей, их изучавших.

Выделяя регионы-лидеры по количеству статей и упоминаний в рассматриваемом нами

периодическом издании, назовем Республику Саха (Якутия). Практически все исследования в Якутии производились членами ВСОИРГО, это обстоятельство подтверждается, например, первыми раскопками грунтовых погребений, которые были выполнены преподавателем Якутской прогимназии и действительным членом ВСОИРГО Н. Г. Сарычевым в 1888 г. на Тыгыновом кургане в г. Якутске [Бравина, Попов, 2008]. Так или иначе, всякая археологическая деятельность в регионе была напрямую связана с Отделением ИРГО, располагавшимся в Иркутске. В течение длительного промежутка со второй половины XIX до начала XX вв. «Известия ВСОИРГО» играли роль единственной публикационной площадки для исследователей самого большого и самого холодного региона России.

Обособление от столицы Восточной Сибири в сфере географических и сопутствующих исследований произошло лишь с открытием в Якутске местного отделения – ЯОИРГО, состоявшимся в 1912 г. В «Известиях» печатали свои труды такие знаменитые исследователи, как Н. Л. Геккер, Н. А. Виташевский, Н. Г. Сарычев, Н. М. Козьмин и др.

С открытием собственного отделения ИРГО в Якутске начался обмен периодическими изданиями с научными обществами всей страны. Не стал исключением и Иркутск, посылающий в холодную столицу экземпляры «Известий ВСОИРГО» и другие свои издания, в т. ч. отчеты. Об этом исследователь может узнать из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия), где хранится инвентарный каталог библиотеки Якутского отделения Русского Географического Общества [НА РС(Я). Ф. 490–И. Оп. 1. Д. 70. Л. 58, 151–155]. Здесь же хранится переписка с различными учреждениями России о текущей работе Якутского географического общества и Якутского областного музея, из которой мы можем узнать о теплых товарищеских отношениях между ВСОИРГО и ЯОИРГО, выразившихся в передаче приветствий друг другу [НА РС(Я). Ф. 490–И. Оп. 1. Д. 50. Л. 14]. Нерушимая связь между региональными отделениями ВСОИРГО в Иркутске и Якутске способствовала сохранению традиции публиковать результаты археологических исследований территории Якутской области в иркутских «Известиях», бывших главнейшим

научным периодическим изданием Восточной Сибири.

Так, на примере Якутии мы рассмотрели влияние ВСОИРГО на исследования в отдаленных краях необъятной Восточной Сибири. Подобная ситуация наблюдается и в других географических направлениях. «Известия» были объединяющей площадкой для ученых, специализирующихся на всестороннем изучении разных уголков Восточной Сибири. Научный журнал буквально концентрировал в себе всю научную деятельность в регионе. ВСОИРГО, сохраняя и укрепляя взаимоотношения с вновь образующимися учреждениями (музеями, научными обществами и т.п.) поддерживало и ученых-путешественников, трудящихся во благо науки в Забайкалье, Красноярском крае, Монголии, Якутии, на Дальнем Востоке и т.д.

«Известия» являются одним из важнейших источников по истории археологического изучения Восточной Сибири в конце XIX – нача-

ле XX вв. Сохранившуюся на страницах журнала информацию невозможно не признать уникальной в своем роде в силу особенностей указанного времени. За неимением на местах еще собственной сложившейся научной школы, результаты всевозможных физико-географических и историко-этнографических изысканий, которые велись на территориях всей Восточной Сибири, оседали в печати ближайшего учреждения, имеющего уже налаженную систему организации исследовательской и публикационной деятельности.

Уникальная историческая значимость и историографическая актуальность «Известий» для изучения истории археологического исследования Восточной Сибири совершенно неоспорима. Обнаруживая широчайший географический охват, «Известия» вводят в археологическую науку второй половины XIX – первой половины XX вв. новейшие археологические открытия, сделанные на территории бескрайних просторов тайги и тундры.

Список источников

1. Инвентарный каталог библиотеки Якутского отделения Русского Географического общества // НА РС(Я). Ф. 490–И. Оп. 1. Д. 70. Л. 58, 151–155.
2. Переписка (телеграфная) с различными учреждениями России о текущей работе Якутского географического общества и Якутского областного музея за 1915–1923 гг. // НА РС(Я). Ф. 490–И. Оп. 1. Д. 50. Л. 14.

Список литературы

1. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
2. Рахматуллина О. Р. Археологические исследования Восточной Сибири в «Известиях ВСОИРГО» // Материалы LXII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2021а. С. 24–25.
3. Рахматуллина О. Р. Периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири второй половины XIX – первой половины XX вв. // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Азии. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2021б. С. 70–76.
4. Рахматуллина О. Р. Периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: предварительный обзор // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 67–77.

Archaeological research of Eastern Siberia and «Izvestiya VSOIRGO» as a publication platform.

O. R. Rakhmatullina

The article discusses the role of the VSOIRGO as a platform for the publication of archaeological research materials on the territory of Eastern Siberia in the late 19th — early 20th centuries. It is concluded that for this territory Izvestia is the main and, at times, the only way to introduce the results of scientific research into scientific circulation. The areas of activity of the employees of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society are described in detail. The interaction between various departments of the IRGS is considered, materials of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) are cited as confirmation. The directions of archaeological research in Eastern Siberia, which are settled in Izvestia, are traced.

Keywords: Eastern Siberia, archeology, periodicals, Izvestiya VSOIRGO, YaOIRGO, Yakutia.

Рахматуллина Олеся Рустамовна

магистрант 1 года обучения

Иркутский государственный университет

e-mail: Olesya_kharisova@mail.ru

Rakhmatullina Olesya Rustamovna

Graduate student 1st year

Irkutsk State University

e-mail: Olesya_kharisova@mail.ru

УДК 39(571.52)

Музейная деятельность Светланы Монгушевной Биче-оол

М. М. Сат

Тувинский государственный университет, Республика Тыва, Россия

С. М. Биче-оол (1937–2012 гг.) – кандидат исторических наук, Заслуженный деятель науки Республики Тыва, выпускница исторического факультета Московского государственного университета. С 1963 г. работала заведующей отделом дореволюционной Тувы Республиканского краеведческого музея имени 60-ти богатырей, с 1966 г. была переведена в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и до конца жизни работала там заведующей сектором социологии.

Чтобы показать «творческую лабораторию» молодого специалиста музея в первые годы трудового стажа, мы изучили архивные материалы о научной деятельности С. М. Биче-оол, которые состоят из двух частей: полевые исследования и непосредственно музейная работа, в том числе по комплектованию фондов. Как член фондово-закупочной комиссии музея она принимала непосредственное участие в отборе материалов для закупки или для принятия в фонды музея.

В 1962 г. научные сотрудники музея С. Биче-оол и Е. Ш. Байкара собрали в центральных районах Тувы этнографические предметы в количестве 173 единиц предметов. В коллекцию входят разнообразные предметы быта, в том числе деревянные сосуды с орнаментом, кожаные сосуды (тиснения по коже), аппарат для гонки араки, женские и мужские украше-

ния, предметы религиозного культура. Позже они были включены в постоянную экспозицию музея [НМРТ, КП № 3]. В 1966 г. во время командировки в Овюрский район С. М. Биче-оол в селе Торгалык были приобретены предметы по этнографии. Многие были переданы в дар. Это сундуки – аптара, охотничья шуба, огниво – оттук, корыто для продуктов – деспи, треножник, колыбель – кавай, охотничья сумка, обереги – эвегелчин ээрен, кожаные мешки – барба и др. В 1967–1970 гг. собирала материалы по теме «Система родства тувинцев» в различных районах Тувы [НМРТ, научный архив, дело № 339].

В опрос входили наименование рода, селение, местность, дата заполнения, фамилия, имя, отчество, год рождения, фамилия и имя собирателя. Причем в своей полевой записи ответы информантов были на тувинском языке. Вопросы для информантов были следующие:

1. Из какого рода обычно берут себе в жены члены данного рода?
2. В какой род обычно отдает женщин данный род?
3. Разрешаются ли браки между детьми двух братьев или между детьми двух сестер?
4. Если между детьми братьев или между детьми сестер браки не разрешаются, то не допускается ли в следующем поколении т.е. между внуками братьев или между внуками сестер?

5. Расспросить у стариков, не помнят ли они случаев брака между детьми брата и сестры.

6. Встречаются ли случаи, чтоб мужчины взаимно женились на сестрах друг друга?

7. Разрешается ли мужчине жениться на дочери своего брата или на дочери своей сестры?

8. Считается ли обязательным или желательным для вдовы выйти замуж за одного из братьев своего покойного мужа?

9. Существует ли обязанность для вдовца жениться на одной из сестер покойной жены или какой-либо другой ее родственнице?

10. По теме «Степень родства» выявлено 141 термин. Так, интересные информации были получены в селах Тээли Бай-Тайгинского и Шеми Дзун-Хемчикского районов, а также в местности Манчурек Сут-Хольского района и т.д.

С. М. Биче-оол выбрала такие родо-племенные группы, как монгуш, салчак, ооржак,

саая, ондар и хертек, т.е. жителей западных районов. Основными результатами полевых исследований Светланы Монгушевной стало написание кандидатской диссертации «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве», которую защитила в 1974 г. в Ленинграде.

С 1985 г. и до конца своей жизни была членом Ученого совета Национального музея РТ. Ее советы, конечно, были дороги и ценны молодым сотрудникам. По просьбе музея она проводила методический семинар «Методика проведения полевых исследований».

*Научный руководитель – А. О. Дыртык-оол,
канд. ист. наук, доцент,
зав. отделом методического сопровождения
по вопросам истории и этнографии,
Национальный музей имени Алдан-Маадыр
Республики Тыва*

Список источников

1. Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. Сектор учета. Книга поступлений №3. Номер основного фонда 4414. (НМРТ, КП №3)
2. Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. Научный архив. Фонд 1, оп. 1, д. 339 «Система родства тувинцев, собранные в различных районах Тувы в 1967-1970 гг. Составитель вопросника и собиратель С.М. Биче-оол». 55 л.
3. Научный отчет С. М. Биче-оол «Система родства тувинцев».

Museum activities of Svetlana Mongushevna Biche-ool

M. M. Sat

In this work, the author showed the «creative laboratory» of the famous scientist of Tuva, ethnographer Svetlana Mongushevna Biche-ool, who worked in the Tuva Museum of Local Lore in the first years after graduating from Moscow State University. Museum documentation has been studied, showing field research on the ethnography of Tuvans.

Keywords: S.M. Biche-ool, museum, field research, acquisition of funds.

Сат Милана Менгиевна,

студентка 4 курса исторического факультета
Тувинского государственного университета
e-mail: milana.sat02@gmail.com

Sat Milena Mengievna

4th year student of the Faculty of History
Tuva State University
e-mail: milana.sat02@gmail.com

3D-технологии в археологических исследованиях: из опыта Научно-исследовательского центра «Байкальский регион» ИГУ*

А. Б. Спасибко

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Большой скачок в развитии компьютерных технологий в археологии связан с внедрением и развитием такой сферы, как 3D-технологии, а именно с 3D-сканированием и 3D-печатью. Однако в настоящее время не все связанные с археологией музеи и учреждения в России используют 3D-технологии, хотя общепризнанно, что они весьма перспективны и могут применяться для многих работ в археологии [Возможности применения трехмерного ... , 2020].

В первую очередь слабое распространение 3D-технологии связано с трудоемкостью процесса и высокой стоимостью оборудования для сканирования и печати, а также комплектующих к ним [Вавулин, Зайцева, Пушкарев, 2014, с. 21–37]. Кроме того, сказывается отсутствие специалистов, готовых заниматься данной работой. Археологические находки являются достаточно сложными объектами с точки зрения геометрии. Ни один археолог без специальной подготовки и теоретической базы не сможет самостоятельно реализовать трудоемкий проект по качественной оцифровке объекта.

В то же время польза от внедрения 3D-сканирования в данную область превосходит отрицательные показатели.

Создание высокодетализированных 3D-моделей археологических объектов позволяет размещать их в сети интернет и использовать для последующего создания копий. Работа с 3D-сканами дает возможность воспользоваться услугами и помощью специалистов по всему миру. Благодаря 3D-технологиям можно детально изучить реплику артефакта (скачать ее или распечатать), исключая опасности повреждения при перемещении хрупкого и светочувствительного оригинала. Некоторые

объекты не подлежат транспортировке вообще и при проведении исследований могут быть полностью утрачены из-за своей хрупкости, плохой сохранности или по иным причинам.

Кроме того, 3D-сканирование может помочь в восстановлении первоначального облика археологического объекта. С помощью современных программ и алгоритмов есть возможность виртуально восстанавливать недостающие части, керамических сосудов, костяных и каменных изделий.

Современные технологии также открывают доступ к виртуальным выставкам. Виртуальная демонстрация предмета не заменит подлинного знакомства с ним, но в ситуации недоступности музеев, как, например, в период пандемии 2020 г., виртуальные экспозиции становятся крайне востребованными. Виртуальные выставки также помогают сделать результаты полевых работ доступными широкому кругу лиц, интересующихся археологией. Современные технологии позволяют предоставлять для выставок объекты как небольшого размера, так и крупные – памятники архитектуры (монументы, здания) и даже целые архитектурные комплексы [Вавулин, 2016, с. 55–60].

Таким образом, 3D-сканирование помогает сохранять информацию и внешний вид артефактов в цифровом виде с высокой точностью, показывая результат отклонения менее 1 мм.

В археологии могут использоваться разные модели 3D-сканеров и 3D-принтеров, а их характеристики обусловлены размером объекта, требуемым качеством модели, предполагаемым местом использования и ценовым диапазоном.

В зависимости от того, для каких целей планируется создавать модель и каковы размеры сканируемого объекта, необходимо ис-

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 от 08.06.21: «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

пользовать оборудование с соответствующими параметрами. В Научно-исследовательском центре «Байкальский регион» Иркутского государственного университета используется такие 3D-сканеры, как RangeVision Spectrum (для высокоточного сканирования предметов среднего и небольшого размера) и Shining 3D (для больших объектов) [3D моделирование археологических ... , 2019, с. 102–112].

Для получения требуемого результата, в 3D-технологиях существуют свои правила и методики. На основе исследований, ведущихся в НИЦ «Байкальский регион», рассмотрим основные проблемы, возникающие при внедрении и освоение этой технологии в практику.

Во-первых, перед началом работы с оборудованием необходимо надлежащим образом подготовить рабочее место. Для каждой модели сканера есть свои особенности при оборудовании рабочего места. Но для большинства современных приборов это должно быть место с равномерным освещением, желательно без искусственного освещения, так как чересчур яркий направленный свет ламп может стать дополнительной помехой при сканировании. Также – желательно организовать ровный однотонный фон.

Сканирование крупных объектов, от 30 см и больше, требует некоторой сноровки и опыта. Поэтому осваивать 3D-технологии рекомендуем с объектов малых размеров.

Для знакомства с 3D-сканированием идеально подойдут изделия небольшого размера, от 10 до 30 см, которые можно разместить на поворотном столике. Такие объекты не будут слишком малы, что позволяет легко определять границы объекта, и не слишком большие, что дает возможность разместить объект в пределах рабочей области, чтобы избежать дополнительной работы по «склеиванию» разных частей отсканированного объекта.

Некоторые археологические объекты перед оцифровкой требуют дополнительной обработки. Например, кольца из белого нефрита, как и любые другие предметы с высокой степенью блеска и отражения света, требуют обработки специальным спреем перед началом сканирования. Иначе 3D-сканер не «увидит» сканируемый объект.

Печать готовых моделей археологических находок также имеет свои особенности. Для 3D-печати в НИЦ «Байкальский регион» ис-

пользуется принтер Raise 3D Pro (технология FDM) и универсальный PLA-пластик.

Несмотря на большое количество пособий, советов и инструкций в сети интернет по работе с данной моделью 3D-принтера, для каждого отдельного проекта приходится подбирать новые настройки. Нередко опытным путем и часто не с первого раза все получается.

Например, при печати оцифрованной модели черепа человека из раннеолитического погребения на Шумилихе (раскопки 1999 г.), было выявлено большое количество нюансов [Горюнова, 2002, с. 5–14]:

1. **Настройки высоты слоя.** Если слой слишком высокий, то пластик не будет прилипать друг другу. Будут оставаться пустоты в модели. При этом, чем выше должно быть качество модели и чем детальнее должен получиться образец, тем тоньше должны быть слои. Но если слои будут слишком узкими, то пластик начнет стекать с модели, что навредит качеству печатаемой модели.

2. **Скорость печати.** Казалось бы, чем выше скорость печати, тем быстрее будет напечатана модель. Но на высоких скоростях печати печатный модуль резко перемещается на острых углах своей траектории, что приводит к раскачиванию всего принтера. В итоге, печатаемая фигура может сместиться или упасть. Кроме того, высокая скорость печати приводит к более быстрому износу деталей принтера.

3. **Использование поддержки.** Для того, чтобы напечатать модели с нависающими деталями, по типу буквы «Г», используют дополнительные поддержки. Их можно использовать при печати любого объекта для придания ему устойчивости. Однако после удаления поддержки на модели остаются характерные следы, которые требуют дополнительной обработки. На мелких деталях, например, такая обработка очень сложна, а в ряде случаев практически невозможна.

4. **Использование водорастворимого пластика.** В некоторых случаях в качестве поддержек целесообразно использовать водорастворимый пластик (PVA). Однако это возможно только для принтера с двумя экструдерами для подачи пластика двух разных видов во время печати. Кроме того, для пластика разных видов необходимы разные настройки печати, которые подбираются опытным путем. Отметим также довольно высокую стоимость водорастворимого пластика.

5. **Толщина стенок.** При последующей обработке стираются верхние слои напечатанной модели. Если толщина стенки модели будет недостаточной, то в процессе обработки высока вероятность «протереть модель до дыр».

6. **Время печати.** Хотя сами пластиковые модели имеют широкий спектр применения, время их печати может достигать нескольких дней и даже недель, в зависимости от размера модели, качества и скорости печати.

Внедрение 3D-технологий в археологические исследования НИЦ «Байкальский регион» ИГУ находится пока на начальном этапе. При помощи современных технологий создаются высокодетализированные модели и копии ценных археологических находок. Например, скульптурные изображения лося из раскопок некрополя китайской культуры. Печатные фигурки в натуральную величину по-

зволяют без ущерба для оригинала проводить их изучение и измерение. После необходимой обработки их можно не только выставлять в музее, но и предоставлять посетителям возможность взять экспонат в руки.

В будущем планируется использовать 3D-технологии для восстановления поврежденных и не сохранившихся частей археологических находок. Также в разработке находится проект по реконструкции облика древнего человека, по материалам раннеолитического погребения Шумилиха. Планируется не только воссоздать внешний облик, но и сделать инсталляцию, используя копии орудий, найденных в захоронении.

*Научный руководитель – И. М. Бердников,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., зам. директора
по науке НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы:

1. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета / П. В. Чистяков, В. С. Ковалев, К. А. Колобова, А. В. Шалагина, А. И. Кривошапкин // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019. С. 102–112.
2. Вавулин М. В. Технологии трехмерной оцифровки крупных автономных археологических объектов // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 407. С. 55–60.
3. Вавулин М. В., Зайцева О. В., Пушкарев А. А. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. Томск, 2014. № 4. С. 21–37.
4. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века / К. А. Колобова, А. В. Шалагина, П. В. Чистяков, Е. Н. Бочарова, А. И. Кривошапкин // Сибирские исторические исследования. Томск, 2020. № 4. С. 240–260.
5. Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2002. 84 с.

3D technologies in archaeological studies: From the experience of the Scientific Research Center “Baikal Region” of ISU

A. B. Spasibko

3D scanning and 3D printing technologies have great prospects in the development of archaeology. With the help of 3D technologies, it is possible to create high-precision models of archaeological objects and their printed copies. Such replicas can be used, for example, for further research or as exhibits for virtual exhibitions. However, the introduction of 3D technologies in the field of archeology is accompanied by some risks. This is the lack of qualified employees to work with technologies and the high cost of the equipment and components themselves.

Using the example of the Scientific Research Center “Baikal Region” of ISU, some features and nuances of using modern 3D technologies for creating replicas and virtual models of archaeological objects were considered.

Keywords: 3D technologies, scanning of archaeological objects, 3D printing.

Спасибко Александра Борисовна

магистрант 1 года обучения

Иркутский государственный университет,

стажер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»

e-mail: alekspbor@gmail.com

Spasibko Alexandra Borisovna

1st year Graduate Student

Irkutsk State University

trainee researcher of the Scientific Research Center “Baikal Region”

e-mail: alekspbor@gmail.com

К вопросу о проблеме неопределенности понятия «археологическая находка» в правовом аспекте

О. В. Сулова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В декабре 2021 г. были внесены изменения в Федеральный Закон № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». [ФЗ № 73, под редакцией 21.12.2021] Именно в этом правовом акте озвучены ключевые пункты отношения государства к культурному, а в данном случае к археологическому наследию. Общеизвестно, современное состояние материального культурного наследия, является предметом споров с правовой точки зрения. Правовой статус позволяет, четко закрепить археологический объект (находку) в юридической системе и гарантирует охрану историко-культурного археологического наследия. В свою очередь охрана историко-культурного наследия является приоритетной задачей, особенно в свете последних мировых событий. Связано это с тем, что культура находит свое отражение в разнообразных ценностях, одним из видов которых являются археологические находки. В 2021 году была предпринята попытка разрешить ряд проблем. О необходимости создания дополнительных, уточняющих подзаконных и нормативных актов, которые стали бы работать совместно с нормами законодательства о земле, собственности, лесных и водных ресурсах, говорилось разными специалистами давно. [Скляревский, 2004, с. 49] Рассмотрим, удалось ли разрешить проблему неопределенности понятия «археологическая находка» в обновленной версии закона.

Стоит отметить, что от СССР, в конце XX века России достался ряд проблем, среди которых плохая охрана и использование в основном в узконаучных целях объектов археологического наследия. [Мартынов, 2012, с. 7] Дабы решить их в 2002 году был принят Федеральный Закон № 73. Уже на следующий год Президент РФ на встрече с учеными озвучивал проблемы неблагоприятного хранения архео-

логического наследия и слабой работе контролирующих и правоохранительных органов. Были предложены найти способы решения проблем. Важной темой стал правовой статус археологических находок, т. к. они являются сложным видом объекта права. Археологический объект объединяет признаки разных категорий вещей, которые попадают под регулирование разных отраслей права (гражданское, административное, земельное и другие отрасли права). Соответственно появляется правовая неразбериха, в результате которой четко виден пробел в правовом регулировании статуса археологических памятников.

Иркутский профессор Г. И. Медведев высказал мнение, что археологи работают прежде всего не с наследием, не с объектами, а с ископаемым технологическим веществом. «Наследие, памятник, объект – это все выражение того самого технологического вещества, которое было создано когда-то человеком и, в принципе, создало самого человека» [Медведев, 2004, с. 38].

Что же такое «археологическая находка»? Есть одно из первых официальных упоминаний. Сибирский губернатор М. П. Гагарин в 1716 доставил Петру I некие «чудские» ювелирные изделия, ссылаясь на повеление царя, «приискать старых вещей... в земле древних поклаж». При этом Петр уточнил, что следовало бы покупать у «бугровщиков» не металл, а сами «куриозные вещи» [Формозов, 1986, с. 17, 126].

Если говорить, о именно археологических находках, то тут идет речь не о редких куриозных вещах, а о виде археологических предметов, способных участвовать в гражданском обороте, и местом обнаружения их является именно земельный участок. В Федеральном законе № 73 впервые в РФ объекты археологического наследия были выделены как особый вид объектов культурного наследия. В этом

же документе дано определение объекта археологического наследия: «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации, о которых являются археологические раскопки или находки». Однако, археологические предметы выделены отдельно. Они как бы «понимаются» под объектами археологического наследия (подразумеваются движимые памятники). Тут же в ст. № 3 указывается, что существует всего три вида объектов культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места (недвижимые памятники). Так что же получается, что археологические находки к видам археологического культурного наследия не относятся? И «черные археологи» не могут привлекаться по данному закону к юридической ответственности, несмотря на то, что их задерживают, находки изымают [Александрова, 2021].

Данное определение, тесно связывает движимые памятники, то есть найденные, с самим объектом, с недвижимым памятником, но при этом в законе отсутствует сам термин «недвижимый археологический памятник». Встает вопрос, как отвечать перед законом ответчику, если четкой формулировки касательно археологической находки нет? Обозначим, что движимые памятники – это, те самые старинные предметы, картины, рукописи, печатные издания, архивы, монеты и др. [Свичкарь, 2013, с. 90]. Но и в эту же категорию, следовательно попадают и «находки», которые так же могут быть редкими и ценными.

Получается нарушителя нужно привлекать совсем по другой статье. В ГК используется категория «находка», под которой понимается именно «потерянная вещь» в ч. 1 ст. 227. [ГК РФ ред. от 25.02.22] Но законодатель исключает использование гражданско-правового понятия «находка» как вещи для обозначения понятия «археологическая находка». «Очевиден пробел в связи с отсутствием в российском законодательстве легального определения понятия «археологическая находка» [Зубенко, 2019, с. 161].

В итоге, учитывая, что правонарушитель и «обладатель» археологической находки не отвечает по ФЗ № 73, т.к. ничего конкретного об археологической находке не говорится, значит в силу вступает КОАП, ст. 7.15.1. [КОАП, ред. от 27.04.22], в котором предусмотрен штраф за незаконный оборот. И многие рассматривают это как небольшой взнос за возможность дальше вести свою деятельность. А УК? Согласно ст. 243 [УК, ред. от 25.03.22], преступники ловятся, протоколы составляются, и их отпускают, за неимением состава преступлений, т.к. для вступления закона в полную силу, нужно, чтобы был нанесен материальный ущерб. Но ценность археологических памятников, в данном случае движимых археологических предметов (в ФЗ № 73), не оговаривается. Получается, работает одна отрасль права (КОАП) и изредка, УК [Мотренко, 2019].

Вывод. Необходимо дать более точную формулировку правового понятия «археологическая находка», в которой будет четко оговариваться отношение к археологическим объектам и будет заявлена стоимость, дабы иметь возможность привлечь к ответственности нарушителей. Новую формулировку внести в ФЗ № 73.

Наиболее подходящий вариант предложила Зубенко Ю. С. из Томского Университета. «Археологические находки – это «движимые уникальные вещи, обнаруженные в земле, представляющие собой культурную ценность и вовлечённые в гражданский оборот.», Данное определение выражает синтез существенных критериев, поскольку мы обозначили, что предметом исследования являются вещи, обнаруженные в земле, из массы культурных ценностей. Археологические находки представляют собой вещи, которые обладают исторической, культурной значимостью и способны удовлетворять и духовные, и материальные потребности людей. Именно культурно-историческая ценность наделяет такие вещи материальным признаком, который делает их способными участвовать в гражданском обороте». [Зубенко, 2017, с. 44] К сожалению, в данном определении, не указана научная ценность. Археологическая находка является важным предметом изучения,

интерпретаций, построения исторических реконструкций, и т.д. В законодательстве не допускается «расплывчатости» терминов и неопределённости правовых понятий, особенно в сфере археологического наследия, и не стоит так же забывать о его научной значимости.

Список литературы

1. Александрова В. А. ФСБ изъяла у «черных копателей» во Владимирской области тысячу редких археологических находок. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/ekstcessi/vo-vladimirskoy-oblasti-uchernykh-kopateley-izyali-tsyachu-redkikh-arkheologicheskikh-nakhodok/> (дата последнего обращения: 06.06.2022).
2. ГК РФ № 51-ФЗ, ч. 1 ст.227 от 30.11.1994 (ред. от 25.02.22) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/b3526f37d7093a56bf084817caeee175f032a3d7/ (дата последнего обращения: 06.06.2022).
3. Зубенко Ю. С. Археологические находки: правовые проблемы. Горно-Алтайск: РИО ФГБОУ ВО «ГАГУ», 2017. 156 с.
4. Зубенко Ю. С. Теоретические основы гражданско-правового режима археологических находок // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 160–172.
5. КОАП № 245, ст. 7.15.1. [Электронный ресурс]. URL: (ред. от 23.07.2013) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/9eab4295dcdfba4c50ed63c07bdf49531a690f22/ (дата последнего обращения: 06.06.2022).
6. Мартынов А. И. Археология. М.: Высшая школа, 2012. 445 с.
7. Медведев Г. И. Состояние ископаемых культурных запасов Байкальской Сибири и меры, необходимые для сохранения и изучения // Сохранение археологического наследия России. 2004. С. 38–39.
8. Мотренко Е. А. Докопались: как не пополнить ряды «черных археологов», 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/885816/elena-motrenko/dokopalis-kak-ne-popolnit-riady-chernykh-arkheologov> (дата последнего обращения: 06.06.2022).
9. Свичкарь И. Г. Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12 (303). История. Вып. 55. С. 90–94.
10. Складчиков М. Я. Проблемы охраны и сохранения объектов археологического наследия // Сохранение археологического наследия России. 2004. С. 49–53.
11. УК РФ, № 63-ФЗ, ст.243 от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/1fb96b14cf73fbc0d19e9674dd18a7dafd6867f2/ (дата последнего обращения: 06.06.2022)
12. ФЗ № 73 (под редакцией 21.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата последнего обращения: 06.06.2022)
13. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М: Наука, 1986. 126 с.

To the issue of the problem of uncertainty of the concept of «archaeological find» in the legal aspect.

O. V. Suslova

The article deals with one of the problems of preserving historical and cultural heritage. In particular, the problem of uncertainty of the concept of «archaeological find» in the legal aspect is highlighted. Clarity of the concept is necessary to avoid problems in different legal spheres. The article describes the consequences of such «uncertainty». Some legislative acts aimed at preserving the historical and cultural archaeological heritage are analyzed. Contradictions in the legislation regarding the section of the law regulating security activities are noted. The result is summed up and a possible perspective is outlined.

Keywords: archaeological heritage, security archeology, archaeological find, «black archeologists», legal terminology.

Суслова Оксана Васильевна

Аспирант

Иркутский государственный университет

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Suslova Oksana Vasilevna

Postgraduate student

Irkutsk State Universiti

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Виртуальный туризм в актуализации наследия среди молодёжи

А. Е. Тандыянова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Москва, Россия

В настоящее время всё большее развитие приобретает онлайн реальность. Во многих сферах успех в виртуальной действительности сегодня ценится и приобретает такую же силу, как и успех в реальной действительности, а где-то даже опережает. Одним из серьёзных показателей данного факта у нас в стране можно считать признание значимости успешных интернет-пользователей представителями высшей власти. В июне 2017 г. состоялся официальный «совет блогеров» в Государственной Думе, где консультировались и прислушивались к мнению блогеров в обсуждении государственных вопросов [Первое заседание Совета блогеров в Госдуме].

Особенно это актуально для молодёжи. Как отмечают А. А. Лисенкова и А. Ю. Мельникова, «Ценностное сознание молодого поколения, как и практически весь современный процесс социализации, протекает в социальных сетях, где они находят круг общения, «своих» и «чужих», дружат и враждуют, являя себя миру через его образное видение» [Лисенкова, Мельникова, 2017, с. 322–329].

Конечно, онлайн реальность не обошла и музейный туризм. Для оценки возможностей музейного туризма в актуализации культурного наследия Республики Алтай среди молодёжи в сети интернет, проводилось научное исследование в форме экспедиции, где одновременно велась её онлайн трансляция. Интернет-пространство было разделено на две категории: официальные сайты и социальные сети. По ходу экспедиции, информация сразу размещалась исследователем на официальных сайтах региональных государственных учреждений культуры и научных электронных журналах. Участники экспедиции раз-

мещали информацию в социальных сетях, т. е. в своих блогах [Блог «Познавай Алтай»].

В ходе анализа анкет участников исследования определилось, что выбор онлайн площадки зависит от сферы занятости её владельца [Заявка на Всероссийский конкурс блогеров «Познавай Алтай»]. Самой популярной социальной сетью среди участников исследования оказалась Instagram, набравшая по четыре и пять тысяч просмотров за пять дней. Активным спросом у молодёжи пользуется в ВКонтakte, за пять дней показала две-три тысячи просмотров. Отдельным пунктом можно выделить YouTube, где молодёжь больше всего просматривает информацию в видео формате. Менее всего просмотров показал Facebook – 78 просторов. Ok.ru из участников экспедиции никто не пользовался.

Успех социального сервиса во многом зависит от содержания и качества представляемой им информации, т. е. контента. Одним из главных критериев онлайн сервиса является качественная картинка передаваемого объекта. В Республике Алтай объекты культурного наследия наглядно представлены слабо. Музеефицированные объекты культурного наследия в регионе с наглядным представлением можно увидеть в государственных краеведческих музеях. Активно создаются частные музеи, которые также представляют культурное наследие республики. Под открытым небом нет ни одного полностью музеефицированного объекта культурного наследия. Поэтому для развития музейного туризма онлайн в Республике Алтай нет базы, нет контента. Эту же проблему отметили представители СМИ и блогеры региона во время исследования.

Из-за возросшей актуальности, активности и мобильности онлайн реальности, в том числе и социальных сетей, в регионе музейный туризм всё же пробивается в онлайн-пространство. Сейчас он представлен существующими региональными музеями. Государственные и частные музеи и центры культуры региона наряду с официальными сайтами [Официальный сайт музея имени А. В. Анохина] также ведут и социальные сети [Этномастерская «Айчус»]. На своих аккаунтах они ведут активную деятельность, выкладывают информационные посты, новости, анонсы, проводят прямые эфиры своих мероприятий и т. д. Такая онлайн работа позволяет сделать музей востребованным и доступным для молодёжи.

В регионе активно развиваются частные культ-блоги, представляющие отдельные части культуры региона. Они ведут активную онлайн жизнь и у них большое количество подписчиков. На таких аккаунтах информация представлена легко и интересно, с качественным фото и видео материалом. Например, один из таких блогов Республики Алтай «Шалтрак» представляет национальный алтайский костюм [Аккаунт «Шалтырак»]. В своём блоге автор рассказывает об особенностях, значениях, стилях, истории национальных костюмов. Ещё до экспедиции ребята узнали о существовании данного блога, познакомились с особенностями алтайского национального костюма и во время экспедиции это был одним из желанных пунктов посещения. Это и есть показатель эффективности виртуального музейного туризма.

В связи с активизацией работы онлайн усложнилась её структура и интерфейс, что отразилось в усовершенствовании инструментов её ведения. Для успешного ведения социальных сетей важен не только интересный материал, но нужно уметь его правильно преподнести. В современное время развитию онлайн интерфейса уделяется большое внимание. Во многих учреждениях как государственных, так и частных имеются отдельные специалисты, которые ведут социальные сети

организации. Это говорит об их востребованности и актуальности.

На момент окончания экспедиции просмотр материалов об экспедиции в социальных сетях её участников составлял 112 тысяч, на официальных государственных сайтах учреждений культуры – 48 просмотров, на научных электронных журналах – 676 просмотров.

Такая онлайн работа позволила обеспечить просмотр и знакомство с выбранными объектами культурного наследия для молодёжи, которая не была в экспедиции. Все публикации сопровождались активными, заинтересованными отзывами, отражёнными в форме комментариев под публикациями. А это и есть показатель достижения цели экспедиции – актуализация и популяризация объектов культурного наследия среди молодого поколения. Таким образом, виртуальный музейный туризм может решить одну из проблем отчуждения молодёжи от культуры – устаревание, архаичность, потерявшие актуальность формы организации досуга молодёжи [Мурзина, 2018, с. 55–59.] и стать новой формой актуализации объектов культурного наследия в молодёжной среде.

Сегодня интернет, социальные сети являются очень значимым фактором в повседневной жизни молодёжи. Интернет – одна из главных форм молодёжного досуга [Мурзина, 2018, с. 55–59.]. Информация, расположенная в социальных сетях, влияет на их мировоззрение, ценности и интересы. Поэтому этот инструмент тоже можно активно применять для привлечения внимания молодёжи к объектам культурного наследия. Интернет – это универсальная площадка, где можно систематизировано уместить всю информацию об объектах культурного наследия в воспринимаемом молодёжью формате. Как отмечают В. В. Касьянов и В. Н. Нечипуренко, интернет «открыл новые возможности для общения, сотрудничества, социализации, взаимодействия и координации между пользователями» [Касьянов, Нечипуренко, 2017, с. 7].

Список литературы

1. Аккаунт «Шалтырак» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/shaltyrak/?igshid=120wc0hvgexr> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Блог «Познавай Алтай» [Электронный ресурс]. URL <https://www.instagram.com/poznavaialtai/> (дата обращения: 03.01.2021).
3. Заявка на Всероссийский конкурс блогеров «Познавай Алтай» [Электронный ресурс]. URL https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSejn4-pRo37T4zM3MojzDj4_078A_SVPvG2L-nwRwHa0ZvNaw/viewform?vc=0&c=0&w=1 (дата обращения: 11.01.2021).
4. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология Интернета. М.: Издательство «Юрайт», 2017. 424 с.
5. Лисенкова А. А., Мельникова А. Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Том. 6. № 4. С. 322–329.
6. Мурзина Е. И. Ценностные ориентации и досуг студенческой молодёжи // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 2 (16). С. 55–59.
7. Официальный сайт музея имени А. В. Анохина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/> (дата обращения: 04. 03. 2021).
8. Официальная страница в сети ВК музея имени А. В. Анохина. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/el_museum (дата обращения: 07.03.2021).
9. Первое заседание Совета блогеров в Госдуме. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2017/5947e6469a794764344b7a27> (дата обращения: 21.03.2021).
10. Этномастерская «Айчус». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/altai.aichus/?igshid=j5nrvlw66eb6> (дата обращения: 25.03.2021).

Virtual tourism in the actualization of heritage among young people

A. E. Tandyjanova

The active development of online reality involves more and more spheres of activity, including the sphere of historical and cultural heritage. This is especially true for young people. The use of the possibilities of real and virtual tourism can become one of the most practical and effective ways to introduce young people to the historical and cultural heritage of their homeland, region, country, because it makes it easy to combine the process of education with recreation, to make the monument modern and popular. The increased relevance, activity and mobility of online reality is reflected in the active increase in online platforms, which also requires a differentiated approach. In this study, the online platform was divided into official websites and social networks of public, private institutions and organizations. Private cult blogs representing separate parts of the region's culture were considered separately.

Keywords: culture of Altai, virtual reality, cultural tourism, historical and cultural heritage, museumification of heritage sites, young people.

Тандьянова Айсылу Ефимовна

Аспирант

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
e-mail: a.tandyjanava@mail.ru

Tandyjanava Aysulu Efimovna

Postgraduate student

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and
Natural Heritage
e-mail: a.tandyjanava@mail.ru

Хоабиньский комплекс – современное состояние изученности. Пещера Там Ханг

А. А. Федорова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Хоабинь (hoabinhian) – комплекс археологических культур палео-мезо-неолита на территории Юго-Восточной Азии. Памятники распространены в горных районах и прибрежных территориях провинций Вьетнама, в пещерах Лаоса, на западе и севере Тайланда, юге Китая, полуострове Малакка, Суматре, Яве и Сулавеси, в Индонезии, Японии, Австралии, в Сибири и на Дальнем Востоке [Борисковский, 1966].

Комплекс имеет огромную территорию распространения, в связи с чем, точную датировку выделить крайне сложно, на сегодняшний день возраст памятников отмечается следующими датами: от 18 тыс. до 6 тыс. л. н. [Viet, Thi Oanh, 2002] или от 13 тыс. до 4 тыс. лет назад [Bellwood, 1978].

Памятники со следами хоабиньской культуры в основном представлены известняковыми пещерами или каменными убежищами, из чего можно сделать вывод, что населявшие их люди использовали естественные укрытия ландшафта. Обнаружение открытой стоянки Сап Вьет (Sap Viet) считается скорее исключением. Погребения зачастую совершались в пещерах или около них.

Облик хоабиньского человека прослеживается между австрало-монголоидом и меланезийцем. Вьетнамские исследователи по найденному скелетному материалу предположили практику канибализма у хоабиньцев.

М. Колани (M. Colani) (1866–1943) исследовала около 100 пещер и стоянок первобытных обитателей Вьетнама и Лаоса и является первооткрывателем этой культуры в провинции Хоа Бинь (Hoa Binh) [Colani, 1927]. Тогда она отнесла её к мезолитическому времени, но по мере углубления изучения становилось понятно, что довольно большой пласт культуры относится к финалу позднего палеолита – началу неолита (финала плейстоцена – начала голоцена).

В 1926 г. М. Колани в гротах местечка Ланг Нео (Lang Neo) и обнаружила топоры, подверженные незначительной оббивке, а также полное отсутствие наконечников стрел, скребков, пластинчатых нуклеусов, что объяснила тем, что орудия изготавливались в основном из бамбука, дерева и раковин. Она выделила в развитии хоабинь 3 этапа [Colani, 1927]: древнейший период, промежуточный период, наименее древний период.

В 1970 г. В. Солхейм (H. W. G. Solheim) также выделял три этапа, непосредственно относящихся к позднему палеолиту, мезолиту и неолиту: ранний (50–20 тыс. л. до н. э.), средний (20–15 тыс. л. до н. э.), поздний (15–2,5 тыс. л. до н. э.). [Solheim, 1970, p. 149]. Исследования 2010–2012 г. опровергли предположения М. Колани и В. Солхейма, посредством обнаружения пережитков культуры хоабинь в слое культуры шонви [Деревянко и др., 2012].

Орудийный инвентарь, характерный для хоабиньской культуры, представлен галечными орудиями (орудиями типа Суматра миндалевидной и дисковидной формы, короткими и длинными топорами, отщепами, небольшим количеством орудий со шлифованным рабочим краем, костяными остриями, скреблами из раковин. Это типичный орудийный набор для распространенных в регионах Юго-Восточной и Восточной Азии позднепалеолитических памятников. 14 C-даты ложатся в диапазоне от 9,3 до 12 тыс. л. н.

Отличительными признаками хоабиньского комплекса является практически полное отсутствие отщеповых орудий и пластин, а также крупные размеры орудий.

Для лучшего понимания поставленных задач обратимся к памятнику Северо-Восточного Лаоса, содержащему свидетельство существования хоабинь. Пещера Там Ханг (Tam Hang) была обнаружена Ж. Фромаже (J. Fromaget) из

Геологической службы Индокитая в 1934 году. Найденные там останки ассоциированы с ранне- и среднеплейстоценовой фауной с датировкой по $14\text{ C} - 15,7 \pm 0,8$ тыс. лет назад [Movius, 1955, p. 2].

Позднепалеолитические охотники-собиратели Юго-Восточной Азии, учитывая соответствие размеров скелетов из Там Ханг и пещеры Минатогава (Япония) были невысокими по современным западным стандартам. Масса их тел и рост схожи с представителями других территорий Юго-Восточной Азии, но имеют более массивный пояс нижних конечностей. Сходство с представителями из Китая говорит о миграциях в районе 30 тыс. л. н. [Heekeren, 1948]. Грот Там Ханг был заселено охотниками, которые производили каменные

орудия труда в периоды позднего плейстоцена, тогда как в период голоцена наблюдалось распространение экономической системы, основанной на сельскохозяйственном производстве наряду с производством сосудов (тарной посуды).

Хоабиньская традиция в технологии каменного инвентаря была связана с мощным культурным очагом на юго-востоке Азии, откуда происходило расселение генетически связанных между собой этносов «тихоокеанского ствола» – тайских, австроазиатских и австронезийских.

Научный руководитель – А. В. Табарев,

д-р ист. наук, ведуц. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы:

1. Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.: Наука. 1966. 181 p.
2. Деревянко А.П., Зианг Хай Н., Хак Шу Н., Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Чеха А.М., За Дой Н., Тхан Тоан Ф. Предварительные итоги исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2010-2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН. 2012. Т. XVIII. С. 63-67
3. Bellwood P. Man's Conquest of the Pacific. The Prehistory of Southeast Asia and Oceania. London : Collins. 1978. 462 p.
4. Colani M. L'Age de la Pierre dans la Province de Hoa Binh // Memoires du Service Geologique de L'Indochine. Hanoi. 1927. Vol XIV. №.1. Pp. 230–239.
5. Heekeren H. R. van. Préhistorical Discoveries in Siam 1943-1944 // Proceedings of the Prehistoric Society. 1948. Vol. XIV. P. 24 - 32.
6. Movius H. L. Palaeolithic Archaeology in Southern and Eastern Asia, Exclusive of India // Cahiers d'Histoire Mondiale. 1955. Vol. II. Pp. 333–338.
7. Solheim II. W. G. Northern Thailand, Southeast Asia and World Prehistory // Asian Perspectives. 1970. Vol. XIII. Pp. 145–162.
8. Viet N., Thi Oanh N. Archaeology of Death in Vietnam // Southeast Asian Research Association of Vietnam, conference 2002, Sigtuna. Sweden. URL: <http://drnguyenviet.com/?id=5&cat=1&cid=22>

The Hoa Binh complex is the current state of exploration. Tam Hang cave

A. A. Fedorova

Hoabinhian is a complex of Paleo-Meso-Neolithic archaeological cultures in Southeast Asia. The article deals with the problem of the origin of the Hoa Binh complex and the Hoa Binh culture in particular. It also notes and describes all currently known information about the existence of this culture. The current problems of Southeast Asia in the study of Hoa Binh culture are highlighted. On the example of the Tam Hang complex, the features of the existence of culture are noted.

Keywords: Southeast Asia, Indochina, Hoa Binh, culture, complex, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic.

Федорова Анастасия Александровна

студентка 4-ого курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Fedorova Anastasia Aleksandrovna

4th year Student

Novosibirsk State University

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

УДК 902(571.53)

История исследования острова Бурнина в комплексе археологических памятников Среднего Приангарья

А. А. Чикичева

Братский государственный университет, Братск, Россия

Остров Бурнина расположен в среднем течении р. Ангара в расширении между ее притоками р. Шаманка, Цепань, Нитук и Кадара.

Первые археологические открытия на островах Шаманского расширения р. Ангары были сделаны Н. И. Витковским, совершившим маршрутную разведку по Ангаре в 1882 г. На о. Антонов, расположенном в 1,2 км к северу от о. Бурнина, им были найдены каменные наконечники стрел, продукты первичной технологической обработки изделий из камня, фрагменты керамической посуды. Исследователь отметил, что деревни и села на островах и прибрежных террасах совпадают с местами стоябищ тунгусов, а также более древних стоянок [Витковский, 1889, с. 37].

В 1937 г. проводилось археологическое обследование среднего и нижнего течения реки Ангары от Братска до с. Стрелка разведочным отрядом Ангарской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова [Окладников, 1937, с. 181]. В результате на южной оконечности о. Бурнина было обнаружено и обследовано неолитическое поселение, собран подъемный материал. На соседних островах Антоновском, Сосновом, в устьях ручьев Цепань, Дунаев, Шаманка также были зафиксированы древние стоянки, ритуальные погребения.

В 1956 г. специальным отрядом Ангарской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР под руководством Р. С. Васильевского была произведена разведка на о. Бурнина в районе д. Грехуткино (Грихутка). Здесь была обнаружена стоянка, на пашне у деревни собран подъемный материал, центре стоянки был заложен раскоп 2×2 м. Было отмечено, что дерновый слой разрушен пахотой на 20 см,

а культурный слой залегает на глубине 35–40 см и имеет мощность до 20 см. По итогам работ были зафиксированы культурные комплексы эпохи неолита – раннего железа, среди находок ретушированные каменные орудия из кремния, два топора с ушками, отщепы, фрагменты керамики с орнаментом сетки-плетенки, зубчатой лопаточки и др.

В 1970-м году специальный отряд из 3 человек под руководством младшего научного сотрудника Института истории, филологии и философии В. В. Бурилова провел маршрутную разведку от д. Антоновой до устья р. Илим. Была зафиксирована серия новых стоянок – в устье р. Шаманка, рч. Кадара, обследована северная часть острова в районе д. Грихуткино. Через год отрядом Р. С. Васильевского в устье Шаманки и рч. Кадара (Грихутка) были проведены спасательные раскопки.

В 1989–1990 гг. Усть-Илимским отрядом Средне-Сибирской комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в составе М. П. Аксенова, Е. М. Инешина, Е. О. Роговского, С. П. Таракановского было проведено первое археологическое обследование побережья недавно созданного Усть-Илимского водохранилища. Работы включали определение состояния известных памятников после затопления, выявление новых местонахождений и перспективных участков исследований. Новый памятник был зафиксирован на южной оконечности о. Бурнина, коллекция подъемного материала включала фрагменты керамики, кремневые отщепы, датированные эпохой палеометалла. На пляжах и в береговых обнажениях на северной оконечности острова на месте д. Грехуткино были найдены зуб мамонта и крупный нуклеус из траппа со следами обивки по всей

поверхности ядрища, фрагменты керамики с оттисками отступающей лопаточки, пальцевыми вдавлениями, проколка из диабазового порфирита, скребок на отщепе, обломок бифасиального изделия, наконечники стрел, подшлифованные тесла из сланца. Археологический материал датирован эпохой мезолита – железным веком.

В 1996 г. сотрудниками Северо-Западного отряда Археологической экспедиции Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) С. А. Дзюбасом, О. В. Задониным, А. В. Луньковым проверено техническое состояние стоянок Бурнина и Бурнина 2 (Грехуткино), проведена фотосъемка, определены границы распространения подъемного археологического материала и территории памятников.

В период с 1996 по 2011 гг. при проведении археологической практики студентов Братского индустриального института (с 2004 г. – Братского государственного университета, БрГУ) и в ходе работ инспектора Центра по сохранению историко-культурного наследия Лукомского А. В. на о. Бурнина был обнаружен мезолитический комплекс. Среди подъемного материала: топор с ушками; обломок лезвия крупного тесловидного орудия округлой формы; крупное тесловидное орудие трапцевидной формы; база тесла, покрытая известковой коркой, большое количество сколов [Лукомский, 2000, с. 87–89].

Проведение археологических практик Братского государственного университета на острове Бурнина под руководством старшего преподавателя А. В. Лукомского позволило выявить местонахождения археологического материала и определить примерные границы стоянок, собрать внушительную коллекцию артефактов: каменных и костяных орудий, продуктов первичной обработки камня, фрагментов керамических сосудов эпохи мезолита – позднего средневековья, предметы русской этнографии [Лукомский, Терентьев, 2009, с. 255–257].

С 2016 г. на о. Бурнина совместным отрядом Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары, ЦСН и БрГУ под руководством М. В. Панюхина проводился ежегодный мониторинг технического состоя-

ния, динамики разрушения культурного слоя, сборы подъемного материала, определение границ известных и выявление новых объектов [Панюхин, 2021, с. 95–100].

В настоящее время на о. Бурнина выявлено и зарегистрировано в государственном реестре 4 объекта археологического наследия:

Объект «Бурнина» находится на юго-западной оконечности острова, содержит культурные слои в диапазоне неолит – ранний железный век.

Объект «Бурнина 2 (Грехуткино)» на северной и северо-восточной оконечности острова. Содержит культурные слои периода раннего голоцена (мезолита), неолита, эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья, Нового времени.

Объект «Остров Снежный» (выявлен в 2016 г.) на юго-восточной оконечности о. Бурнина. Содержит инситу культурные слои раннего неолита, бронзы, железного века, Нового времени. В раннеголоценовых субаэральных отложениях на глубине 1,5 м зафиксировано изделие из кости.

Объект «Деревня Бурнино» (выявлен в 2018 г.) расположен на юго-восточной оконечности о. Бурнина и представляет собой остатки островного поселения русских нач. XVIII – сер. XX вв. Культурный слой включает остатки деревянных строений, многочисленные предметы быта из металла и керамики; фрагменты слюды, фарфора, стекла; кости домашних животных, игральные «бабки». Аналогичный слой зафиксирован на местах близлежащих русских деревень – Матера, Грехуткино, Тенга. Отдельные каменные изделия и фрагменты керамики неолита-раннего железного века обнаружены в подъемных сборах на пляже.

Западное побережье острова, а также центральная часть планомерно исследованию не подвергались. Для выявления археологических памятников на острове следует учитывать особенности микрорельефа поверхности и гидрологический уровень водохранилища, чтобы определить степень техногенного воздействия на памятники, места сохранения инситу культурного слоя, возможности проведения площадных раскопок, разведочной шурфовки необсле-

дованных частей острова. Археологический материал острова необходимо изучать не изолированно, а в комплексе археологических памятников, который включает близлежащие острова и побережье Шаманского расширения р. Ангары.

*Научный руководитель – М. В. Панюхин,
доцент кафедры истории, психологии и политологии
Братского государственного университета,
старший научный сотрудник
МБУК «Братский городской объединенный музей
истории освоения Ангары»*

Список литературы

1. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. 1889. Т. 20, № 1. С. 1–42.
2. Лукомский А. В. Раннеголоценовые комплексы Средней Ангары // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур Северной Азии и сопредельных территорий: материалы международной конференции. Красноярск, КГУ, 2000. С. 87–89.
3. Лукомский А. В., Терентьев П. О. Археологические исследования НИЛ АЭ БрГУ в акватории Усть-Илимского водохранилища в 2008 году // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов. Братск, 2009. С. 255–257.
4. Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВДИ. № 4 (9). М., 1939. С. 181–187.
5. Панюхин М. В. Исследования археологических комплексов на Ангарском участке Усть-илимского водохранилища в 2016–2020 гг. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 1. С. 95–100.

History of the Research of Burnin Island in the complex of archaeological monuments of the Middle Angara region.

A. A. Chikicheva

The article provides a brief historiographical overview of such an object as Burnina Island. At the moment, 4 archeological monuments have been identified on the island, which are monitored annually. As a separate object of purposeful research, Burnin Island began to be considered relatively recently. The main purpose of the work is to trace the process of exploring the island and identify the most promising areas for study. The article contains literature and sources of the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, including reports, archival materials, publications, field materials. From each study, the most interesting artefacts are highlighted, the chronological period of the found material is determined, and the contribution to the study of the island is described. The archaeological material of the island is represented by a huge number of artefacts from the Neolithic to Modern age.

Keywords: Middle Angara region, Angara river, Burnin island, historiography, Neolithic, Bronze Age, Modern Age.

Чикичева Анастасия Андреевна

студент 3 курса

Братский государственный университет

e-mail: vorobey.anastasia2018@gmail.com

Chikicheva Anastasia Andreevna

Student 3th year

Bratsk State University

e-mail: vorobey.anastasia2018@gmail.com

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 903.1(571.53/55)

Опыт технологической классификации элементов орнамента керамики посольского типа Байкало-Енисейской Сибири*

М. Е. Абрашина, И. В. Уланов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Орнамент, будучи наиболее яркой составляющей внешнего облика сосуда, как правило воспринимается исследователями как способ древних мастеров обозначить принадлежность сосуда к определенной этнокультурной или социальной группе.

Несмотря на разнообразие орнамента на посольской керамике среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири и, как следствие, большой потенциал его изучения, до настоящего времени не проводилось комплексных исследований, которые бы предполагали подробную диагностику и систематизацию орнаментальных оттисков, а также реконструкцию инструментов и выявление особенностей техники их нанесения. Целью настоящей работы является первичная систематизация элементов орнамента посольских сосудов по технике нанесения на основе их визуальной диагностики. Данный этап необходим для дальнейшего технологического изучения, а именно – точной идентификации орнаментов и основных способов нанесения оттисков с последующим проведением экспериментальных исследований.

Источниковую базу составляют опубликованные керамические коллекции посольского типа со стоянки Генералова (Северное Приангарье) [Абрашина, Уланов, Бердников, 2021] местонахождений Горелый Лес, Усть-Хайта

(Южное Приангарье) [Савельев, Уланов, 2018; Савельев, Уланов, 2020], поселений побережья Чивыркуйского залива и Посольской стоянки (восточное побережье оз. Байкал) [Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019; Горюнова, Новиков, Мархаева, 2019].

В результате анализа конфигурации орнаментальных оттисков на керамике посольского типа по форме рабочего края можно выделить две группы инструментов, которыми они наносились: стержневые орнаменты и гребенчатые штампы [по Дубовцева, 2013].

Стержневые оттиски (рис. 1, 1–13) наносились в технике накалывания, отступания, прочерчивания и насекания. Отдельно стоит выделить сквозные отверстия, пояска из которых присутствует на венчике большинства сосудов.

Наколы представлены преимущественно двумя типами:

1) мелкие округлые или подтреугольные вдавления, выполненные уголком/краем «лопаточки» (рис. 1, 1–2);

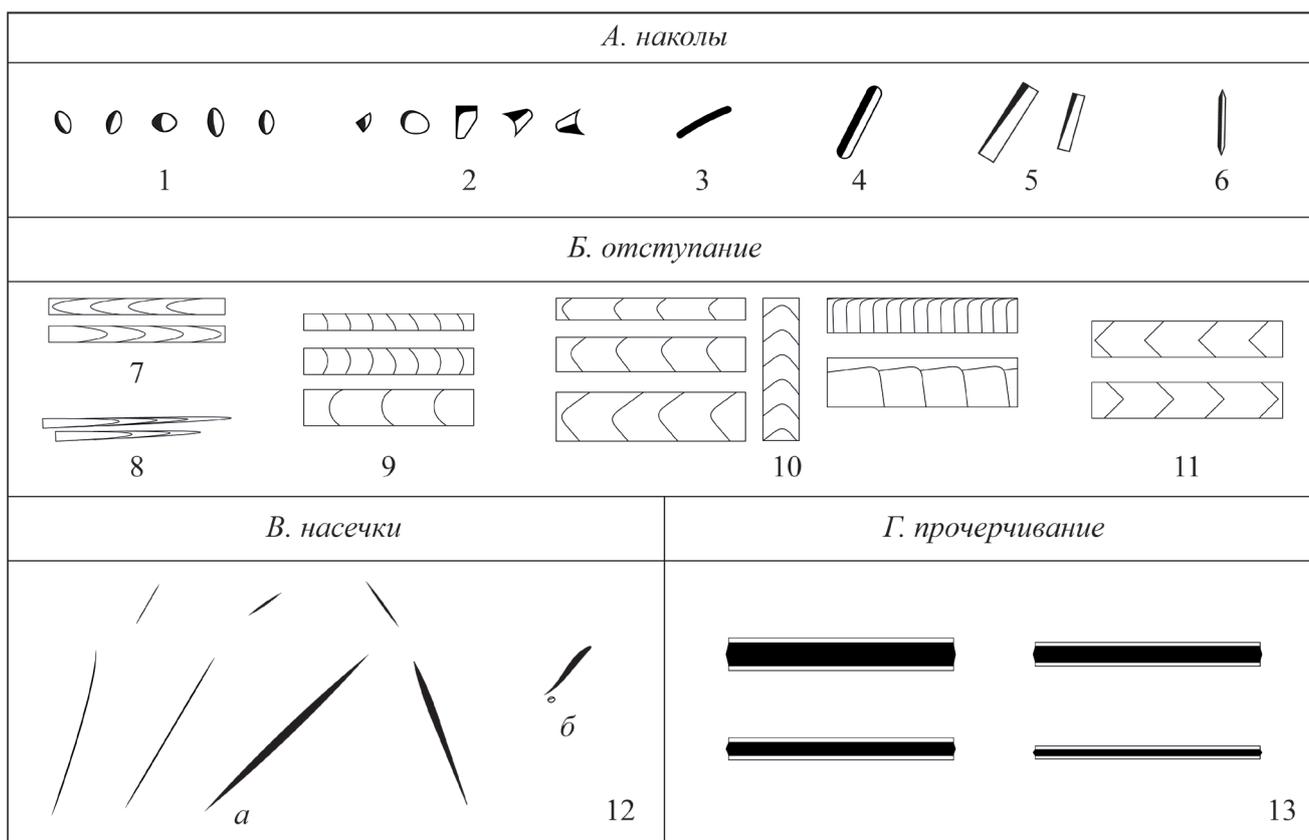
2) прямоугольные оттиски узкой «лопаточки» с острыми или закругленными углами (рис. 1, 3–6).

Варианты отступающих наколов:

1) узкие и длинные параболоидные наколы стержня с острым закругленным рабочим краем (рис. 1, 7–8);

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров». Анализ орнамента выполнен при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20-49-383001 «Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите на территории Байкало-Енисейской Сибири»

ГРУППА 1. СТЕРЖНЕВЫЕ ОРНАМЕНТИРЫ

ГРУППА 2. ГРЕБЕНЧАТЫЕ ОРНАМЕНТИРЫ

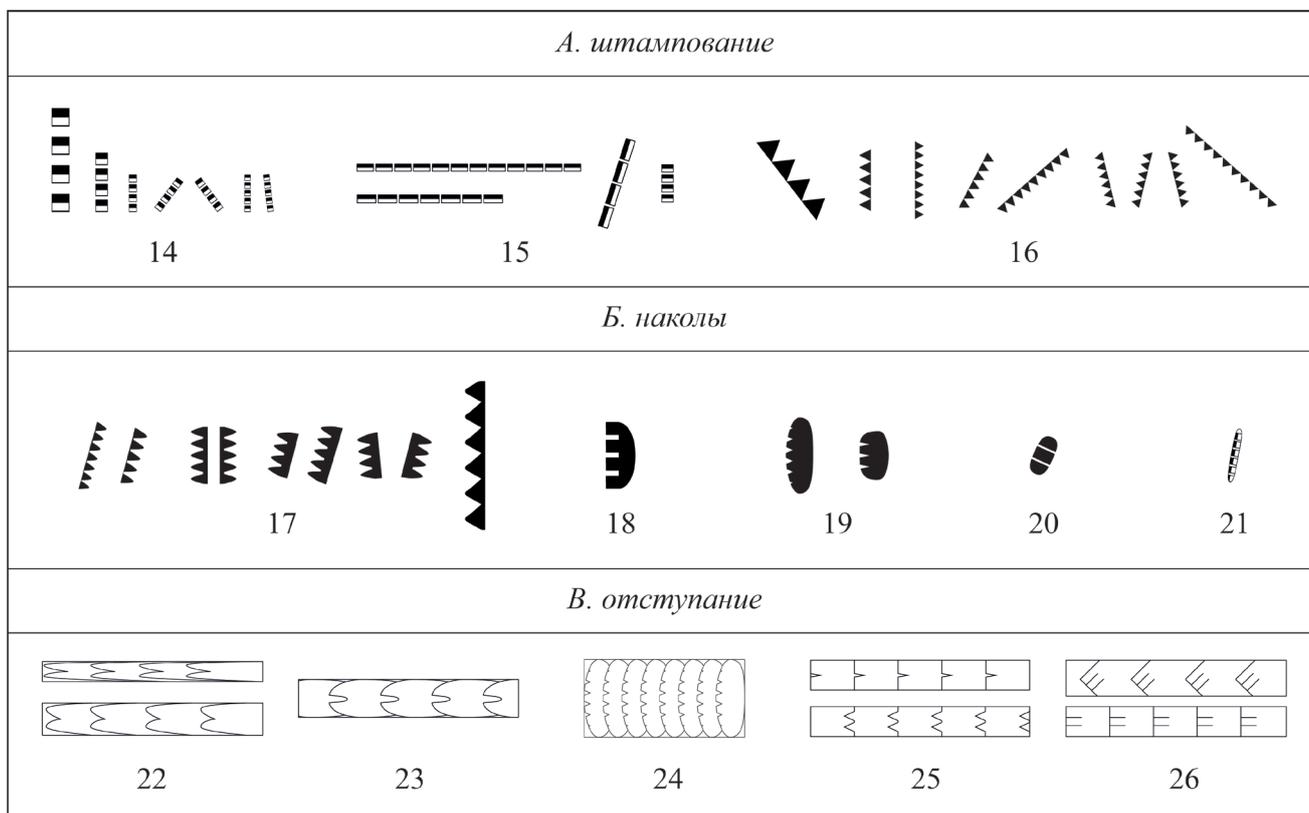

Рис. 1. Схема элементов и техники нанесения орнамента керамики посольского типа.

2) дугообразные оттиски узкого стержня с округлым рабочим краем (рис. 1, 9);

3) прямоугольные оттиски, выполненные «лопаточкой» с закругленным углом (рис. 1, 10);

4) треугольные оттиски, выполненные «лопаточкой» с прямым рабочим основанием (рис. 1, 11).

Насечки выполнены стержнями, имевшими уплощенный и приостренный в плоскости рабочий край и по своей конфигурации различаются параметрами длины, который варьирует от 0,2 до 3 см (рис. 1, 12). Толщина насечек, которая в большинстве случаев не превышает 0,1 см, вероятно, зависела от манеры их нанесения и степени нажима инструмента. Один вариант насечки имеет дополнительный точечный накол справа от нижнего угла (рис. 1, 12б). Прочерчивания во всех случаях выполнены инструментом с гладким рабочим краем, отличающиеся лишь шириной (0,2–0,4 см) (рис. 1, 13).

Сквозные отверстия во всех случаях имеют округлую форму и выполнены тонкими приостренными палочками, диаметр рабочей части которых варьирует от 0,1 до 0,3 см.

Гребенчатые оттиски наносились в технике штампования, накалывания и отступания (рис. 1, 14–26). Встречаются штампы как с отдельно оформленными зубцами, так и с прорезями различной в сечении формы без дополнительного оформления зубцов.

Оттиски, нанесенные в технике штампования, делятся на два типа:

1) мелкий или крупный гребенчатый штамп с квадратными и прямоугольными зубцами с прямым рабочим краем (рис. 1, 14–15);

2) зубчатый штамп с треугольной формой зубцов и промежутков, с прямым рабочим краем (рис. 1, 16).

Для штампов с квадратной формой зубцов характерно наличие 4–5 выступов и небольшой промежутков между ними (менее трети размера зубца). Штампы с прямоугольной формой зубцов имеют от 4 до 12 выступов и в одном случае они расположены не вдоль рабочего края, а поперек. Оттиски штампов второго типа имеют конфигурацию мелкозубчатых и имеют длину от 0,5 до 1 см. Один вариант оттисков этой группы имеет конфигурацию крупного четырехзубого штампа.

Повсеместно на сосудах встречаются наколы штампов с острой формой зубцов с закругленными вершинами (рис. 1, 17). У мелкозубчатой группы данного штампа зафиксировано от 4 до 7 зубцов, у крупного – 6 зубцов. Остальные виды оттисков встречаются единично: наколы классического гребенчатого штампа с квадратной формой зубцов и прямым рабочим краем (рис. 1, 18); зубчатого с округлым рабочим краем и мелкими прорезями треугольной формы (от 3 до 6 штук) без оформленных зубцов (рис. 1, 19); и личиночного с округлым рабочим краем и тонкими округлыми в сечении двумя прорезями поперек рабочей поверхности (рис. 1, 20).

Только один вариант гребенчатого штампа с квадратной формой зубцов имеет округлые края, что говорит об использовании проката по дуге рабочего края при накалывании и указывает на округлую форму основания инструмента (рис. 1, 21). Оттиски личиночного штампа также могли быть нанесены с помощью проката, если инструмент имел округлую форму рабочего края.

Характер оттисков, нанесенных в технике отступания, свидетельствует об использовании зубчатых штампов двух видов – двузубые и с прорезями без оформления зубцов. Для первого вида характерен узкий и широкий рабочий край и треугольная форма перегородки в продольном сечении, при этом углы зубцов закруглены (рис. 1, 22). Штампы без оформления зубцов встречаются следующих типов: двузубый с овальным рабочим краем и с одной округлой в сечении прорезью (рис. 1, 23); с овальным рабочим краем и с треугольными в сечении прорезями (рис. 1, 24); гребенчатые с прямым рабочим краем и с треугольными в сечении прорезями (рис. 1, 25); гребенчатые с прямым рабочим краем и с тонкими линейными прорезями (рис. 1, 26).

Таким образом, в результате изучения оттисков было выявлено минимум 25 видов инструментов с различной рабочей поверхностью, которыми наносился орнамент на керамике посольского типа. Из них не менее 10 принадлежат к группе стержневых, 15 – к гребенчатым орнаментирам. При анализе оттисков не было выявлено ни одного признака, указывающее на их естественное происхождение.

ние [см. Дубовцева, 2013, с. 57]. Кроме того, находки изделий из кости или камня, интерпретируемые как орнаменты, на территории Байкало-Енисейской Сибири пока неизвестны, что вероятно свидетельствует об изготовлении их из дерева.

Список литературы

1. Абрашина М. Е., Уланов И. В., Бердников И. М. Керамика Посольского типа в археологических комплексах стоянки им. А. Г. Генералова (Северное Приангарье) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5. № 1. С. 9–22.
2. Горюнова О. И., Мархаева Д. А., Новиков А. Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3 (32). С. 47–61.
3. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Мархаева Д. А. Морфологический анализ и датировка керамики Посольской стоянки (по материалам раскопок Е. А. Хамзиной 1959 г.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 25–37.
4. Дубовцева Е. Н. Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4(23). С. 52–58.
5. Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 38–48.
6. Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.

On Experience the Technological Classification of Ornamental Elements of the Posolskaya Type Pottery from Baikal-Yenisei Siberia

M. E. Abrashina, I. V. Ulanov

The present paper offers some results of the ornamentation research of the Posolskaya type pottery on the Baikal-Yenisei Siberia. As a result of the analysis, it was revealed that all used ornaments had an artificial origin. They can be divided into two groups – comb and rod. For the subsequent reconstruction of ornaments, the primary systematization of ornamental elements by groups and types was carried out. Also the main technological features and tendencies in application techniques were identified. Finally at least 25 types of tools with different working surfaces were identified, with which ornaments were applied on Posolskaya type ceramics. Finds of ornaments made of bone or stone in the territory of Baikal-Yenisei Siberia are still unknown, which probably indicates that they were made of wood.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, pottery, Posolskaya type, ornamentation, technology.

Абрашина Мария Евгеньевна

инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»
Иркутского государственного университета
e-mail: mariya28_09@mail.ru

Abrashina Mariya Evgenievna

Engineer Researcher Scientific Research Center “Baikal region”
Irkutsk State University
e-mail: mariya28_09@mail.ru

Уланов Илья Викторович

младший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»
Иркутского государственного университета
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Ulanov Ilya Viktorovich

Junior Researcher Scientific Research Center “Baikal region”
Irkutsk State University
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Археологическая карта Забайкальского края: эпоха палеолита

Д. Е. Власенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Данная статья посвящена созданию предварительной археологической карты памятников эпохи палеолита на территории Забайкальского края, согласно систематизированным данным из «Малой энциклопедии Забайкалья» [Малая энциклопедия..., 2011] и работ исследователей [Береговая, 1960, с. 101; Береговая, 1984, с. 106–107; Мороз, 2017; Мороз, 2018; Окладников, Кириллов, 1980, с. 8–24; Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 6–7]. Дается краткая характеристика степени их изученности. Эта работа важна для создания современной информативной базы с целью дальнейшего изучения забайкальского палеолита.

Забайкальский край – субъект Российской Федерации в восточной части Забайкалья, в составе Дальневосточного федерального округа. Столица региона – Чита. Граничит с Амурской и Иркутской областями, Республикой Бурятия и Республикой Саха (Якутия). На юге и юго-востоке Забайкальский край граничит с Монголией и Китайской Народной Республикой.

Необходимо дать физико-географическую характеристику региона Его характеризуют 20 крупных хребтов и нагорий. Отличительной чертой большинства из них является расположение с юго-запада на северо-восток. Край представлен крупными реками: Витим, Олёкма, Хилок, Чикой, Ингода, Онон, Шилка и Аргунь. На территории региона находится три крупные группы озёр: Ивано-Арахлейские, Куандо-Чарские, Торейские. Климат резко континентальный. На территории простираются три растительные зоны: горно-таёжная, лесостепная и степная. Почвы своеобразны, что связано с широким распространением многолетней мерзлоты и горным рельефом.

Археологическая карта – это необходимый элемент исследования в археологии. По данным проекта «Археологическая карта России» Института археологии РАН на территории Забайкальского края выявлено 235 археологических памятников, в их числе 110 памятни-

ков каменного века [Археологическая карта России...]. Это свидетельствует о достаточной изученности данного периода в Забайкальском крае. Минусом данной карты является то, что на ней не обозначены точные места расположения памятников. На карте, приведённой в данной работе, определены, насколько это возможно, местонахождения памятников и показаны с помощью условного обозначения – треугольника.

На карту нанесены палеолитические памятники Забайкальского края: Усть-Тунгир-1; Ироньская пещера; Читинское; Титовская сопка; Дворцы-2; Мастеров ключ; Мастерова гора; Русло Гыршелунки; Толбага; Черемушки; Кандобаево; Бильчир; Караульная гора; Читкан; Мельничное-1,-2; Студёное-1,-2; Этытей; Приисковое; Волково; Станки-3; Тарановка; Усть-Менза; Косая Шивера-1,-2; Фомичево; Коврижка; Танга; Доронинское; Арта-2,-3; Дарасун; Зилово-1; Куларская; Шилка; Ишихан; Чирон; Цаган-Ола; Баржигантай; Ага; Сахюрта-1; Алтан; Нижняя Еловка-2; Буркальский Бык; Солонцовое-1,-2; Шивычи-1; Шивычи Дальние; Тарбальджей; Улачи-5 (Нуга); Амогон; Дурунгуи; Кубухай; Икарал; Чиндант; Нагадан; Дурой; Уровский (рис. 1). Следует отметить, что выделенные объекты преимущественно располагаются в бассейнах рек Ингода, Хилок, Чикой, Менза, Онон, Шилка.

По типу памятники можно разделить на стоянки, поселения, местонахождения и мастерские. На территории Забайкальского края также выявлены комплексы археологических памятников: Титовская сопка [Малая энциклопедия..., 2011, с. 288], Бильчир [Там же, с. 73], Волково [Там же, с. 94], Усть-Менза [Там же, с. 302], Уровский [Там же, с. 298]. К стоянкам относятся, например, Усть-Тунгир-1 [Там же, с. 306–307], Цаган-Ола [Окладников, Кириллов, 1980, с. 24], Баржигантай [Там же, с. 23]. К поселениям относятся, например, Студёное-1,-2 [Малая энциклопедия..., 2011, с. 277], Толбага [Там же,

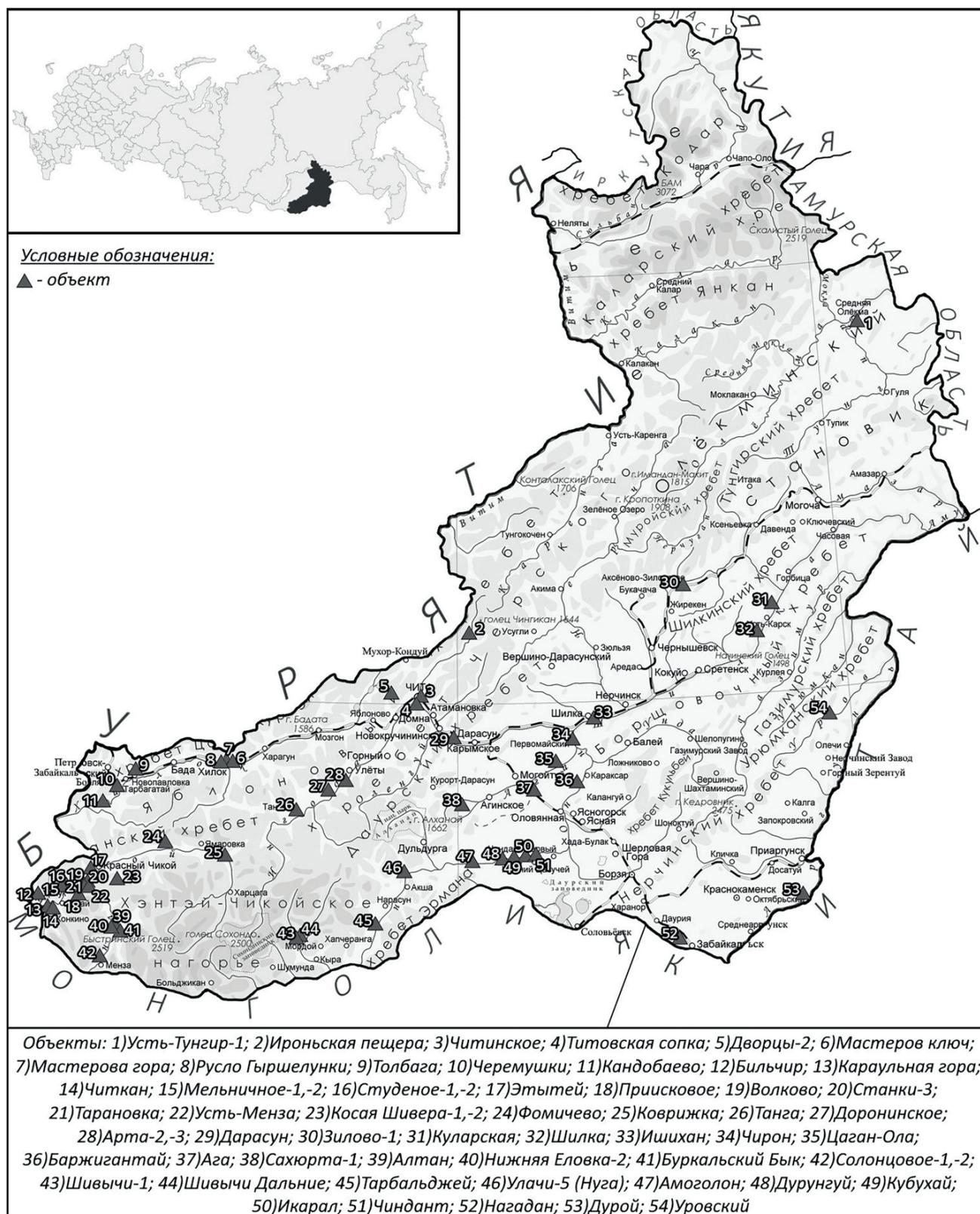

Рис. 1. Археологическая карта памятников палеолита Забайкальского края

с. 291], Танга [Там же, с. 286–287]. К местонахождениям относятся, например, Русло Гыршелунки [Там же, с. 261], Читинское [Береговая, 1984, с. 106], Нагадан [Мороз, 2018, с. 69]. Примечательными памятниками являются мастерские по первичной обработке камня. Палеолити-

ческие мастерские позволяют получить данные о технологии камнеобработки с полными циклами производства каменных изделий и заготовок. В настоящее время в Сибири такие памятники единичны, в основном, они находятся в Восточном Забайкалье [Филатов, Филатова, 2020, с. 259].

Так, обилие выходов каменного сырья обусловило возможность появления на Титовской сопке (окрестности г. Читы) ряда мастерских каменного века, таких как стоянки-мастерские Сухотино-6 [Малая энциклопедия..., 2011, с. 280], Сухотино-12 [Филатов, 2016, с. 34], имени А. П. Окладникова [Константинов, Викулова, Филатов, 2021, с. 140], Скальная [Там же, с. 141]. За пределами Читы находятся ещё две палеолитических мастерских – Дарасун (мастерская) [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 7], Сахюрта-1 (стоянка-мастерская) [Мороз, 2017, с. 162].

С помощью карты можно установить расположение палеолитических памятников, как одиночное, так и групповое. Группы памятников находятся в окрестностях Читы на р. Ингода (14 памятников), на р. Онон (4 памятника), на р. Хилок (3 памятника), на р. Чикой (3 памятника), при впадении р. Менза в р. Чикой (12 памятников), на р. Менза (3 памятника). Такое большое скопление памятников связано в первую очередь с благоприятными условиями обитания в данной местности.

Одной из важнейших черт в характеристике памятников является стратиграфия. В настоящее время подавляющее большинство стратифицированных памятников эпохи палеолита на территории Забайкальского края связано с его

юго-западной частью и Титовской сопкой. Стратифицированные объекты восточной части Забайкальского края, характеризующейся бассейнами р. Амур, представлены в меньшем количестве.

Неоднозначен вопрос о возрасте перечисленных памятников. Ориентировочно в Забайкальском крае находятся памятники, характеризующие нижний палеолит (например, Зилово-1 [Малая энциклопедия..., 2011, с. 44]), средний палеолит (например, Этытей [Там же, с. 358]), верхний палеолит (например, Усть-Менза-1 [Там же, с. 303]).

В результате работы, на карту нанесено 54 объекта. Их количество в дальнейшем будет увеличиваться, потому что Забайкальский край является интересным и перспективным регионом для расширения исследований эпохи палеолита на основе специализированных разведывательных работ и дальнейшего многогранного изучения памятников. Одной из важнейших составляющих в исследованиях будет картографирование археологических памятников современными способами, что возможно отразить на специальном сайте.

*Научный руководитель – М. В. Константинов,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

1. Археологическая карта России [Электронный ресурс] // Институт археологии РАН. URL: <https://www.archaeolog.ru/oanmap/?g=t&ll=58.164514,108.673612&z=5&m=0> (дата обращения: 03.06.2022).
2. Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 218 с.
3. Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.). Л.: Наука, 1984. 171 с.
4. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.
5. Константинов М. В., Викулова О. И., Филатов Е. А. С. Н. Астахов и Забайкалье // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24. С. 139–143.
6. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
7. Мороз П. В. Стоянка Сахюрта-1 и её место в схеме палеолита Забайкалья // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. Т. 12, № 4. С. 162–169.
8. Мороз П. В. Среднепалеолитические местонахождения Восточного Забайкалья // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. Т. 13, № 6. С. 69–81.
9. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
10. Филатов Е. А. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса. Чита: ЗабГУ, 2016. 52 с.
11. Филатов Е. А., Филатова М. О. Топографические исследования мастерской имени А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 258–262.

Archaeological map of Transbaikalsky Krai: the Paleolithic era

D. E. Vlasenko

This article is devoted to the creation of a preliminary archaeological map of Paleolithic sites in the Trans-Baikal Territory. This work is important for creating a modern informative base for the further study of the Transbaikalian Paleolithic. The paper provides a brief physical and geographical description of this region. A brief description of the stratigraphy and dating of Paleolithic sites in the Trans-Baikal Territory is also given. As a result of the work, 54 objects were put on the map. Their number will increase in the future, because the Trans-Baikal Territory is an interesting and promising region for expanding research of the Paleolithic era based on specialized exploration work and further multifaceted study of monuments. One of the most important components in the research will be mapping of archaeological sites using modern methods, which can be reflected on a special website.

Keywords: Trans-Baikal Territory, archaeological map, sites, Lower, Middle, Upper Paleolithic.

Власенко Дмитрий Евгеньевич

студент 1 года обучения

Забайкальский государственный университет

e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

Vlasenko Dmitry Evgenievich

student of 1st year of study

Zabaykalsky State University

e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

УДК 903.4(571.53)

Неолитическая стоянка-мастерская Усть-Чечемонга в Нижнем Приангарье

С. П. Гордиевский

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск
АНО «Археологическое исследование Сибири», Красноярск, Россия

Одной из проблем в изучении каменного века Нижнего Приангарья является то, что остаются малоизучены вопросы локализации источников каменного сырья, предпочтений в его выборе и потребительских качеств. В большинстве своем исследования каменных индустрий ограничены кратким определением сырьевого набора. Специализированных мастерских, связанных с обработкой камня, в регионе практически не известно, а именно такие памятники являются более информативными в изучении данной проблематики. Одним из них является стоянка-мастерская Усть-Чечемонга, изучавшаяся в последние годы. Цель работы – введение материалов в научный оборот и первичный их анализ.

Местонахождение расположено на левом берегу р. Ангары, на правобережном приустьевом участке руч. Чечемонга, в 2,5 км выше устья р. Муры. Памятник приурочен к поверхности надпойменной террасы высотой 13 м.

Памятник был открыт А. П. Окладниковым в ходе разведки 1937 г. [Окладников, 1939, с. 182, 184] по р. Ангаре. Согласно краткому описанию, коллекция культурного слоя стоянки представлена каменными отщепами из «темно-серого сланца», ретушированной пластиной-вкладышем, заготовками и законченным тесловидным орудием, керамикой с оттисками «сетки-плетенки» и костями косули.

Памятник повторно «открыт» и обследован в ходе разведок 2017 и 2019 гг. экспедицией Сибирского федерального университета под руководством Д. А. Гурулёва. В результате работ шурфами и зачистками была вскрыта площадь $\approx 12,5$ м².

В ходе работ было зафиксировано два культурных слоя. Первый приурочен к суглинистым отложениям гумусового и элювиального почвенного горизонтов современной почвы. Коллекцию слоя составляют немногочисленные находки раннего железного века – средневековья.

Второй культурный слой обнаружен в суглинках нижней части элювиального и текстурного горизонтов. Слой распространяется полосой вдоль бровки террасы. Находки залегают локальными скоплениями. В ряде случаев для скоплений характерно плотное залегание предметов друг к другу, практически без грунта между ними.

Коллекция второго слоя состоит из трех фрагментов керамических сосудов, 24 каменных орудий, нуклеуса и 3424 ед. каменного дебитажа.

Керамика представлена фрагментами венчика и тулова (2 ед.) (один – с оттисками «сетки-плетенки»). Венчик ассиметрично грибовидный, внешняя сторона украшена поясами вертикальных длинных гладких оттисков и сквозным отверстием.

Абсолютное большинство каменных изделий (3417 ед., 99,1 %) выполнены из ороговикованных мелкозернистых осадочных пород. Среди пород группы визуально выделяется серия разновидностей. Единично представлены сколы из кремня и кремнистых пород, а также обломки галечных отбойников из кварцита.

Законченные орудия представлены бифасиально обработанным наконечником стрелы листовидной формы с обломанным насадом и концевым скребком на пластинчатом отщепе. Также были найдены крупные нестандартизированные сколы с ретушью (5 ед.).

Группу заготовок и неоконченных изделий составляют малоинформативные обломки изделий и отдельностей сырья со следами оббивки (3 ед.), уплощенные обломки и целое изделие с унифасиальной или бифасиальной обработкой (4 ед.), неоконченное рубящее орудие удлиненно-прямоугольной формы с подквадратным сечением, выполнено крупной четырехсторонней оббивкой.

Также обнаружены два обломка желобчатых абразивов, один контрударный скол и обломок с отбойников.

В единственном числе представлен призматический одноплощадочный микронуклеус фронт которого занимает $\frac{1}{2}$ периметра изделия.

Индустрия сколов представлена отщепами (2254 ед.), пластинами (20 ед.), осколками (259 ед.), чешуйками (253 ед.) и фрагментами недиагностированных сколов менее 1 см (638 ед.).

Большинство целых отщепов ($n = 1134$) составляют находки до 4 см, длина отдельных

экземпляров доходит до 13,5 см. Профили отщепов ($n = 1424$): прямые (1136 ед.), медиально-изогнутые (151 ед.) и дистально-изогнутые (137 ед.). Окончания отщепов ($n = 1381$): перообразные (1145 ед.), петлеобразные (223 ед.), прямые (12 ед.) и ныряющие (1 ед.). Первичные поверхности на отщепках представлены плоскими выветрелыми гранями. В оформлении зоны расщепления ($n = 981$) в большинстве случаев отмечается ее отсутствие (505 ед.) либо редукция карниза (442 ед.). Снятие карниза выполнено посредством редуцирования (164 ед.) или абразивной обработки (158 ед.), а также, комбинации этих двух приемов (120 ед.).

Среди пластинчатых сколов преобладают медиальные фрагменты (11 ед.) и снятия с пропорциями пластинок (17 ед.).

По уровню залегания и составу второй культурный слой соответствует слою, изученному в ходе работ 1937 г. Предварительно он может быть датирован эпохой неолита. На это указывает факт обнаружения фрагментов керамических сосудов с оттисками «сетки-плетенки» [Бердников, 2013]. Помимо этого, можно отметить, что найденная заготовка четырехгранно обработанного рубящего орудия схожа по облику с подобными изделиями из сопроводительного инвентаря серовских погребений позднего неолита [Базалийский, 2012, с. 92–93]. Также, косвенно, на возраст культурного слоя может указывать его стратиграфическая позиция.

Каменная индустрия второго культурного слоя имеет ярко выраженный производственный характер. Предположительно изготовление преформ и/или апробация отдельностей сырья происходила на близлежащих выходах. На близость источников сырья указывает то, что на стоянку приносились крупные блоки. Так, вес дебитажа двух однородных по сырью скоплений составляет более 5 кг каждое. Косвенно это подтверждает распространение в устье р. Муры ороговикованных осадочных пород в зонах контакта с «Мурской интрузией» [Государственная геологическая ... , 1982, с. 57]. Малочисленность сколов с первичной поверхностью указывает на то, что начальная обработка сырья производилась вне памятника. Полное отсутствие артефактов с остатками галечных поверхностей указывает на использование коренных выходов.

Состав и морфология дебитаж и каменных орудий свидетельствует об производстве различных типов изделий. Так, можно предполагать, что большая часть сколов получена при оббивке предметов с плоскими поверхностями расщепления, такими могут быть четырехгранные рубящие орудия и преформы нуклеусов. В частности, на это указывает большое количество сколов с прямым профилем и многочисленность снятий с петлеобразными окончаниями. Реже встречаются продукты изготовления бифасов, микропластинчатого расщепления и отщепы с остатками шлифованных поверхностей, что может говорить о переоформлении готовых орудий.

Таким образом, судя по большой площади распространения второго культурного слоя и предполагаемой близости выходов сырья, па-

мятник мог посещаться неоднократно и предварительно может быть датирован в широких хронологических рамках неолита. Данное место использовалось в качестве мастерской по обработке камня, но нельзя исключать, что во время ее посещения, также осуществлялась хозяйственно-бытовая деятельность. Памятник важен для изучения сырьевых стратегий населения каменного века Нижнего Приангарья. Полученные материалы, в дальнейших исследованиях, позволят проследить технологическую цепочку отбора и первичной обработки наиболее широко используемого в регионе каменного сырья.

*Научный руководитель – Д. А. Гурулёв,
АНО «Археологическое исследование Сибири»*

Список литературы

1. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита-неолита байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 43–101.
2. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.
3. Государственная геологическая карта СССР. Масштаб 1:200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-ХV (Гольявино). Объяснительная записка. М.: Красноярское производственное геологическое объединение, 1982. 93 с.
4. Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (К итогам работ 1937 г.) // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 181–186.

Ust'-Chechemonga: the Neolithic camp-workshop in the Lower Angara region.

S. P. Gordievskii

One of the problems of the archaeological study of the Lower Angara region is the lack of knowledge of the stone raw material strategies of the prehistory population. The site of Ust'-Chechemonga has a significant research potential in the study of this issue. It is located on the left bank of the Angara River, at the estuary of the Chechemonga brook. The site was opened in 1937 by Alexey Okladnikov. Later it was studied by the expedition of the Siberian Federal University. Two cultural layers were found on the site. The vast majority of the second layer's finds are products of stone debitage made from hornfelsed rocks. Based on the results of a preliminary analysis of the materials, it can be said that the site dates back to the Neolithic and that is a site-workshop located near the outcrops of stone raw materials. The site-workshop specialized on manufacture of various types of tools – axes and adzes, core outlines and bifaces.

Keywords: Middle Siberia, Lower Angara, Neolithic, camp-workshop, stone industry, Raw material procurement strategies.

Гордиевский Семён Павлович

Студент 2-го года обучения

Красноярский государственный университет

им. В. П. Астафьева

Лаборант-исследователь

АНО «Археологическое исследование Сибири»

e-mail: existentialboxx@yandex.ru

Gordievskii Semen Pavlovich

Student 2nd year

Krasnoyarsk State Pedagogical University

named after V. P. Astafyev

Laboratory assistant

Autonomous non-commercial organization «Siberian Archaeological Studies»

e-mail: existentialboxx@yandex.ru

Комбинированные орудия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)

А. С. Деревнина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Изучение палеолита на территории Кузнецкой котловины было начато во второй половине XX в. А. П. Окладниковым, который в 1962 г. обнаружил и исследовал первые памятники региона – Кузедеево-1, -2 и Старокузнецкое-1 [Окладников, 1968].

С 1975 г. планомерные исследования палеолитических объектов региона начал С. В. Маркин, открывший, в результате, более 30 местонахождений в долинах рек Томь, Кондома и Мрассу. На основе анализа каменных индустрий наиболее изученных памятников (Беда-рево-2, Ильинка-2 и др.) была выделена бедаревская культура, отнесённая к финальному верхнему палеолиту [Маркин, 1986].

На данный момент в регионе выявлено более 50 местонахождений эпохи палеолита [Палеолит Горной Шории, 2005; Маркин, 1986].

Поселение Тайлеп-2 было открыто в 2003 г. Ю. В. Шириным [Палеолит Горной Шории, 2005]. В 2020 г. на памятнике были проведены спасательные археологические работы, в результате которых выявлено три культурных горизонта:

- 1) ранний железный век – этнографическая современность;
- 2) мезолит – ранний неолит;
- 3) финальный верхний палеолит [Материалы..., 2020].

Местонахождение расположено в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, на месте схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, на полого-наклонной поверхности I надпойменной террасы р. Кондома [Результаты..., 2020].

В настоящей работе представлены предварительные результаты изучения комбинированных орудий (далее – КО) культурного горизонта 3.

Сырьевой базой каменного производства комплекса служил местный русловой аллюви-

альный галечник, в основном представленный кремнистыми породами. Галечное сырьё по большей части негабаритное, трещиноватое [Материалы..., 2020].

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10755 экз., в т.ч. 114 нуклеусов и их преформ, 3620 сколов, 705 орудий и 6316 экз. отходов каменного производства.

Орудийная коллекция комплекса достаточно многочисленна, в долевым выражении достигает 16 % без отходов производства, представлена скребками, долотовидными и ножевидными изделиями, скрёблами, ретушированными отщепами и пластинами, комбинированными орудиями, микропластинами и фрагментами орудий.

Обоснованием выбора объектом исследования именно КО служит проведённый нами ранее анализ двух наиболее массовых категорий орудий комплекса – скребков (56 %) [Деревнина, 2022a] и долотовидных изделий (15 %) (далее – ДИ) [Деревнина, 2022b]. КО – «изделия, сочетающие на одной заготовке элементы, характерные для разных категорий инвентаря» [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994], – классифицируются по типам сочетания рабочих участков. Наиболее распространённые формы – скребки-резцы, скрёбла-скребки, скрёбла-острия [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. Исследуемые орудия в контексте изучаемой индустрии представляют собой различные варианты комбинаций исключительно скребков и ДИ, что, несмотря на малую представительность КО (3 %), даёт нам право предполагать большую значимость скребков и ДИ в орудийном комплексе.

Анализ скребков был проведён при помощи методики, предложенной К. А. Колобовой [Колобова, 2006], ДИ – на основе работы А. В. Харевич с соавторами [Экспериментальный анализ..., 2021].

Коллекция КО поселения Тайлеп-2 представлена 23 экз., среди которых выделяются пять категорий: «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ однолезвийное» (в т.ч. варианты «скребок боковой + ДИ однолезвийное», «скребок концевой + ДИ однолезвийное», «скребок на $\frac{1}{2}$ периметра + ДИ однолезвийное») – 56,6 % от кол-ва КО; «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ двулезвийное» (в т.ч. «скребок боковой + ДИ двулезвийное», «скребок концевой + ДИ двулезвийное», «скребок на $\frac{3}{4}$ периметра + ДИ двулезвийное») – 30,4 %; «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ трёхлезвийное» (в т.ч. «скребок боковой + ДИ трёхлезвийное») – 4,3 %; «скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ однолезвийное» (в т.ч. «скребок альтернативный + ДИ однолезвийное») – 4,3 %; «скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ двулезвийное» (в т.ч. «скребок двойной боковой + ДИ двулезвийное») – 4,3 %.

Из-за высокой степени модификации орудий определение изначального типа заготовок затруднительно. При этом заготовки отщеповых пропорций преобладают среди скребков (97,7 %) и ДИ (100 %) [Деревнина, 2022а, 2022б].

Размеры КО варьируют от 17 до 34 мм в длину, от 14 до 37 мм в ширину и от 5 до 14 мм в толщину. Основная масса КО находится в диапазоне длины 22-27 мм, ширины – 17-24 мм, толщины – 6-11 мм. Для скребков средние значения длины равны 20-27 мм, ширины – 17-23 мм, толщины – 7-11 мм, для ДИ, соответственно, длины – 25-34 мм, ширины – 21-27 мм, толщины – 7-13 мм [Деревнина, 2022а, 2022б].

Наличие галечной корки зафиксировано на 39,1 % КО, тогда как для скребков и ДИ данный показатель составляет 43,6 % и 54 % соответственно [Деревнина, 2022а, 2022б].

Среди характеристик ретуши рабочего лезвия скребковых элементов КО преобладают крутой наклон (72 %), чешуйчатая форма фасеток (68 %), средняя степень модификации (60 %) и захватывающая степень покрытия ретушью поверхности изделий (68 %). Для большей части скребков Тайлепа-2 характерна крутая чешуйчатая сильномодифицирующая захватывающая ретушь.

Рабочие края долотовидных элементов КО характеризуются в основном s-образным (48,5 %) или изогнутым (42,4 %) профилем, ровным рельефом (45,5 %) и средней степенью сработанности (42,4 %), что, в целом, схоже с данными признаками у ДИ.

Сравнение линейных параметров трёх видов изделий демонстрирует сходство размеров скребков и КО и неярко выраженное, но превосходство ДИ по всем параметрам. В непосредственной связи с показателями наличия галечной корки, а также с учётом практически полного совпадения характеристик ретуши и сработанности рабочих лезвий, это свидетельствует о том, что при изготовлении ДИ для получения заготовок не применялась практика полной декорткации, а для изготовления орудий использовались первичные и полупервичные сколы, в то время, как скребки и КО были модифицированы сильнее, в том числе, в результате многочисленных переоформлений. На основании полученных данных мы можем сделать предположение о том, что КО были получены путём использования по какой-то причине непригодных более для эксплуатации скребков в качестве долотовидных изделий, что даёт возможность отрицать выделение комбинированных как самостоятельного типа орудий и рассматривать их, скорее, как ситуативные. Впрочем, для верификации данной гипотезы необходимы дополнительные макротрасологические исследования последовательности снятия сколов. Помимо прочего, наличие КО с элементами скребков и ДИ, их малые размеры, значительная степень модификации и множественные переоформления приводят к ещё одному аргументу в пользу высказанного ранее предположения о том, что сырьё вблизи поселения Тайлеп-2 было хотя и многочисленным, и легкодоступным, но некачественным, вследствие чего орудия берегли и утилизировали до максимальной степени износа.

*Научный руководитель – С.А. Когай,
канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН*

Список литературы

1. Деревнина А. С. Скретки финальнопалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // Актуальная археология 6. СПб.: ИИМК РАН, 2022а. С. 30–33.
2. Деревнина А. С. Долотовидные изделия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина). // МНСК-2022. Археология. Новосибирск: НГУ, 2022б. [в печати].
3. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 228 с.
4. Колобова К. А. Приёмы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.
5. Маркин С. В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука, 1986. 176 с.
6. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) / А. А. Тимошенко, Д. А. Бычков, В. В. Ахметов, С. А. Когай, Г. Д. Павленок, О. В. Белан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 932–936.
7. Окладников А. П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у посёлка Аил (село Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул, 1968. С. 57–70.
8. Палеолит Горной Шории / Г. Я. Барышников, А. Л. Кунгуров, М. М. Маркин, В. П. Семibrатов. Барнаул: Аз Бука, 2005. 279 с.
9. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году / А. А. Тимошенко, Д. А. Бычков, В. В. Ахметов, Г. Д. Павленок, С. А. Когай, О. В. Белан, А. А. Дудко, А. В. Веретенников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 937–943.
10. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии / А. В. Харевич, В. М. Харевич, А. Ю. Федорченко, К. А. Колобова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5. С. 55–68.

Combined tools of the Final Upper Paleolithic cultural horizon of the Tailep-2 site (Kuznetsk Basin)

A. S. Derevnina

The paper presents preliminary results of the study of combined tools of the Final Upper Paleolithic cultural horizon of the Tailep-2 site. A technical and typological analysis of the combined tools and their comparison with the already available results of the study of side-scrapers and splintered pieces from the Tailep-2 site were conducted. As a result, a hypothesis requiring verification was put forward about the impossibility of distinguishing combined tools as independent in the context of the industry under study.

Keywords: Final Upper Paleolithic, combined tools, tool set, stone industry, Kuznetsk Basin, Tailep-2.

Деревнина Алёна Сергеевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: fjellvarulv@gmail.com

Derevnina Alyona Sergeevna

Student 3st year

Novosibirsk State University

e-mail: fjellvarulv@gmail.com

Проблема ориентировки погребений эпохи неолита Северного Приангарья

С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Погребальный комплекс – это сложная многоуровневая система, состоящая из множества «отрывочных», прошедших процесс археологизации, компонентов. Их изучение позволяет в той или иной мере приблизиться к реконструкции отдельных элементов погребального обряда древних сообществ. Одним из таких элементов является ориентировка погребенных относительно сторон света.

Ориентировка погребенных имеет большое значение, так как она раскрывает космологические представления древнего населения – указывает на сторону света, в которой находится загробный мир или «страна предков». Опираясь на этнографические данные, мы с некоторой долей уверенности можем утверждать, что ориентировка погребенных играла особую роль при совершении погребальных обрядов и была строго регламентирована.

За прошедшие 130 лет археологического изучения Северного Приангарья было открыто и исследовано 68 погребальных комплексов эпохи неолита, которые расположены на 33 объектах археологического наследия. Могилы были зафиксированы как в одиночном расположении на стояночных комплексах, так и в составе, как правило, разновременных могильников. Топографически могильники располагаются на ангарских островах (8) и по обоим берегам (25), тяготея к устьям крупных притоков Ангары. Как правило, могильники расположены на выположенных участках с достаточно высокими гипсометрическими отметками.

Все зафиксированные погребения – грунтовые. Выделяется две основные погребаль-

ные практики: ингумация (56) и кремация (12). Большинство могил в той или иной степени разрушены в результате природных или антропогенных факторов; 23 погребения нарушены очень сильно.

По количеству скелетов в могиле выделяются одиночные (63) и парные (5), т.е. одновременные, погребения. Положение костяков различно, преобладает вытянутое на спине помещение (26 погребенных). Другие варианты положения костяков в могиле единичны.

Ориентировка погребенных по сторонам света различная, с преобладанием расположения умерших головой на восток (12 погребенных), на север, с отклонением на ССЗ – СЗ (9 случаев) и ЮВ – ЮЮВ (11 случаев). В 33 случаях ориентировку погребенных установить невозможно.

Если рассматривать расположение усопших в могилах относительно реки (в подавляющем большинстве случаев – это р. Ангара), то выделяются четыре варианта: перпендикулярно, головой (2) или ногами к реке (8); параллельно реке, головой вниз (9) или вверх по течению (22). В единственном пока на территории Северного Приангарья случае в погребении № 1 стоянки Утес Медвежий зафиксировано расположение двоих погребенных по антитезе [Дударёк, Лохов, 2020].

Как видно из приведенной таблицы (табл. 1), погребенные индивиды имеют разнообразную ориентировку относительно сторон света. Условно выделяются две большие группы ориентации: северо-западная с отклонениями на С и З и юго-восточная с отклонениями на Ю и В. Однако, чем можно объяснить столь широкие вариации ориентировки погребенных?

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20-49-380002 «Недостающее звено: проблема идентификации погребений среднего неолита на территории Байкало-Енисейской Сибири».

Таблица

Ориентировка погребенных по сторонам света и относительно реки

68	количество могил
73	количество погребенных
3	С
3	ССЗ
3	СЗ
1	СЗЗ
1	З
4	СВ
6	ЮВ
5	ЮЮВ
1	Ю
1	ЮЗ
12	В
8	Перпендикулярно ногами к реке
2	Перпендикулярно головой к реке
9	Параллельно, головой вниз по течению реки
22	Параллельно, головой вверх по течению реки
33	Неизвестно

Здесь следует отметить один немаловажный факт: ввиду плохой изученности погребальных комплексов неолита Северного Приангарья, мозаичности представленных исходных данных и характеристик самих погребений, некоторые из приведенного массива могил могут относиться к другим хронологическим периодам.

Другим немаловажным фактором, частично связанным с первым уточнением, является то, что в хронологических рамках неолита присутствуют погребения, относящиеся как минимум к четырем различным погребальным традициям. Это исаковская и серовская погребальные традиции позднего неолита, погребения раннего неолита, которые имеют некоторые общие черты с китойской погребальной традицией, а также еще плохо изученные могилы среднего неолита [К вопросу о..., 2021; К проблеме..., 2020].

С другой стороны, в археологии и этнографии существует несколько моделей,

позволяющих объяснить вариабельность ориентировки погребенных. Первой такой моделью является речная ориентировка. Ориентирование усопших по реке было широко распространено среди народов Сибири. Как правило, это связано с верованиями о расположении загробного мира («мира мертвых», «страны предков» и т. п.) в низовьях крупной реки. Тем самым, ориентируя усопшего относительно водоема, ему облегчали путь в страну «предков».

Второй объяснительной моделью является ориентирование усопшего относительно восхода и захода Солнца. В мифологии многих народов движение Солнца связано с представлениями о жизни и смерти человека: Солнце уходит в потусторонний мир и умерший должен уйти туда же [Генинг, Генинг, 1985, с. 137].

В погребальных комплексах неолита и бронзового века Байкальской Сибири еще А. П. Окладниковым была выделена взаимосвязь ориентировки умерших и различных традиций погребений. Так, для китойской, исаковской и серовской погребальных традиций, стала характерной ориентировка по сторонам света, т. е. по солнцу, главным образом, солнцевсходу [Окладников, 1950, с. 84]. Для глазковских и шиверских могил им была отмечена речная ориентировка [Окладников, 1955]. Здесь стоит отметить, что погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья, которые, как отмечалось ранее, имели тесные родственные связи с глазковскими погребениями, также имеют речную ориентировку, преимущественно головой вниз по реке [Дударёк, Лохов, 2014].

Теперь же стоит обратиться непосредственно к анализу ориентировок неолитических погребений Северного Приангарья. В подавляющем большинстве могил погребенные были ориентированы параллельно реке, головой вверх по течению, причем эта тенденция сохраняется при любом изменении направления течения р. Ангары. Такое ориентирование усопшего сильно отличается от прибайкальских материалов, на основании чего можно говорить о совершенно иной погребальной традиции. Однако стоит заметить, что этот феномен может быть только лишь совпадением.

Если рассмотреть направление сторон света, то становится заметным преобладание ориентировок на восток с отклонениями СВ и ЮВ, что в свою очередь указывает на ориентирование по Солнцу.

Таким образом, сложившаяся ситуация, в настоящий момент, остается неоднозначной. Имеющиеся исходные данные пока не позволяют с достаточной долей уверен-

ности применить какую-либо из перечисленных объяснительных моделей. Дальнейшее изучение отдельных элементов погребального обряда эпохи неолита Северного Приангарья в совокупности с применением радиоуглеродного датирования и выделение на этой основе четких хронологических групп погребений позволит решить эту проблему.

Список литературы

1. Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам света // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 136–151.
2. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 54–80.
3. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы эпохи неолита Северного Приангарья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. 2020. С. 139–140.
4. К вопросу о среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири / Бердников И. М., Крутикова К. А., Дударёк С. П., Бердникова Н. Е., Соколова Н. Б. // Северные Архивы и Экспедиции. Красноярск. 2021. Т. 5. № 1. С. 33–55.
5. К проблеме хиатуса – перерыва в погребальных традициях неолитического населения Прибайкалья / Бердников И. М., Крутикова К. А., Дударёк С. П., Бердникова Н. Е., Соколова Н. Б. // Актуальные проблемы науки Прибайкалья. Иркутск, 2020. С. 15–20.
6. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1 и 2. 412 с.
7. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Глазковское время // МИА. № 43. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3. 374 с.

The problem of orientation of the Neolithic burials of the Northern Angara region

S. P. Dudariok

This article is devoted to the problem of analyzing the orientation to the cardinal points of the burial complexes of the Neolithic era in the Northern Angara region. When studying this array of burials, a large variability in orientation to the cardinal points was revealed. Analyzing the initial data, two main directions SE and NW were identified with deviations in the main points. Two explanatory models for the variability of the orientation of the buried have been proposed. The first model describes the location of the deceased relative to the river, based on the myth, widespread among the peoples of Siberia, about the location of the world of the dead in the lower reaches of the river. The second model describes the orientation of the buried relative to the point of sunrise/sunset.

Keywords: Northern Angara region, Neolithic burials, orientation.

Дударёк Сергей Павлович

инженер-исследователь, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет
e-mail: dudareks@mail.ru

Dudariok Sergey Pavlovich

Research Engineer, Scientific Research Center "Baikal Region"
Irkutsk State University
e-mail: dudareks@mail.ru

УДК 549.091-032.8(571.63)

Опыт организации и проведения экспериментальной площадки по расщеплению обсидиана (Приморский край)

Е. А. Еремеева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Тихоокеанский бассейн отличается повышенной вулканической активностью и повсеместным распространением магматических эффузивных материалов. К ним относятся и обсидиан (вулканическое стекло), образующийся при быстром охлаждении лавы. Содержание воды в обсидиане не более 1 %, что определяет его однородность и, соответственно, возможность искусственной обработки – в процессе расщепления и ретуширования, а также полировкой [Попов, Шекли, 1997, с. 79].

Фактически все древние и традиционные культуры Пасифики, начиная со времени первоначального заселения, в той или иной степени использовали обсидиан в орудийной и обрядовой деятельности, при изготовлении украшений и в торгово-обменных операциях [Табарев, 1991, с. 74].

В рамках тихоокеанской археологии изучение обсидиана можно условно разделить на три взаимосвязанных направления:

- *геохимия*, идентификация источников вулканического стекла, использовавшихся в древних культурах, отслеживание направлений и расстояний перемещения обсидиана в различные эпохи – современные методы анализа позволяют получить данные на основе минимальных образцов [Geochemical Characterization..., 1996, с. 95]. Отдельное место в этом направлении занимают методы датирования артефактов по степени гидратации;

- *технология*, способы обработки обсидиана, их эволюция, а также экспериментальные исследования, позволяющие реконструировать особенности пластинчатых, микропластинчатых, отщеповых и бифасиальных техник, а также различные поведенческие аспекты эксплуатации этого вида сырья – в данном случае характеристики сырья (размеры конкреций, качество) уже имеют важное значение;

- *культурный контекст*, использование обсидиана в ритуальной практике, в формате престижных технологий, символика и мифологическая окраска.

На территории Российского Дальнего Востока систематическое изучение обсидиана началось в 1990-х гг. К настоящему времени имеются интересные наработки по геохимии и технологии эксплуатации вулканического стекла в эпохи камня и палеометалла в Приморье, в Приамурье, на Сахалине, Камчатке, Чукотке, а также на сопредельных территориях Японского архипелага и Корейского полуострова, библиография насчитывает несколько десятков работ (статьи, монографии, доклады) на русском и иностранных языках [напр.: Табарев 2004; Gillam, Tabarev 2004; Kuzmin 2012, и др.].

В последнее время и российские [Кузьмин, 2019, с. 96], и зарубежные специалисты [Freund, 2013, p. 785] оценивают достигнутые итоги изучения обсидиана (*Obsidian studies*) и определяют перспективы дальнейших исследований. Отметим, что, в основном, это касается первого из указанных выше направлений – речь идет о расширении базы данных и развитии геохимических методов.

Нам, в свою очередь, представляется исключительно важным определить перспективы изучения технологии обработки вулканического стекла, экспериментальных исследований и роли обсидиана в культурном контексте (ритуал, искусство, контакты). Тематика культурного аспекта в отечественной литературе пока только намечена и, в значительной степени, опирается на материалы зарубежных территорий [Табарев, Кубан, 2010, с. 268].

Технологическое/экспериментальное направление предполагает детальное изучение всей технологической цепочки (*Chaîne opératoire*) взаимоотношения человека и сырья –

от поиска и выборки материала на коренных источниках до изготовления орудий и их утилизации в процессе хозяйственной деятельности.

В качестве примера рассмотрим опыт экспериментальной площадки по расщеплению обсидиана на базе проекта Стеглянухинского городища в 2020–2021 гг.

В континентальной части Дальневосточного региона «археологический» обсидиан представлен вулканическими стеклами гиаломеланами [Кузьмин, 2019, с. 106]. Коренные выходы этих пород на поверхность, образующие первичные источники, встречаются Шкотовском плато на юге Приморья.

Из вулканического стекла здесь имеются отложения подушечных лав и их отдельные фрагменты, образовавшиеся около 12–22 млн лет назад. При разрушении лавовые пласты дают большое количество обломков, которые разносятся водой и оседают в речных отложениях, формируя вторичные источники (из окатанных галек), на которые и ориентировался человек, начиная с финала палеолита (15–13 тыс. л. н.). В описываемом эксперименте при поиске сырья была выбрана река Илистая.

Следующим этапом была подготовка инструментария – отбойников и наковален, которые собирались на близлежащих галечных руслах рек с учетом оптимальных размеров, конфигурации, веса и вязкости, а также массивных роговых отбойников. Расщепление обсидиановых галек производилось в формате двух техник: методом биполярного расщепления (отбойник и наковальня) и прямым ударным расщеплением при помощи отбойника.

Основной орудийный набор для мелкой работы с изделиями состоял из абразивов различной зернистости, а также тонких медных и роговых отжимников.

Дальнейшая обработка полученных заготовок выполнялась отжимной (краевой и фасиальной) ретушью, а также резцовым сколом.

Участников эксперимента можно разделить на три группы. Опытный мастер, который проводит вводный инструктаж и обучение в формате мастер-класса; студенты и школьники без опыта. На второй год проведения экспериментов появилась еще одна группа – студенты магистерских и аспирантских программ НГУ

и ДВФУ, знающие основы изготовления обсидиановых орудий и имеющие возможность работать самостоятельно. Помимо опыта на качество и скорость усвоения навыков влияли и другие факторы – габариты тела, сила рук и пальцев, правое или левое предпочтение ведущей руки (с учетом того, что инструктор – правша), предрасположенность, внимание к деталям, собранность, мотивация и т.д., все, что могло отражаться на качественных и количественных характеристиках результатов и в древности.

Отметим и значение объективного фактора – если в 2020 г. при сборе сырья проблем с его дефицитом не было, то в 2021 г. сырья было меньше, и сами гальки были мельче (модель т.н. «стрессовой ситуации»). Следствием этого стала необходимость экономить материал, что, в свою очередь, повлияло на размер полученных орудий. В первом сезоне была получена коллекция орудий со средним размером от 2 до 10 см по максимальной оси, во втором – в диапазоне от 2 до 6 см.

Необходимо также подчеркнуть, что полноценный эксперимент в обязательном порядке включает и изучение отходов производства – дебитаж [Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004, с. 194]. Так, изготовление определенной категории орудий, например, наконечников стрел, сопровождается специфическим дебитажем, который собирается в отдельные пакеты и позволяет при проведении анализа археологического материала более четко диагностировать отходы производства.

Нам также представилась возможность произвести практическое применение экспериментальных орудий – при разделке рыбы.

Режущий край орудий (комбинированные ножи) получился очень острым благодаря качеству сырья и тщательной технике обработки. При разделке рыбы орудия справлялись со своей задачей, но очевидным минусом применения обсидиановых орудий является его хрупкость, не исключена опасность попадания мелких частичек вулканического стекла в волокна пищи.

Перспектива дальнейшего изучения обсидиана в древних сообществах тихоокеанского бассейна предполагает развитие экспериментального направления, а также поиска и обоб-

щения фактов символично-ритуальной роли вулканических стекол в культуре. Эти направления, несомненно, тесно связаны.

Экспериментальное изучение обсидиана помимо технологических данных об особенностях конкретного вида сырья позволяет получить важную информацию, связанную и с культурным контекстом – процессом обучения

и приобретения навыков, индивидуальным характером и способностями, эффективностью орудий при обработке органических и неорганических материалов.

*Научный руководитель – А. В. Табарев,
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

1. Кузьмин Я. В. Добыча и обмен обсидиана в доисторических культурах Дальнего Востока России и Северо-Восточной Сибири: обзор результатов 25-летних работ // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019. № 1. С. 92–107.
2. Попов В. К., Шекли С. Обсидиан Приморья: первые результаты археолого-геологической корреляции // Вестник ДВО РАН. 1997. № 3. С. 77–85.
3. Табарев А. В. Трижды забытый камень Обсидия (история одной загадки) // Современное состояние и перспективы развития научных исследований молодых обществоведов Дальнего Востока. Владивосток, 1991. С. 73–76.
4. Табарев А. В. Обсидиан в неолите Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 2–6.
5. Табарев А. В., Кубан А. А. Черное и красное: обсидиановые бифасы в ритуальных танцах индейцев Северо-западной Калифорнии // Открытие Америки продолжается. Вып. IV. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 244–285.
6. Уиттакер Дж. Ч., Алаев С. Н., Алаева Т. В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. Иркутск: «Оттиск», 2004. 310 с.
7. Freund K. P. An Assessment of the Current Applications and Future Directions of Obsidian Sourcing Studies in Archaeological Research // Archaeometry. 2013. Vol.55. № 5. Pp. 779–793.
8. Gillam J. C., Tabarev A. V. On the Path of Upper-Paleolithic Obsidians in the Russian Far East // Current Research in the Pleistocene. 2004. Vol. 21. № 1. Pp. 3–6.
9. Kuzmin Y. V. Long-distance Obsidian Transport in Prehistoric Northeast Asia // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 2012. Vol.32. Pp. 1–5.
10. Geochemical Characterization of Archaeological Obsidian from the Russian Far East: A Pilot Study / M. S. Shackley, M. D. Glascock, Y. V. Kuzmin, A. V. Tabarev // International Symposium on Archaeometry. University of Illinois of Urbana. Champaign, Urbana, 1996. Pp. 95–96.

The experience of organizing and conducting an experimental site for splitting obsidian (Primorsky Krai)

E. A. Ereemeeva

The technological/experimental direction involves a detailed study of the entire technological chain (Chaîne opératoire) of the relationship between man and raw materials – from the search and sampling of material at indigenous sources to the manufacture of tools and their disposal in the course of economic activity.

As an example, let's consider the experience of an experimental site for the splitting of obsidian on the basis of the Glas'ukhinsky settlement project in 2020-21.

The prospect of further study of obsidian in the ancient communities of the Pacific basin suggests the development of an experimental direction, as well as the search and generalization of the facts of the symbolic and ritual role of volcanic glasses in culture. These areas are undoubtedly closely related.

Keywords: Seaside archaeology, obsidian, volcanic glass, experimental archaeology

Еремеева Екатерина Андреевна

магистрант 1 года обучения

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: milkovskym@gmail.com

Ereemeeva Ekaterina Andreevna

1st year graduate student

Far East Federal University

e-mail: milkovskym@gmail.com

Техники микропластинчатого производства позднего этапа верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири (по материалам местонахождения Черемушник 2)*

Д. П. Золотарев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Археологические комплексы позднего этапа верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири маркируются терминально-краевым расщеплением (ТКМР), основанным, в классическом понимании, на утилизации клиновидных/торцовых форм в рамках вариаций техник (методов). Идентификация последних позволила определить две основные традиции ТКМР: западную (техника сайкаи) и восточную (юбецонидные техники) [Бердникова, Золотарев, 2020]. Сочетание характеристик этих традиций делает одними из наиболее информативных, в плане технологических реконструкций, материалы микрорасщепления с местонахождения Черемушник 2.

Местонахождение расположено на левом берегу р. Белая в 2,3 км выше ее впадения в р. Ангара на слабо наклонной поверхности с относительными отметками 25 м от уреза р. Белая. Оно открыто в 1967 г. и исследовалось в 1969–1972 гг. Г. И. Медведевым, И. Л. Лежненко. Вскрытая площадь составила 305 м². Выделено 2 уровня залегания находок (культурных горизонтов – к. г.), маркированных, соответственно, как 1 и 2 к. г. 1 к. г. фиксировался в горизонтах В–С современной почвы (sr⁴, ВА) на глубине 0,55–0,75 м; 2 к. г. – в слаборазвитой почве (sr³) на глубине 1,10–1,20 м [Лежненко, 1974]. Возраст культурных комплексов определялся по их стратиграфическому положению и радиоуглеродным AMS-датам: 1 к. г. – 12602±46 (ОхА-39084) или 15170–14714 кал. л. н.; 2 к. г. – 15651±63 (ОхА-39085) или 19046–18750 кал. л. н. [Soil Formation ..., 2021]. Суммарное количество предметов каменного инвентаря обоих горизонтов составляет 9076 ед. (1 к. г. – 5609 ед.; 2 к. г. – 3467 ед.). Фауна обо-

их горизонтов представлена костями северного оленя и лошади.

Использован атрибутивный подход, который является способом изучения «операционной цепочки» (*chaîne opératoire*). Подход основан на выявлении и фиксации морфометрических технологически значимых признаков, а также интерпретации их устойчивых сочетаний [Monigal, 2002].

Описание и анализ нуклевидных форм проводились по набору признаков, принятому в исследованиях схожей направленности [Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Артемьев, 1996; Ташак, 2005; Мороз, 2008; Павленок, 2015]: тип сырья, характер заготовки, оформление латеральных поверхностей и киле-гребневой части, ориентация и характер обработки ударной площадки, угол скалывания, метрические характеристики – высота фронта нуклеуса, ширина и глубина площадки, количество и ширина негативов снятий микропластин.

К. г. 2. Терминально-краевой принцип расщепления характерен для 4 преформ и 23 нуклеусов. Для к. г. 2 выделяются 2 группы нуклеусов.

Группа 1 (18 экз.) состоит из монофронтальных клиновидных нуклеусов, изготовленных из кремня (16 экз.) и микрокварцита (2 экз.). Заготовками для них служили сколы, уплощенные нуклеусы(?) и специально подготовленные бифасиальные формы. Для нуклевидных форм этой группы характерна асимметрия в сечении, выраженная в морфологии латеральных поверхностей. Киль и гребень обработаны мелкими бифасиальными и унифасиальными сколами, лишь у 5 изделий вместо гребня необработанная естественная поверхность.

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров» и при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-22-324

На латеральных 5 нуклеусов имеются негативы параллельных пластинчатых снятий. Площадки оформлялись поперечными сколами с одной из латералей, а рабочий сегмент дополнялся коротким снятием с фронта. Размеры нуклеусов колеблются от $3 \times 2,3 \times 1,3$ см до $6,2 \times 5,8 \times 2,7$ см. На фронтах отмечаются негативы 3–4 микропластинчатых снятий. Угол скалывания варьирует в диапазоне от 56° до 90° .

Терминальные нуклеусы на первичных сколах, оформленные в технике резцового снятия, образуют группу 2 (5 экз.). Площадки гладкие, скошены к контрфронту, лишь в одном случае подправлена коротким сколом с фронта. Размеры нуклеусов варьируют в диапазоне от $2,5 \times 3,9 \times 1,1$ см до $5,2 \times 5 \times 1,2$ см. Показатели угла между площадкой и фронтом соответствуют 59° – 73° .

К. г. 1. Терминально-краевой принцип расщепления выражен в 2 преформах, 11 монофронтальных клиновидных нуклеусах и одном нуклевидном обломке. Все изделия изготовлены из кремня. Большинство нуклеусов с характерной плоско-выпуклой морфологией латералей (9 экз.) выдержаны в одной технологической манере и аналогичны изделиям из к. г. 2 (группа 1). В качестве заготовок использовались сколы, плоские нуклеусы различных модификаций(?) и специально подготовленные бифасиальные формы. Киле-ребневая часть оформлена двусторонними сколами, лишь на 3 изделиях гребень как элемент не выражен и имеет уплощенную естественную поверхность. Площадки 9 нуклеусов подготовлены сколами с латерали, а рабочий сегмент дополнялся коротким фронтальным снятием или серией. Только один нуклеус, апплицированный из двух фрагментов, имеет площадку, оформленную двумя продольными снятиями. На фронтах зафиксированы 2–6 негативов микропластинчатых снятий шириной от 2 до 5 мм. Размеры нуклеусов колеблются от $2,7 \times 1,1 \times 1$ см до $4,4 \times 2,4 \times 1,5$ см. Угол между площадкой и фронтом варьирует от 48° до 88° , с доминирующими значениями 70 – 80° .

Абсолютные и относительные датировки комплексов к. г. 1, 2 местонахождения Черемушник 2 позволяют соотнести их с культурно-хронологическими группами среднего (sr^{31} – 19,0–17,6 тыс. кал. л. н.) и позднего (sr^4 – 14,7–

12,8 тыс. кал. л. н.) сартана соответственно. Тем не менее, полученные технико-типологические показатели демонстрируют сходство приемов оформления и утилизации нуклевидных форм из этих слоев.

В основе рассматриваемой терминально-краевой стратегии расщепления лежит использование в качестве заготовок сколов, уплощенных нуклеусов различных модификаций(?) и специально подготовленных бифасиальных форм. Для последних характерна скошенность одного из коротких краев бифаса, оформленного поперечными сколами (будущая площадка). О стратегии переоформления истощенных плоскофронтальных нуклеусов в клиновидные можно косвенно утверждать по сохранившимся негативам параллельных пластинчатых снятий на латеральных заготовок и остаточных нуклевидных форм. Подобная технология в виде схем 1 и 2 отмечается в синхронных комплексах селенгинской культуры Западного Забайкалья [Ташак, 2005; Мороз, 2008; Павленок, 2015].

На основе анализа приемов оформления и подживления площадок клиновидных нуклеусов можно сделать следующие выводы. Основной целью обработки площадки является поддержание оптимального угла скалывания, который в процессе утилизации приближался к прямому. Подготовка площадки имеет ключевое значение в региональной и хронологической характеристике. Для к. г. 1, 2 местонахождения Черемушник 2 зафиксирован особый вариант подготовки площадок. Они оформлялись серией сколов с латерали. Затем рабочий сегмент дополнялся специфическим «ступенчатым» сколом с фронта. Коллекция таких технических снятий, в том числе и одного апплицированного с нуклеусом, подтверждает предложенный вариант оформления площадок. Вышеперечисленные приемы подготовки площадок сходны с техникой кампус (Campus), распространенной в финальноплейстоценовых и раннеголоценовых местонахождениях Аляски [Moble, 1991; Gomez Coutouly, 2012].

Ближайшие аналогии терминально-краевому расщеплению со схожими параметрами прослеживаются в синхронных комплексах долины р. Белая в Южном Приангарье (Усть-Белая, к. г. 14–16; Черемушник 1; Мальта-Мост 3, к. г. 1–3).

На основании проведенного исследования можно заключить, что терминально-краевое расщепление из 1 и 2 к. г. местонахождения Черемушник 2 имеет ряд общих характеристик, выражающихся в использовании специальных бифасиальных заготовок, возможно, переориентировании нуклеусов плоскостного принципа расщепления и способах оформления конструктивных элементов нуклеусов (обработка киле-гребневой

части и латералей, подготовка площадки). Таким образом, в развитии ТКМР отмечается некоторая преемственность (техника кампус и формы в технике резцового снятия) для комплексов среднего и позднего сартана Байкало-Енисейской Сибири.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова,
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Артемьев Е. В. Микропластинчатая индустрия верхнепалеолитических памятников Средней Сибири (Средний Енисей): дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1996. 222 с.
2. Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П. Технологии микропластинчатого терминально-краевого расщепления в комплексах сартана (МИС 2) Байкало-Енисейской Сибири // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Самара, 2020. Т. I. С. 9–10.
3. Лежненко И. Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. 1974. Вып. 2. С. 65–115.
4. Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. 1974. Вып. 1. С. 60–90.
5. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2008. 278 с.
6. Павленок Г. Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 295 с.
7. Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.
8. Gómez Coutouly Y. A. Pressure microblade industries in Pleistocene-Holocene Interior Alaska: current data and discussions // The emergence of pressure knapping: from origin to modern experimentation. New York: Springer, 2012. Pp. 347–374.
9. Mobley C. M. The Campus Site: A Prehistoric Camp at Fairbanks, Alaska. Fairbanks: University of Alaska Press, 1991. 104 p.
10. Monigal K. The Levantine leptolithic: blade production from the Lower Paleolithic to the down of the Upper Paleolithic. Southern Methodist University, Dallas, 2002. 613 p. (Ph.D. dissertation).
11. Soil Formation, Subaerial Sedimentation Processes and Ancient Cultures during MIS 2 and the Deglaciation Phase MIS 1 in the Baikal–Yenisei Siberia (Russia) / G. Vorobieva, N. Vashukevich, N. Berdnikova; I. Berdnikov; D. Zolotarev, S. Kuklina, E. Lipnina // Geosciences. 2021. Vol. 11. 323.

Techniques of Microblade Production of the Late Stage of the Upper Paleolithic of Baikal-Yenisei Siberia (Based on Materials From the Cheremushnik 2 Site)

D. P. Zolotarev

Technological characteristics of terminal-edge knapping from the cultural layers 1 and 2 of the Cheremushnik 2 site are presented. The terminal-edge knapping strategy is based on the use of flakes, flattened cores of various modifications, and specially prepared bifacial forms as blanks. A special variant of site preparation by transverse spalling from the laterals and a specific “stepped” spalling from the front was recorded. For the archaeological complexes of the Middle (sr³) and Late (sr⁴) Sartan of Baikal-Yenisei Siberia, there is some continuity in the development of terminal-edge knapping (Campus and burin spall techniques).

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Upper Paleolithic, microblade technique, wedge-shaped cores, Campus.

Золотарев Дмитрий Павлович

аспирант 1-го года обучения, инженер-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Zolotarev Dmitriy Pavlovich

Postgraduate 1st year, Research engineer
Scientific Research Center «Baikal Region»
Irkutsk State University
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Перфорация тонко выделанной шкуры: результаты экспериментальных данных

А. Д. Керик

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Исследование палеотехнологий важно в рамках изучения верхнего палеолита с точки зрения восстановления и прояснения отдельных аспектов древней культуры повседневности. Для достижения этой цели мы обратились к эксперименту, ориентированному на модельное воспроизводство процесса труда и производственной технологии. Он заключается в реализации научно поставленных опытов и проведенных наблюдений, осуществленных в контексте контроля условий производства, максимально приближенных к исторической действительности (к нашим представлениям о ней на данный момент).

У экспериментальной археологии продолжительная история развития, свои «знаковые» теоретические труды, основными из которых для нас являются исследования С. А. Семенова [Семенов, 1957], посвященное систематизации экспериментальных данных в археологии, Г. А. Хлопачева и Е. Ю. Гири [Хлопачев, Гирия, 2010], раскрывающие специфику наблюдений и функциональных особенностей следов производственного износа орудий, выполненных из бивня мамонта.

В центре внимания предлагаемого экспериментального наблюдения – работа иглой из бивня мамонта по тонко выделанной шкурке зайца и следы производственного износа на используемом инструменте. При фиксации состояния поверхности иглы использовалась камера Canon EOS 850D с макрообъективом Canon EF-S 100 mm f/2.8 Macro USM и увеличительными кольцами. Для наблюдений следов износа применялся микроскоп МБС-10. Для облегчения наблюдений следов износа, повышения четкости фиксации изделие напылялось магнием.

Характеристика исходных материалов. Игла выполнена И. В. Шмидт, доцентом кафедры теологии, философии и культурологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, из продольного отщеп

дентина бивня мамонта; сырье происходит из сборов с Новосибирских островов. Для размягчения дентина, он был вымочен в воде в течение двух дней. После этого сформирована заготовка иглы путем остругивания кремниевым отщепом и в завершение – выполнена шлифовка наждачной бумагой всей поверхности иглы. В готовом варианте размеры изделия (длина/ширина/толщина) составили: 60×5×3 мм. Форма поперечного сечения неодинакова: в проксимальной части она уплощенная, в медиальной – эллипсоидная, в дистальной – округлая. Параметры сквозного отверстия: 6×3×3 мм. При формировании ушка использован прием двустороннего прорезания с разворачиванием, заимствованный из образцов костяных и бивневых изделий памятников Костенковско-Борщевского ареала [Верхний палеолит, 2016]. Для удобства наблюдений поверхность иглы была протерта порошком желтой охры, что дополнительно выделило (забило каналы) изначальный «технологический» рельеф. В ходе работы он может быть сглажен и интенсивность его редукции в отдельных зонах дополнительно обозначит зоны интенсивного износа.

В качестве перфорируемого материала использована механически выделанная шкурка зайца толщиной 1–2 мм. Механическая обработка заключалась в мездрении и скоблении сырья (без обращения к химическим компонентам и воздействиям) для получения тонко выделанной шкуры. Мездрение влажной шкурки производилось ножом двумя людьми. По времени весь процесс мездрения занял 1 ч 13 мин. Во время всего процесса шкура была натянута на деревянную раму. Изначально было решено срезать жировую прослойку, однако сделать это было затруднительно, из-за глубоких разрезов происходил разрыв шкуры. Затем путем против направленного растягивания жировой прослойки и самой дермы

удалось очистить значительную часть шкуры. После завершения мездрения шкура была оставлена на деревянной раме высыхать.

Процедура скобления реализована по уже высохшей шкурке, на что потребовалось 2 ч 11 мин. Операция выполнена кремневым отщепом, зажатым в ладони (т. е. без рукоятки). Направления движения орудием были разнообразными: горизонтальными, вертикальными и диагональными. После завершения обработки шкуры центральная часть полотна обладала признаками тонкой выделки – мягкая и слегка шершавая, при любом складывании материала заломов не давала (чего нельзя сказать о краях, оставшихся без тщательной выделки).

В качестве нитей использован растительный материал – волокна технической конопли (эпидерма стеблей). Перед использованием их размягчали в горячей воде и разделяли на более тонкие волокна (длиной от 20 до 30 см).

Протокол процедуры. В процессе перфорации острие изделия было ориентировано перпендикулярно поверхности материала. Орудие с легкостью проходило шкуру, расширяя при этом изначальный диаметр отверстия. Для протаскивания самой широкой части иглы (проксимальной) достаточно было небольшого давления пальца на обушок иглы. В ходе эксперимента перфорация происходила в основном со стороны дермы, поскольку перфорация со стороны ворса была неудобна, так как длина иглы была не намного длиннее ворса, что затрудняло движения иглы.

Результаты. Финальное состояние инструмента после 100 перфораций характеризуется незначительным изменением его параметров (рис. 1). Длина изделия сократилась всего на 1 мм. Заполированность поверхности слабо прослеживается. Однако стоит обратить внимание на то, что в дистальной части иглы произошел небольшой слом и игла затупилась (рис. 1).

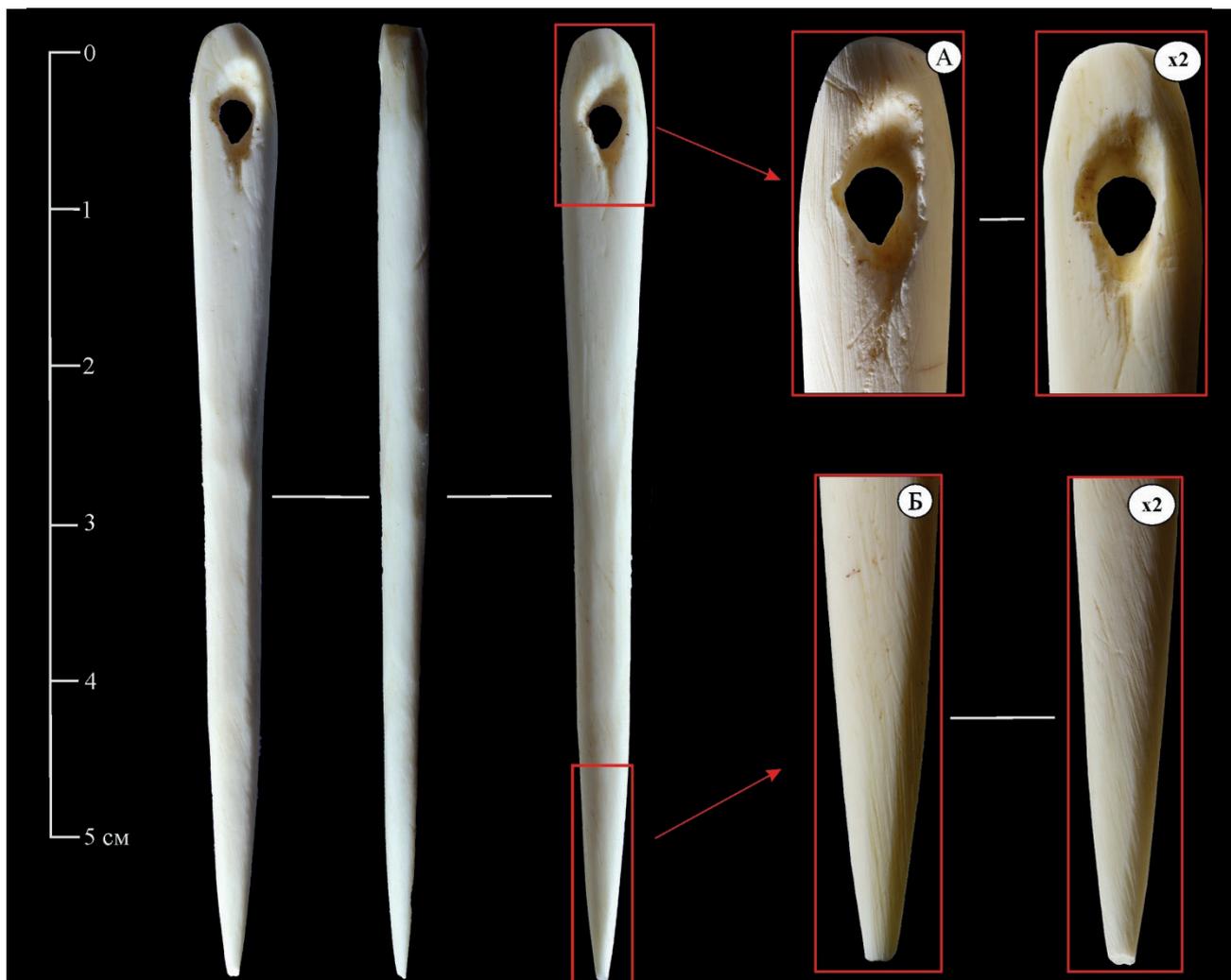

Рис. 1. Игла после завершения эксперимента: А – дистальная зона; Б – проксимальная зона. Макрофото с использованием магниевого напыления (фото И. В. Шмидт)

Полученные результаты позволяют заключить:

- для перфорации шкуры тонкой выделки не требуется дополнительных инструментов, таких как шилья и проколки;

- длина иглы играет значительную роль, поскольку короткими иглами перфорировать шкуру с длинным и густым мехом затруднительно;

- при использовании костяной иглы для перфорации тонко выделанной шкуры, заполировка на ее поверхности формируется достаточно медленно. К факторам, влияющим на процесс формирования заполировки, по-видимому, необходимо отнести толщину материала. В нашем случае она мала – 1–2 мм. Количество перфораций также необходимо увеличить (со 100 до 200 как минимум). Методическим ориентиром в контексте продолжения эксперимента для нас станет исследование И. В. Шмидт и Е. А. Ковальченко, по перфорации шкуры грубой выделки [Шмидт, Ковальченко, 2022, с. 25].

В ходе наблюдения были сделаны и сопутствующие выводы относительно обработки материала и нитей. Для исследования использованы методы и техники доступные палеолитическому человеку, поэтому мы можем говорить, что для тонкой выделки достаточно мездрения и скобления, чтобы достичь мягкости шкуры. Также, можно отметить, что со временем нити из волокон технической

конопли и даже сухожилий высыхают и не могут служить соединительным материалом; они становятся ломкими и хрупкими, что противоречит задачам эксплуатации скрепленной шкуры. Для восстановления эластичности нити можно обрабатывать животным жиром, тогда они не рвутся. Есть основания предполагать, что швы в верхнем палеолите периодически обрабатывали аналогичными субстанциями.

Резюме: Реконструкция процесса перфорации тонко выделанной шкурки зайца костяной иглой позволяет аргументировано заявить о возможности работы одной иглой без посредников (проколок, шильев и т.д.). Возможно, они использовались лишь для проведения нити через полученные отверстия, что сохраняло им их грацильность и длину.

Исследования в данном направлении будут продолжены. Это необходимо для формирования базы образцов следов производственных процессов на инструментах, связанных с обработкой шкур, что поможет нам в понимании процессов производства глубокой первобытности.

*Научный руководитель – Т. А. Горбунова
канд. ист. наук, доцент, кафедра этнологии,
антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

Список литературы

1. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г.А.Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016.
2. Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА, № 54).
3. Хлопачев Г. А., Гирия Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.
4. Шмидт И. В., Ковальченко Е. А. Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации шкуры грубой выделки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 5. С. 20–31. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-20-31.

Perforation of fine tanned hide: results of experimental data

A. D. Kerik

The study presents the results of making and using a needle made from a mammoth tusk splinter for punching rough-workmanship hides. The purpose of the study is to obtain and analyze traces of recycling, dynamics and specifics of their formation on a bone needle (with a hemp thread) under conditions of perforation of a fragment of finely tanned hide. Particular attention is paid to the description of modification of the tool in the course of this procedure and to

discussion of traces of utilization formed on its surface in the process of hundreds of perforation acts. The obtained data make it possible to reasonably discuss the particular stages of both the manufacture and use of similar items, the pace of formation of typical signs of activity on the surface of the tools. The obtained trace samples allow us to determine the range of tools involved in the preparation of finely processed materials, and can be included in the collection of standards of restored procedures.

Keywords: experimental archaeology, needles, finely tanned hide, utilization traces on the tool

Керик Анна Дмитриевна

студент 2-го курса

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

e-mail: a-kerik@mail.ru

Kerik Anna Dmitrievna

Student 2nd year

F. M. Dostoevsky Omsk State University

e-mail: a-kerik@mail.ru

УДК 903.02

Типологический анализ коллекции скребел культурного слоя 3 стоянки Куналей (Западное Забайкалье)

А. В. Киенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Типологический анализ каменных изделий является первым этапом изучения археологической коллекции. Согласно археологическому словарю, скребло – это изделие с протяженным рабочим краем (или несколькими краями), сформированным ретушью. Один из основных классов орудий палеолита, повсеместно распространенный с олдувая, обычно составляющий основную массу формальных орудий ашеля-мустье и убывающий в верхнем палеолите. Использовался чаще всего для обработки (скобления и резания) мягких материалов, таких как кожа и шкура [Четырехязычный..., 2007].

В результате исследований, проводимых в Забайкалье, наиболее представительные коллекции скребел выявлены на памятниках Каменка [Константинов, 1994], Приисковая [Карасев, Колосов, Крушевский, 1996] и Куналей [Константинов, 1994].

В рамках данной статьи нами будет рассмотрена коллекция скребел культурного слоя 3 (далее КС) стоянки Куналей (Западное Забайкалье). В работе проведен типологический анализ скребел слоя 3 стоянки Куналей, которая интерпретируется М. В. Константиновым

как памятник ранней поры верхнего палеолита, синхронный стоянке Толбага.

Поселение каменного века Куналей находится в республике Бурятия в долине р. Хилок близ села Малый Куналей. Памятник был открыт в 1971 г. во время разведки возглавляемой М. В. Константиновым, раскопки проводились в 1973, 1977, 1988 и 1989 гг. Были проблемы в оценке геологического положения памятника. Поселение является трехслойным со слоями верхнего палеолита, мезолита и бронзы [Константинов, 1994].

На основании анализа палеолитического материала стоянки Куналей М. В. Константиновым была выделена Куналейская культура, к которой относится группа поселений ранней поры верхнего палеолита – Каменка, Читкан [там же] На памятнике выделено 9 литологических слоев. Покровный комплекс отложений (слои 1–6) – делювиальные, основной комплекс (слои 7–9) – аллювиальные, подстилающий комплекс делится на две фации: пойменная (слой 7), русловая (слой 8–9).

Самым представительным на памятнике Куналей является КС 3, каменному материалу

которого и посвящена данная работа. КС 3 соответствует литологическому слою 6. В слое 3 нет четких стерильных прослоек и материал располагался на всех уровнях равномерно, поэтому не была выявлена поверхность обитания.

В результате изучения КС 3 была выявлена археологическая коллекция 2283 экз., из них 299 орудий. Автор исследований отмечает широкую вариативность сырья: кремь, липарит, глинистый туф, фельзит и речная галька [там же]. Индустрия в основе отщеповая (1887 экз.), также можно отметить наличие всех элементов цепочки процесса расщепления, в первую очередь нуклеусов (76 экз.). В качестве формы основного сырья для заготовок в 78 % служили желваки, в 13 % плитчатые отдельности и в 9 % галька. Среди орудий, наиболее устойчивыми типами являются скребла (91) и концевые скребки (35).

В рамках данной работы нами проведен типологический анализ коллекции скребел из КС 3 по ряду признаков: вариант заготовки, вид ретуши, размер ретуши, угол ретуши, локализация ретуши, дополнительный функционал (комбинированное орудие), сырье, характер расположения обушковой части. В своей работе мы опирались на методические разработки М. В. Константинова, Е. Ю. Гири [Гири, 1997].

Большинство скребел изготовлено из отщепов (95 %), что характерно для ранней поры верхнего палеолита. Остальные 5 % изготовлены на основе пластин и плитчатых отдельностей. Основным вариантом вторичной обработки является ретушь. «Ретушь – это прием вторичной обработки, заключающийся в трансформации края заготовки нанесением серии мелких сколов посредством удара или отжима» [Четырехязычный..., 2007]. В большинстве случаев ретушь концентрируется на дорсальной поверхности 89 %, также встречается двусторонняя ретушь 7 % и лишь в 4 % случаев на вентральной. В большинстве своем ретушь разнофасеточная (53 %), мелкофасеточная (28 %) и крупнофасеточная (19 %). В 69 % случаев ретушь пологая, в остальных: либо крутая (19 %), либо полукрутая (12 %). Также в большинстве случаев ретушь локализована по периметру (58 %), в 40 % на левом крае, в меньшинстве на пра-

вом крае (1 %) и на дистальной части (1 %). В 86 % случаев орудия не являются комбинированными, в 9 % имеют дополнительное лезвие, в 2 % фиксируется переоформление изделия в долотовидное орудие, также в 3 % на изделии оформлено жальце, которое могло быть использоваться как острие или проколка. Более детально говорить о функциональном назначении дополнительных рабочих поверхностей этих изделий возможно только при проведении трасологического анализа. По сырьевому составу в большинстве своем орудия изготовлены на желваках (78 %), в 13 % на плитке и в 9 % на гальке. Обушковая часть подготовлена в 52 % случаев, в 48 % не подготовлена.

На основании анализа формы изделий, локализации и вида ретуши, наличия дополнительной рабочей поверхности нами выделено 12 типов скребел.

1 – Двухстороннее скребло на пластине, рабочий край сформирован дорсальной мелкофасеточной пологой ретушью по периметру, обушковая часть естественная, не обработана 2 экз.;

2 – Массивное скребло высокой формы с дорсальной мелкофасеточной пологой ретушью по периметру, 2 экз.;

3 – Скребло высокой формы с дорсальной разнофасеточной крутой ретушью по периметру, 14 экз.;

4 – Скребло концевое с дорсальной разнофасеточной пологой ретушью, 2 экз.;

5 – Скребло концевое с комбинированной ретушью, 1 экз.;

6 – Скребло с мелкофасеточной ретушью по периметру на дорсале, 1 экз.;

7 – Скребло подтреугольной формы с боковой ретушью на дорсале, 3 экз.;

8 – Скребло с боковой дорсальной разнофасеточной ретушью, 16 экз.;

9 – Скребло с дорсальной встречной ретушью, 1 экз.;

10 – Скребло уплощенной формы с дорсальной комбинированной ретушью по периметру, 3 экз.;

11 – Скребло с двусторонней дорсальной ретушью на отщепе, 2 экз.;

12 – Комбинированное орудие, в дополнение к лезвию скребла сформирована дополни-

тельная рабочая поверхность в виде шильца или долотовидного орудия, 9 экз.

Наиболее многочисленными группами скребел в коллекции КС 3 стоянки Куналей являются: скребло высокой формы с дорсальной разнофасеточной крутой ретушью на по периметру, 14 экз. и скребло с боковой дорсальной разнофасеточной ретушью, 16 экз. Остальные типы представлены группами по 2–3 экземпляра или единичными изделиями. Это может свидетельствовать о разной функциональной направленности операций, которые осуществлялись обитателями стоян-

ки Куналей. Также по этнографическим данным известны наблюдения о специализации хозяйственной деятельности. Дальнейшее изучение коллекции скребел с применением трасологического анализа позволит более подробно говорить и их функциональном назначении и соотносится ли различия в морфологии изделий с разными вариантами утилизации.

*Научный руководитель – Н. О. Викулова,
мл. науч. сотр. отдела археологии каменного века
Институт археологии РАН*

Список литературы

1. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2007. 264 с.
2. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997. 198 с.
3. Карасев В. В., Колосов В. К., Крушевский В. В. Палеолитическое местонахождение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интерконгрессу, 1996). Чита, 1996. С. 70–103.
4. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита, 1994. 179 с.

Typological analysis of the collection of scrapers from cultural layer 3 at the Kunaley site (Western Transbaikalia)

A. V. Kienko

In the framework of this work, we examined a collection of stone artifacts from the cultural layer 3 of the Kunaley site, discovered in the territory of Western Transbaikalia. In total, we studied a collection of scraper-type products from 66 items. Typological analysis, taking into account the type of workpiece, the size and angle of the retouch, the localization of the retouch, the assessment of additional working surfaces of the product, the intensity of the design of the butt part, we identified the main 12 types of scrapers. They are mostly made on medium flakes 5-7 cm long; there are also artifacts on blade fragments. The variability of raw materials is noted, the inhabitants of the kunal site used pebbles, slab-like pieces and nodules. The most numerous groups of side-scrapers in the collection of KS 3 at the Kunaley site are: high-shaped side-scrapers with dorsal sharp retouching of different facets on the perimeter, 14 specimens. and side scraper with lateral dorsal retouch of different facets, 16 pcs. The remaining types are presented in groups of 2-3 copies or single products. This may indicate a different functional orientation of the operations that were carried out by the inhabitants of the Kunaley site. Also, according to ethnographic data, observations about the specialization of economic activity are known. Further study of the collection of scrapers using traceological analysis will allow us to speak in more detail about their functional purpose and whether the differences in the morphology of products correlate with different disposal options.

Keywords: Western Transbaikalia, Early Upper Paleolithic, Kunaley, typological analysis, cultural layer, scraper, variability of raw materials.

Киенко Антон Вадимович

студент 2 года обучения
Забайкальский государственный университет
kienkoanton26@gmail.com

Kienko Anton Vadimovich

student of 2st year of study
Zabaykalsky State University
kienkoanton26@gmail.com

Экспериментальное моделирование хозяйственной деятельности населения Алтая в начале верхнего палеолита

Е. В. Левина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Экспериментально-трасологические исследования материалов верхнего палеолита, полученных с территории Российского Алтая, ведутся более тридцати лет [Кононенко, 1990; Волков, 2013; Предварительные результаты..., 2018; Ударно-абразивные..., 2021]. Реализованные работы позволили внести существенный вклад в понимание функций конкретных типов орудий труда, значительно расширили возможности для реконструкции способов обработки различных материалов, создавая предпосылки для перехода к реконструкции отдельных производств и хозяйства в целом. Подобные изыскания являются одним из наиболее перспективных научных направлений, способствующих всестороннему изучению отдельных групп и категорий древних артефактов, а также определению функциональности археологических памятников.

На современном этапе развития алтайского палеолитоведения в процессе экспериментально-трасологических исследований каменных и костяных артефактов широко используется современное микроскопическое оборудование, фотофиксация и технологии 3D-сканирования. Одной из проблем, усложняющих проведение анализа, является сырьевой фактор. Верхнепалеолитические традиции Алтая на протяжении своего развития формировались в условиях чрезвычайно разнообразной по составу и качеству сырьевой базы. Создание сравнительной коллекции трасологических эталонов, индивидуальной для каждой группы археологических памятников, является необходимым условием для проведения корректных и доказательных исследований.

В рамках междисциплинарного изучения комплексов верхнего палеолита Алтая, нами была проведена работа по формированию

оригинальной коллекции трасологических эталонов, отвечающей специфике местной ресурсной базы. Были реализованы работы по моделированию технологий расщепления минерального сырья (алевролитов, туфов, песчаников, эффузивов), доступных палеолитическим обитателям долин р. Урсул и ее притоков, а также долин рек Ануй и Каракол. Полученные заготовки использовались для обработки разнообразных органических материалов. Был проведен 21 эксперимент; в качестве исходных заготовок для осуществления различных хозяйственных операций были использованы пластины без обработки ($n = 11$), пластины с ретушью ($n = 2$), концевые скребки ($n = 4$) и резцы на пластинах ($n = 3$), отщепы ($n = 1$). В рамках экспериментов проводились работы по скоблению шкур, увлажненной кости и сухого дерева, строганию и пилению кости, рога и дерева, резанию шкуры и срезанию шерсти, прорезанию пазов в кости. В процессе работы фиксировалась информация о цели эксперимента, типы обрабатываемого сырья, кинематика и положения инструмента относительно материала, количество движений, затраченное на проведение операции время; эксперименты сопровождалась фото- и видеофиксацией.

Результаты проведенных экспериментов позволили проследить основные особенности формообразования макро- и микроследов износа на каменных орудиях из местного сырья. В дальнейшем экспериментальные наблюдения и сравнительный анализ микро- и макропризнаков износа и обработки на эталонах и древних артефактах позволит определить способ изготовления, назначение и варианты использования каменных орудий из археологических коллекций памятников верхнего палеолита Алтая. Многотысячные

коллекции каменных артефактов, имеющие четкую стратиграфическую и хронологическую привязку, сопровождаемые палинологическими, фаунистическими и другими естественнонаучными данными, являются надежным источником для реконструкции

хозяйственно-производственной деятельности древних людей.

*Научный руководитель – М. В. Шуньков,
д-р ист. наук, чл.-корр. РАН,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

1. Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
2. Кононенко Н. А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск, 1990. С. 43–47.
3. Предварительные результаты трасологического анализа конвергентных скребел и ретушированных остроконечников из Чагырской пещеры / П. В. Волков, А. В. Шалагина, К. А. Колобова, С. В. Маркин // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 24. С. 23–38.
5. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: Результаты функционального анализа / М. В. Селецкий, А. Ю. Федорченко, П. В. Чистяков, С. В. Маркин, К. А. Колобова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 2. С. 23–31.

Economic activity of the Early Upper Palaeolithic population of Altai: Experimental study

E. V. Levina

Experimental studies of Upper Palaeolithic assemblages from Russian Altai have been studied for more than thirty years. These studies made an important contribution to the understanding of the stone tools` functions, expanded the possibilities for reconstructing the methods of processing various raw materials, creating the prerequisites for the transition to the reconstruction of technologies and the economy as a whole. In the course of our research, we carried out work on the formation of an original collection of traceological samples that meets the specifics of the local resource base. The results of the experiments made it possible to trace the main features of the macro- and micro use-wear traces on stone tools. Experimental observations and a comparative analysis of micro- and macro use-wear and treatment traces on samples and ancient artifacts made it possible to determine the method of manufacture, purpose and options for using stone from the archaeological collections of the Altai Upper Palaeolithic sites.

Keywords: Russian Altai, Experiments, Use-wear analysis, Functional analysis, Lithic assemblages, Reconstructions.

Левина Екатерина Владимировна

бакалавр 3 года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: katlevina2002@gmail.com

Levina Yekaterina Vladimirovna

3-year bachelor

Novosibirsk State University

e-mail: katlevina2002@gmail.com

Опорные памятники каменного века в долине реки Витим*

Д. М. Почекунин

Иркутский государственный университет, Иркутск
Институт земной коры СО РАН, Иркутск

Витим – основная водная артерия Витимского плоскогорья и один из самых крупных притоков р. Лены. Длина реки составляет около 2000 км. Долина пересекает Витимское плоскогорье и несколько нагорий: Становое, Северо-Байкальское, Патомское. Северо-Муйский и Южно-Муйский хребты делят бассейн Витима на южную (верхнюю) часть и северную (нижнюю) половину [Ветров, 1992].

До 60-х гг. XX в. территория Витима оставалась малоизученной археологами. Первым этапом полномасштабных археологических исследований Витима следует считать конец 60 – начало 70-х гг., когда проводились разведочные работы Приленской археологической экспедиции и Витимского отряда ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР на Нижнем Витиме. По итогам работ, якутским археологам во главе с С. А. Федосеевой удалось обнаружить множество памятников [Мочанов, Федосеева, 1980], среди которых опубликованы данные по результатам изучения позднесартанского местонахождения Авдеиха. Исследователи отнесли памятник к дюктайской культуре, с характерной бифасиальной техникой обработки орудий, использованием клиновидных нуклеусов. В дальнейшем выяснилось, что данный способ расщепления является одним из самых распространенных в регионе. Авдеиха стала первым палеолитическим объектом в регионе.

Второй этап исследований ограничивается периодом с конца 70-х по 1985 гг. Он связан с деятельностью иркутских археологов во главе с М. П. Аксеновым и В. М. Ветровым.

В 60-х гг. близ поселка Усть-Каренга найдены остатки деятельности древнего человека. В 1976–1985 гг. археологическая коллекция была изучена и послужила основой для выде-

ления мезолитической усть-каренгской культуры [Ветров, Кузьмин, 2005], отличительной чертой которого является наличие керамики возрастом ~12000–11000 14С л. н., одной из самых ранних в Северной Азии. [Ветров, 1992].

В дальнейшем Ветровым выделена еще одна керамическая усть-юмурченская культура, резко сменяющая усть-каренгскую ~4600–4300 14С л. н. Близкая по характеристикам керамика распространена от Енисея до верховьев Амура. Это позволило предположить, что Верхний Витим стал пунктом миграции населения [Ветров, 1992].

В 1977 г. в верхнем Витиме выявлены такие местонахождения, как Сивакон, стоянка-могильник Старый Витим II. В погребениях этих памятников сохранился костный материал, а также богатый погребальный инвентарь.

Сивакон (Нижняя Джилинда) включает в себя 5 культурных горизонтов возрастом от раннего неолита до железного века. Нижний горизонт граничит с погребением VI тыс. дон.э. По костным остаткам удалось определить мужчину возрастом 25–30 лет. В погребальном инвентаре присутствуют наконечники стрел, нефритовая пластина, бусины из агальматолита, многочисленные вкладышевые орудия из кости, рога, бивня мамонта. Также в слое, прилегающем к погребению, обнаружены две заготовки нефритовых ножей [Ветров, Задонин, Инешин, 1993].

Старый Витим II состоит из 15 погребально-ритуальных комплексов. Костные остатки были покрыты охрой. Инвентарь составляют нефритовые шлифованные тесловидные изделия, многочисленные вкладышевые двулезвийные наконечники с халцедоновыми микропластинами и бусины. Возраст погребений ~8300–8200 14С л. н. [Ветров, 2003].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10084, <https://rscf.ru/project/19-78-10084/>.

С 1985 г. связан третий этап развития археологии Нижнего Витима, который продолжается по настоящее время. Проводятся исследования иркутскими археологами. Открыт ряд новых местонахождений. Крупнейшими стали Большой Якорь I, открытый в 1985 г., и комплекс местонахождений Коврижка, обнаруженный в 1995 г.

Большой Якорь I представляет собой очажные комплексы, расположенные на 12 культурных горизонтах возрастом ~12700–11700 14С. л. н. [Инешин, Тетенькин, 2010]. Аллювиальный характер осадконакоплений дал возможность построить проработанную тщательно датированную стратиграфическую модель. Исследования фауны в погребенных отложениях позволили классифицировать памятник как группу разновременных охотничьих лагерей. Характерной чертой каменного инвентаря является наличие юбецонидной техники изготовления микронуклеусов [Инешин, Тетенькин 2010].

При исследовании группы местонахождений Коврижка I–V применен схожий комплекс методов, что и на Большом Ягоре I по причине аналогичных условий формирования памятников. В настоящее время возраст очажных комплексов оценивается от ~16000–7000 14С л. н. каменный инвентарь позднепалеолитических горизонтов совмещает техники изготовления микронуклеусов с Большого Ягора I и Авдеихи [Тетенькин, 2017]. Уникальной находкой в регионе стали две антропоморфные статуэтки в горизонте возрастом 15700 14С л. н. Присутствуют многочисленные следы охры. Открыты остатки четырёх жилищ. Вместе с присутствием в материалах значительного количества долотовидных орудий, эти особенности указывает на сходство нижних горизонтов Коврижки IV с памятниками южного забайкалья, Усть-Мензы, Студенного, Сухотино [Тетенькин, 2017, 2018].

В 1996 г. Открыто местонахождение Мамакан VI, на данный момент древнейший позднепалеолитический памятник на Нижнем Витиме [Тетенькин, 2018]. Вопрос возраста остается

открытым, так как в голоцене зафиксирован солифлюксий, разрушившая более древние отложения ~21000–7000 14С л. н. Для уточнения данных был проведен морфо-типологический анализ каменной индустрии. Отличительной чертой памятника стала нехарактерная для развитой позднепалеолитической культуры технология микрорасщепления. Микронуклеусы исключительно малых размеров не имели устоявшейся формы. В совокупности с присутствием макропластинчатого расщепления сходного с материалами среднего верхнего палеолита Макарово IV, Толбаги, Игетейского лога I, Арембовского позволяет подтвердить ранний возраст Мамакана VI [Тетенькин, 2014].

Таким образом, история исследования в долине Витима насчитывает более 60 лет. Открытие дюктайской культуры и первых палеолитических памятников в нижнем течение принадлежит якутским археологам. Практически в тоже время в Верхнем Витиме действовал археологический отряд под руководством иркутских специалистов. Ими обнаружены древнейший центр керамического производства в Сибири и многочисленные погребально-ритуальные комплексы, связавшие Витимский регион с Прибайкальем. С середины 80-х гг. раскопки возобновляются под руководством иркутских археологов. В значительной степени им удалось сформировать целостную картину условий существования человека в каменном веке, его хозяйственной деятельности, а также о положении региона относительно Прибайкальской, Забайкальской и Якутской зон археологических культур.

*Научный руководитель – А. В. Тетенькин
канд. ист. наук, доцент,*

*Научно-исследовательская лаборатория археологии,
палеоэкологии и систем жизнедеятельности
народов Северной Азии,*

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет.*

Список литературы

1. Ветров В. М. Каменный век Верхнего Витима: автореф. дис. ... кан. ист. наук. Новосибирск, 1992. – 19 с.
2. Ветров В. М. Работы на местонахождении Старый Витим II в Муйской котловине // Археологические открытия / отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 2003. С. 403–404.
3. Ветров В. М., Задонин О. В., Инешин Е. М. Многослойное местонахождение Ниж. Джилинда (Сивакон)-1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 98–113.

4. Ветров В. М., Кузьмин Я. В. К истории изучения древней керамики на верхнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 59–63.
5. Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.
6. Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3–13.
7. Тетенькин А. В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2014. № 4. С. 9–25.
8. Тетенькин А. В. Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2017. № 4. С. 9–27.
9. Тетенькин А. В. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. Барнаул, 2018. № 2 (100). С. 182–187.

The most expressive monuments of the Stone Age in the Vitim Valley

D. M. Pochekunin

The article is devoted to the history of research of the supporting monuments of the Vitim River valley. The history of research has 3 stages. The first, the Yakut archaeologists discovered the Dyuktai culture and the first Paleolithic monuments in the lower reaches of Vitim river. At the 2nd stage Irkutsk archaeological specialists operated in upper reaches Vitim. They discovered the oldest center of ceramic production in Siberia and funerary complexes that connected with the Baikal region. Since the mid-80s, excavations have been resumed under the guidance of Irkutsk archaeologists. They managed to form a complete picture of the conditions of human existence in the Stone Age, its economic activity, as well as the position of the region relative to nearby archaeological culture zone.

Keywords: Stone Age, Dyuktai culture, stone industry, funerary complexes, ceramic, historiography

Почекунин Даниил Михайлович

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: Pochekunin.Danya@gmail.com

Pochekunin Daniil Mikhailovich

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: Pochekunin.Danya@gmail.com

УДК 904(571.53/55)

Некоторые вопросы культурной атрибуции средненеолитического населения юга Байкало-Енисейской Сибири*

Н. Б. Соколова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Вопрос об идентификации средненеолитического населения юга Байкало-Енисейской Сибири связан с проблемой хиатуса, то есть перерывом в погребальных традициях неолита на территории региона в интервале ~7–5,5 (по уточненным данным 6,6–6) тыс. кал. л. н. [Chronology of middle ... , 2016;

Middle Holocene ... , 2021] Для этого периода ранее не были известны погребальные комплексы, при этом не имелось надежных данных, которые могли бы заполнить этот пробел материалами стоянок. Причем эта ситуация была справедлива для все территории Байкало-Енисейской Сибири. В течение последних

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20-49-380002

трех лет мы работали над решением данного вопроса и достигли определенных успехов. Во-первых, была поставлена задача проанализировать все погребальные комплексы Байкало-Енисейской Сибири, не ограничиваясь только южной ее частью, на предмет их вероятной неолитической принадлежности и возможного отличия от ранних и поздних традиций. В результате была создана база данных, включающая данные по 107 захоронениям с неопределенной культурно-хронологической принадлежностью, которая была впоследствии сокращена до 57. Во-вторых, проведена корреляция комплексов из созданной базы с имеющимися данными по многослойным местонахождениям, включая современные AMS-даты [К проблеме хиатуса ... , 2020; К вопросу о среднем ... , 2021]. В итоге высказано предположение, что для среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири характерны довольно своеобразные погребальные традиции, которые включают ориентировку умерших в южном и восточном направлении (нередко вверх по течению реки), использование при обряде захоронения «охры» и огня, нередко нарушения анатомической целостности скелета и/или отсутствие его частей. В инвентаре наиболее заметными категориями выступают костяные игольники из птичьих костей с гофрированным орнаментом, а также разнообразные подвески: из зубов животных, из кости (щитовидные, каплевидные, удлиненные), а также с изображениями водоплавающих птиц.

На юге Байкало-Енисейской Сибири наиболее ярким проявлением этих традиций является Усть-Илирский могильник, который, по сути, представляет собой один погребальный комплекс с останками трех человек [Дзюбас, Абдулов, Друлис, 1996]. В его инвентаре, наряду со множеством наконечников стрел и других орудий, найдены подвески из зубов марала и кости, орнаментированные игольники и пять костяных орнитоморфных изображений, по большей части подвесок. Первая полученная для него (видимо, по кости человека) радиоуглеродная дата продемонстрировала значительную среднеквадратичную ошибку – 4740 ± 390 л. н. (ГИН-6817), что ограничило возможности культурно-хронологической идентификации данного комплекса. В поис-

ках материалов Усть-Илирского могильника мы установили, что часть их сразу же после раскопок 1990 г. была передана в Тулунский краеведческий музей им. П. Ф. Гущина. Так как судьба остальных находок нам не известна, было принято решение обработать эти материалы и отобрать образцы для радиоуглеродного датирования. В фондах музея в настоящий момент находятся предметы инвентаря и экспонированный материал, собранный вокруг размытого погребального комплекса: 43 подвески из зубов оленя и кости, один из орнаментированных игольников, каменные наконечники стрел, наконечник однорядного гарпуна, заготовка изделия из кости, а также три шлифованных каменных изделия (включая нож из зеленого нефрита с вогнутым лезвием). В качестве образцов были отобраны фрагменты подвесок, заготовки костяного изделия и наконечника гарпуна. Подвески и заготовка были зафиксированы непосредственно в погребении, а наконечник гарпуна – рядом с погребением на поверхности пляжа. Тем не менее мы уверены, что он связан с захоронением, так как на его поверхности, как и в могиле, имеются следы окрашивания от минерального пигмента красного цвета. Так как предметы из могилы были сильно обожжены, из них в процессе лабораторного анализа не удалось извлечь достаточное количество коллагена. А вот дата по наконечнику гарпуна получилась и продемонстрировала возраст – 5370 ± 15 л. н. (UCIAMS 260525) или 6275–6012 кал. л. н.

Если обращаться к материалам стоянок, то полученные данные, во-первых, соответствуют хиатусу (финальному его этапу), а во-вторых, близки калиброванному возрасту комплексов с усть-бельской и посольской керамикой Южного Приангарья, которые датируются средним неолитом в диапазоне ~6,7–6,3 тыс. кал. л. н. [Хронология неолитической ... , 2020]. Учитывая, что при расчистке усть-илирского погребения в коллекции экспонированного материала были зафиксированы сосуды усть-бельского типа, можно провести определенные параллели именно с этой керамикой.

Ближайшим аналогом Усть-Илирскому могильнику является погребение у Гремячего ключа в Красноярске [Глусская, 1963], где в составе погребального инвентаря имеются подвески с изображениями водоплавающих

птиц и похожий орнаментированный иголь-ник. Полученная недавно радиоуглеродная дата, сделанная по фрагменту острия из кости оленя (*Cervidae*), продемонстрировала возраст 6182–5943 кал. л. н. [Бердников, Соколова, 2022]. То есть параллели с усть-илирским захоронением прослеживаются не только по материалам, но и в хронологическом отношении, и оба этих погребальных комплекса вписываются в диапазон, определенный для хиатуса. Что же касается связей с усть-бельской керамикой, то и в случае с гремечинским погребением можно ее предполагать, и такое предположение уже звучало [Вдовин, Макаров, 2016]. Совсем свежие и пока не опубликованные данные по культуросодержащему горизонту местонахождения Пещера Еленева под Красноярском, где были найдены фрагменты сосудов данного типа, продемон-

стрировали хронологическую близость последних некоторым красноярским погребениям, включая комплекс у Гремячего Ключа.

Таким образом, для юга Байкало-Енисейской Сибири мы уже имеем первичные данные о погребальном обряде среднеолитического населения. Пока это единственный комплекс Усть-Илирского могильника с очень своеобразным обрядом, где использовались огонь и «охра», и уникальными орнитоморфными изображениями. Такие захоронения могли принадлежать населению, владевшего традициями производства керамики усть-бельского типа.

Научный руководитель – И. М. Бердников,

канд. ист. наук, ст. науч. сотр., зам. директора по науке

НИЦ «Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

Список литературы

1. Бердников И. М., Соколова Н. Б. Проблемы культурно-хронологической идентификации Усть-Илирского могильника (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 39. С. 3–13. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.39.3>
2. Вдовин А. С., Макаров Н. П. Афонтова гора. Материалы эпохи неолита и ранней бронзы // *Esse quam videri*: к восьмидесятилетию Германа Ивановича Медведева. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 339–348.
3. Глусская З. К. Новое в искусстве неолита на Енисее // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С. 39–48.
4. Дзюбас С. А., Абдулов Т. А., Друлис М. В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск: Изд-во ЦСН, 1996. Вып. 1, с. 47–56.
5. К вопросу о среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири / И. М. Бердников, К. А. Крутикова, С. П. Дударёк, Н. Е. Бердникова, Н. Б. Соколова // Северные архивы и экспедиции. 2021. № 1. С. 33–55.
6. К проблеме хиатуса – перерыва в погребальных традициях неолитического населения Прибайкалья / И. М. Бердников, К. А. Крутикова, С. П. Дударёк, Н. Е. Бердникова, Н. Б. Соколова // Актуальные проблемы науки Прибайкалья. Сборник статей. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 15–20.
7. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / И. М. Бердников, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. Е. Бердникова, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, М. Е. Абрашина, К. А. Крутикова, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, С. А. Когай // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>
8. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect / A. W. Weber, R. J. Schulting, C. B. Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova // *Quaternary International*, 2016, 419, pp. 74–98.
9. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Chronology and dietary trends / A. Weber, C. B. Ramsey, R. J. Schulting, V. I. Bazaliiskii, O. Goriunova // *Archaeological Research in Asia*. 2021. Vol. 25. 100234. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100234>

Some Questions of Cultural Attribution of the Middle Neolithic Population in the South of Baikal-Yenisei Siberia

N. B. Sokolova

The issue of identifying the Middle Neolithic population in the south of Baikal-Yenisei Siberia is associated with the problem of hiatus, that is, a break of the Neolithic burial traditions in the region in the range of ~ 7–5.5 (according to updated data,

6.6–6) cal BP. Burial complexes were not previously known for this period, and there was no reliable data that could fill this hiatus with materials of campsites. Today, for the south of Baikal-Yenisei Siberia, we already have primary data on the burial rite of the Middle Neolithic population. So far, this is the only complex of the Ust-Ilir burial ground with a very peculiar rite, where fire and “ocher” were used, and where unique bone figurines of waterfowl were found. It is dated to the interval 6275–6012 cal BP. Such burials could belong to the population, who had traditions in the production of Ust-Belaya ceramics.

Соколова Наталья Борисовна

младший научный сотрудник

НИЦ «Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

e-mail: snb-87@mail.ru

Sokolova Natalia Borisovna

Junior Researcher

Scientific Research Center “Baikal Region”

Irkutsk State University

e-mail: snb-87@mail.ru

УДК 903.02

Экспериментальная реконструкция технологии изготовления сыалахской сетчатой керамики: историографический аспект

М. В. Степанов

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Одним из неразрешенных до конца вопросов археологии Якутии остается проблема воссоздания технологии изготовления сыалахской сетчатой керамики раннего неолита Якутии (V–IV тыс. до н. э.). Необходимым моментом постановки проблемы становится рассмотрение ее историографии.

Сетчатая керамика сыалахской культуры известна археологии уже давно, но проблема технологии ее изготовления долго не была предметом специального исследования. В историографии данной проблемы значительную роль сыграл А. П. Окладников, он отмечал большое сходство керамики раннего неолита Якутии с неолитической керамикой Прибайкалья [Окладников, 1945]. А. П. Окладников рассматривал технологию изготовления сетчатой керамики в своей монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», однако в данной работе была изучена только отдельная задача проблемы воссоздания технологии изготовления керамики, а конкретно, формовка сосуда. Было предположено, что сосуды с оттисками сетки-плетенки формовались на твердой основе, а конкретно в ямках, а сетка применялась

в качестве прокладки [Окладников, 1950]. Это был значительный вклад в постановку вопроса о технологии изготовления сыалахской керамики, но данная проблема все еще оставалась неразработанной, многие задачи на пути воссоздания технологии изготовления оставались неразрешенными.

Изучение формовочной массы неолитической керамики началось с открытием многослойных стоянок с четкой стратиграфией. В частности, был проведен петрографический анализ керамики и двух раннеолитических слоев Белькачи I. [Мочанов, 1969]. Хотя были сделаны определенные шаги для решения задач составления формовочной массы, был произведен анализ лишь малой части всего керамического материала.

Последующая разработка проблемы реконструкции технологии изготовления сыалахской керамики была связана с новыми решениями задачи формовки сосудов. Появились новые гипотезы о природе происхождения оттисков сетки-плетенки на сыалахской керамике. Высказывалось следующее предположение, что сыалахские глиняные сосуды конструировали-

лись жгутовыми налестками. Стенки после наращивания уплощали. Однако при уплощении стенки оплывали. Поэтому было предположено, что обмотанная сетка-плетенка предназначалась для предотвращения оплывания сосуда, которая сгорала при обжиге [Алексеев, 1996].

Специальное исследование технологии изготовления сыалахской керамики связано с рядом работ С. А. Воробьева. С. А. Воробьев представил результаты исследований по экспериментальному воссозданию технологии изготовления неолитической керамики Якутии, его статья стала первым специальным исследованием проблемы технологии изготовления сыалахской керамики и ее экспериментального воссоздания. По мнению С. А. Воробьева, сетчатые отпечатки получались вследствие выбивания стенок лопаточкой или колотушкой, обмотанными сеткой-плетенкой. На основании археологического и этнографического материала и экспериментального моделирования была предложена новая гипотеза о способе формовки глиняного сосуда посредством выколачивания [Воробьев, 1999, с. 64–86]. Остальным задачам проблемы воссоздания технологии изготовления сыалахской керамики уделялось меньше внимания.

Стоит упомянуть еще две работы С. А. Воробьева, где исследуются такие задачи проблемы воссоздания сыалахской керамики, как качество исходного сырья, отошителей, рецепты составления формовочных масс, соотношение исходного сырья и отошителей, и т. д. [Воробьев, 2006, с. 107–117] [Воробьев, 2006, с. 199–214]. Данные статьи являются результатом петрографического анализа керамического материала нескольких десятков археологических памятников Якутии. Эти работы не только раскрывают содержание технологических задач, связанных с подготовкой формовочных масс, но и выявляют определенные культурные традиции в гончарных технологиях неолитического населения.

По данной проблеме были еще две статьи, они примечательны указанием на находку 1996 года на неолитическом поселении Хоро I, там обнаружили сетчатую керамику со следами кольцевого налестки. На основании находки из памятника Хоро I, выдвигается интересная гипотеза, согласно которой, в сыалахской куль-

туре могли практиковаться разные способы формовки сосудов [Дьяконов, 2002, с. 62–65] [Дьяконов, Дрон, 2000, с. 6–7].

Справедливо было бы выделить следующий момент: сетчатая керамика характерна не только для сыалахской культуры. Сетчатая керамика изначально возникла 8–7 тыс. л. н. на юге Средней Сибири, позже она распространилась на другие регионы [Бердников, Лохов, 2013, с. 72–83], таким образом, кроме сыалахской керамики существуют другие типы сетчатой керамики в разных регионах Сибири (например, раннеолитический тип). В частности, по проблеме воссоздания технологии изготовления раннеолитической сетчатой керамики Прибайкалья и Приангарья был достигнут существенный прогресс. Посредством анализа керамического материала и эксперимента был выявлен способ формовки глиняного сосуда путем выколачивания лопаточкой или колотушкой, обмотанными сеткой-плетенкой или тканью, одновременно поддерживая с внутренней поверхности место удара фрагментом керамики или сосудом [Савельев, Уланов, 2019, с. 38–72]. Вследствие этого на внутренней поверхности сосудов оставались негативы сетчатой керамики, такие следы зафиксировал еще А. П. Окладников [Окладников, 1950]. Конечно, было бы ошибочно просто переносить гончарные традиции характерные для одного региона на другой. Однако имеются определенные сходства в технологии изготовления сыалахской керамики с другими типами сетчатой керамики, поэтому ее дальнейшее воссоздание связано с соотношением с другими технологическими и культурными традициями, индикаторами которых является сетчатая керамика.

Обобщая опыт исследования проблемы воссоздания технологии изготовления сыалахской керамики, можно выделить следующие особенности историографии данного вопроса:

- Вопрос о воссоздании технологии изготовления сыалахской керамики долгое время не становился предметом специального исследования.
- Относительно задач реконструкции содержания и структуры технологии изготовления сыалахской керамики, можно сказать, что

более проработанными оказалась задачи формовки глиняных сосудов, составления формочной массы, остальные задачи остаются изученными в меньшей степени.

- Дальнейшее исследование проблемы воссоздания технологии изготовления сыалахской керамики органически связано с применением экспериментального метода.

- Кроме сыалахской культуры в Сибири существуют и другие культуры, для которых также характерна сетчатая керамика. Между этими технологическими традициями су-

ществуют определенные сходства, поэтому воссоздание технологии изготовления сыалахской керамики связано с соотношением с другими системами гончарной технологии, индикаторами которых также является сетчатая керамика.

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
старший преподаватель кафедры «Всемирная,
отечественная история, этнология и археология»,
Исторический факультет Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова*

Список литературы

1. Алексеев А. Н. Древняя история Якутии: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 144 с.
2. Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2 (3). С. 72–83.
3. Воробьев С. А. Опыт экспериментального моделирование неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. 1999. С. 64–86.
4. Воробьев С. А. Рецептуры формовочных масс неолитической керамики Якутии // Вестник технического института (филиала) Якутского государственного университета. 2006. Вып. 2. С. 107–117.
5. Воробьев С. А. Формовочные массы неолитической керамики Якутии. [многослойная стоянка Белькачи I в Якутии] // Древности Якутии. 2006. С. 199–214.
5. Дьяконов В. М., Некоторые данные о способах керамического производства в неолите Якутии // Историческая наука и образование в Якутии на рубеже веков. 2002. С. 62–65.
6. Дьяконов В. М., Дрон А. Я. Сыалахская керамика долины Туймаады // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции. 2000. С. 6–7.
7. Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969.
8. Окладников А. П. Ленские древности. Отчет об археологических исследованиях в низовьях реки Лены (Якутск – Жиганск) в 1942 и 1943 гг. (Материалы по древней истории Якутии). 1945. Вып. 1.
9. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. (МИА № 18). М.-Л.: 1950. 412 с.
10. Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72.

Experimental reconstruction of the manufacturing technology of Syalakh ceramics: a historiographical aspect

M. V. Stepanov

The problem of reconstructing the manufacturing technology of Syalakh ceramics remains unresolved. For a long time, this issue did not become the subject of a special study. Many tasks of this problem have not been completely solved. Further development of the problem is closely related to the application of the experiment, as well as to correlation with other cultural and technological traditions of Siberia. To raise the question, it is necessary to consider its historiography.

Keywords: reticulated ceramics, manufacturing technology, molding method, molding compound, raw material.

Степанов Михаил Владимирович

студент 2-го года обучения

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

e-mail: mikhailstep2002@gmail.com

Stepanov Mikhail Vladimirovich

2nd year student

North-Eastern Federal University

e-mail: mikhailstep2002@gmail.com

Планиграфический анализ жилища 3 культурного слоя 5 поселения Студеное-2

Ю. А. Трухина¹, Г. Н. Кустов¹, Е. А. Филатов²

¹Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Студеное-2 было открыто в 1975 г. М. В. Константиновым, изучалось в несколько этапов с 1975 по 2004 г. Чикойской археологической экспедицией, так же под руководством М. В. Константинова [Студеное, 2011]. Студеновский комплекс археологических памятников расположен в системе Малханского хребта, на правом берегу р. Чикой, в районе села Нижний Нарым (Красночикойский район Забайкальского края). Располагается на II террасе р. Чикой высотой 8 м. Памятник представлен 15 культурными слоями. Жилищно-хозяйственный комплекс, о котором пойдет дальше речь относится к 5 культурному слою. Основной массив радиоуглеродных данных по слоям 8, 5, 4/5 свидетельствует о формировании отложений литологических слоев 8–6 в интервале от 20,6 до 18 тыс. л. н. [Studenoe-2 and the origins..., 2000; Studenoe 2: an update, 2004; Kuzmin, Timoty, Razgildeeva, 2004].

Полевая методика изучения жилища основывалась, как на «классических» разработках [Константинов, 1996; Константинов, 2001], так и на проведении более детального анализа культурного слоя, при котором квадратный метр разбивался на секторы с сохранением микростратиграфических профилей, что в свою очередь позволяло более детально изучать состав и структуру культурного слоя, а также отбирать необходимое количество монолитов для лабораторных исследований.

Жилищно-хозяйственный комплекс состоит из внешней обкладки, представленной 14 валунами и гальками. Размеры комплекса с северо-запада на юго-восток, по внутренним сторонам камней № 3 и № 10, составляет 3,2 м. Основная масса находок находилась внутри жилища и тяготела к его центральной и западной части. При этом под камнями № 3 и № 6 фиксировалась углистая масса. Ось симметрии углистого пятна смещена к западному сектору, что вместе с уходящим камнем № 4

в южную стенку раскопа, говорит о продолжении комплекса в южном и западном направлении.

Каменная индустрия данного комплекса, базируется, как на местном сырье, среди которого преобладает микросланец, так и на транзитном горном хрустале и кремне, не представленном в русловых отложениях Чикоя и Студеного. Первичное расщепление характеризуется одним микронуклеусом из горного хрустала, переформленным в долотовидное орудие. Микродебитаж численно преобладает и составляет 83 % (121 экз.) от общего количества каменного инвентаря. Пластины и микропластины с ретушью являются доминирующими типами орудий (8 экз.), остальные типы орудий представлены диагональным резцом на пластине (1 экз.), угловым резцом на техническом сколе (1 экз.) и долотовидным орудием (1 экз.). Отщепы и технические сколы выделены в количестве 9 экз. Отсутствие нуклеусов, для пластин, технических сколов оформления нуклеусов свидетельствует о доставке материала на стоянку в форме готовых изделий, тогда как внутри выявленного комплекса проходил процесс микропластинчатого расщепления и поджигления рабочих кромок орудий и микронуклеусов.

Состав фаунистических остатков говорит об ориентации обитателей жилища на добычу и утилизацию *Cervus elaphus* (благородного оленя). Палеофаунистический материал представлен, в основном, мелкими фрагментами колотых костей (162 экз.) и фрагментами трубчатых костей (6 экз.), среди которых хорошо выражен дистальный фрагмент диафиза метакарпальной кости благородного оленя со следами погрызов мелкого хищника и разделки. В центральной части жилища, в районе камня № 15, выявлен дистальный фрагмент шила (34,8×5,2×1 мм). В проксимальной части изделия фиксируется излом, который, ве-

роятно, произошел в процессе использования. Характерная структура, строение поверхности и размеры позволяют предположить, что изделие изготовлено из дистальной части одного из отростков рога *Capreolus* (косули).

В ходе раскопочных работ, проведенных в 2021 г. на поселении Студеное-2 удалось выявить новый комплекс в культурном слое 5, возраст которого, на основании радиоуглеродных данных слоя 5, перекрывающих и подстилающих слоев, полученных в предшествующие годы, можно уверенно датировать в диапазоне 19–18 тыс. л. н., т. е. концом LGM MIS-2. Новый комплекс пред-

ставлен каменной обкладкой, углистым заполнением, археологическим и палеофаунистическим материалом, среди которых особенно выделяется шило и орудия из горного хрусталя, являющегося транзитным сырьем. Также, в ходе работ были отобраны образцы на палеогенетический, микроморфологический анализ и анализ растений, содержащих крахмал (*amulum*) в углистом заполнении жилища.

*Научный руководитель – М. В. Константинов,
д-р ист. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

1. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
2. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. 265 с.
3. Студеное / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 277–280.
4. Studenoe 2: an update. / I. Buvit, K. Terry, A. V. Konstantinov, M. V. Konstantinov // Current Research in the Pleistocene. 2004. Vol. 21. Pp.1–3.
5. Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikalia, Siberia / T. Goebel, M. R. Waters, I. Buvit, M. V. Konstantinov, A. V. Konstantinov // Antiquity. 2000. Vol. 74 (285). Pp. 567–575.
6. Kuzmin Y. V., Timoty J. A., Razgildeeva I. I. Chronology of the Upper-Paleolithic Site Studenoe-2 (Transbaikalia, Siberia): Case Study of the Multi-Hearth Dwelling in Horizon 4/5 // Archaeology-Eurasia. 2004. Vol. 21. Pp. 6–7.

Planographic analysis of the dwelling of the 3rd cultural layer of the 5th settlement Studenoe-2

Y. A. Trukhina, G. N. Kustov, E. A. Filatov

In 2021, interdisciplinary research was conducted at the Paleolithic settlement of Studenoe-2 (Western Transbaikalia) by an international team including representatives of Trans-Baikalsu, IAET SB RAS, ZKKM, MSU, as well as the Institute of Archaeological Research named after Macdonald University of Cambridge. The work was aimed at clarifying the chronologies and obtaining a set of data on the formation of cultural layers in alluvial deposits, using micromorphological analysis and analysis of plants containing starch (*amulum*), which may indicate a developed gathering. During the work on cultural layer 5, a new housing and economic complex was identified. The housing and economic complex, measuring 3.2 m, consists of an external lining, represented by 14 boulders and pebbles. Archaeological and paleofaunistic material was localized inside the dwelling, tending to its central and western parts.

Keywords: Paleolithic, planographic analysis, Studenoe-2, Western Transbaikalia, housing and utility complex

Трухина Юлия Андреевна

студент 2 года обучения

Забайкальский государственный университет

e-mail: yulich2014@gmail.com

Кустов Григорий Николаевич

студент 2 года обучения

Забайкальский государственный университет

e-mail: exploited.2021@yandex.ru

Филатов Егор Алексеевич

младший научный сотрудник

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: egorphylatov@gmail.com

Trukhina Yuliya Andreevna

student 2st year of study

Transbaikalia State University

e-mail: yulich2014@gmail.com

Kustov Grigory Nikolaevich

student 2st year of study

Transbaikalia State University

e-mail: exploited.2021@yandex.ru

Filatov Egor Alekseevich

junior research assistant

Institute of Archaeology
and Ethnography SB RAS

e-mail: egorphylatov@gmail.com

Каменный инвентарь памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 (общие и особенные черты)

О. И. Щипун

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Памятники Русский-Аякс-й и Бойсмана-2 являются интересными и перспективными для изучения, так как на материале данных памятников можно проследить особенности адаптации древнего населения в различных ландшафтных условиях как на материке, так и на островах.

Археологический памятник Русский-Аякс-1 расположен в юго-восточной части бухты Аякс, о. Русский, в заливе Петра Великого в Японском море, южнее Владивостока. Охранные раскопки проводились в 2009 г. Общая площадь раскопа на памятнике Русский-Аякс-1 составляет 600 м², мощность культуросодержащего слоя составляет от 10 до 32 см. Данный памятник является двухслойным, представлен двумя археологическими культурами: янковской (ранний железный век), зайсановской (поздний неолита) [Попов, 2010, с. 6–7]. Согласно данным стратиграфии и планиграфии памятник определен как сезонная стоянка.

Археологический памятник Бойсмана-2 расположен на террасе правого берега р. Рязановки в 0,5 км. севернее побережья бух. Бойсмана в Хасанском р-не Приморского края. С 1991 по 1993 гг. проводились спасательные раскопки под руководством А. Н. Попова [Попов 1992, л. 5] и А. А. Крупяно [Крупяно, Попов 1993, л. 3]. Общая площадь раскопа 600 м², с 1991 по 1993 гг. вскрыта площадь 142 м² при наибольшей мощности культуросодержащих слоев в 1,4 м [Попов, 1993, л. 3]. Памятник является многослойным и представлен тремя культурами: янковской, зайсановской и бойсманской (средний неолит) [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, с. 8]. Согласно данным стратиграфии и планиграфии памятник предположительно определен временной стоянкой.

Каменный инвентарь памятника Русский-Аякс-1: каменный материал (84 экз.) рассеян по площади раскопа, наибольшая концен-

трация наблюдается возле древнего котлована хозяйственно-бытовой постройки.

Используемое сырье: кремнистый материал, обсидиан, галька, кремнистый сланец, песчаник, яшмоиды, серый туффит.

Каменный материал можно разделить на орудия труда и дебитаж [Методика обработки..., 2016. с. 69], который включает в себя отщепы, сколы, обломки, чешуйки ретуши. На памятнике не были найдены нуклеусы, лишь несколько фрагментов нуклеовидных обломков, мелкие сколы, чешуйки ретуши. Что говорит о преобладающей вторичной обработке изделий на памятнике.

Каменные орудия труда выделены в категории согласно технике их изготовления.

Орудия без специальной обработки: отбойники, лоцила, абразивы, курант, песты обломков зернотерки, многофункциональное орудие, чашечные камни.

Ретушированные орудия и орудия с оббивкой: скребки, наконечники стрел (форма: ромбовидно-черешковой, удлинненно-листовидной и удлинненно-треугольной с прямым или вогнутым насадом; в сечении линзовидные, ретушь чешуйчатая, двухсторонняя и покрывает всю поверхность изделия), обломок ножа, грузила.

Шлифованные орудия: шлифованные наконечники стрел (форма: удлинненно-листовидная, удлинненно-треугольной, без насада, в сечении линзовидные, шлифовка двухсторонняя, направленная к лезвию по обе стороны)

Каменный инвентарь памятника Бойсмана-2: каменный инвентарь (58 экз.) образовывал вместе с другими артефактами микрокомплексы в поздненеолитическом слое.

Сырьем для изготовления каменных орудий служили кремнистый материал, сланец, обсидиан.

На памятнике Бойсмана-2 среди отходов производства каменного инвентаря преобладают нуклеовидные бесформенные обломки,

сколы и отщепы. Следы вторичной обработки, мелкие сколы и чешуйки ретуши немногочисленны. Что говорит о преобладающей первичной обработке изделий на памятнике.

Орудия без специальной обработки: отбойники, ложила, абразивы, курант.

Ретушированные орудия и орудия с оббивкой: скребки, режущие орудия, наконечники стрел (форма: удлинённо-листовидная и удлинённо-треугольная с прямым или вогнутым насадом, в сечении стрелы линзовидные, ретушь чешуйчатая, двухсторонняя и покрывает всю поверхность изделия), мотыгообразное изделие, грузила.

Шлифованные рубящие орудия: топоры, тесла.

Каменный материал, найденный на памятнике, можно разделить на орудия труда и дебитаж, который включает в себя нуклеовидные обломки, отщепы, сколы, чешуйки ретуши.

Сходство в каменном инвентаре изучаемых памятников прослеживается в используемом сырье: черный обсидиан, зеленые и серосиние перлиты, кремнистые породы различных цветов, вулканические туфы, песчаник, темно-серый сланец, кремнистый сланец серых оттенков. На обоих памятниках преобладает одна техника вторичной обработки – ретушь. Наибольшее сходство прослеживается в формах наконечников стрел: удлинённо-листовидная, удлинённо-треугольная формы, прямые и вогнутые насады.

Различия в каменном орудийном наборе представленных памятниках незначительны. Различия прослеживаются в количестве и разнообразии выделяемых категорий орудий.

Непосредственно на памятнике Русский-Аякс-1 преобладала вторичная обработка каменных изделий, тогда как на Бойсмана-2 первичная, о чем говорит характер дебитажа.

Среди изделий на Русском-Аяксе-1 отсутствуют тесла, долота и мотыга, которые были найдены на памятнике Бойсмана-2. Преобладают на Русском-Аяксе-1 ретушированные наконечники стрел, ложила, абразивы, скребло-видные орудия.

Среди каменных изделий на Бойсмана-2 в отличие от каменного инвентаря Русского-Аякса-1 отсутствуют песты, зернотерка и многофункциональные орудия. Количественно на

памятнике Бойсмана-2 преобладают грузила (45,7 %), ретушированные наконечники стрел (3,6 %), орудия для обработки различных материалов.

На Русском-Аяксе-1 выделяется ромбовидно-черешковая форма ретушированных наконечников стрел, тогда как на памятнике Бойсмана-2 такая форма не зафиксирована. По остальным критериям ретушированные наконечники стрел не имеют отличий.

Таким образом, можно сделать вывод, что отличия в каменном инвентаре между памятниками Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 не значительны. Отличия обусловлены основным видом деятельности древних людей на памятниках.

Так на Русском-Аяксе-1 базовой хозяйственной деятельностью была охота. На памятнике Бойсмана-2 базовой хозяйственной деятельностью было рыболовство, а обработка различных материалов играла меньшую роль.

Различия каменного инвентаря связаны с основной хозяйственной деятельностью людей на памятнике. Деятельность людей, в свою очередь, связана с местоположением памятника, географическими особенностями местности и адаптивными особенностями древнего населения Приморья.

Так древнее население на памятнике Русский-Аякс-1 занималось преимущественно охотой и собирательством морских биоресурсов и биоресурсов суши. Что можно объяснить палеогеографической ситуацией в позднем неолите.

На рубеже 4–3 тыс. л. н. при понижении уровня моря в бухте Аякс не фиксировалось в то время лагуны. Так, понижение уровня моря не привело к образованию удобной и прогреваемой бухты. Местоположение памятника Русский-Аякс-1 с открытым выходом в море было не продуктивным для добычи морских биоресурсов.

На памятнике Бойсмана-2 преобладала добыча водных ресурсов, как речных, так и морских, что связано с тем, что памятник расположен в долине реки на равнинной местности, река впадает в бухту Бойсмана.

Река Рязановка способствовала образованию аллювиальных наносов и прибрежного

бара в бухте Бойсмана и закрытию ее от залива Петра Великого. Обмеление лагуны на фоне умеренно-теплого климата способствовало интенсивному прогреванию водных масс и поддержанию довольно высокой продуктивности [Вострецов, 2018, с. 42]. Равнинная река, теплая закрытая бухта являются отличными источниками водных биоресурсов, которые способствовали эффективному выживанию древнего населения.

К тому же стоит отметить, что раннее зайсановское население было приурочено к морским, речным и озёрным террасам (например, памятники Бойсмана-1, Зайсановка-7 и др. [Крутых, 2012, с. 145]) и активно занималось добычей водных ресурсов. Более позднее зайсановское население, в связи с изменениями климата или миграциями, могло оставаться на прежних местах или уходить в глубь материка и уже не было так привязано к морским террасам (например, памятники У Дороги,

Олений А, Евстафий-4), как на ранних этапах. Происходила постепенная переориентация населения на другие биоресурсы: охота, собирательство с зачатками земледелия, речное рыболовство. Так, памятник Бойсмана-2 следует отнести к раннему зайсановскому населению, а памятник Русский-Аякс-1 к более позднему.

Таким образом, различия в каменном инвентаре поздненеолитических памятников связаны как с ландшафтно-климатическими особенностями местности, так и принадлежностью памятников разным этапам зайсановской культуры. Сходство каменных артефактов обусловлено принадлежностью одной археологической культуре – зайсановской.

*Научный руководитель – А. Н. Попов,
канд. ист. наук, доцент Департамента истории
и археологии Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета*

Список источников

1. Крутянко А. А, Попов А. Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на памятнике Бойсмана-II (Хасанский район Приморья) в 1991 году. Владивосток, 1992. 55 л. // Дальневосточный Госуниверситет. Архив МАЭ УНМ ДВФУ-№ 13.
2. Крутянко А. А, Попов А. Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на памятнике Бойсмана-II (Хасанский район Приморья) в 1992 году // Дальневосточный Госуниверситет. Архив МАЭ УНМ ДВФУ-№15. Владивосток, 1993. 46 с.
3. Попов А. Н. Охранно-спасательные археологические исследования (раскопки) археологического памятника Русский-Аякс-1 на о. Русский (г. Владивосток). Отчет. Том 1-4. Владивосток, 2010. 728 л. // Архив МАЭ УНМ ДВФУ-№ 82.
4. Попов А. Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на памятнике Бойсмана-II (Хасанский район Приморья) в 1993 году. Владивосток, 1993. 16 л. // Архив МАЭ УНМ ДВФУ-№19.

Список литературы

1. Вострецов Ю. Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в приморье в контексте 24 природных изменений // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 20. С. 40–65.
2. Крутых Е. Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.
3. Методика обработки археологических коллекций. / Т. И. Нохрина, Л. В. Лбова, Л. Н. Мыльникова, А. В. Бородовский, В. П. Мыльников, И. В. Сальникова, С. Г. Скобелев. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 294 с.
4. Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.

Lithic inventory of the Russian-Ajax-1 and Boysman-2 sites (common and specific features)

O. I. Shchipun

The article deals with the stone inventory of coastal sites - Russki-Ajaks-1 and Boysman-2. These sites contain a layer of the Zaisanovskaya archaeological culture (Late Neolithic) of Primorye. When analyzing the complex of stone tools of the

Zaisanov culture, similarities and differences in the stone inventory were revealed depending on the location of the site. The similarity of the inventory of the sites is revealed primarily in terms of raw materials, categories of tools and the tools themselves within the categories, which is associated with the belonging of the inventory to the same archaeological culture. Differences in the stone inventory are associated with economic activities and paleogeographic features of the area in the Late Neolithic.

Keywords: Zaisanovskaya culture, late Neolithic, stone inventory, continental monument, island monument.

Щипун Олеся Игоревна

магистрант 1 года обучения

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

Shchipun Olesya Igorevna

1st year master

Far Eastern Federal University

e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 94(31) +930.27(=581)

Сосуды типа триподов: проблемы культурной и хронологической интерпретации

В. С. Белимов

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Данная статья посвящена анализу культурной и хронологической интерпретации сосудов типа триподов на территории Забайкалья согласно сведениям извлеченных из Малой энциклопедии Забайкалья [Малая энциклопедия..., 2011] и опубликованных работ Окладникова А. П., Кириллова И. И., Ковычева Е. В., Кириллова О. И. [Окладников, 1959; Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000]. Также для сравнительного анализа нами были рассмотрены исследования археологических памятников с триподами выявленными на территории Китая. Целью нашей работы является анализ данных о процессе изготовления древних сосудов типа триподов, а также их культурная составляющая при применении строгой последовательности во времени. Существует целый ряд вариантов культурной и хронологической интерпретации триподов. Ревизия этих данных имеет важное значение с точки зрения понимания жизнедеятельности людей определённой эпохи раннего железного века.

Забайкалье – историко-географическая область в России на юго-востоке Восточной Сибири и юго-западе Дальнего Востока, к югу и востоку от озера Байкал. Здесь расположены Забайкальский край, большая часть Бурятии и часть Слюдянского района Иркутской области. Протяжённость с запада на восток, от юго-западной оконечности Байкала до слияния рек Шилки и Аргуни – около 1200 км. Протяжённость с севера на юг от Патомского и Северо-Байкальского нагорий до государственной границы России с Монголией и Китаем – до 1000 км [Петряев, 1960].

Для дальнейшего описания триподов стоит начать с их морфологического анализа, наи-

более важного блока описания, по результатам которого осуществляется первоначальная систематизация материала, разрабатываются типологические схемы, группы и ряды. Описание начинается с цвета, затем следует анализ формы, конструктивных особенностей, размеров и наконец – декора.

Самые изящные триподы, отличающиеся высоким качеством и мастерством, обнаружены на ритуальном комплексе у оз. Ножий (см. Ножий-2). Они выполнены из хорошо обожженной керамики со специфическим оттенком серо-белого цвета. Сосуды имели уплощенные или округлые ножки, иногда со сквозными отверстиями для фиксации резервуаров при изготовлении наиболее крупных сосудов.

«Супница» же – это конвенционально принятое в определённом кругу специалистов обозначение этого типа сосудов, но его значение слишком специализировано, чтобы использоваться в качестве термина для сосуда, занимавшего центральное место в ритуальной практике древнего общества (сравни: гусятница, сметанник и пр.). Неудачно и то, что одно и то же слово используется при обозначении разных сосудов, например, *caldron* – для обозначения сосудов *дин* 鼎 и *юй* 盃. Тем более, что сосуд *дин* – это именно трипод, а *юй* и самими китайскими авторами используется для обозначения разных сосудов: небольшой «чаши с ручками-скобами» и большого глубокого «котла». Сосуды-дин бывают двух видов: триподы – круглые, с тремя ножками, и тетраподы – квадратные или прямоугольные, с четырьмя ножками, которые называли *方鼎* *fāng dǐng*. У них имеется пара ручек, сверху они закрываются крышкой. Со-

суды-дин использовались для приготовления и хранения пищи, на пиршествах, в церемониях жертвоприношений, в погребальных ритуалах, а также для казни через сварение. [Триподы и тетраподы...]

Бронзовые сосуды не раз оказывались в центре внимания С. Кучеры. В 2001 г. вышла его программная статья «Инскрипции на бронзовых изделиях – особый вид источников по древней истории Китая» [Кучера, 2001, с. 22, 23]. Касаясь темы наименований сосудов, автор признал, что поиск «русских эквивалентов» – задача непосильная и предпочёл использовать китайские названия, объединяя сосуды в группы по их предполагаемому применению. В частности, он писал: «изделий типа сосудов можно насчитать более 40 разновидностей, причём для многих нельзя даже подыскать русские эквиваленты, поэтому приходится использовать оригинальные названия. Приведу далеко не полный перечень наименований «продуктовых» сосудов для варки пищи – дин, ли, янь; для её хранения – гуй, фу, суй, дуй, доу, лу; для вина – цзюэ, цзюэ, цзя, хэ,

цзунь, гун, фанъи, ю, ху; для воды – пань, и, цзянь, юй, фу и др.».

Поскольку триподы являются керамическим сосудом, единого описания керамики в археологии не существует. Нужно учитывать такие факторы как: отсутствие разделения вещей по месту и времени, термины, описывающие тот или иной признак приложимы к изделиям любого происхождения, а также есть определённое структурирование по разделению признаков на группы.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что триподы – многофункциональный предмет быта для людей раннего железного века. Он играл роль в качестве предмета для пищи и её хранения и в качестве украшения для декора. Его важность заключается прежде всего как в предмете быта для жизни людей и поэтому он и является интересным изобретением для людей выше названной эпохи раннего железного века.

*Научный руководитель – Н. О. Викулова,
мл. науч. сотр. отдела археологии каменного века,
Институт археологии РАН*

Список литературы

- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
- Кучера С. Инскрипции на бронзовых изделиях – особый вид источников по древней истории Китая. Часть первая // Восток (Oriens). 2001. № 2. С. 121–133.
- Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
- Окладников А. П. Триподы за Байкалом // СА. 1959. № 3. С. 114–132.
- Петряев Е. Д. Н. В. Кирилов – исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита: Кн. изд-во, 1960. 80 с.
- Триподы и тетраподы дин: больше, чем просто ритуальные сосуды [Электронный ресурс] // Дорогами Срединного Пути. URL: <https://anashina.com/ritualnye-sosudy-ding/> (дата обращения 06.09.2022).

Tripod Type Vessels: Problems of Cultural and Chronological Interpretation

V. S. Belimov

This article is devoted to the chronological and cultural interpretation of the vessels of the type of tripods in Transbaikalia and in China. The article provides a descriptive description of the tripods in the above-listed territories, as well as a morphological analysis, while observing the chronological sequence. The importance of ceramic vessels of this type lies in their direct application for everyday life. It should be borne in mind that tripods are not only a storage space, but also a functional item. Thus, the tripod as an object of studying the activities of people of the early Iron Age is of great importance.

Keywords: Trans-Baikal, tripod, early Iron Age, vessels, type, importance

Белимов Виталий Сергеевич

студент 2 года обучения
Забайкальский государственный университет
e-mail: vitaliy.belimov00@mail.ru

Belimov Vitaly Sergeevich

student of 2nd year of study
Zabaykalsky State University
e-mail: vitaliy.belimov00@mail.ru

Зооморфная уздечная бляха раннего железного века из коллекции Чесменского историко-краеведческого музея: датировка, культурная принадлежность и интерпретация

А. С. Боярский

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия

Формирование звериного стиля ранних кочевников рубежа VI–V веков до н. э. – многокомпонентное и не одномоментное явление. Ослабление племенных союзов тасмолинской культуры поспособствовало зарождению нового потестарного объединения в Южном Зауралье и Северном Казахстане, которое захватило главенствующую роль в регионе, сформировав уникальный вариант прохоровской культуры, ярко выраженный в декоративно-прикладном искусстве (звериный стиль). А. Д. Таиров выделяет четыре компонента, обусловивших генезис этого локального воспроизведения стиля: аборигенный, он же бобровско-тасмолинский, и пришлые: саки Юго-Восточного Приаралья, скифы Восточной Европы и кочевники Внутренней Азии [Таиров, 2019].

Рассмотрение предметов данной эпохи, выполненных в зверином стиле, позволяет проследить указанные связи (ранее это делалось на примере погребального обряда).

В коллекции Чесменского историко-краеведческого музея находятся предметы конского снаряжения, наконечники стрел и сосуды раннего железного века. Элементы конской сбруи представлены двумя псалями и уздечной бляхой, которые выполнены в зверином стиле (рис. 1, 1). Объектом исследования данной статьи стала уздечная бляха (шифр ЧИКМ–1): необходимо датировать этот предмет, определить культурную принадлежность, интерпретировать образы животных, содержащиеся на ней, установить их семантику и выявить компоненты звериного стиля, которые стали определяющими при создании образов на предмете.

Центральным изображением на уздечной бляхе можно считать голову хищной птицы. Похожие изображения птиц характерны для уздечных блях и обивок чаш VI–V в. до н. э., найденным в

Восточной Европе, Южном Зауралье и Западном Казахстане (рис. 1, 2–7). Речь идёт о типологическом сходстве предметов. На них прослеживается сходный сюжет (большой глаз, мощный клюв и, в некоторых случаях, восковица, выполненная параллельными линиями). Таким образом, морфология исследуемого предмета является продолжением скифского стиля Восточной Европы. Следует отметить, что на полнофигурных изображениях птиц ранней пазырыкской культуры из Башадарских и Туэктинских курганов строение головы птиц имеет схожие черты, за исключением клюва, который не образует спирали, сохраняя более реалистичные черты (рис. 1, 8).

Говоря о сходстве не только типологическом, но и внешнем, следует подчеркнуть, что единственной полной аналогией данного предмета можно считать уздечную бляху, найденную в окрестностях посёлка Суналы Троицкого района Челябинской области (рис. 1, 9). Этот район граничит с Чесменским, где была найдена исследуемая бляшка.

О суналинском артефакте сказано очень мало. Описание её морфологии и датировка (VI–V вв. до н. э.) даны А. Д. Таировым [Таиров, 2010, с. 208]. Строение этого предмета почти в точности повторяет бляху из Чесменского района.

Сложен для интерпретации элемент, находящийся под глазом головы птицы. Если отделить это изображение от всего изделия и перевернуть на 180°, будет замечен образ птицы с прямоугольным закруглённым клювом, глазом, шеей и частью тела (рис. 1, 10). Можно отметить так же крыло, образ которого подразумевается спиралевидной линией и отверстием в середине. Морфология этих элементов схожа со строением грифов (рис. 1, 11), которым свойственна узкая шея, аналогичное положение и строение головы. Следует под-

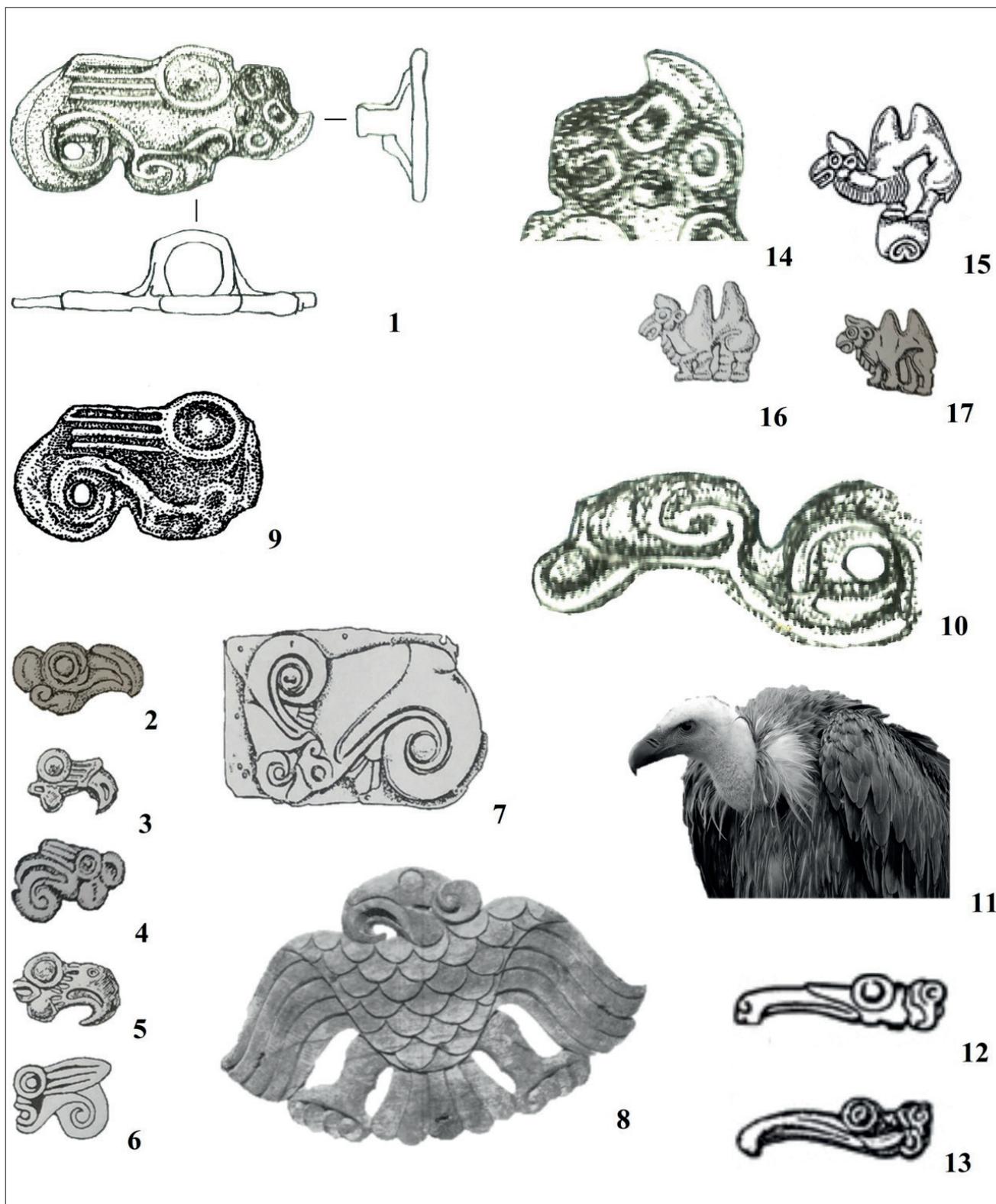

Рис. 1. Образы на уздечной бляхе ЧИКМ-1 и их аналогии: 7 – ЧИКМ-1; 2–6 – уздечные бляшки, сходные по морфологии ЧИКМ-1 (по: [Корлькова, 2006, табл. 21–22]); 7 – обивка чаши в виде двух птичьих голов (по: [Корлькова, 2006, табл. 21]); 8 – деревянное изображение птицы из Второго Башадарского кургана (по: [Руденко, 1960, табл. 51]); 9 – уздечная бляха из Троицкого района Челябинской области (по: [Таиров, 2010, рис. 2.2]); 10 – второй образ птицы; 11 – гриф; 12–13 – уздечные бляшки с двумя птичьими головами; 14 – голова верблюда на ЧИКМ-1; 15–17 полнофигурные изображения верблюдов (по: [Корлькова, 2006, табл. 51]).

черкнуть связанность образов двух птиц: клюв «верхней» птицы закручивается в спираль, которая одновременно является изображением тела и крыла другой птицы.

Продвижение нового союза племен на юг и параллельное развитие локального варианта звериного стиля способствовали его распространению на окрестные территории: например, сочетание двух образов птиц на уздечных бляхах (рис. 1, 7, 12, 13) и сходное оформление завершений псалиев в виде голов хищных птиц встречается на артефактах конца VI – первой половины V в. до н. э.; появляются новые образы и сочетания образов.

Интересно изображение головы животного, находящееся в правой части уздечной бляхи. Развернув бляху на 90° против часовой стрелки, его можно интерпретировать как голову верблюда (рис. 1, 14).

Говоря об аналогиях, следует отметить, что подобные головы содержатся на полнофигурных изображениях верблюдов из Западного Казахстана, датируемых VI–V вв. до н. э. (рис. 1, 15–17). Эти верблюды (анalogии) интересны также тем, что в их изображении прослеживаются зубы, что придаёт образу хищный оттенок. Образ двуедин: в сюжетах терзания двумя верблюдами друг друга это животное предстаёт и в роли хищника, и в роли жертвы [Нечвалода, 2017]. На исследуемом предмете голова верблюда служит связующим звеном противопоставленных образов птиц, которые объединены посредством элементов изображения.

Многочисленные контакты как в среде различных групп кочевников (во время завершения сезонных кочеваний и взаимодействий с другими кочевниками), так и между кочевниками и населением Иранского нагорья с ближайшими территориями обусловили распространение образа верблюда в культурах этих народов. Как отмечает А. Р. Канторович,

в восточно-европейском зверином стиле этот образ распространялся на рубеже VI–V вв. до н. э. ограничено, тяготел к образам более распространённых животных, но сохранялся в искусстве вместе с «некими общеиранскими архетипическими представлениями о верблюде» [Канторович, 2014, с. 110]. Следует отметить, что само изображение верблюдов уходит корнями в Бактрийско-Маргианский археологический комплекс [Нечвалода, 2017], его проникновение в Зауралье проходило через Среднюю Азию, поэтому появление этого образа в зверином стиле зауральского варианта прохоровской культуры можно отнести к бобровско-тасмолинскому и сакскому компонентам.

Таким образом, уздечная бляха датируется рубежом VI–V вв. до н. э. Её можно отнести к обручевскому этапу зауральского варианта прохоровской культуры [Таиров, 2019, с. 40]. Весь сюжет, содержащий два образа хищной птицы и образ головы верблюда, на предмете расположен по периметру в одном направлении: животные «смотрят» друг другу в «спину», – можно говорить о наличии кольцевой композиции. Эти изображения прослеживаются на синхронных аналогиях, найденных на окрестных территориях.

Говоря о культуре, следует отметить её особенности как локального варианта: предмет сочетает ряд «аборигенных» черт (элементы бобровско-тасмолинской культуры) и компоненты стилей Восточной Европы и саков Приаралья; влияние непосредственно алтайского компонента, алды-бельской и ранней пазырыкской культур, в исследуемом предмете напрямую не прослеживается. Их воздействие на стиль заметно на изображениях голов хищных птиц на других артефактах – псалиях.

*Научный руководитель – И. П. Алаева,
канд. ист. наук, Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Список литературы

1. Канторович А. Р. Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле // Археологические вести. 2014. Т. 20. С. 105–112.
2. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
3. Нечвалода Е. Е. Сцена борьбы верблюдов на фаларе из Филипповских курганов: космическая дуэль, смерть – рождение, медиативный символ и царский знак (опыт анализа истоков иконографии и семантики образа) // Этни-

ческие взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск, 2017. С. 101–105.

4. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 360 с.

5. Таиров А. Д. Случайные находки предметов раннего железного века на Южном Урале // Гороховские чтения: материалы первой Региональной музейной конференции. Челябинск, 2010. С. 203–209.

6. Таиров А. Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 400 с.

Zoomorphic bridle plaque of Early Iron Age from the Chesma Museum of History and Local Lore: dating, cultural determination and interpretation

A. S. Boyarskiy

The article presents the analysis of the bridle plaque dated by Early Iron Age. The finding of analogies makes more exact the cultural determination interpretation and the century of production. This object was found on unidentified place in Chesminskiy district of Chelyabinskaya region with two double-hole cheek-pieces, nine arrowheads and two fragmented potteries. Cheek-pieces and bridle plaque realized in animal style. The composition of the set, the cultural and chronological characteristics of the items make it possible to attribute it to a single burial complex of the 6th-5th centuries BC in the steppe part of the Southern Trans-Urals.

Keywords: Early Iron Age, nomads, horse harness, animal style, South Ural, VI–V centuries BC

Боярский Александр Сергеевич

бакалавр, 2 год обучения

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический университет

e-mail: a.boyarskiy2002@gmail.com

Boyarskiy Alexandr Sergeevich

2nd year bachelor

Chelyabinsk state pedagogical university

e-mail: a.boyarskiy2002@gmail.com

УДК 903.5

Традиции строительства внутримогильных каменных конструкций федоровской культуры

Н. А. Валавин

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Челябинск, Россия

Памятники федоровской/андроновской культуры (нуринская, канайская, андроновская (федоровская) культуры) распространены на обширной территории АКЦИО [Кузьмина, 2008, с. 73, 162]. Основные проблемы федоровской культуры связаны с существованием территориальных особенностей памятников, влияния инокультурных традиций и хронологическим приоритетом территорий в вопросе происхождения культуры [Зданович, 1988, с. 16; Кузьмина, 2008, с. 247; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 287].

Среди задач исследования – создание базы данных погребений федоровской/андроновской культуры на территориях АКЦИО, сравнение распространенности каменных внутримогильных конструкций в разных локальных вариантах культуры, сопоставление устойчивых типов внутримогильных каменных конструкций на территориях АКЦИО.

В работе использованы материалы федоровской и алакульско-федоровской культур Южного Зауралья, федоровской культуры Северного Казахстана, нуринской и федоровской

культур Центрального Казахстана, марининского и кызылтаского этапов канайской культуры Восточного Казахстана и андроновской (федоровской) культуры Енисея, культурная атрибуция комплексов дана авторами публикаций.

По материалам Южного Зауралья в выборку вошли материалы 17 могильных комплексов: Федорово [Сальников, 1940], Исаково, Нурбаково, Синеглазово, Смолино, Сосновский, Сухомесово [Андроновская культура, 1966], Кинзерский [Кузьмина, 1975], Туктубаево [Кузьмина, 1973], Приплодный Лог I [Малютина, 1984], Путиловская Заимка II [Зданович, 1988], Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006], Касарги I [Костюков, 2009], Звягино-1 [Алаева, 2018] и Лисаковский I [Усманова, 2005].

Источники по федоровской культуре Северного Казахстана немногочисленны и пред-

ставлены 3 могильниками: Боровое, Бийрек-Коль и Обалы [Оразбаев, 1958].

Материалы Центрального Казахстана представлены 10 погребальными комплексами: Акшатау, Байбала I, Ботакара, Бугулы I, Канаттас, Косагал [Древняя культура..., 1966], Алпымса, Самара [Ткачев, 2002], Дарьинский [Ломан, Кукушкин, 2012], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2017].

Памятники Восточного Казахстана представлены 3 могильниками: Кызылтас, Маринка и Меновое IX [Ткачева, Ткачев, 2008].

В качестве источников по андроновской культуре Енисея использованы материалы 14 могильников: Андроновский, Батени Ярки I и II, Болото, Каменка II, Ланин Лог, Новая Черная II, Новая Черная III, Орак, Пристань I, Соленоозерная I, Сухое Озеро I и Ia и Улус Подкунинский [Максименков, 1978].

Материалы федоровской культуры Южного Зауралья представлены 185 погребениями, из которых каменные конструкции прослеживаются в 59 ямах (32 %). Распространенность конструкций по памятникам варьируется от 10 % до 71 %.

Выборка могил федоровской культуры Северного Казахстана состоит из 51 погребения, из которых 16 могил (31 %) включают каменные конструкции. Распространенность по памятникам от 30 % до 35 %.

В материалах нуринской и федоровской культур Центрального Казахстана исследовано 67 погребений, из которых 51 яма (76 %) обустроена камнем. За исключением некоторых комплексов, распространенность в каждом памятнике превышает 90 %.

Могильники Восточного Казахстана канайской культуры включают 60 могильных ям, из которых каменные конструкции прослеживаются в 30 погребениях (50 %).

Материалы андроновской (федоровской) культуры Енисея представлены 221 могильной ямой, из которых 190 могил (86 %) включают каменные конструкции.

По материалам Южного Зауралья нами были выделены 4 типа конструкций: тип 1 – каменный ящик, тип 2 – составной каменный ящик, тип 3 – неполный каменный ящик и каменная обкладка [Валавин, 2022, с. 79]. Выборка на обширных территориях позволя-

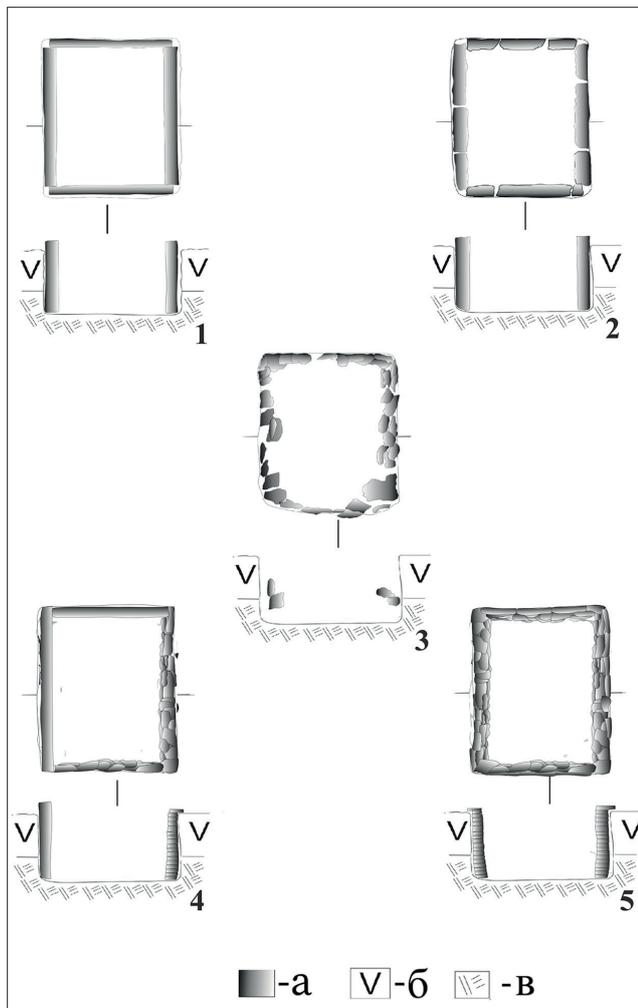

Рис. 1. Типы внутримогильных каменных конструкций: 1 – Тип 1. Каменный ящик, 2 – Тип 2. Составной каменный ящик, 3 – Тип 3. Каменная обкладка, 4 – Тип 4. Каменный ящик – циста, 5. Тип 5 – Циста; а – камень, б – погребенная почва, в – материк

Типы каменных внутримогильных конструкций федоровской/андроновской культуры

Типы конструкций	Южное Зауралье		Северный Казахстан		Центральный Казахстан		Восточный Казахстан		Енисей	
	Кол-во конструкций (ед.)	Распространенность от общего числа каменных конструкций (%)	Кол-во конструкций (ед.)	Распространенность от общего числа каменных конструкций (%)	Кол-во конструкций (ед.)	Распространенность от общего числа каменных конструкций (%)	Кол-во конструкций (ед.)	Распространенность от общего числа каменных конструкций (%)	Кол-во конструкций (ед.)	Распространенность от общего числа каменных конструкций (%)
Тип 1. Каменный ящик	4	7	4	25	30	58	15	70	28	25
Тип 2. Составной каменный ящик	9	15	3	20	–	–	–	–	15	12
Тип 3. Каменная обкладка	46	78	9	55	–	–	–	–	4	4
Тип 4. Каменный ящик – циста	–	–	–	–	12	24	–	–	26	23
Тип 5. Циста	–	–	–	–	9	18	6	30	41	36
Всего	59	100	16	100	51	100	21	100	114	100

ет объединить типы 3 и 4 в тип 3 – каменная обкладка. Также добавлены тип 4 – каменный ящик – циста, и тип 5 – циста, описанные по материалам Енисея [Максименков, 1978, с. 57].

Результаты (табл. 1). Тип 1. Каменный ящик (рис. 1, 1) зафиксирован в материалах Южного Зауралья – 7 % от всех каменных конструкций (4 ед.), Северного Казахстана – 25 % (4 ед.), Центрального Казахстана – 58 % (30 ед.), Восточного Казахстана – 70 % (15 ед.) и Енисея – 25 % (28 ед.).

Тип 2. Составной каменный ящик (рис. 1, 2) обнаружен в материалах Южного Зауралья – 15 % (9 ед.), Северного Казахстана – 20 % (3 ед.) и Енисея – 12 % (15 ед.).

Тип 3. Каменная обкладка (рис. 1, 3) в больших количествах фиксируется в материалах Южного Зауралья – 78 % (46 ед.) и Северного Казахстана – 55 % (9 ед.), в единичных случаях отмечена в материалах Енисея – 4 % (4 ед.).

Тип 4. Каменный ящик-циста (рис. 1, 4) зафиксирован только в погребениях Центрального Казахстана – 24 % (12 ед.) и Енисея – 23 % (26 ед.).

Тип 5. Циста (рис. 1, 5) обнаружен в материалах Центрального Казахстана – 18 % (9 ед.),

Восточного Казахстана – 30 % (6 ед.) и Енисея – 36 % (41 ед.).

Итоги. Таким образом, по распространенности каменных внутримогильных конструкций выделяется две территориальных области: Южное Зауралье – Северный Казахстан (около 30 %) и Центральный Казахстан – Енисей (более 75 %). Памятники Восточного Казахстана находятся между ними (50 %).

Данные области также разделяются по типологии каменных конструкций: материалы Южного Зауралья – Северного Казахстана включают типы 1–3, с редкими каменными ящиками и преобладанием каменной обкладки, материалы Центрального Казахстана включают типы 1, 4, 5, без преобладания какого-либо типа, материалы Восточного Казахстана включают типы 1 и 5, с преобладанием каменного ящика, андроновская культуры Енисея представлена всеми типами, с преобладанием типов 1, 4 и 5, редкостью типа 2 и единичностью типа 3.

Обсуждение. Полученные данные демонстрируют две различные традиции устройства каменных внутримогильных сооружений,

которые отличаются распространенностью самих каменных конструкций (относительно низкий показатель Восточного Казахстана может быть связан с ограниченностью источника) и распространенностью их типов. Объединяющим обе традиции является тип 1 – каменный ящик, который является редким для западных регионов, и в той или иной степени преобладающим в южных и восточных регионах. Вероятно, он является архаичной конструкцией, которая быстро изживается на западе АКЮ, приобретая символические черты (составные ящики и обкладки) и относительно долго сохраняется на юге и востоке. Бытование цистовых погребений выглядит иной эт-

нографической традицией, которая взаимодействует с каменными ящиками в южных и восточных областях, образуя комбинированные варианты, которые не обнаружены в выборке по Восточному Казахстану, и западным районам. Единичность конструкций, имитирующих каменный ящик (типы 2 и 3) в материалах Енисея, по-видимому, может объясняться большим объемом выборки или наличием контактов с западными районами.

*Научный руководитель – И. П. Алаева,
канд. ист. наук,*

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Список литературы

1. Алаева И. П. Вариативность погребального обряда федоровской культуры южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара, 2018 С. 88–92.
2. Андроновская культура. Вып. 1: Памятники западных районов / под ред. М. П. Грязнова // Археология СССР. Свод археологических источников. М.–Л.: Наука, 1966. Вып. В3–2. 65 с.
3. Валавин Н. А. Внутримогильные каменные конструкции федоровской культуры Южного Зауралья // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции, Астрахань, 01–03 февраля 2022 года. Астрахань. 2022. С. 77–81.
4. Древняя культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
5. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 179 с.
6. Костюков В. П. Курганы федоровской культуры на озере Касарги (публикация материалов раскопок могильника Касарги-1) // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск, 2009. С. 83–101.
7. Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 153–164.
8. Кузьмина Е. Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 220–230.
9. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников Андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринТА, 2008. 358 с.
10. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 188–202.
11. Ломан В. Г. Кукушкин И. А. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарыарки. Караганда, 2012. С. 81–106.
12. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
13. Малютина Т. С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 58–78.
14. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии. Том V. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1958. С. 216–281.
15. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // Археологические материалы Урала и Прикамья. М., 1940. С. 58–68.
16. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. 160 с.
17. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

18. Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
19. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I. Караганда – Лисаковск: Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова, 2005. 232 с.

Traditions of the construction of grave stone structures of the Fedorov culture

Valavin N. A.

In this paper, we examined the burials of the Fedorov, Nura, Kanai and Andronovo (Fedorov) cultures of the Bronze Age of the Andronovo cultural and historical community. We determined the prevalence of stone grave structures in the territories of the Southern Urals, Northern Kazakhstan, Central Kazakhstan, Eastern Kazakhstan and the Yenisei. We managed to present a typology of grave stone structures: a stone box, a composite stone box, a stone lining, a stone box – a cyst, a cyst. We have established a regularity in the use of stone structures and their types depending on the territory. In the studied cultures, we were able to identify territorial formations that adhere to different cultures of the traditions of using stone intra-grave structures.

Keywords: Bronze Age, Andronovo cultural and historical community, Fedorov culture, funeral rite, grave constructions.

Валавин Николай Алексеевич

бакалавриат 4 года обучения

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический университет

e-mail: nikolai.valavin@yandex.ru

Valavin Nikolai Alekseevich

4st year baccalaureate

South Ural State Humanitarian pedagogical university

e-mail: nikolai.valavin@yandex.ru

УДК 903.5

Анхабайский комплекс культуры плиточных могил: история и проблемы изучения

А. В. Гармаева

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Культура плиточных могил распространена на территории Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии, северо-западных районов Китая, датируется эпохой поздней бронзы и раннего железного века. Представлена могильниками, поселениями, остатками рудодобывающих и металлургических центров, ритуальными сооружениями, писаницами и каменными изваяниями, в т.ч. сторожевыми камнями. Целью данной работы является представление результатов мониторинга сохранности памятников Анхабайского археологического комплекса и апробации детальной фиксации объектов.

Один из крупных комплексов культуры плиточных могил Анхабай находится на юге Агинского района Забайкальского края (Восточное Забайкалье). Он связан с восточными

отрогами горы Будулан и верховьями долины ручья Анхабай.

Первые сведения о комплексе могил Анхабай встречаются в работе А. П. Окладникова и И. И. Кириллова «Юго-восточное Забайкалье камня и ранней бронзы» [Окладников, Кириллов, 1980, с. 68–71], где сообщается о наличии 4 могильников, состоящих из 250 погребений. Исследования также проводил Д.М. Дашилхамаев в 2011–2012 гг. в составе Агинского археологического отряда ЗабГУ, им выделено 13 могильников, включающих в себя 395 погребений и дано краткое описание каждого могильника [Дашилхамаев, 2013, с. 258–262]. В 2021 г. Агинским отрядом Чикойской археологической экспедиции с участием автора проведены мониторинговые работы с применением аэрофотосъемки и детальной фиксации памятников.

Нами был проведен мониторинг двух комплексов. В первом зафиксировано 3 плиточных могилы, в среднем имеют размеры 4×6 м. Второй комплекс состоит из 11 могил, в среднем размеры – 2×3 м. Были сделаны замеры всех погребений, которые дополнены аэрофотосъемкой. На основании данных были составлены детальные планы обоих комплексов.

Одна из проблем изучения памятников культуры плиточных могил это внутренняя периодизация. При мониторинге было выявлено, что погребения первого по размеру больше второго. При этом конструкции могил второго комплекса имеют трапециевидную форму. Таким образом, встает вопрос о их временном соотношении. Кроме этого, можно предполагать, что размер могильной конструкции был связан со статусом погребенного, однако только дальнейшее комплексное изучение погребального инвентаря при раскопках минимально повреждённых погребений позволит говорить об этом аргументированно.

В первом комплексе при всех трех плиточных могилах было обнаружено 7 сторожевых камней или же сэргэ. Сэргэ с бурятского языка означает коновязь. Они устанавливались около жилищ-юрт, и они действительно играли роль коновязей. Вместе с тем сэргэ исполняли роль своеобразного сторожа, оберегающего жизнь людей от злых духов и напастей. А. П. Окладников [Окладников, Запорожская, 1970, с. 57] и И. И. Кириллов употребляли оба понятия как равнозначные. Но более детального объяснения назначения и характера сэргэ никто не дал. Следует учесть, что современные буряты эти камни уже не связывают с коновязью. А. Д. Цыбиктаров поднимает такую проблему, как интерпретация сторожевых камней и объектов похожих на них [Цыбиктаров, 2016]. Он выделяет следующие отличительные черты данных объектов от сторожевых камней: более крупные размеры, в некоторых случаях наличие антропоморфных черт, на плоскостях, но не всегда, встречаются изображения, также поверхности имеет дополнительную обработку. Помимо этого, так называемые объекты встречаются у погребений культуры плиточников гораздо реже, но при этом расположение у них точно такое же, как и у сторожевых камней.

Из особенностей оформления, наличия антропоморфных черт, а также на большинстве из них различных изображений Цыбиктаров выделяет данные объекты в отдельный вид памятников культуры плиточных могил и называет их псевдоантропоморфными камнями. Сторожевые камни – особый вид памятника, иной по предназначению и смыслу, чем оленные камни. И только дальнейшее изучение позволит полнее понять характер предназначения в погребальном обряде кочевников культуры плиточных могил.

На угловом камне в конструкции одно из погребений второго комплекса выбит стилизованный олень. Сторона с изображением пострадала вследствие эоловых процессов, в связи с чем фигура животного видна неотчетливо. Присутствие оленного камня в оградке погребения можно объяснить тем, что он мог быть использован как строительный материал или же был заимствован у культуры херексур, что в свою очередь говорит о их взаимодействии.

В настоящий момент нет абсолютных дат по плиточным могилам расположенных в Восточном Забайкалье. При этом имеются даты по плиточным могилам Западного Забайкалья, Прибайкалья и Монголии. Исходя из этого памятники Восточного Забайкалья выпадают из общей хронологии культуры плиточников. И также, ставится вопрос об исходной датировке данной культуры.

Таким образом, дальнейшее изучение комплекса посредством раскопок позволит сформировать более целостное представление о погребальных обрядах кочевников эпохи раннего железного века на территории Забайкалья. А дальнейшая детальная фиксация погребальных сооружений, картирование территории Анхабайского комплекса культуры плиточных могил в комплексе с изучением археологического материала, абсолютным датированием позволит верифицировать погребальные сооружения в пространственном и хронологическом отношении.

*Научный руководитель – М. В. Константинов,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

1. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение. 1980. 176 с.
2. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970. 264 с.
3. Дашилхамаев Д. М. Погребальный комплекс Анхабай // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. Чита. 2013. С. 258–262.
4. Цыбиктаров А. Д. Оленные камни культуры плиточных могил (псевдо антропоморфные камни, к постановке проблемы) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т.1. Красноярск, 2016. С. 283–293.

Ankhabai complex of tile graves culture: history and problems of study

A. V. Garmaeva

This article discusses one of the largest complexes of the culture of the graves in the territory of Transbaikalia, located in the Ankhabai Padi. For the first time, this complex is mentioned in the work of A. P. Okladnikov and I. I. Kirillov. D. M. Dashilkhmaev, who identified 13 complexes consisting of 395 graves, carried out his research. In 2021, the Age Archaeological Team monitored the preservation of the pamyatnik. Based on this, the problems of studying were identified by this culture.

Keywords: culture of tile graves, Ankhabai, bronze age, early Iron Age, Transbaikalia, deer stones, guard stones, chronology

Гармаева Анастасия Васильева

Студентка 3 года обучения

Забайкальский государственный университет

e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

Garmaeva Anastasia Vasilyeva

Student of 3 years of study

Trans-Baikal State University

e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

УДК 903.25|638|(282.256.3)

Гравированные бусины из сердолика с территории Верхнего и Среднего Енисея в раннем железном веке*

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Территория Верхнего и Среднего Енисея богата разнообразными археологическими памятниками. Большое их количество обусловлено уникальностью местного природного ландшафта. Благоприятный микроклимат степей региона привлекали внимание высоко мобильных скотоводов с древних времен. Степные зоны Центрально-Тувинской и Хакасско-Минусинской котловин входят в «скифо-сибирский» мир и являются его своеобразной по культурным традициям северовосточной частью [Савинов, 2002, с. 154].

В типологически-различных археологических памятниках, в первую очередь, погребальных сооружениях и кладах, многочисленные находки бусин и бисерин указывают на их особую роль в системе экономических и межкультурных контактов населения Верхнего и Среднего Енисея. Известно, что в VII–III вв. до н. э. на этой территории существовали и развивались три археологических культуры: тагарская, алды-бельская и уюкско-саглынская. Всего, из учтенных нами 28 памятников, обнаружено более 3,6 тыс. бусин из несколь-

*Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

ких разновидностей камня: бирюзы, янтаря, сердолика, аргиллита, яшмы, агата, нефрита, мрамора и др. Собранные данные из опубликованных материалов показывают относительно большое количество изделий. Часто в полевой документации, отчетах отсутствуют их число и подробные описания обстоятельств находок, определение материала изготовления.

На территории Центрально-Тувинской котловины в 9 могильниках зафиксировано более 3,5 тыс. каменных бусин [Семенов, 2003; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017]. Не менее 100 бусин из камня обнаружено в 19 памятниках тагарской культуры [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014].

Подсчеты показывают, что бусины из сердолика занимают третье место среди изделий из драгоценных и полудрагоценных камней по популярности у древнего населения Верхнего и Среднего Енисея в VII–III вв. до н. э. Особое внимание привлекают сердоликовые бусины с орнаментом, так называемые травленные бусины. Орнамент на них в виде различных узоров был нанесен раствором, содержащим щелочь или соду. При нагревании получался «гравированный» орнамент – щелочь, взаимодействуя с камнем, образовывала на поверхности белую прослойку, что и давало эффект гравировки. Из 88 зафиксированных изделий – 32 экз. гравированы (36 %). Большая часть подобных находок (31 экз.) происходит из «царского» кургана Аржан-2, находящийся в так называемой Долине царей Республике Тывы [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 7–8]. Памятник исследовался с 1998 по 2003 гг. совместной экспедицией Германского археологического института (г. Берлин, Германия) и Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия) под руководством Г. Панцингера, А. О. Наглера и К. В. Чугунова. Украшения из сердолика, происходящие из могил №№ 12, 13 имеют различный орнамент в виде двух прямоугольников; круга; восьмеркообразной фигуры.

Еще одна сердоликовая бусина с тремя вытравленными полосками была найдена в заполнении грабительской ямы одной из могил памятника Черемшино Орджоникидзевского района Республики Хакасия [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, с. 74–108]. Могильник сарагашенского этапа тагарской культуры

расположен на 26 км трассы Копьево-Сарала. В 1999 г. был исследован курган № 1 в результате охранно-спасательных работ Средне-Енисейской экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. А. Боковенко.

По имеющимся данным нам известны основные последовательные технологические этапы, инструментарий, применяемый при обработке бус [Губенко, 2020, с. 41–42]. Орнаментация изделий выступает дополнительной операцией в технологии изготовления украшений [Леммлейн, 1947, с. 23].

Способы орнаментации каменных бусин описаны в известном из дошедших до нас средневековом письменном источнике – трактате персидского учёного-энциклопедиста Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)» в переводе А. М. Беленицкого [Ал-Бируни, 1963]. Сведения о способе нанесения декора имеются также в подробном анализе источника – работе Г. Г. Леммлейна, включенной в качестве приложения в издании книги Ал-Бируни [Там же, с. 292–402].

Помимо механического воздействия часто применялись приемы термической или химической обработки камней для улучшения их окраски и подготовки к нанесению декора на поверхность минералов [Там же, с. 372]. Ал-Бируни, пишет, что на изделие из сердолика орнамент наносится «посредством раствора поташа и нашатыря; затем его приближают к огню и написанное становится белым» [Там же, с. 160]. Камень при нагревании с содой или поташом имеет свойство спекаться и покрываться твердым эмалевидным белым слоем. Используя эти знания древние мастера декорировали готовые изделия из сердолика белым рисунком. Такой способ орнаментации сердоликовых бусин был известен в Индии в III тыс. до н. э. [Nandagopal, 2018, pp. 475–476]. Впервые в европейской литературе Эрнест Джон Гентри Маккей, английский археолог и историк, дал описание технологии «украшения» сердоликовых бусин в XX в. в Индии [Ал-Бируни, 1963, с. 374]. Он выделил последовательные этапы нанесения орнамента на поверхность изделия: процесс прокаливании сердоликовой бусины, нанесе-

ние на поверхность минерала специального раствора (сода, смешанная с соком растения kirar – *Sarraris arhylla*, вероятно, для вязкости), нагревание на горящий углях украшения, продолжительность которого определяется количеством нанесенного раствора (обычно 5–10 минут). Известны были также способы нанесения черного рисунка солями железа на побеленную поверхность сердолика [Там же; Nandagopal, 2018, pp. 477–478].

Стоит подчеркнуть, что ремесленные центры на Востоке на протяжении тысячелетия сохраняли преемственность традиций обработки твердых камней, а совершенствование технологии происходило постепенно и качественно, без стремительных изменений. Сведения, содержащиеся в письменных свидетельствах, могут быть актуальны для изучения технологии орнаментации сердоликовых бусин, происходящих с территории Верхнего и Среднего Енисея.

Аналогии орнаментированным украшениям из сердолика зафиксированы в Индии, Восточном Памире, Хорезме, Мерве, Семеречье, в Центральном Казахстане и Закавказье [Литвинский, 1972, с. 79–81]. Широкая

распространенность гравированных бусин свидетельствует о существовании в раннем железном веке региональной торговли и прямого межгруппового обмена товарами. Индия считается одним из крупных центров массового ремесленного производства обработки камня, обусловленное геологическим строением Индостанского полуострова. Сочетание многочисленных доступных местонахождений цветных драгоценных и полудрагоценных камней, наждака, необходимого для обработки твердых минералов, а также алмаза, являющимся абразивным материалом для сверления и резания камней, обеспечивало сырьем центры ремесленного производства на протяжении многих тыс. Готовые изделия из разнообразных камней распространялись посредством эстафетной торговли, в том числе в северные периферии Евразии, включая степные районы Тувинской и Минусинской котловин, где фиксируются похожие орнаментированные бусины.

*Научный руководитель – О. А. Митько,
канд. ист. наук, доцент,*

Новосибирский государственный университет

Список источников

Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) [Текст] / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни; Пер. А. М. Беленицкого; Ред. проф. Г. Г. Леммлейна [и др.]; Статьи и примеч. А. А. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. 518 с. 2 л. портр., карт.: ил.; 22 см.

Список литературы

1. Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии // СПб: «ЭлекСис». 2014. 154 с. (Археологические раскопки на дорогах Хакасии. Вып. 3).
2. Губенко Е. В. Трасологический и технологический анализы каменных бус из грунтового могильника Тесинский Залив-3 // Археология: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 41–42.
3. Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 22–30. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. С. 78–82.
4. Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.
5. Семёнов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2003. 240 с.
6. Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
7. Nandagopal Prabhakar. Decorated Carnelian Beads from the Indus Civilisation Site of Dholavira (Great Rann of Kachchha, Gujarat) // In Walking with the Unicorn Social Organization and Material Culture in Ancient South Asia / ed Dennys Frenez et al. Archaeopress Publishing LTD. 2018, Pp. 475–485.

Engraved carnelian beads from the territory of the Upper and Middle Yenisei in the Early Iron Age

E. V. Gubenko

Carnelian beads take the third place among the products made of precious and semi-precious stones in popularity among the ancient population of the Upper and Middle Yenisei in the 7th-3rd centuries. BC. Particular attention is drawn to carnelian beads with ornaments originating from the monuments of Arzhan-2 and Cheremshino. The technology of applying the ornament consists of three operations. The technological tradition mentioned in written sources dates back to the times of the Harappan civilization and has been preserved by jewelers in India and Iran.

Keywords: Sayano-Altai region, early Iron Age, intercultural contacts, engraved carnelian beads, ornamentation technology.

Губенко Екатерина Викторовна

Магистрант 1 года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

Gubenko Ekaterina Viktorovna

1st year graduate student

Novosibirsk State University

e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

УДК 903.5(571.513)

Поминальные комплексы таштыкского времени на местонахождении Сагайская протока-8 в Аскизском районе республики Хакасия (результаты работ 2021 г.)

А. К. Мамаева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В июле 2021 г. археологическим отрядом Сагайский ИАЭТ СО РАН, были проведены археологические полевые работы на ОАН «Курганный могильник Сагайская протока-8» в Аскизском районе Республики Хакасия под руководством О. А. Митько и А. А. Тимощенко.

Первые раскопки поминальных ямок со стелами и тризнами около склепов произвел в 1895 г. А. В. Адрианов у г. Минусинска. Однако вплоть до середины XX в. подобные объекты не были отнесены к отдельному типу археологических памятников, так как сложилось представление, что таштыкские поминки отличаются относительной внешней простотой и малой информативностью. Тем не менее, предпринимались попытки систематизации поминальных сооружений и реконструкции поминального обряда. [Кызласов, 1975; Комплекс..., 1979, с. 141–144; Вадецкая, 1999, с. 117–118; Худяков, 2000, с. 70–72].

А. И. Поселянин представил краткую характеристику основных признаков поминальных памятников, являющихся «овеществлен-

ным результатом» поминального ритуала. Известно, что составной частью поминального обряда является выбор места сородичами для проведения жертвенного пиршества и размещения тризны усопшим. Поминальник, как правило, формировался уже после сооружения склепа и занимал вторичное место на площади могильника [Поселянин, 2009, с. 168–174]

На выбор места для поминальника влияли представления о многокомпонентной структуре погребально-поминальных обрядов. Например, для подготовки усопшего к захоронению и проведению поминальных ритуалов около склепа, включая тризну, исполнение героических произведений и проведение поминальной аша-байги, в честь умершего, требовалась специальная площадка. Подобные ритуалы существовали у древних тюрок и народов Средней Азии и Южной Сибири в этнографическое время [Кызласов, 1969. С. 39–43; Бутанаев, 1988; Фиельструп, 2002. С. 134–168].

Анализ таштыкских могильников позволил выделить три принципа планиграфической

организации поминов: «рядная» планировка – со структурированием объектов в ряды; «свободная» – с отсутствием какой-либо видимой системы планировки; «смешанная», или «комбинированная», включавшая элементы двух первых. Меньше четверти всех изученных поминальников имели свободную планировку ямок друг относительно друга. Наблюдения о способах организации ямок на площади поминальников показывают, что первоначально объекты сооружали в направлении от склепа к периферии, размещая их в ряды.

В качестве поминальной тризны на дне ямок уложено мясо жертвенных животных и поставлена жидкая пища в глиняной посуде. В поминальные ямки укладывали в основном куски мяса от 1–2 конечностей и частей осевого скелета (туловища) овцы или коровы. В поминальниках находилась посуда пяти типов, выделенных по основным формам: банки, горшки, миски, кубки, фляги с разнообразным орнаментом, типичным для позднего этапа таштыкской культуры [Поселянин, 2009, С. 168–174].

На момент начала работ на ОАН «Курганный могильник Сагайская протока-8» на современной поверхности земли были видны отдельные фрагменты каменных конструкций. После зачистки на уровне древней дневной поверхности курганных земляных насыпей обнаружено не было. Зафиксировано несколько скоплений камней (каменных кладок) из плит разного размера и плиток песчаника, а также отдельно лежащих блоков рваного камня.

Выявленные каменные конструкции получили наименования «объектов». Всего таких объектов было выделено 24. Типологически их можно разделить на 3 группы (рис. 1).

Группа 1 (объекты 1, 7, 15, 16, 19, 20). Грунтовые ямы подпрямоугольной в плане формы, перекрытые каменной кладкой. На дне ям помещалась мясная пища – кости овцы или коровы и керамические сосуды.

Объект 1. Каменная кладка овальной в плане формы из плиток песчаника. Каменная кладка перекрывала грунтовую яму подпрямоугольной в плане формы. Вдоль северной стенки ямы зафиксирован фрагмент дерева. На дне ближе к южной стенке поставлено два керамических сосуда.

Сосуд 1 плоскодонный, бомбовидной формы с короткой прямой шейкой. Сосуд имеет

прямой венчик, слегка отогнутый наружу. По шейке сосуда нанесен пояс орнамента, состоящий из вертикальных коротких линий, идущих параллельно друг другу. Ниже, по всему диаметру верхней части тулова, располагается такой же орнамент и налесты, размещенные с интервалом в 9–11 см. Эти два орнаментальных пояса соединены перпендикулярными им оттисками горизонтальных параллельных друг другу коротких линий.

Сосуд 2 расположен западнее сосуда 1. Плоскодонный керамический сосуд плохой сохранности из-за низкого качества глиняного теста и обжига. Сохранилась нижняя придонная часть.

Кроме того, у северной стенки ямы ближе к северо-восточному углу была положена мясная пища, практически полный посткраниальный скелет овцы.

Объект 7. Каменная кладка подпрямоугольной в плане формы из рваного камня и плит песчаника. Продольной осью ориентирована по направлению восток – запад с отклонением на ЮВ – СЗ. Отдельные плитки песчаника находились в наклонном положении.

После разбора каменной кладки была расчищена грунтовая яма подпрямоугольной формы. На дне ямы в юго-западном углу был установлен керамический сосуд баночной формы и кости, принадлежащие корове: лопатка, ребра, позвонки.

Объект 15. Представлял собой обширную грунтовую яму подпрямоугольной в плане формы. На дне было помещено два керамических сосуда, стоявшие у южной стенки ямы.

Сосуд 1 имеет прямой венчик, слегка отогнутый наружу, короткую шейку, которая плавно переходит в тулово бомбовидной формы. Дно сосуда плоское. Сосуд неорнаментирован. По верхней части тулова, располагаются два налепных ушка с отверстиями, расположенные симметрично друг другу.

Сосуд 2 представлен фрагментом венчика, по которому можно определить, что он имел горшковидную форму

К северу от сосудов у северной стенки ямы были уложены куски мясной пищи, кости коровы (или быка) – кости ног, лопатка и другие.

Объект 16. Над северной частью ямы находились камни перекрытия. В верхней части

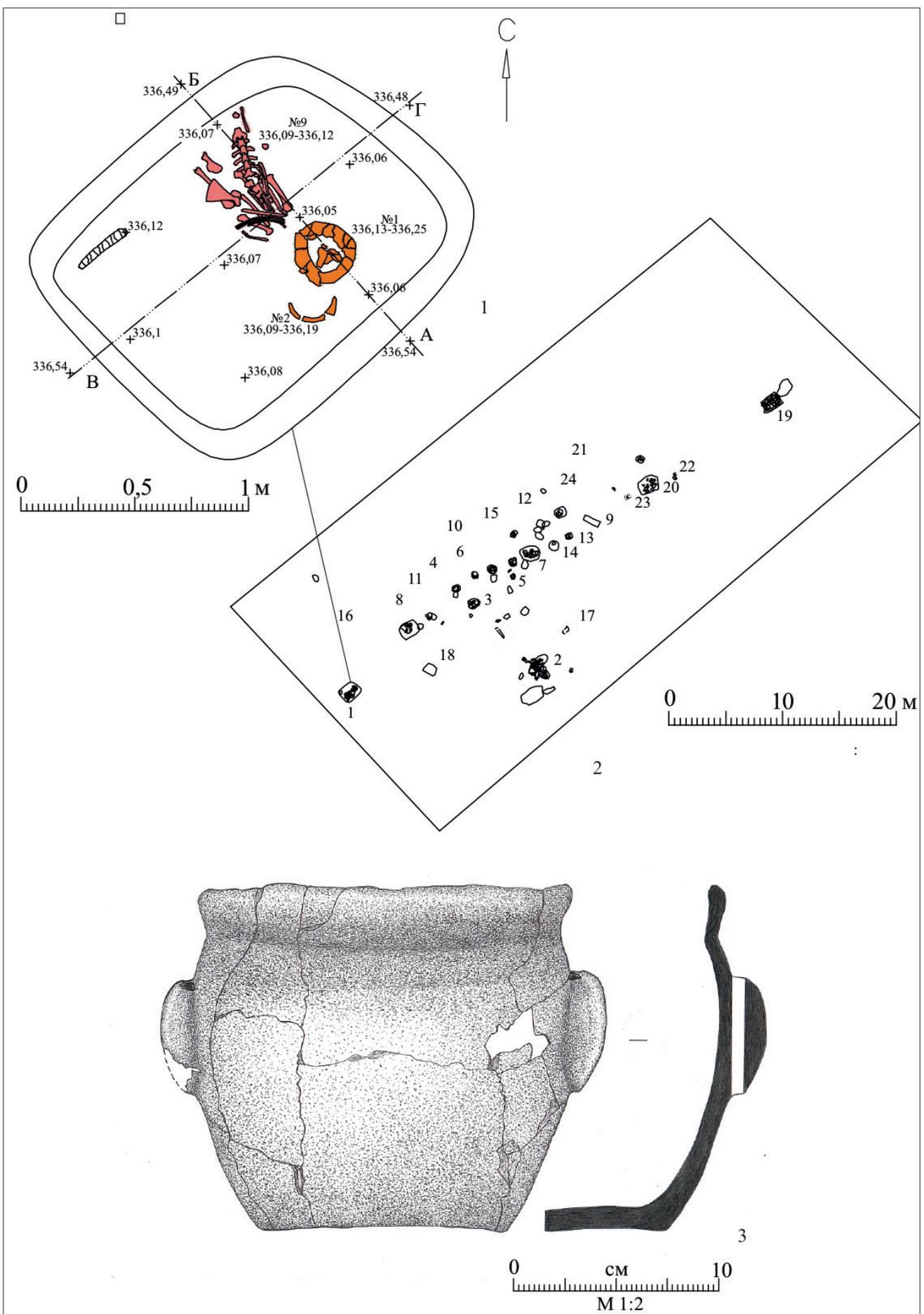

Рис 1. Сагайская протока-8: 1 – план объекта № 1; 2 – планиграфия ОАН; 3 – керамический сосуд (объект 16)

заполнения встречены фрагменты деревянного перекрытия. У северной стенки ямы рядом с мясной пищей был поставлен керамический сосуд бомбовидной формы.

На дне ямы обнаружены кости от двух особей овцы: кости позвоночника, две правых грудины, тазовая кость, кости задних и передних ног.

Объект 19. Перекрывавшие грунтовую яму плиты были уложены без какой-либо системы. Под ними располагалась яма прямоугольной в плане формы. В заполнении был обнаружен плоскодонный сосуд горшковидной формы без орнамента. Венчик плавно отогнут наружу, шейка короткая и плавно переходит в тулово. На дне находились кости коровы (кости ног) и овцы (кости ног, ребра). Мясная пища была положена вдоль южной стенки ямы.

Объект 20. Каменная кладка из плиток песчаника, аморфная по своей структуре, перекрывала большую грунтовую яму подпрямоугольной формы, ориентированную продольной осью по направлению восток – запад.

На дне ямы, у ее южной стенки, находился развал большого керамического сосуда бомбовидной формы.

В северо-восточном углу ямы была уложена мясная пища – сохранились кости овцы: позвоночный столб, ребра, лопатки.

Группа 2 (объекты 4, 6, 8, 13). Представлена небольшими грунтовыми ямами без каменного перекрытия, форма округлая или подпрямоугольная в плане, с фрагментами вертикально установленных деревянных столбиков. В заполнении этих ям фиксируется каменная забутовка из плит песчаника.

Группа 3 (объекты 3, 5, 10, 11, 12, 14). Представлена небольшими грунтовыми ямами без каменного перекрытия, форма округлая или подпрямоугольная в плане. В заполнении этих ям фиксируется только каменная забутовка из плит песчаника.

По выявленным планиграфическим особенностям и составу инвентаря в объектах Сагайская протока-8 можно сделать вывод, что они относятся к поминальникам таштыкской культуры I–VI вв. н. э.

Научный руководитель – А. А. Тимоценко,

канд. ист. наук, научный сотрудник

Института археологии и этнографии СО РАН.

Список литературы

1. Бутанаев В. Я. Погребально-поминальный обряд хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 22–37.
2. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб., 1999. 440 с.
3. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. / М. П. Грязнов, М. П. Завитухина, М. Н. Комарова, С. С. Миняев, М. Н. Пшеницина, Ю. С. Худяков Новосибирск, 1979. 166 с.
4. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 141 с.
5. Кызласов И. Л. Поминальные памятники таштыкской культуры // СА. 1975. № 2. С. 30–47.
6. Поселянин А.И. Поминальный обряд Таштыкской культуры. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Том 8, выпуск 3: Археология и этнография С. 168–174.
7. Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. 300 с.
8. Худяков Ю. С. Таштыкский поминальник у горы Тепсей // Хакасия: история и современность: Учен. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Новосибирск, 2000. Вып. 21. С. 49–73.

Funeral complexes of the Tashtyk culture at the location of the Sagay duct-8 in the Askizsky district of the Republic of Khakassia (results of work 2021)

A.K. Mamaeva

The article is devoted to the work on the site of the Sagay duct-8, which was carried out in July 2021. The identified stone structures were named "object". In total, 24 such objects were identified. Typologically they were divided into 3 groups. As a funeral feast, meat of sacrificial animals was laid in the pits and liquid food was placed in earthenware. In the funeral pits, mostly pieces of meat from 1-2 limbs and parts of the axial skeleton (trunk) of a sheep or cow were placed. According to the nature of the ceramic material, the presence of wooden posts and stone backfill in the soil pits, these objects can be

dated to the Early Iron Age and attributed to the Tashtyk archeological culture on the territory of the Minusinsk basin. The studied objects are typologically close to the Tashtyk funeral complexes.

Keywords: Tashtyk culture, funeral memorials, funeral rite, funeral objects planigraphy, funeral feast, sacrificial set.

Мамаева Александра Константиновна

Магистрант 1 года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.mamaeva@g.nsu.ru

Mamaeva Aleksandra Konstantinovna

1st year graduate student

Novosibirsk State University

e-mail: a.mamaeva@g.nsu.ru

УДК 903.5(571.14)

Особенные захоронения одиновской культуры на памятниках Венгеровского микрорайона

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Под «особенными» захоронениями понимаем погребения, которые выделяются на общем фоне погребального обряда одиновской культуры. Для рассмотрения были привлечены опубликованные материалы с ключевых могильников одиновской культуры: Сопка-2/4А, Усть-Тартас-2 и Тартас-1 (Венгеровский р-он НСО).

Для погребального обряда носителей традиций одиновской культуры характерно расположение захоронений параллельными рядами в глубине террасы, как исключение на могильнике Сопка-2/4А зафиксировано нахождение их ближе к краю [Молодин, 2012; Некраш, 2021, с. 51–52]. Размер могильной ямы: длина – ок. 2 м и ширина – ок. 1 м. Захоронения чаще всего одиночные, но встречаются парные и коллективные, зафиксированы ярусные. Умерший укладывался на спину в вытянутом положении, головой на северо-восток Яркой чертой погребальной практики является наличие земляной «подушки» или выступа в северо-восточной части могилы. Из-за земляной «подушки» создавалось впечатление, что умерший полусидел-полулежал в могиле, при этом, из-за разложение мягких тканей череп скатывался на грудь [Молодин, 2011, с. 252–254].

Несмотря на характерные особенности одиновской культуры в Барабинской лесос-

тепи встречаются и «особенные» погребения.

Могильник Усть-Тартас-2 (58 ед.). На общем фоне выделяется коллективное погр. № 76. Обезглавленные 5 человек располагались в позе «валетом» [Продолжение раскопок грунтовых ..., 2020]. Второй случай зафиксирован в парном погр. № 65, мужчина лежал вытянуто на спине, а женщина – на животе, на нем, при этом они оба были обернуты в бересту и подожены. Рядом с левым плечом женщины найдена скульптура человека с костяной «маской» [Там же; Некраш, 2022, с. 148–150]. С точки зрения антропологического исследования, интересно погребение женщины, у которой в районе таза находились кости нерожденного ребенка [Основные результаты исследования ..., 2019].

Могильник Сопка-2/4А (164 ед.) [Молодин, 2012]. В основном зафиксирован стандартный обряд, свойственный одиновской культуре. Однако, есть и исключение. В погр. № 574 скелеты лежали вплотную друг к другу, женщина располагалась вытянуто на животе и лицом вниз, а мужчина – вытянуто на спине, в области пояса у него находился череп ребенка.

В трех погребениях кости ног людей были целенаправленно обрублены. В парном погр. № 178, мужчина и женщина располагались вы-

тянуто на спине головой на СВ, а их кости ног были обрублены выше колена. Парное погр. № 199: в верхнем ярусе от женщины 30–35 лет сохранились череп и тазовые кости, а в нижнем ярусе – только берцовые кости и правая бедренная кость обрублена в верхней части сустава. Еще один пример подобного отношения к ногам встречается и в одиночном женском погребении (40–50 лет) (погр. № 180). Умершая располагалась вытянуто на спине, ноги обрублены выше колен.

Могильник Тартас-1 (38 ед.). Выделяется мужское погребение № 491, умерший располагался на животе, лицевая часть черепа направлена вниз. Ноги были подогнуты в коленях и положены на бок, а кости рук сомкнуты на груди. Интересно, что в отдельных случаях на памятнике в мужских погребениях, при хорошей сохранности скелета и стандартного обряда одинонской культуры, могли вывернуть правую руку назад (погр. № 364 и № 365), а в женском погребении, при подобной ситуации, руки были заведены за спину, возможно, связаны (погр. № 495) [Молодин, 2012; Рыба в погребальной ..., 2019].

Таким образом, в одинонской культуре погребальный обряд имеет свои характерные особенности, которые и позволяют отличать от других культур эпохи ранней и развитой бронзы, в частности на территории Западной Сибири. При рассмотрении разных могильников одинонской культуры появляется возможность выделить «уникальные» случаи погребального обряда. Примеры погребения с декапитацией или особое отношение к отдельным частям тела (руки, ноги или голова) известны на широких территориях, но это единичные случаи. Важно рассматривать не факт проникновения в могилу (на могильнике Усть-Тартас-2 не зафиксировано проникновение), а на обращение с телом умершего человека, что позволит более точно реконструировать духовную жизнь носителей ранней и развитой бронзы на территории Барабинской лесостепи.

*Научный руководитель – Л. Н. Мыльникова,
д-р ист. наук, доц., вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы:

1. Молодин В. И. Погребальная практика одинонской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород, Старая Русса, СПб., М., Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 252–254.
2. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одинонской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
3. Некраш А. А. Соотношение погребальной практики одинонской и кротовской культур (по материалам опубликованных комплексов Барабинской лесостепи // Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2021. С. 51–52.
4. Некраш, А. А. Особенности погребальной практики у носителей одинонской культуры на памятнике Усть-Тартас-2 // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб., 2022. С. 148–150.
5. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году / Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Ненахов Д. А., Степанова В. С. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. С. 471–477.
6. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи / Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Хансен С., Селин Д. В., Кудинова М. А., Дураков И. А., Швецова Е. С., Ненахова Ю. Н., Райнхольд С., Бобин Д. Н. // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. Т. XXVI. С. 501–509.
7. Рыба в погребальной и ритуальной практике одинонской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1) / Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. Томск, 2019. № 62. С. 170–179.

Special burials of the Odino culture at the grounds of the Vengerovsky microdistrict

A. A. Nekrash

The article is devoted to the results of the analysis of rare burials of the population of the Odino culture. Published materials from the key burial grounds of the Vengerovsky microdistrict were involved: Sopka-2/4A, Ust-Tartas-2 and Tartas-1. By "special" burials we mean burials that stand out against the general background of the funeral rite of the Odino culture. It was noted that there were two cases of paired burial, where a man was on his back and a woman on her stomach (on Ust-Tartas-2 it was located on a man and in Sopka-2/4A it was right next to each other). Objects with deliberately chopped off legs were recorded (burials № 177, 180, 199 – Sopka-2/4A); a collective burial of decapitated people buried in the "jack" poses was discovered (burial № 76 – Ust-Tartas-2); as well as burials with turned (burials № 364 and № 365 – Tartas-1) or with their hands behind the back (burial № 495 – Tartas-1).

Keywords: archaeology, odino culture, Western Siberia, burial, Bronze Age.

Некраш Алина Анатольевна

магистрант 1-го года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: nekrash.alina@mail.ru

Nekrash Alina Anatolyevna

1st year graduate student

Novosibirsk State University

e-mail: nekrash.alina@mail.ru

УДК 903.2(470.54/56+470.58)

Импортные предметы в материалах памятников саргатской культуры

А. В. Титова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Саргатская культура является одной из наиболее изученных археологических культур на территории Западной Сибири. В богатом материале культуры прослеживаются как уникально саргатские предметы, так и множество импортных предметов. Цель данной статьи – рассмотрение импортных предметов в материалах саргатской культуры.

Импорты в материалах саргатской культуры можно разделить по нескольким аспектам:

1. регион происхождения импортов;
2. регион обнаружения импортов;
3. типы импортных предметов;
4. время поступления импортных предметов.

Основными регионами происхождения импортных предметов, найденных в памятниках саргатской культуры, являются Причерноморье, Поволжье, Зауралье, Средняя Азия, Казахстан, Китай. Памятники саргатской культуры широко располагаются на территории За-

падной Сибири, и делятся на два ареала – западный и восточный.

К западному ареалу относятся памятники на территории Притоболья и Тобол-Ишимья. Импортные предметы, найденные в этих регионах, указывают на западный характер связей. В частности, были широко распространены зеркала с территории Поволжья. Также обнаружены металлические предметы из Зауралья и бусы с территории Причерноморья.

К восточному ареалу относятся территории Барабы и Обь-Иртышья. В памятниках на этих территориях присутствует больше китайских предметов, таких как зеркала и предметы вооружения; хуннский импорт, который в основном представлен наконечниками стрел и бляшками. Распространены были среднеазиатские сосуды.

Рассмотрим примеры импортных предметов в памятниках саргатской культуры более подробно. Самым многочисленным причерноморским импортом являются бусины. В ма-

териалах памятника Венгерovo-6 обнаружены стеклянные бусины, центрами производства которых являлись Александрия, Северное Причерноморье, Кавказ. Следовательно, их появление в Барабе указывает на западный характер связей [Молодин, Мыльникова, 2021, с. 237–249].

Что касается поволжского импорта, то здесь преобладают зеркала. Найденные в могильниках Абатский 3, Тютринский, Чепкуль 9, Богдановка зеркала относятся к импорту с территории Нижнего Поволжья. Об этом свидетельствует технология изготовления зеркал, которая была распространена на территории проживания савроматов и сарматов. Традиционные связи с территорией Поволжья, а также близость к ареалу саргатских племён Тоболо-Ишимья, позволяют предположить ведущую роль этого производственного центра [Тигеева, Белоногова, 2018, с. 84–86].

С территории Зауралья чаще всего поступали металлические изделия. Например, оружие и орудия труда. Трёхлопастные наконечники стрел, медный нож, медное шило, обнаружены в материалах разных памятников саргатской культуры: могильники Тютринский, Красногорский 1, Савиновский, Рафайловское городище. Исследования состава и технологии этих предметов показывают, что они были изготовлены в иткульском металлургическом очаге, откуда распространялись среди лесостепных культур Зауралья [Проконова, 2021, с. 221–243].

Большое количество импортных предметов саргатскому населению поступало из Средней Азии. Например, железные трёхлопастные наконечники стрел широко представлены в саргатских материалах. Также в саргатских памятниках фиксируются кинжалы, которые находят аналоги в памятниках Средней Азии (Исаковский могильник, Сидоровский могильник) [Погодин, 1998]. Помимо металлических изделий к среднеазиатскому импорту относятся культовые изделия (глиняные блюда, курильницы и сосуды) [Матющенко, Татаурова, 1997; Зах, 2021, с. 66–82].

Особый интерес представляет китайский импорт. Китайскими импортными предметами в материалах саргатской культуры являются зеркала, монеты, элементы вооружения. В частности, в могильнике Марково-1 была обнаружена монета типа 五铢учжу [Полосьмак, 1987].

Известно, что в хунно-сарматский период у сюнну, сарматов и саргатцев были распро-

странены длинные китайские мечи с нефритовыми скобами. В Исаковском и Сидоровском могильниках были обнаружены мечи с такими скобами [Погодин, 1998].

Китайские зеркала также встречаются в нескольких памятниках саргатской культуры. Например, в могильнике Марково-1 был найден обломок зеркала, центром производства которого было царство Чу [Полосьмак, 1978]. Исследовано зеркало из могильника Чепкуль 9, которое датировано эпохой династии Хань [Тигеева, Белоногова, 2018, с. 84–96].

Таким образом, в материалах памятников саргатской культуры прослеживается относительно устойчивый набор импортных предметов: орудия труда; предметы вооружения; культовые предметы и зеркала; украшения. Важным аспектом изучения импортных предметов является рассмотрение времени появления импортов в инокультурной среде.

Металлические предметы, например, кельт из могильника Мурзинский 4 подобен экземплярам, широко распространяются у населения Урала и Сибири в VI–IV вв. до н.э. В ряде погребений саргатской культуры такие кельты встречаются и позднее, например, в Тютринском могильнике III–II вв. до н.э. [Проконова, 2021, с. 221–243].

С III в. до н.э. у саргатского населения Притоболья получают широкое распространение хуннские изделия. Во II в. до н.э.–II в. н.э. к населению саргатской культуры поступают украшения из Северной Бактрии, которые не встречаются в комплексах соседних культур этого времени [Там же].

Культовые изделия в Притоболье, например, курильницы, датируются III–II вв. до н.э. [Матвеева, 1993]. В Барабе были распространены блюда-алтарики, которые датируются IV–II вв. до н.э. [Полосьмак, 1987]. В Прииртышье каменные курильницы-жертвенники датированы V–IV–III вв. до н.э. [Зах, 2021, с. 66–82].

Предметы вооружения проникают к носителям культуры в разное время. Например, найденные в саргатских памятниках трёхлопастные наконечники стрел известны в Средней Азии и Казахстане с III в. до н.э. У хуннов они существовали с III в. до н.э. по I в. н.э. [Аварийные раскопки могильника ..., 2012]. Китайские предметы вооружения, представленные

ножами для мечей, появляются в VII–VI вв. до н. э. в области, где обитали сарматы, и широко распространяются по всей Евразии. В Китае же подобные предметы существовали во 2-й пол. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. [Погодин, 1998].

Распространение украшений также датируется разным временем. Стекланные бусины с позолотой известны в материалах саргатской культуры на территории Барабы [Полосьмак, 1987]. Производство подобных бус было налажено в Александрии в III–II вв. до н. э., тогда же они появились в Северном Причерноморье и на Кавказе. Время бытования бус в Западной Сибири – III в. до н. э. – II в. н. э., причём наибольшей популярностью они пользовались во II в. до н. э. – I в. н. э. [Аварийные раскопки могильника ..., 2012].

Таким образом, разнообразный набор импортных предметов, которые были обна-

ружены в памятниках саргатской культуры, указывает на устойчивые связи саргатцев с сопредельными территориями. Также не исключено, что импортные вещи поступали к саргатскому населению при посредничестве, через ближайших соседей.

Несмотря на относительно устойчивый набор импортных предметов в материалах саргатской культуры, территория происхождения импортных изделий коррелирует с местами обнаружения этих предметов. Выделяются импорты, которые были характерны лишь для определённой части ареала культуры. Способы обмена и/или торговли саргатцев с соседями – вопрос будущих исследований импорта в саргатской культуре.

*Научный руководитель – Л. Н. Мыльникова,
д-р ист. наук, доц., вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

1. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерovo-6 / В. И. Молодин, Н. С. Ефремова, И. А. Дураков, Л. Н. Мыльникова, И. В. Сальникова, К. А. Борзых // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 188–194.
2. Зах В. А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // ВИАЭ. 2021. № 2(53). С. 66–82.
3. Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
4. Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
5. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Концентрация элитных курганов в Барабе: природные и социокультурные факторы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. № 27. С. 237–249.
6. Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. 84 с.
7. Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 143 с.
8. Проконова М. М. Металлические изделия из памятников саргатской культуры Притоболья // Теория и практика археологических исследований. 2021. №4. С. 221–243.
9. Тигеева Е. В., Белоногова Л. Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // ВИАЭ. 2018. № 4(43). С. 84–96.

Trade items in Sargat Culture

A. V. Titova

The Sargat culture is one of the well-studied archaeological cultures in Western Siberia. Materials of the culture are represented by unique Sargat items and trade items. Due to the vast area of the Sargat culture, the set of trade items and their amount differs. The purpose of this article is to demonstrate the diversity of trade items in the Sargat culture. The main regions where trade items found in Sargat culture were produced are the Black Sea region, the Volga region, the Trans-Urals, Central Asia, Kazakhstan, and China. The research of these items can show trade routes and cultural exchanges during the Bronze Age and Early Iron Age in Siberia.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Sargat culture, trade items

Титова Александра Вячеславовна

магистрант 1 года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: alexandratitv@gmail.com

Titova Alexandra Vyacheslavovna

1st year magistrate
Novosibirsk State University
e-mail: alexandratitv@gmail.com

УДК 903.222(571.56)

Анализ метательного оружия (каменных наконечников стрел) (По материалам стоянки Поповский Луг)

Д. С. Токарев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Памятник Поповский Луг расположен на правом берегу р. Лены в 4 км ниже п. Качуг, находящегося в Качугском районе Иркутской области. Археологические изыскания на данной территории проводились с мая 1948 г. М. Р. Полесских и П. П. Хороших. В 1971 г. под руководством М. П. Аксенова (уже доцента кафедры всеобщей истории ИГУ) вдоль бровки террасы было заложено 4 шурфа, позволившие датировать новый объект неолитом – бронзовым веком, и показавшие перспективность дальнейших исследований на данной территории [Аксенов, 1972].

В 1972–1973 гг. Ленской партией КАЭ ИГУ были произведены стационарные раскопки на местонахождении Поповский Луг. В процессе исследования поселения был обнаружен и начал исследоваться новый могильник. Могильник расположен на территории памятника, на той же 6–8 м террасе. В ходе работ 1972 г. было выявлено и раскопано три погребения. Все они располагались на бровке террасы. Могильник был отнесен к подобным памятникам глазковского типа, широко представленным в Прибайкалье [Аксенов, 1973].

Двумя раскопами была вскрыта площадь 350 м² [Зубков, 2000]. В 1972 г. на базе шурфа № 2 был развернут раскоп № 1 площадью 100 м², в 1973 г. площадь была расширена до 250 м². Кроме этого, к северо-востоку от раскопа № 1 вглубь террасы был разбит раскоп № 2 площадью 100 м² и заложены два разведочных шурфа № 5 и № 6. В раскопах и шурфах были обнаружены изделия из камня, фрагменты керамики, обломки костей. Культурные остатки фиксировались в современной почве и серой лессовидной супеси (подпочве). По морфологии инвентаря и его стратиграфическому положению памятник был датирован периодом неолита – бронзового века.

Характер и последовательность геологических отложений, слагающих террасу, в обо-

их раскопах в целом сходен, но в то же время прослеживаются и некоторые отличия. Это объясняется тем, что раскоп № 1 был разбит у бровки, а раскоп № 2 – в глубине террасы у ее тылового шва. Раскопом № 2 разрезан слабо выраженный перегиб, который, возможно, фиксирует один из промежуточных уровней 1-й надпойменной террасы.

Кроме аналогичной стратиграфической ситуации в раскопах 1 и 2 также сходны морфологические черты и номенклатурный набор инвентаря, что позволяет судить о синхронности культуросодержащих горизонтов обоих раскопов.

Следует отметить два предмета из бронзы, найденные в первом слое раскопа № 2. Это небольшой стерженок и бронзовая бляшка с напаянным ушком. Собрано также значительное количество шлака [Аксенов, 1974].

В 1981 г. Н. Ф. Сергеева проанализировала химический состав металла материалов Поповского Луга: шлака из 1 к. г. и из 2 к. г. раскопа 1 1973 г.; ножа из 1 к. г. в шурфе № 1 1972 года; бляшки из 1 к. г. раскопа 1 1973 г.; шлака из 2 слоя раскопа 1 1972 г., и отнесла исследованный металл к эпохе развитой бронзы – концу второго этапа глазковской культуры – шиверскому, когда появляются отлитые в формах разнообразные изделия, считая это доказательством местного происхождения бронзовой индустрии в Прибайкалье [Сергеева, 1981, с. 152].

Морфо-типологический анализ каменных наконечников стрел проводится в связи с большим количеством различного по форме, происхождению и применению материала стоянки Поповский Луг. Результаты анализа позволяют составить классификацию метательного оружия по дифференцированным параметрам, позволяют проводить параллели и сравнение с наконечниками других археологических объектов для выявления соответствий с целью установления факта возможного куль-

турного единства происхождения или близкого по времени изготовления наконечников.

В рамках археологических исследований на стоянке Поповский луг в ходе раскопок в 1971 и 1972 гг. зафиксировано 39 каменных наконечников стрел, из которых 27 – без повреждений, 8 – с повреждениями и 4 классифицированы как фрагменты или заготовки. Стоит заметить, если повреждение не мешает определить форму наконечника, то он относится к группе соответственно своей форме. Так, среди представленных наконечников присутствуют с повреждениями в области жала, частичное или полное отсутствие онога, отсутствие шипа или части базы, насада. Так, исходя из нарушения формы наконечника, в группу фрагменты можно отнести четыре наконечника. В ходе анализа также была выделена отдельная группа, состоящая из двух экземпляров, которые можно определить как заготовки с не законченной обработкой той или иной части орудия. За основу нашей классификации была взята типология и методика В. И. Базалийского для каменных наконечников [Базалийский, 2010].

Наконечники были разделены на пять типов, соответственно их форме: тип 1 – треугольные (26 экз.), тип 2 – эллипсовидные (3 экз.), тип 3 – черешковые (4 экз.), тип 4 – заготовки (2 экз.), и тип 5 – фрагменты (4 экз.).

В свою очередь наибольшую группу треугольных можно разделить на подгруппы на основе специфики базы наконечника. Подтип 1.1 – с вогнутой базой, подтип 1.2 – с прямой базой, подтип – 1.3 с выпуклой базой, и подтип 1.4 – с прямой косою базой.

Ниже приведены варианты подразделения орудий по формам.

1. Треугольные формы (виды) включают следующие варианты:

1.1. В ходе работы в данную подгруппу внесены 13 подтреугольных каменных наконечников с овально-вогнутой линией насада, что делает её самой обширной в самой большой в группе. Представляет собой сложные подтреугольные формы с углублением в области насада. В основном, все наконечники вытянуты, что позволяет характеризовать их как длинные. По виду в разрезе выделены в ходе анализа 10 орудий ромбовидных и 3 эллипсо-

видных. Целых наконечников насчитывается 10 единиц, а 3 – с дефектами. Повреждения носят следующий характер: отсутствие жала, шипа, диагональная трещина через всё тело наконечника, разделяющая его на две части. Средние размеры в данной подгруппе следующие: длина 24,7 мм, глубина углубления 1,99, ширина 13,7, толщина 3,5. В ходе сравнительного анализа в рамках классифицируемых объектов, подгруппа с овально-вогнутой базой при сравнении с другими группами треугольных наконечников по средним метрическим показателям является более крупной.

1.2. В данной группе 7 треугольных каменных наконечников с прямой базой, что делает её второй по численности. Данная группа орудий простая по форме, то есть повторяет очертания геометрические фигур, по длине данную подгруппу можно определить как среднюю. По виду в разрезе данная подгруппа представлена только ромбовидными. Из 7 наконечников повреждён только один – отсутствует жало. Средние метрические показатели: длина 14,4 мм, ширина 12,8 мм, толщина 2,7 мм. В ходе сравнительного анализа в рамках классифицируемых объектов, наконечники подгруппы с прямой базой, по сравнению с другими треугольными наконечниками, являются более короткими.

1.3. В ходе работы в данную подгруппу внесены 2 подтреугольных каменных наконечника с выпуклой базой – самая малочисленная подгруппа среди остальных подтреугольных, а также самая малочисленная при сопоставлении по форме. В данной подгруппе присутствует один целый наконечник и один с явными повреждениями: отсутствует один из краёв и часть острия. У неповреждённого метательного оружия можно выявить вид в разрезе – ромбовидный. Средние метрические показатели в данной подгруппе следующие: длина 17 мм, ширина 13,05 мм, толщина 2,95 мм.

1.4. В данную группу внесены 4 каменных наконечника с прямой косою базой с асимметрией одного шипа. По виду в разрезе среди представленных экземпляров один эллипсовидный и три ромбовидных. В данной подгруппе все наконечники не повреждены. Средние метрические показатели следующие: длина 19,4 мм, ширина 11,3 мм, толщина 2,475 мм.

2. Эллипсоидные (ланцетовидные) каменные наконечники стрел представлены двумя орудиями, которые по метрическим показателям являются наибольшими среди остальных групп. По виду в разрезе в данной группе представлены один эллипсоидный и два ромбовидных. Все представленные наконечники не повреждены. Средние метрические показатели в данной группе следующие: длина 32,8 мм, ширина 13,9 мм, толщина 4,7 мм.

3. В группу черенковых наконечников внесены четыре орудия, что делает её второй по численности среди прочих групп, если не брать в учёт группу фрагментов. По виду в сечении все наконечники представлены ромбовидными. Целых наконечников насчитывается три экземпляра: один наконечник асимметричный, два симметричных и один повреждённый: отсутствует жало. Средние метрические показатели в данной группе: длина 18,4 мм, ширина 11,925 мм, толщина 3,5 мм.

4. Группа фрагментов, состоящая из четырёх наконечников. Все экземпляры в данной группе имеют повреждения и являются конструктивными элементами. Три фрагмента жала и один фрагмент базы.

5. В ходе работы в группу заготовки были отнесены те экземпляры, которые не были обработаны до той степени, чтобы их можно было определить в одну из выше написанных групп.

Сравнивая исследуемый материал со схожими находками с других стоянок, таких как Чадобец [Лохов, Дударев, 2017], стоянка им. Генералова [Стоянка им. Генералова... , 2014], Усть-Кова I [Итоги изучения стоянки Усть-Кова I... , 2014] был сделан вывод о том, что формы наконечников являются традиционными для данной территории. Прослеживаются общие для территории методы изготовления и оформления метательных орудий. Интересным для рассмотрения является тот факт, что наконечники стоянки Поповский Луг несколько меньше их аналогов на других стоянках. Это может быть признаком того, что преследовались разные цели, для которых создавались метательные орудия. Небольшие наконечники подходят для охоты на мелкую дичь, то же можно сказать и о наконечниках, созданных для защитно-атакующих целей.

Ещё одной проблемой являются период появления черешковых наконечников, в основном их обнаруживают в слоях, датированных периодом раннебронзового века, а на стоянке Поповский Луг их находят в неолитических слоях. Данная проблема хоть и освещалась в работах А. П. Окладников, все еще остаётся актуальной [Окладников, 1955].

*Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель кафедры истории и методики,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет*

Список источников

1. Аксенов М. П. Отчет по полевым работам 1971 г. Иркутск 1972г. 78 с. // Архив ИА РАН, р.1
2. Аксенов М. П. Отчет по полевым работам 1972 г. Иркутск 1973г. 85 с. // Архив ИА РАН, р.1
3. Аксенов М.П. Отчет об исследованиях Ленской партии комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в верхней части долины р. Лены в 1973 г. – Иркутск, 1974 // Архив ИА РАН, р.1.

Список литературы

1. Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника Локомотив // Известия лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 1 (8). С. 39–53.
2. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 43). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с.
3. Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, сиб. отд-ние, 1981. 152 с.
4. Зубков В. С. Неолит и бронзовый век Верхней Лены (история исследования и проблемы изучения) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 12–39.
5. Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердникова, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударев, Н. Б. Соколова, А. А. Тимошенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191.

6. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье / В. М. Хаверич, И. В. Стасюк, Е. В. Акимова, Е. Н. Кукса, Ю. М. Михалева, О. А. Горельченкова, Е. А. Томилова // Известия Иркутского государственного университета. Иркутск: изд-во ИГУ, 2014. Т. 9 С. 126-141.

Analysis of throwing weapons (stone arrowheads) (Based on the materials of the Popovsky Meadow parking lot)

D. S. Tokarev

The article presents the preliminary results of the study of the tips found at the Popovsky Meadow parking lot. A morphological and typological analysis of the material was carried out, after which the tools were divided into 5 groups: triangular, ellipsoid, petiolate, blanks, fragments. The article presents the metric characteristics of each group, it was concluded that the tips from the parking lot in question are smaller than their counterparts from other objects. It can be concluded that the variety of tip shapes indicates a different application. Smaller tips are suitable for hunting small game, the same can be said about the tips created for defensive and attacking purposes.

Keywords: Archeology, arrowheads, typology, sites, Neolithic, Bronze Age, Eastern Siberia, Upper Lena River.

Токарев Даниил Сергеевич

студент 5-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: DannTok@yandex.ru

Tokarev Daniil Sergeevich

Student 5th year

Irkutsk State University

e-mail: DannTok@yandex.ru

УДК 903.5(571.51)

Детские погребения тесинской культуры

А. Н. Шустова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В последние десятилетия широкое распространение за рубежом и в России получила социальная археология. Она изучает взаимодействие индивидов в древнем обществе, их социальные роли и профессиональную деятельность. В социальной археологии выделяется такое направление, как археология детства. Археология детства позволяет характеризовать социальное положение детей в древних и средневековых обществах.

Сибирская археология не может быть представлена без изучения археологических памятников в Минусинских котловинах. С момента угасания тагарской культуры и до формирования новой – таштыкской, здесь получают распространение памятники тесинского типа. Они занимают обширные степи Хакасско-Минусинской котловины на правом и левом берегах р. Енисей [Степная..., 1992, с. 206]. Данный период в литературе называется по-разному: тесинский этап тагарской культу-

ры [Вадецкая, Протасов, 2003, с. 36], тесино-таштыкский переходный этап [Кызласов, 1960, с. 198]. Некоторые исследователи рассматривают его как завершающую фазу развития тагарского периода [История Сибири..., с. 186] или не выделяют вовсе. Хронологические рамки, соответственно, разнятся: крайними точками можно считать от III в. до н. э. по V в. н. э. В рамках настоящей статьи, этот период будем называть тесинским в хронологических рамках с III в. до н. э. по III в. н. э., согласно концепции Н. Ю. Кузьмина [Кузьмин, 2011, с. 24].

В статье рассматриваются детские погребения тесинской культуры, зафиксированные на территории Минусинской котловины. Основой статьи стали исследования Н. Ю. Кузьмина. Для работы использовали материалы из следующих памятников: 8 и 9 курган могильника Маяк I, курган Новые Мочаги, могильник у деревни Калы, могильник Есино III, мо-

гильник Тогр-Таг и могильник Чёрное озеро I. Раскопки всех этих объектов проходили в период с 1974 по 1997 г.

Из группы раннетесинских захоронений, которые представлены курганами-склепами, детские останки отмечены в 8 и 9 кургане могильника Маяк I. В 8 кургане наблюдается одна коллективная могила, расположенная на северо-западе по отношению к погребальному комплексу, в которой найдены останки 9 человек, из которых 1 ребенок и 1 младенец. Также найдено парное погребение ребёнка и взрослого и одиночное погребение ребенка, находящегося скорченно на левом боку. В одиночной могиле найден миниатюрный глиняный сосуд. В 9 кургане найдено суммарно 5 захоронений новорождённых, младенцев и детей до 6–7 лет, когда количество погребенных взрослых составляет 12 человек. Большинство детских скелетов наблюдаются в одиночных погребениях, но присутствуют так же парные и коллективные захоронения без участия взрослых. Во всех могилах, кроме одной, нет какого-либо сопроводительного инвентаря.

К поздним тесинским курганам-склепам относят наземный склеп кургана Новые Мочаги. Детские захоронения отмечены в 9 могилах. Всего в могилах похоронено не менее 120 умерших, из них 13 детских скелетов, в могиле по 1–2 детских захоронения. Цифра приблизительная, поскольку неизвестно, принадлежат ли некоторые фрагменты разным людям. Так, в захоронении найден вытянутый на спине скелет ребёнка, под ним – череп другого ребёнка. На черепе бусины и подвеска (мог. 7). В одной из могил Южного комплекса погребено 6 человек: 4 взрослых и 2 новорождённых. Кости новорождённых найдены над грудной клеткой взрослого. Все грунтовые ямы овальной формы. Размеры могильной ямы в среднем 1×0,5 м (исключением является могила 5 трапецевидной формы и размерами 1,9×0,85 м.). Как правило, яма неглубокая – не более 1 м. Могилы – коллективные, скелет ребенка располагается на дне (мог. 6, 7, 11), у северной стенки (мог. 1), у южной стенки (мог. 5, 12, 13), за юго-восточным углом ограды (мог. 14), у восточной ограды (мог. 15). Детские скелеты, где возможно установить, располагались вытянуто

на спине, младенцы – скорченно на боку. Примечательно, что все три детских черепа не трепанированы и не обмазаны глиной и гипсом, в отличие от взрослых черепов. Характерными признаками могил с детскими останками являются высокие земляные насыпи и наличие бусин и украшений. Скелеты сохранились фрагментарно: большая часть истлела, зачастую найдены лишь отдельные кости рук, ног и черепа. В склепе Новые Мочаги в детских погребениях суммарно зафиксировано три бусины, подвеска, астрагал, баночные сосуды и концы ног ягнёнка, однако погребальный инвентарь присутствовал не в каждом захоронении – всего в 8 могилах из 11.

К тесинским грунтовым могилам следует отнести могильник у деревни Калы, Есино III и могильник Чёрное озеро I. У деревни Калы из 46 погребений два подростка и 6 младенцев. Могилы детей и младенцев расположены в границах могильника. Положение подростков схоже с положением взрослых – располагаются вытянуто на спине. Руки незначительно согнуты или вытянуты вдоль тела. Четверо новорожденных погребены в одиночных могилах, в скорченном положении и располагаются в западной части погребального комплекса. Наблюдается один случай захоронения двух новорожденных в одной могиле. Все погребения выполнены по обряду ингумации. Информация о погребальном инвентаре отсутствует, вероятно, его не было найдено.

В могильнике Есино III курган 3 зафиксированы останки 57 человек, из которых 10 детей и 1 подросток. Детей хоронили вместе со взрослыми. Одиночные и коллективные могилы, в которых находились дети, были обнаружены в центральной, северной и южной части. В 8 могиле расположены два ребенка, ориентированных головой на ССЗ, как и взрослые мужчины. В могиле 14 погребены лишь два ребенка. В этой могиле найдены «поминальные» стелы, подвеска-амулет с головами лошадей и каменные плитки с рисунками.

В могильнике Чёрное Озеро I захоронено в 21 могиле 30 человек, 8 из которых – дети. Захоронения одиночные, парные, коллективные. Могилы перекрывают друг друга.

Дети расположены относительно погребального комплекса по бокам слева и справа. В детских могилах погребального инвентаря не найдено.

В могильнике Тогр-таг из 59 найденных человек 4 – дети. Они захоронены в четырёх могилах, расположенных во входном коридоре погребального комплекса, за восточной и южной стороной ограды. Наблюдаются два одиночных парциальных погребения младенцев, одно – ребенка 4–5 лет. В одной коллективной могиле найдены останки ребенка и двух мужчин.

Детские захоронения играют важную роль среди захоронений тесинской культуры в Минусинской котловине, но находки тел единичны и не составляют высокой доли от числа взрослых захоронений. Суммарно из 324 останков людей разного возраста зафиксированы останки только 49 детей. 14 детей и младенцев погребены в одиночных могилах. Вероятно, их малая представленность могла быть связана с неполным объёмом раскопочных работ в целом, а также с хрупкостью и недолговечностью детских костей, что отрицательно влияет на их сохранность останков. В курганах и грунтовых могилах можно наблюдать несколько типов погребений детей: одиночные, парные, коллективные. Одновременно могут присутствовать все три типа захоронений, так один или два типа. Наблюдается несколько случаев расположения детских костей поверх других тел, в этих случаях прослеживается тенденция отсутствия отдельных детских кладбищ.

Младенцев зачастую хоронили на левом или правом боку в скорченном положении, детей – вытянуто на спине и лишь изредка на боку. Расположение подростков было схоже с положением взрослого. Не было отмечено каких-либо манипуляций с телами. Погребальный инвентарь разнится, однако можно выделить общие черты: одиночных младенческих погребениях не зафиксировано погребально-

го инвентаря. В детских захоронениях найдены характерные для детских погребений иных культур – в двух погребениях это бусины. Также в одной могиле найден астрагал, который мог выполнять роль прижизненной игрушки ребенка. В трёх захоронениях найдены глиняные сосуды. В целом, инвентарь скуден.

О социальном положении ребенка может свидетельствовать расположение могилы и скелета относительно погребального комплекса – на могильнике Чёрное Озеро I скелеты детей расположены по бокам с краю кургана. Наблюдается тенденция к обособлению погребений с младенцами в отдельные могильные ямы, тогда как детей более старшего возраста (5–7 лет) хоронили в коллективных могилах с другими детьми или взрослыми. Вероятно, человек, взрослея, приобретает более «прочное» положение среди людей, что позволяет «приобщиться» к миру взрослых, когда младенцы были лишены такой возможности.

Таким образом, отмеченные детские захоронения тесинской культуры (III в. до н. э. – III в. н. э.) на территории Минусинской котловины имеют схожие черты и отображают социальное положение ребенка того времени: не имеют богатого погребального инвентаря при наличии традиционно детских находок, и расположены на периферии общих захоронений. Значит, повышали свой социальный статус в течение взросления. В целом детский погребальный обряд разнообразен. По всей видимости, это подтверждает наличие различных этнокультурных общностей и контакта местной и пришлой культур.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Лаборатории археологии Енисейской Сибири,
доцент кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

1. Вадецкая Э. Б., Протасов В. А. Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 4. С. 36–47.
2. История Сибири с древнейших времён до наших дней. В 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: 1968. 456 с.

3. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
 4. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М.: 1992. 494 с.
 5. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Издательство Айсинг, 2011. 456 с.
-

Children's burials of the Tesinsky culture

A. N. Shustova.

The article is devoted to the children's burials of the Tesinsky culture (3rd century AD - 3rd century BC). Kuzmin's research materials were used. Of the 324 remains of people of different ages, 49 belong to children. The features of the funeral rite were highlighted. Assumptions were made about the social position of children in society. A change in the social position of children as they grow older is noted.

Keywords: Southern Siberia, Khakass-Minusinsk basin, Xiongnu-Xianbeing period, children's burials, social status, Tesinskaya culture

Шустова Алина Николаевна

Бакалавр 3 года обучения
Сибирский федеральный университет
e-mail: shustovaalina@mail.ru

Shustova Alina Nikolaevna

3rd year bachelor
Siberian Federal University
e-mail: shustovaalina@mail.ru

УДК 903.02

Стеклянные браслеты Георгиевского – I раскопа (г. Старая Русса)

И. А. Болонин

Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Россия

Стеклянные браслеты являются одним из ярких маркеров древнерусской материальной культуры. Время их бытования в Новгороде исследователи относят к середине XII – первой половине XIV в. Зачастую, изучение этой категории находок ограничено описанием морфологии и химического состава. Далеко не всегда достаточно внимания уделяется археологическому контексту находок: особенностям памятника и конкретного участка, на котором проводятся исследования. В статье сделана попытка показать значение археологического контекста для изучения древнерусских стеклянных браслетов, на примере коллекции Георгиевского – I раскопа в Старой Руссе, и рассмотрен ряд факторов, влияющих на выводы исследователей.

Обзор стеклянных находок раскопа в свое время был сделан О. П. Добровой [Доброва, 2008, с. 252–263]. Исследовательница выделила основные типы браслетов и охарактеризовала их цветовую гамму. Повторное обращение к материалам Георгиевского – I раскопа привело к выводам, которые отличаются от выводов О. П. Добровой. Кроме того, в её публикации, на наш взгляд, уделено недостаточное внимание археологическому контексту находок.

Для решения проблемы интерпретации цветовой гаммы браслетов использовался метод, описанный Ю. Л. Щаповой [Щапова, 1972, с. 106–107] и Е. П. Королёвой [Королёва, 2017, с. 100–107], но при этом учитывались особенности обрабатываемой коллекции. Выделяется пять основных цветов стекла, но цветовая гамма предмета понимается как спектр, что позволяет уйти от «избыточного»

и «субъективного» в описании. Большая часть находок имела патину, затруднявшую определение первоначального цвета. Цвет непрозрачных изделий определялся по сколу, а в случаях сильной патинизации – «на просвет» лампы. При этом учитывалось возможное искажение патиной реального цвета.

Под зелёным понимались разнообразные оттенки зелёного и оливкового; под бирюзовым – различные голубые и сине-зелёные оттенки; синими считались браслеты темно-синего и синего цвета; чёрный и коричневый объединялись в одну категорию, т. к., зачастую, цвет изделия, первоначально определённый как чёрный или коричневый, на просвет лампой выдавал различные оттенки тёмно-жёлтого и красно-коричневого цвета. Декор браслетов выполнен в форме спиралей жёлтого цвета, поэтому цвета перевития в описании не указывается.

Город Старая Русса расположен в Южном Приильменье (рис. 1). Он являлся одним из ключевых торгово-ремесленных центров Новгородской земли в эпоху Средневековья и известен, прежде всего, своим солеваренным промыслом.

Георгиевский – I раскоп (2002 г.) площадью 165 м² располагался в 90 м севернее церкви Св. Георгия, на левом берегу р. Малашки, средневекового русла р. Порусьи. Работы проводились на месте будущего строительства частного жилого дома. Общая мощность культурных напластований достигала 3 м. Верхний перемешанный слой был снят механизированным способом до уровня 8 пласта. На уровне четвертого яруса выявлены части двух усадеб, которые разделялись линией частокола («се-

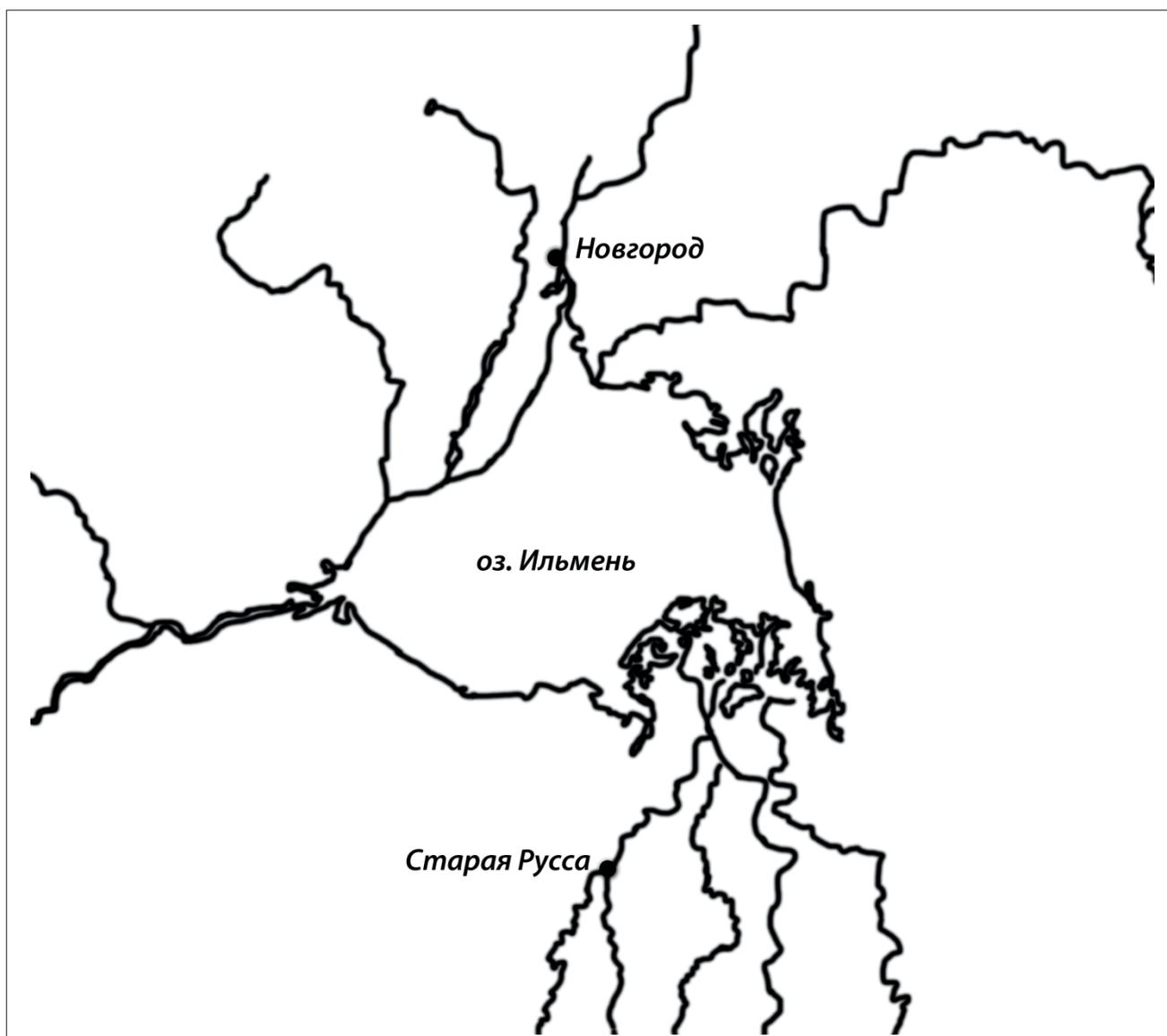

Рис 1. Город Старая Русса на карте

верная» и «южная», соответственно) [Торопов, 2002, с. 3]. Сохранившаяся застройка участка методом дендрохронологии датируется периодом второй четверти XII – серединой XIII в. Значительная часть находок происходит из заполнения сооружений (ГРС-1, ГРС-3, ГРС-4, ГРС-7). Из-за сохранности построек и трудностями определения их стратиграфических границ в верхних пластах точно привязать находки к отдельным ярусам не представляется возможным. В связи с этим находки из первого и второго ярусов рассматривались единым блоком для удобства соотнесения материала со стратиграфией.

Всего в культурном слое раскопа было найдено 46 стеклянных браслетов. К первому (первая половина XIII в.) и второму ярусу относятся 36 находок, к третьему – одна, а к пя-

тому (конец XII в.) – девять. Морфологический разбор находок по ярусам показывает, что в первом и втором ярусе одинаково распространены крученые (45 %, 16 ед.) и гладкие (53 %, 19 ед.) браслеты, а также встречен один витой браслет, выполненный из трёх тонких и одного толстого жгутов. Перевитие встречается как на гладких (2 ед.), так и на крученых (2 ед.) браслетах. В единичном случае оно представлено в виде двойной спирали. В третьем ярусе обнаружен только один гладкий браслет. В пятом, преобладают гладкие (6 ед.), а также единичные фрагменты крученого и уплощенного браслетов. Перевитие в виде спирали присутствует на фрагменте крученного браслета.

Цветовая гамма браслетов первого и второго строительного ярусов характеризуется изделиями из зеленого (11 ед.) и черного (10 ед.)

стекла. Обнаружены также бирюзовые (4 ед.), желтые (4 ед.) и синие (3 ед.) браслеты. В третьем ярусе встречен только один бирюзовый браслет. В пятом ярусе ситуация с доминирующими цветами сходна: три и четыре фрагмента зеленого и черного цвета, один фрагмент синего браслета. Перевитие прослеживается только на изделиях зеленого и черного цвета.

Преобладают браслеты с диаметром сечения 5 (11 ед.), 6 (8 ед.) и 4,5 мм (7 ед.). В меньшем количестве найдены изделия диаметром 7 (4 ед.), 5,5 (4 ед.) и 6,5 мм (2 ед.). Единичные находки имеют диаметры 3,5, 4 и 8 мм. В целом, можно отметить, что размер выборки недостаточен для выводов о морфологической специфике стеклянных браслетов средневековой Старой Руссы.

Большой интерес представляет изучение пространственного расположения браслетов в культурном слое. Как уже указывалось выше, больше половины изделий связаны с сооружениями. В заполнении жилой постройки ГРС-1 (первый ярус), которая представлена развалом печи, было обнаружено восемь браслетов. Дендродата столбов подпечка – 1245 г.

В предполагаемых границах сруба ГРС-3 (второй ярус) было обнаружено два стеклянных браслета. В том же ярусе, но уже в сооружении ГРС-4 – семь браслетов. Из-за плохого состояния древесины ГРС-3 и ГРС-4 не были датированы.

Восемь фрагментов изделий связаны с ГРС-7 (пятый ярус). Предполагается, что эта постройка являлась хозяйственной, т. к. было обнаружено обугленное зерно и не прослеживались следы отопительного устройства. Дендрохронологическими датами бревен сруба и подкладок являются 1180–1192 гг., что позволяет считать это сооружение наиболее поздним по сравнению с другими постройками яруса, датируемыми серединой XII в., предпо-

лагаемым временем заселения этой территории города [Торопов, 2002, с. 114].

На усадьбе «А» Пятницкого – I раскопа, располагавшегося ближе к древнейшему городскому ядру, стеклянные браслеты обнаруживаются только в ярусах, датированных началом 30-х. – концом 40-х. гг. XIII в. Учитывая эти данные можно высказать предположение, что на территории Мининского конца, где находился Георгиевский – I раскоп, браслеты распространяются несколько раньше, чем в городском центре. Верхней зафиксированной границей бытования браслетов Георгиевского – I раскопа является середина XIII в. – время, близкое к периоду наибольшего выпадения стеклянных браслетов в культурный слой Новгорода. В перемешанном слое, снятом механизированным способом, вероятно также содержались стеклянные браслеты, однако их стратиграфическое датирование вряд ли было бы возможным. Таким образом ситуация с верхней хронологической границей бытования этой категории изделий на данном участке остается непроясненной.

Обращение к коллекции стеклянных браслетов Георгиевского – I раскопа в Старой Руссе подтверждает необходимость использования при изучении любой отдельной категории археологических находок всех возможных источников информации. Они могут быть связаны как непосредственно с анализируемыми предметами (морфологические и технологические особенности), так и с их археологическим контекстом. Также важны историко-топографические особенности региона, конкретного археологического памятника и непосредственно его изучаемого участка.

За возможность работы с материалами благодарим сотрудников НГОМЗ и Центра археологических исследований НовГУ

Список источников

Торопов С. Е. Отчёт об археологических исследованиях в г. Старая Русса Новгородской области в 2002 г. Часть II. Исследования на Георгиевском раскопе // Научный архив ЦАИ НовГУ. 114 с.

Список литературы

1. Доброва О. П. Стеклянные изделия Георгиевского I раскопа в Старой Руссе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы LIII заседания. Псков, 2008. С. 252–263.
2. Королёва Е. П. Стеклянные браслеты, браслетообразные височные кольца с территории детинца Замокская гора в городе Мстиславль: типология и технология изготовления. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 9. 2017. С. 100–107.
3. Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 217 с.

Glass bracelets from Georgievsky-I excavation (Staraya Russa)

Bolonin I. A.

Glass bracelets are one of the most characteristic finds in the cultural layer of a medieval Russian city. The article reviews O. P. Dobrova's conclusions about the characteristics of glass bracelets of the Georgievsky – I excavation in Staraya Russa. Moreover, an attempt is made to show the significance of the archaeological context for the study of ancient Russian glass bracelets, using the example under consideration. In addition to the morphological analysis of the items, results are presented that indicate the limitations of the research results obtained during the study of the collection. An attempt was made to link the finds to the distinguished tiers and buildings to determine the chronological framework for the existence of bracelets in the excavated area. It is concluded that this collection can be used only to consider the early date of the existence of bracelets in the Minin End of medieval Staraya Russa.

Keywords: glass bracelets, Staraya Russa, archeology of Russian manor, Georgievsky-I excavation.

Болонин Илья Артёмович

бакалавр 4 года обучения

Новгородский государственный университет

e-mail: ilya.bolonin@yandex.ru

Bolonin Iliia Artemovich

4st year bachelor

Novgorod State University

e-mail: ilya.bolonin@yandex.ru

УДК 903.02|653|

Средневековая лепная керамика финно-пермских истоков (XVIII группа)

Е. Е. ВахрушеваЕлабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга, Россия

В прикамских памятниках Волжской Болгарии, наряду с общеболгарской керамикой домонгольского и золотоордынского облика, также часто встречается и лепная посуда финно-пермских истоков, отнесенная Т. А. Хлебниковой в XVIII группу керамики [Хлебникова, 1984, с. 200]. Данная группа характеризуется выделанной вручную, иногда с частичной подправкой на гончарном круге, лепной керамикой. Для неё характерны «резная» орнаментация, в виде елочки, реже встречается шнур, оттиски гребёнки и ямки. Её количество в разных раскопах составляет чуть больше половины от другой глиняной посуды. Это придает большое своеобразие всему комплексу, так как позволяет определить этнокультурную принадлежность археологического памятника и имеет важное хронологическое значение.

Возникновение и попытки выделения финно-пермской посуды рассматриваются в работах А. А. Спицина, М. М. Хомякова, В. В. Гольмстена, А. П. Смирнова, А. Х. Халикова, Ф. Ш. Хузина и других. По поводу происхождения XVIII группы керамики существуют различные точки зрения. Например, Т. А. Хлебникова относит к родановским памятникам (Камско-Вятского междуречья) и видит начало в ломоватовской культуре. Данной точки зрения придерживается и А. М. Белавин [Белавин, 2000], опираясь на материалы Родановского и Рождественского городищ. Они рассматривают финно-угорские и тюркизированные корни в населении, мигрирующего из районов Верхнего Прикамья [Хлебникова, 1988].

Данная керамика весьма заметно представлена как в центральных памятниках болгар, так и в предкамских поселениях (Елабуга,

Кирмень, Чаллы). Так на Кирменском городище XVIII группа составляет 0,32 % (184 фрагмента) от общего числа керамики [Нигамаев, 1997, с. 67–70]. Керамика финно-пермских истоков наиболее ярко представлена в посаде Елабуги, составляющая почти 60 % от всей средневековой посуды. [Нигамаев, 2000, с. 7–55]. К настоящему времени накоплен изобилующий керамический материал. Так, например, из раскопов 1997–2006 гг. учтено более 1200 фрагментов керамики. Керамический комплекс представлен в виде: горшковидных; котловидных; чашевидных; блюдообразных сосудов.

Преимущественно тонкостенная керамика из плотного теста серого, бурого цветов. Существенную часть, а именно, чуть меньше половины от общего числа керамики XVIII гр. занимают горшковидные сосуды.

Категория горшковидных. Сосуды по форме шаровидные, высотой от 10 до 30 см, толщиной стенок от 0,2–0,5 см. Можно выделить три наиболее характерных типа (рис. 1, б–г):

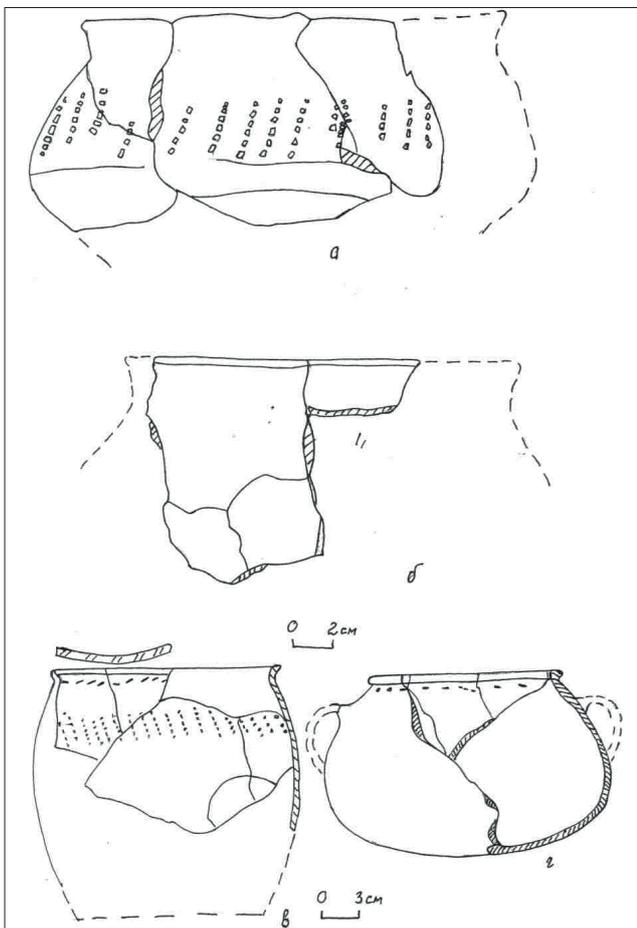

Рис 1. Посуда финно-пермских истоков из посада Алабуги (по А. З. Нигамаеву)

Тип 1 – глубокие горшки с раздутым посередине туловом.

Тип 2 – глубокие горшки, слегка расплюсченные в боках.

Тип 3 – сплющено-под-шаровидное тулово, раздутое в придонной части.

Тип 1 (рис. 1, б) – глубокие, раздутые посередине сосуды с горловиной в виде усеченного конуса.

Тип 2 (рис. 1, в) – высокие, слегка сплюсченные в боках. Имеют блоковидной формы горловину с отогнутым краем. В отделке – семечковидные насечки по венчику, ногтевые вдавливания по плечу и однорядной наклонной гребенкой по тулову.

Тип 3 (рис. 1, г) – округлый сосуд с едва намеченной горловиной без ярко выраженной шейки, снабженной двумя противоположно расположенными ручками проушинами подтреугольного сечения. По форме шейки выделяется четыре типа, где горловина, варьируемая от 2 до 6 см. (рис. 4): блоковидная; раструбообразная; в виде усеченного конуса; цилиндрическая.

Венчики сосудов орнаментированы гребенчатым штампом (рис. 4, г), ногтевыми вдавливаниями (рис. 1, в), семечковидными насечками. Сосуды украшены в виде гребенки в несколько рядов или в виде «елочки», такой же орнаментацией представлена посуда I, VII и VIII групп.

Категория мискообразных (чашевидных). В основном это сосуды низких пропорций, таких типов по форме тулова как:

- 1 – раздутое внизу подшаровидное тулово;
- 2 – круглобкое тулово;

3 – сильно раздутое внизу тулово, иногда с боковой ручкой.

По форме дна выделяются: с округлым дном; с уплощенным дном; с плоским дном.

Орнаментированы в основном гребенчатым штампом, набегаящей волной, резными линиями. Ряд сосудов украшен семечковидными насечками и «гусеничками» по плечу. Выделяется Тип 1–2 (рис. 1, а) – круглобкое тулово, раструбообразная горловина, несколько уплощенное дно. Высота сосуда 13 см. В отделке – вертикальные отпечатки гребенки.

Кружки. Фрагмент кружки (рис. 2, д) происходит из раскопа VIII посада Алабуги.

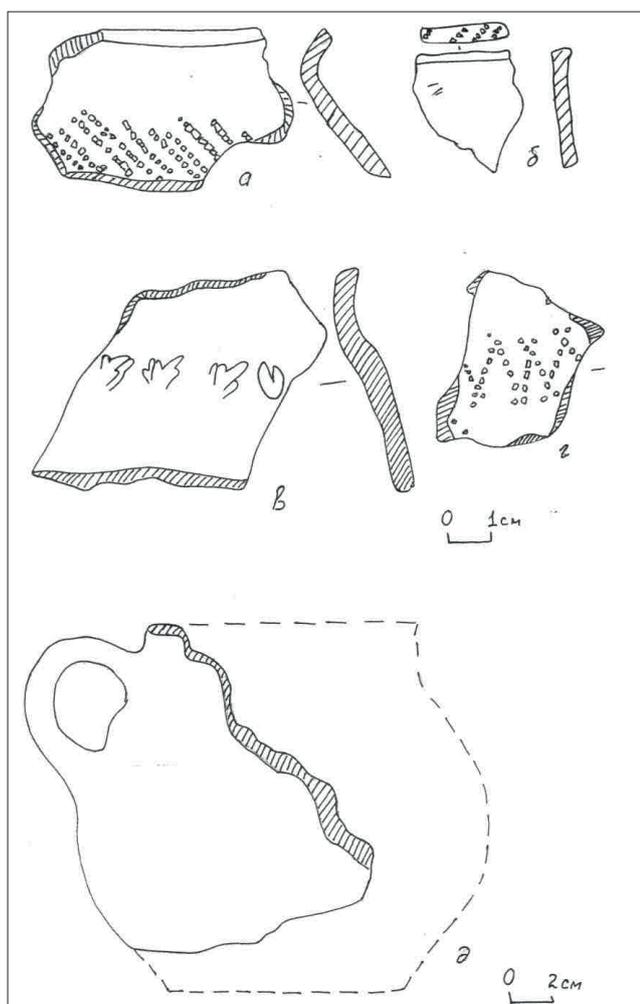

Рис 2. Фрагменты керамики из раскопа VIII посада Алабуги (по А. З. Нигамаеву)

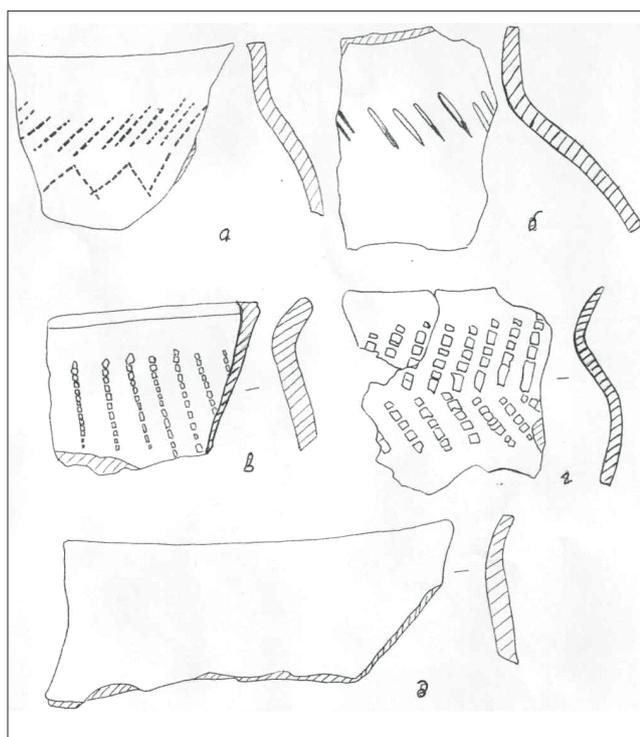

Рис 3. Орнаментированные фрагменты VIII группы из посада Алабуги (по А. З. Нигамаеву)

С грушевидным туловом, невысокой (1,7 см) чуть раструбом горловиной диаметром (12,8 см), петлевидной ручкой на боку. Высота ручки 7,4 см, диаметр проушины 4 см. Венчик приостренный, отогнутый наружу. Высота сосуда 17 см. Толщина стенок не превышает, как правило, 0,4–0,8 см.

Категория котловидных. Реконструкция имеющихся в коллекции фрагментов котлов (рис. 5, б, в) позволила по форме тулова выделить 2 типа котлов:

Тип 1 (рис. 5, б) – трапецевидной формы с уплощенным дном и наклепными петлевидными ручками над краем.

Тип 2 (рис. 5, в) – расширенное вверх полушаровидное тулово с округлым дном. Сосуд снабжен двумя вертикальными петлеобразными ручками проушинами округлого сечения (рис. 6, г), крепящимися в верхней половине сосуда. Орнаментированы лишь ручки сосудов (рис. 6, а, б) – гребенчатый штамп.

Категория блюдообразных. В основном это неглубокие сосуды, представленные све-

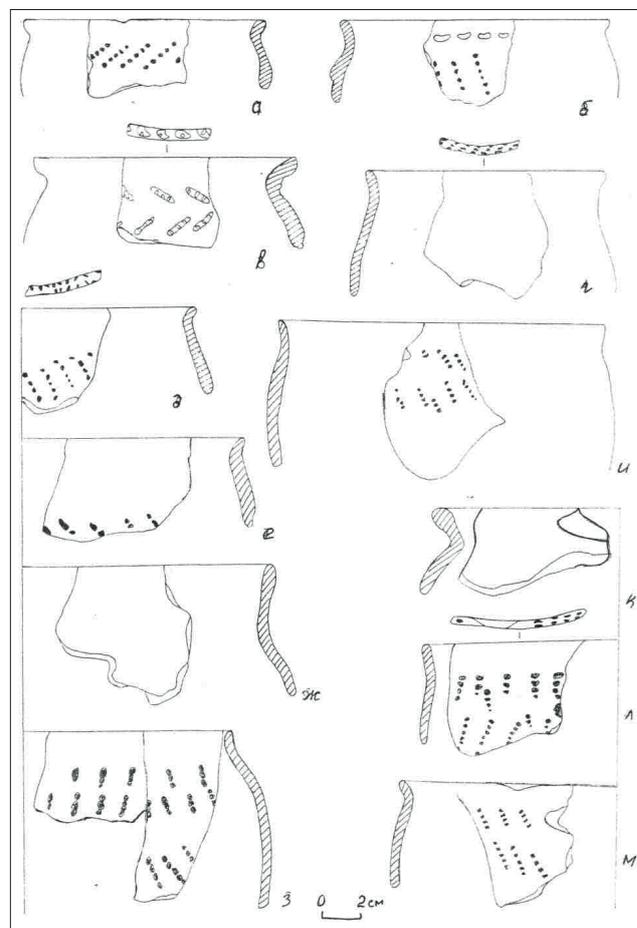

Рис 4. Типы венчиков и горловин. Содержание орнаментации керамики XVIII группы (по А. З. Нигамаеву)

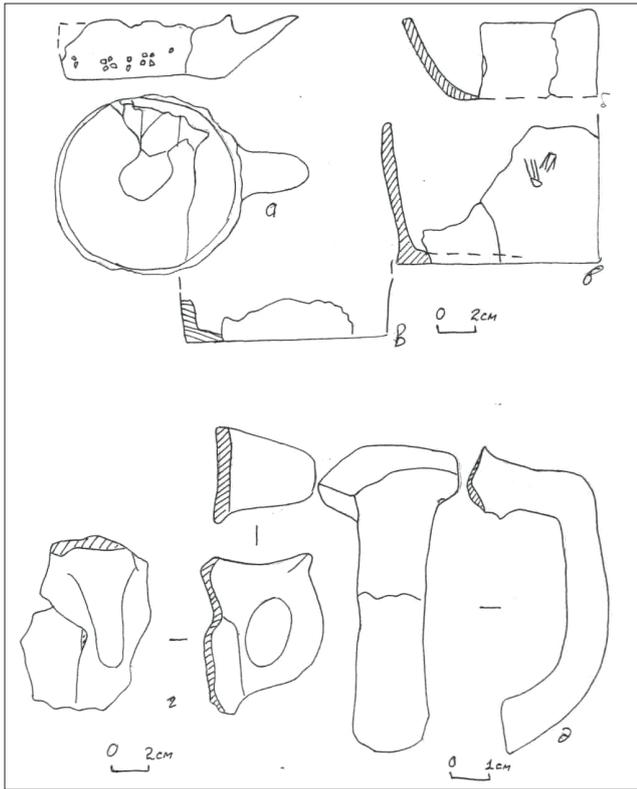

Рис 5. Посуда финно-пермских истоков из посада Алабуги (по А. З. Нигамеву)

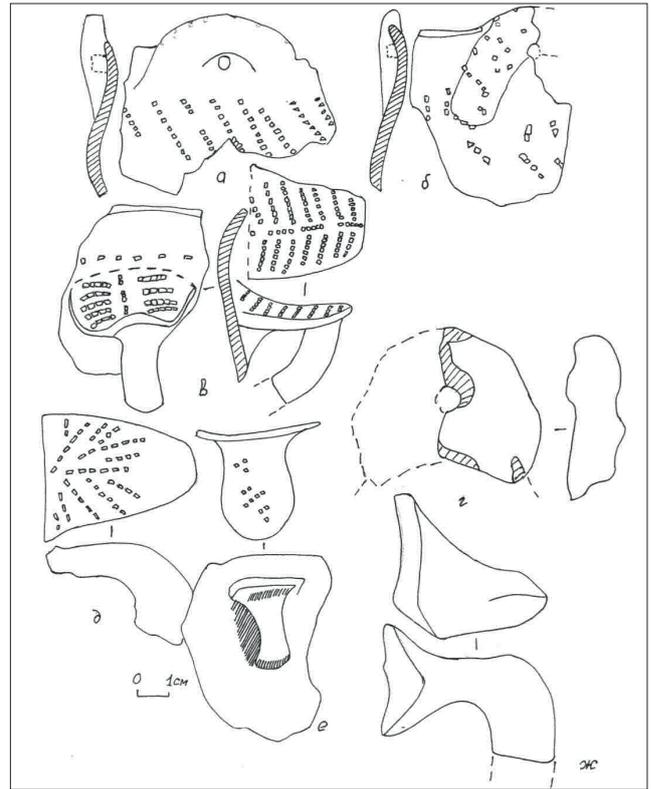

Рис 6. Ручки сосудов XVIII группы (по А. З. Нигамеву)

тильниками, приземистыми площадками с прямыми наклоненными вовнутрь стенками и уплощенным дном; по функциональным деталям – двух подтипов:

Тип 1 – без носика.

Тип 2 – с кольцевым поддоном, держателем фильтра в центре.

Из посада Алабуги происходит тип 2 (рис. 5, а; 1 экз.) – приземистая площадка, отделанная ногтевыми вдавлениями по нижней части сосуда. Диаметр площадки – 9,7 см, высота стенок – 3 см, толщина 0,1 см, диаметр кольцевого поддона – 3 см, длина ручки – 4 см.

Своеобразную категорию составляют ручки. В большинстве случаев в составе глиняного теста преобладает толченая раковина. Длина ручек нередко достигает до 16–18 см, но чаще встречаются ручки длиной 12–14 см. По оформлению, ручки подразделяются на отделы (рис. 6, а–ж): 1 – ручки, имеющие в верхней части горизонтальную площадку («язык»); 2 – ручки-проушины котлов; 3 – простые ручки. Ручки-проушины (рис. 6, а, б, г) имеют в середине отверстие диаметром 0,3–0,5 см. Оригинальны ручки сосудов чашевидной формы, имеющие в верхней части горизонталь-

ную площадку («язык») (рис. 6, в, д; рис. 5, з). Орнаментированы в основном гребенчатым штампом. Большую часть составляют простые ручки, как правило, без орнамента.

Подводя итоги, можно сказать, что посуда XVIII группы по форме бывает: горшковидной, чашевидной, котловидной, в виде кружек и светильников с уплощенным или плоским дном. Имеет примеси в тесте в виде: толченой раковины, мелкодробленого шамота, слюды, песка. Сосуды в основном тонкостенные. Посуда в большей части орнаментирована гребенчатым штампом или ногтевыми вдавливаниями по плечу и отпечатками короткой гребенкой по венчику. Также сосуды украшены в виде гребенки в несколько рядов или в виде «елочки». По Т. А. Хлебниковой время существования XVIII гр. керамики относится к XIII–XIV вв. Но финно-пермские корни встречаются и в домонгольский период. Вероятнее всего, миграция финно-пермского населения начинается уже в XII в.

*Научный руководитель – М. С. Куцова,
зав. лабораторией археологии и этнографии,
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Список литературы

- 1.Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
 - 2.Нигамаев А. З. Раскопки Кирменского городища в 1995–1996 гг. // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С. 67–70.
 - 3.Нигамаев А. З., Хузин Ф. Ш. Древняя Алабуга и проблемы его возникновения // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000. С. 7–55.
 - 4.Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
 - 5.Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 8–99.
-

Medieval stucco ceramics of the finno-permian origins (XVIII group).

E. E. Vakhrusheva.

The work considers the XVIII group. Ceramics according to the classification of T. A. Khlebnikova. Based on the analysis of the ceramic complex, the characteristic features and features of the XVIII gr. ceramics. Assumptions of its ethnic origin, time of existence.

Keywords: Middle Ages, Lower Kama region, Alabuga, molded ceramics, XVIII group, vessel shape, ornament.

Вахрушева Елизавета Евгеньевна

бакалавр 2 год обучения

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: vakhrusheva2009@mail.ru

Vakhrusheva Elizaveta Evgenievna

2st year baccalaureate

Yelabuga Institute of Kazan Federal University
e-mail: vakhrusheva2009@mail.ru

Источники материала железных изделий аскизской культуры по данным элементного анализа торевтики долины реки Ус*

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В рамках исследований древней металлообработки одним из ключевых моментов является поиск источников материалов, которые использовались при производстве. Определение места добычи сырья позволяет охарактеризовать логистику производства, торговые связи населения и другие аспекты металлургии и металлообработки, связанные с мобильностью материала внутри культуры и на межкультурном уровне.

В культурах средневековых кочевников тема логистических связей в металлообрабатывающем производстве осложнена характером кочевого хозяйства. Ярким примером является проблема металлургического производства енисейских кыргызов, где до настоящего времени дискуссионным является вопрос о типе производства. Согласно концепции Л. Р. Кызласова, металлообрабатывающее производство было сосредоточено в специализированных поселениях и городах [Кызласов, 1984, с. 111]. В то же время Ю. С. Худяковым и В. Я. Бутанаевым выдвинут тезис о временном характере производственных площадок в условиях домашнего ремесла и натурального хозяйства [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 118].

Целью данной работы является идентификация источников железа, которое использовалось для изготовления железных предметов торевтики малых форм из погребальных памятников енисейских кыргызов в долине реки Ус (Ермаковский район Красноярского края). Новизной работы является обращение к составу кыргызского черного металла, который традиционно изучался методами металлографии [Хоанг, 1974; Сунчугашев, 1979].

Использованы материалы трех памятников енисейских кыргызов X–XII вв. н.э.

(аскизская культура по И. Л. Кызласову) [1983]. Это курганные могильники Мутная-I, Эйдиктыр-кыр и одиночный курган Булыгино. В них выявлены погребения по обряду кремации в каменных курганах с крепидами. Коллекция железных предметов торевтики, найденных при исследовании памятников, включает 145 экз. Они представляют собой железные элементы поясного набора и узды с серебряным покрытием и включают все основные типы, выделенные для этой категории инвентаря (распределители ремней, ремешковые наконечники, бляхи, колчаные крюки) [Митько, 2014].

Методом сканирующей электронной микроскопии с энерго-дисперсионной спектроскопией (SEM-EDX) выполнен анализ элементного состава железной основы части изделий. Выборка включает 52 экз. со всех трёх памятников, в том числе три шарнирных изделия исследованы в двух точках (всего 55 образцов). Работы велись на настольном микроскопе Hitachi TM3000 компании Hitachi High-Technologies (Япония) и элементном анализаторе Bruker Quantax 70 (Germany) в ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН.

Металл разной чистоты. Количество примесей (при Fe – основа) от 0 до 10,35 %. Значимой разницы в чистоте металла по памятникам и типам изделий не выявлено.

Все образцы можно разделить на четыре группы:

1. Тувинское хромосодержащее железо (13 экз.). В металлах данной группы выявлена естественная примесь хрома (до 3,9 %), повышенное содержание алюминия (до 1,1 %)

* Исследование проведено за счет гранта РФФИ (проект № 20-18-00111), анализ элементного состава выполнен в рамках Государственного задания в области научной деятельности № 0329-2019-0008.

и магния (до 0,4 %). Хром является редкой примесью в рудном железе. Ближайшее месторождение данного элемента находится в Республике Тува (Агардагский массив) [Рудные месторождения СССР, 1978, с. 175]. В составе местных руд зафиксировано сравнительно высокое содержание алюминия и магния [Юричев, Чернышов, Кульков, 2013].

2. Минусинское железо (3 экз.). В одном образце обнаружен молибден (0,31 %), в двух других цинк (0,73 и 0,88 %). Это, при отсутствии в их составе хрома, может с определенной долей вероятности свидетельствовать о происхождении сырья из Минусинской котловины [Усов, 1941].

3. Метеоритное железо (5 экз.). В пяти образцах обнаружено аномально высокое содержание никеля (до 12,5 %) и кобальта (до 0,88 %). Дополнительный анализ с картированием элементов показал отсутствие шлаковых включений и общее низкое содержание примесей (до 2,96 %) при отсутствии маркирующих элементов. Данные признаки достаточны для отнесения металлов этой группы к метеоритному железу [Завьялов, Терехова, 2016].

4. Образцы без характерных маркеров (34 экз.). Примеси, встреченные при их анализе, типичны для рудного железа (Al, Si, K, Na и др.). Отсутствуют элементы, которые могли бы являться основанием для определения источника сырья.

Таким образом, из 145 предметов железной торевтики малых форм определены источники сырья для 21 образца. Определение произведено на основе маркирующих специфических элементов. При их отсутствии идентификация происхождения металла возможна только при сравнении с элементным составом металла или шлака, непосредственно найденных на металлургических площадках, или с характеристиками материала изделий из большой серии памятников. В настоящее время анализ шлаков проведен только для металлургических горнов таштыкской эпохи и шорских мастерских [Сунчугашев, 1979, с. 57, 160–161]. Перспективным направлением для дальнейших исследований является расширение базы данных состава металлов из различных памятников.

Полученные на данный момент результаты уже позволяют сделать определённые выводы об использовании металлического сырья в ремесленном производстве енисейских кыргызов.

В первую очередь, обращает на себя внимание наличие метеоритного железа. Согласно китайским письменным источникам енисейские кыргызы практиковали использование данного материала для изготовления предметов вооружения [Бичурин, 1950, с. 352]. При этом метеоритное железо встречено в четырех бляхах в серии из 12 штампованных предметов. Вероятно, для создания предметов железной торевтики малых форм в условиях экономии материала использовались, в том числе, обрезки и железный лом, среди которых оказались отходы производства из метеоритного железа. Учитывая редкость и сложность техники штамповки при изготовлении железной торевтики, можно заключить, что предметы сделаны в высококлассной мастерской, где производилось дорогое прочное оружие [Давыдов, 2021].

Тувинское и минусинское железо найдены в усинских материалах без привязки к определенному типу изделий или памятнику. В том числе из тувинского материала выполнена только половина одного из шарнирных изделий. Можно сделать вывод, что ремесленники получали материал не в виде готовых изделий, а определённых заготовок, слитков, или предметов, предназначенных к переработке. Предполагалось, что долина реки Ус находилась на пути, который связывал Минусинскую котловину и Туву [Митько, 2014]. Наличие металла, происходящего из обеих этих территорий, подтверждает данный тезис.

Таким образом, полученные данные элементного состава свидетельствуют о том, что железные предметы торевтики изготавливались в условиях экономии материала, при получении металлов ремесленниками опосредованно с различных территорий.

*Научный руководитель – О. А. Митько,
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии
и этнографии
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 467 с.
2. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
3. Давыдов Р. В. Технология изготовления чеканной железной торовитки малых форм (по материалам погребальных памятников енисейских кыргызов) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Материалы XI Международной научной конференции. Абакан, 2021. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 199–206.
4. Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Древнейшие артефакты из метеоритного железа: мифы и реальность // КСИА. 2016. № 243. С. 163–173.
5. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. ЕЗ–18. М.: Наука, 1983. 128 с.
6. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
7. Митько О. А. Кыргызы долины реки Ус (Западные Саяны) по сведениям письменных и археологических источников // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 518–525.
8. Рудные месторождения СССР. В 3-х томах. М.: Недра, 1978. Т. 1. 1978. 352 с.
9. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа Новосибирск: Наука, 1979. 193 с.
10. Усов М. А. Месторождения железных руд Хакасско-Минусинского края // Известия Томского ордена Трудового Красного Знамени индустриального института имени С. М. Кирова. 1941. Т. 62, I. С. 19–38.
11. Хоанг В. К. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. – XII в. н. э.) // СА. 1974. №4. С. 110–125.
12. Юричев А. Н., Чернышов А. И., Кульков А. С. Рудная минерализация агардагского ультрамафитового массива (Республика Тыва) // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 1. С. 130–136.

Tuva iron in the items of the Askiz culture according to the elemental analysis of the metal

R. V. Davydov

In the article, the author presents the results of determining the sources of the material that was used for the manufacture of iron items toreutics of the Yenisei Kyrgyz of the Us river valley. The SEM-EDX method was used to study 52 items (55 samples) from free burial mounds. Four groups of iron have been identified: 1) Tuva chromium iron; 2) Minusinsk iron with molybdenum and zinc; 3) meteoric iron; 4) indefinite. The obtained data on the elemental composition indicate that iron toreutics objects were produced in conditions of material savings, when metals were obtained by artisans indirectly from different territories.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, SEM-EDX, elemental analysis, toreutics, jewelry, metalworking.

Давыдов Роман Вячеславович

Аспирант 2 года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich

2nd year postgraduate student
Novosibirsk State University
e-mail: puer-viro@mail.ru

УДК 903.01/09(571.65)

Предметы досуга из коллекции ОКН «Город Гижигинск»*

А. А. Иванов

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

Предметом исследования является предмет досуга из коллекции ОКН «Город Гижигинск», добытые Гижигинской археологической экспедицией в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2020 г. В разведочном раскопе общей площадью 9 м² получена археологическая коллекция [Технический отчет..., 2020], впервые позволившая конкретизировать исторические [Вдовин, 1995; Конь, Понкротова, 2019] и архивные данные [ГАМО. Ф. Р-59].

Предметы досуга в коллекции представлены фрагментами граммофонных пластинок (86 фрагментов), фигуркой зайца на подставке, фрагментом лица куклы, антропоморфной фигуркой, фрагментом шахматной фигуры, костью домино и фрагментом киноплёнки [Коллекция...].

Визуальный анализ фрагментов пластинок показал, что они изготовлены из шеллака – естественной смолы, перерабатываемой самками насекомых-червецов [Грамота.ру]. Стало возможным часть фрагментов апплицировать и установить производителя одной из пластинок. Так, по надписи «Gramo» и рисунку-логотипу («Пишущий Амур») определено, что пластинка была изготовлена фирмой «Gramophone Concert Record». Эта фирма была основана Эмилем Берлинером в США в 1893 г. под названием «Граммофонная компания Соединенных штатов» (United States Gramophone Company). Именно Эмиль Берлинер предложил использовать для записи носитель в форме диска. В 1899 г. были открыты филиалы фирмы Берлинера в Англии, Германии, Австрии и России. После этого фирма стала называться «Gramophone Concert Record». До 1903 г. для обработки и снабжения Российского рынка граммофонными пластинками в Риге была построена фабрика

«Интернациональ Зонотон». Официальное разрешение вести производство пластинок в России было получено 2 апреля 1903 г. и было создано предприятие «Граммофон», которое выкупило у Риги фабрику грампластинок. До 1911 г. завод производил только односторонние пластинки. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. завод был перенесен в Москву и переименован в «Пишущий Амур». В 1918 г. деятельность завода была прекращена [Мир...].

На апплицированных фрагментах односторонней пластинки удалось восстановить регистрационный номер – С 2-23643, по которому были определены год выпуска пластинки, место ее изготовления и название сделанной на ней аудиозаписи. Используя «Полный каталог русских записей компании Граммофон, сделанных с 1899 по 1929 гг. в России и за рубежом» на сайте Russian-Records.com, было установлено, что запись была сделана 31 марта 1912 г. На пластинке записан цыганский романс (для голоса и фортепиано) «Лети, лети мечта любви» (автор – Михаил Карлович Штейнберг). Его исполнила известная исполнительница русских и цыганских романсов Анастасия Дмитриевна Вяльцева (меццо-сопрано) (годы жизни: 1871–1913) [Анастасия Вяльцева]. Запись романса доступна на сайте Russian-Records.com, и сегодня есть уникальная возможность услышать музыку, которая звучала в дореволюционном Гижигинске [Лети, лети...].

Игрушка «Заяц» – деревянная, покрыта красной и белой краской, состоит из двух частей: фигурки зайца (6×2,5×0,5 см) и подставки (2×5 см) [Коллекция...; Технический отчет, 2020]. Нос, рот и глаза выполнены в традиционной для японских игрушек манере [Понкротова, Лебедева, Батаршев, 2022].

*Работа выполнена по гранту РГО, Договор № 13/2020-Р

Фрагмент лица куклы – розового цвета с частично сохранившимися губами и носом, с нарисованными тонкими линиями ресницами. Изготовлен предмет, вероятно, из фарфора. Исходя из размера носа (0,9 см), можно предположить, что ее размер не более 10 см [Коллекция...; Технический отчет, 2020]. Куклы небольшого размера, с яркими губами были популярны в Японии в 20-х гг. XX в. [Понкратова, Лебедева, Батаршев, 2022].

Антропоморфная фигурка изготовлена из бивня мамонта. Ее размеры: 7,5 × 0,8 см. Вероятно, что фигурка была произведена на месте, так как рядом с ней были найдены фрагменты бивня мамонта [Коллекция...; Технический отчет, 2020]. Исходя из стиля изображения, фигурка была изготовлена представителем местного населения – мастером-коряком.

Шахматная фигура также выполнена из кости – вероятно, из рога лося. Из-за фрагментарности определить разряд фигуры затруднительно [Коллекция...; Технический отчет, 2020]. Предположительно, это фигура короля или ладьи.

Кость домино черного цвета изготовлена из пластика. Ее размеры: 2,5×4,7×0,9 см. Фигура разделена на две равные части неглубокой линией. На одной половине белым цветом изображены две точки, на другой – три [Коллекция...; Технический отчет, 2020].

В раскопе был также обнаружен фрагмент перфорированной киноплёнки с кадрами 24×36 мм. Ширина пленки – 35 мм. [Коллекция...; Технический отчет, 2020]. Пленка такого формата и размера впервые была произведена в 1889 г. Томасом Эдисоном и Уильямом Диксоном. Этот носитель информации использовался в кинетоскопе Эдисона и представлял собой разрезанную пополам 70-мм перфорированную фотоплёнку, используемую фирмой Кодак в своих фотоаппаратах. Массово производить плёнку такого формата начал Джордж Истмен – основатель фирмы Eastman Kodak. В качестве

международного стандарта 35-мм киноплёнка утверждена в 1909 г. Конгрессом кинопредпринимателей [Зенит...]. Технология изготовления фотоплёнки была одинаковой для всех типов: на подложку наносился один или несколько слоев фотоэмульсии, которая и формировала впоследствии изображение в фотокамере под действием света [Фотоаптека]. Перфорация предназначена для точного перемещения киноплёнки на шаг кадра при помощи скачкового механизма, а также для фиксации в фильмовом канале при помощи контргрейфера – устройства для фиксации плёнки в неподвижном состоянии, на время экспозиции или проекции одного кадра. Перфорация бывает односторонней или двухсторонней, расположенной у края киноплёнки [Негатив...]. До 1908 г. вся выпускаемая киноплёнка была перфорированной из-за сложности в изготовлении. Киностудии предпочитали самостоятельно наносить перфорацию на плёнку из-за дешевизны. Только с 1916 г. началось массовое производство перфорированной плёнки [Зенит...]. Исходя из этого, можно утверждать, что обнаруженные фрагменты киноплёнки были произведены после 1916 г.

В целом, анализ предметов досуга из археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск» позволяют датировать их началом XX в. Многочисленность фрагментов грампластинок, игрушки, шахматная фигурка, кость домино, киноплёнка свидетельствует о разнообразии досуговых занятий гижигинцев. Фрагменты куклы и игрушка зайца предполагают связи населения Гижигинска с зарубежными странами – Японией или Китаем. Этот факт подтверждается и документами Государственного архива Магаданской области [ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60].

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова,
канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Северо-Восточный государственный университет*

Список источников

1. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60 Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г.
2. Коллекция археологических артефактов ОКН «Гижигинск» за 2019–2020 гг. // Фонды МОО РГО (временное хранение).

3. Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)». Владивосток, 2020. 303 л. // ООО «НПЦ ИКЭ».

Список литературы

1. Анастасия Вяльцева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/empire/470841/bio>. (дата обращения: 15.05.2022).
2. Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан, 1995. С. 78–82.
3. Грамота.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru>. (дата обращения: 10.05.2022).
4. Зенит Камера. Фототехника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zenitcamera.com/qa/qa-filmtypes.html> (дата обращения: 29.05.2022).
5. Конь У. С., Понкратова И. Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 237–239.
6. Лети, лети мечта любви, романс [Электронный ресурс]. URL: https://www.russian-records.com/details.php?image_id=20971 (дата обращения: 15.05.2022).
7. Мир русской грамзаписи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russian-records.com> (дата обращения: 10.05.2022).
8. Негатив на фотоленке. Пушкинский музей [Электронный ресурс]. URL: https://pushkinmuseum.art/exposition_collection/collections/phototech/film_negative/index.php (дата обращения: 10.05.2022).
9. Понкратова И. Ю., Лебедева Л. С., Батаршев С. В. Иностранные предприниматели в истории «Территории»: Гижигинск в 1920–1930-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 35. С. 197–212. DOI 10.24412/2658-5960-2022-35-197-212.
10. Фотоаптека [Электронный ресурс]. URL: <https://d-76.ru/collection/uzkaya-plenka-35mm> (дата обращения: 29.05.2022).

Leisure items from the collection of the Cultural Heritage Object «City of Gizhiginsk»

A. A. Ivanov

The subject of the study is leisure items from the collection «The City of Gizhiginsk», extracted by the Gizhiginsky Archaeological Expedition in the North-Even district of the Magadan region in 2020. In an exploratory excavation with a total area of 9 m², an archaeological collection was obtained, which for the first time made it possible to concretize historical and archival data.

Leisure items in the collection are represented by fragments of gramophone records (86 fragments), a rabbit figurine on a stand, a fragment of a doll's face, an anthropomorphic figurine, a fragment of a chess piece, a domino feature and a fragment of film. Their analysis allows us to date them to the beginning of the XX century. The multiplicity of fragments of gramophone records, toys, a chess figure, a domino feature, a film testifies to the variety of leisure activities of Gizhigin residents. Fragments of a doll and a hare toy testify to Gizhiginsk's ties with foreign countries – Japan or China. This is confirmed by the documents of the State Archive of the Magadan region.

Keywords: Gizhiginsk, leisure items, gramophone records, toys, a chess figure, a domino feature, anthropomorphic figurine from mammoth bone.

Иванов Арсений Андреевич

бакалавр 2 года обучения

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

e-mail: arseniivanov2504@gmail.com

Ivanov Arseniy Andreevich

2st year bachelor

North-East State University, Magadan

e-mail: arseniivanov2504@gmail.com

Остроги Забайкалья: проблема сохранности и юридического статуса объектов

А. В. Комогоров

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Проблема сохранности объектов историко-культурного наследия является одной из основных в рамках археологических исследований. Степень изученности памятников русской археологии на территории нашей страны крайне неравномерна. Если памятники в пределах Центральной России по типу Новгорода Великого, Пскова, Суздаля, Свияжска и др. на протяжении многих десятилетий изучаются комплексно, памятники русской археологии Сибири и Дальнего Востока, в особенности остроги, малоизучены.

В 40-е годы XVII в. территория Забайкалья начала активно заселяться людьми, состоящими на царской службе: в основном детьми боярскими, казаками. Из-за отсутствия дорог путь государевых людей преимущественно пролегал по местным рекам, при слиянии которых или впадении их в озёра (Байкал, Малое Еравнинское, Баунт и др.) с середины XVII столетия стали возникать остроги землепроходцев. Это особого типа укрепления, окружённые деревянным частоколом. Они могли быть как временными, так и постоянными, в них содержались запасы хлеба, аманаты, администрация, стояли церкви, нередко они переносились, срывались, горели в пожарах из-за агрессии соседних государств (Албазин), местных народов.

Непокидаемые постепенно росли и становились культурными и административными центрами в регионе и если судьбы Нерчинского, Читинского, Удинского, Баргузинского, Селингинского острогов нам понятны (они стали городами и сёлами), другая часть памятников приобрела статус охраняемых на региональном уровне. К сожалению, этого уровня не всегда хватает, чтобы обеспечить должную сохранность объектов историко-культурного значения. В основном остроги, расположенные на территории Забайкальского края не определе-

ны в границах, не отмечены даже памятными табличками или какими-либо знаками.

В рамках данной работы нами с опорой на Энциклопедию Забайкалья и сайт Города и остроги Земли Сибирской выделены двенадцать объектов историко-культурного наследия острожного типа.

Во-первых, мы говорим о Верхнеангарском остроге, построенном в 1643 г. казаками С. Скороходова. На протяжении своего существования он выполнял функции зимовья, ясачного места, перевалочного пункта. Он упоминается в работе Д. Я. Резуна, Р. С. Васильевского. Находился на территории республики Бурятия [Верхнеангарский острог; Резун, Васильевский, 1989, с. 119–121].

Во-вторых, возведённый казаками И. А. Галкина ещё в 1648 году Баргузинский острог, расположенный на территории современной республики Бурятия. В своё время он стал отправным для казаков пунктом при освоении Забайкалья. Часть своей работы этому памятнику посвятил А.Р. Артемьев [Артемьев, 1997, с. 81–88; Баргузинский острог].

Ясачное зимовье, а затем и боевой Баунтовский острог был основан в 1652 г. казаками под руководством И. Милованова. Он упоминается в диссертации А.Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 87; Баунтовский острог].

Затем мы говорим об Иргенском остроге и перемещаемся на территорию Восточного Забайкалья. Он был построен в 1653 г. казаками во главе известным сыном боярским П. И. Бекетовым, который возвёл не один острог на территории Сибири. Он выполнял функцию форпоста. Исследования на территории бывшего острога проводились археологической экспедицией ЗабГПУ и Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Имеет статус выявленного объ-

екта. Упомянуется в работе А.Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 89–95; Иргенский острог].

Читинский острог, возникший как казацкое зимовье бекетовцев на полпути от Иргенского к Великой реке Шилке, на которой предполагалась возвести ещё один острог. Относится постройка к периоду октября-ноября 1653 г. Затем Читинск стал плотбищем, потом слободой. Острог упоминается в справочнике Ю. О. Горбатовского, работах А. Р. Артемьева, М. Ю. Тимофеевой [Артемьев, 1997, с. 179–182; Читинский острог].

Дойдя до р. Шилки, передовой отряд бекетовцев во главе с М. Урасовым основал будущий административный центр Нерчинского воеводства. Сейчас город имеет статус исторического населённого места РФ. Ему посвящена работа Е. Д. Петряева, упоминается в диссертации А. Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 96–130; Нерчинский острог].

На границе современных республики Бурятии и Забайкальского края в 1658 г. был основан Телембинский острог служилыми людьми из отряда А. Ф. Пашкова. Постепенно острог превратился в военно-административный центр Нерчинского уезда, стал местом разработки железнорудных месторождений. Был открыт в 1958 г. студентами естественно-географического факультета Читинского пединститута. Посещался участниками академических экспедиций. Упомянуется в работе А.Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 131–133].

В сентябре-октябре 1665 г. были возведены Селенгинский и Удинский остроги казаками О. Васильева. И если Селенгинск постепенно превратился в военный, политический, культурный и конфессиональный центр, то Удинск долгое время оставался местом хлебозаготовки и перевалочным пунктом из-за некоторой удалённости от границ [Артемьев, 1997, с. 134–151; Селенгинский острог]. Понятно, что сейчас Улан-Удэ (бывший Удинский острог) стал одним из культурно-конфессиональных центров России. Разведывательные археологические раскопки проводились здесь в 1988 году. Упомянуты в трудах А.Р. Артемьева, В.А. Александрова [Александров, 1984, с. 12; Артемьев, 1997, с. 152–160; Удинский острог].

По приказу боярского сына Б. Несвидаева в 1668 г. на Еравнинских озёрах был возведён одноимённый острог. Со временем он стал во-

енно-административным, культурно-конфессиональным центром, уступавшим, по сути, лишь Нерчинскому и Телембинскому собратьям. Упомянуется в трудах участников академических экспедиций А. Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 161–163; Еравнинский острог; Телембинский острог].

В 1679 г. было основано Итанцинское зимовье. Описывалось в работах участников академических экспедиций, А.Р. Артемьева [Артемьев, 1997, с. 164–165; Итанцинский острог].

Аргунский острог как пограничный форпост возник в 1681 г., возведён казаками во главе с В. Миловановым. В конце 1680-х годов было принято решение в Москве о том, что необходимо основать сереброплавильный завод вблизи острога из-за находившихся здесь залежей. Данная территория неоднократно становилась камнем преткновения в русско-китайских дипломатических отношениях, из-за чего приходилось переносить сооружения с правого на левый берег р. Аргунь. Спасательные работы проводились на территории бывшего острога в 1998 и 1999 гг., Аргунский промысел изучается с 2005 г. Является историко-археологическим памятником. Упомянуется в работах А. Семёнова, Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова и А. Р. Артемьева [Аргунский острог; Артемьев, 1997, с. 166–172; Русско-китайские..., с. 12].

Таким образом, освоение Забайкалья русскими землепроходцами началось с севера на юг вдоль оз. Байкал, и постепенно с 1643 до 1681 г. казаки сотоварищи дошли до р. Аргунь, где возникла отныне граница между Россией и Цинским Китаем. Также дуга расселения направлялась и во внутренние районы Восточного Забайкалья уже с юга на север. Эти места примечательны для нашей истории периода закрепления Русского царства на Сибирских рубежах. Затем здесь будет добыто первое русское серебро, заработают казённые сереброплавильные заводы. Все эти недра будут удерживаться лишь сотнями казачков да детей боярских с крестьянами, раскиданными по зимовьям и острожкам.

Острая необходимость установления точного местонахождения, выявления границ и постановки на государственный учет объектов историко-культурного наследия типа острогов очевидна. Это одна из задач наших дальнейших исследований.

В соответствии со списком объектов культурного наследия на территории Забайкальского края поставлено на учёт три острога из шести. Существует ещё и проблема следующего характера: как видно из приложения к нашей работе из изученной литературы на данном этапе не понятно, какой статус имеют те или иные памятники, кто вёл там работы, обозначены ли хотя бы местными краеведами предполагаемые места расположения острогов.

Опыт соседней республики Бурятия можно назвать действительно прогрессивным.

Удинский острог имеет статус объекта археологического наследия федерального уровня. Осуществляется проект по созданию культурно-туристического комплекса «Верхнеангарский острог в пространстве новых земель». Министерство культуры республики и национальный музей в 2017 г. проводили квест-игру «Тайны Селенгинского острога».

*Научный руководитель – Н. О. Викулова,
мл. науч. сотр. отдела археологии каменного века,
Институт археологии РАН*

Список литературы

1. Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. 275 с.
2. Аргунский острог [электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=1968> (дата обращения – 30.06.2022);
3. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв.: Ист.-археол. исслед.: дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1997. 459 с.
4. Баргузинский острог [электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=452> (дата обращения – 30.06.2022);
5. Баунтовский острог [электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/bauntovskiy_ostrog_istoricheskaya_encyklopediya_sibiri_2009?ysclid=150rbrnit2761201102 (дата обращения – 30.06.2022);
6. Верхнеангарский острог [электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/verhneangarskiy_ostrog_istoricheskaya_encyklopediya_sibiri_2009?ysclid=150qg05a70586731518 (дата обращения – 30.06.2022);
7. Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы: в 2-х томах. Т. 1 / сост.: М. Б. Давыдова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. 611 с.
8. Еравнинский острог [электронный ресурс]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=478> (дата обращения – 30.06.2022);
9. Иргенский острог [электронный ресурс]. URL: http://ostrog.ucoz.ru/ostrogy/2_2.htm (дата обращения – 30.06.2022);
10. Итанцинский острог [электронный ресурс]. URL: http://ostrog.ucoz.ru/ostrogy/2_18.htm (дата обращения – 30.06.2022);
11. Нерчинский острог [электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8584> (дата обращения – 30.06.2022);
12. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 309 с.
13. Селенгинский острог [электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8587> (дата обращения – 30.06.2022);
14. Телембинский острог [электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rfphb> (дата обращения – 30.06.2022);
15. Удинский острог [электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5075> (дата обращения – 30.06.2022);
16. Читинский острог [электронный ресурс]. URL: http://ostrog.ucoz.ru/ostrogy/2_16.htm (дата обращения – 30.06.2022).

Jails of Transbaikal: the problem of preservation and legal status of objects

A. V. Komogorov

Within the framework of this work, the problem of preservation of historical and cultural heritage monuments, namely the prisons of Russian pioneers who arose on the territory of Transbaikalia (Western and Eastern) in the period from 1643 to 1681, is considered. In total, we have identified the approximate location of 12 prisons on the territory of the modern Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory. We came to the conclusion that if cultural events are held in the

Republic of Buryatia on the territory of some prisons, Cossack traditions are revived, more monuments are included in the register of significant ones, then in the Trans-Baikal Territory even objects of cultural heritage are not properly protected. But despite this progressive attitude to the monuments of historical and cultural heritage in the Republic of Buryatia, not all the prisons even there are included in the register and their level of study is significantly lower than that of monuments located in Central Russia.

Further study of the Russian prisons that arose in the period from 1643 to 1681, requires us to highlight in more detail their economic features and the traces that they have left in the history of our state.

Keywords: Transbaikal, prisons, boyar children, Cossacks, preservation of historical and cultural heritage monument.

Комогоров Андрей Викторович

студент 3 года обучения

Забайкальский государственный университет

komogorov_andryushenka@mail.ru

Komogorov Andrei Victorovich

student of 3rd year of study

Transbaikal State University

Komogorov_andryushenka@mail.ru

УДК 903.2

Роль Волжской Булгарии в проникновении древнерусских изделий на территорию Пермского Предуралья

В. Е. Кузнецов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия

Для изучения вопроса о посреднической роли Волжской Булгарии в проникновении древнерусских изделий на территорию Пермского Предуралья нам особенно важно рассмотреть взаимоотношения населения Древней Руси и болгар.

Устойчивая болгарско-русская торговля началась с конца IX – начала X вв. Весь болгарский экспорт на Русь можно разделить на две группы. В первую группу входят продукты собственно болгарского производства, во вторую группу входят товары, поступающие с Востока на Русь при посредничестве болгар [Валеев, 1992, с. 88–91].

Взаимодействие между двумя государствами происходило по двум крупным торговым путям: сухопутный путь из Булгара в Киев и Волжский речной путь.

Волжским путем попадали на Север Руси желтые бусы-лимонки из двухслойного стекла, которые по предположению С. Д. Захарова и

И. Н. Кузина служили инструментом для обмена на меха. Наличие данных бус зафиксировано в Белозерье, Бирке, Ладоге, Белой Веже. Особенно много данных артефактов найдено на болгарских селищах [Захаров, Кузина, 2010, с. 29].

Древнерусский археологический материал, найденный на территории Волжской Булгарии, условно можно также разделить на несколько групп: это предметы, свидетельствующие о торговле (гирьки, фрагменты весов), о проживании на чужой территории, о военных походах, о дипломатических посольствах. XII – первая треть XIII века – время наиболее интенсивных внешних контактов Руси [Полубояринова, 1993, с. 114–115].

Сухопутный путь из Киева в Болгар начал использоваться более интенсивно со II тысячелетия, когда между Волжской Булгарией и Древней Русью была достигнута стабильность и гарантированность безопасного прохождения караванов [Моця, 1992, с. 8–10].

Протяженность пути составляла примерно 1500–1600 км, а на его прохождение требовалось около 60 дней и, в основном, он ориентировался на слабозаселенные междуречья Днепра и Десны, Дона и Оки, Суры и Волги [Халиков, 1992, с. 14–16].

Регулярные связи Волжской Булгарии с Пермским Предуральем устанавливаются с X в. Булгары стремились закрепить торговый путь по Каме за собой, препятствуя проникновению иноземных купцов в эти районы. Свидетельством непосредственной торговой деятельности булгар в Верхнем Прикамье являются находки безменов, весов и разновесов, найденных на Родановом, Анюшкар, Городищенском, Кудымкарском городищах [Белавин, Островский, 2002, с. 189–190].

Путь булгар до Верхнего Прикамья (Ису) имел расстояние 800 км, который требовал от 20 до 30 дней дневного перехода, т.е. соответственно по 40 км и 20 манзелей-дневок (мест, где купцы останавливались для отдыха и торговли) [Халиков, 1992, с. 14].

Данная информация позволяет предположить, что, за теплый период времени, болгарские купцы могли, в лучшем случае, дважды добраться до Среднего и Верхнего Предуралья, привозя свои товары на продажу.

Булгарская керамика по подсчетам А. М. Белавина выявлена на 44 поселениях и 2 могильниках Пермского Предуралья [Белавин, 2000, с. 45], что свидетельствует об относительно большом количестве болгарского населения, проживающего на территории Прикамья. Например, за 7 лет раскопок Рождественского городища было найдено 10648 фрагментов болгарской керамики, что составляет 61,3 % от общего числа [Белавин, Крыласова, 2008, с. 189]. Исходя из этого, мы можем фиксировать сильное культурное влияние, болгарского населения на жителей Прикамья.

На территории Прикамья древнерусская керамика, по подсчетам А. М. Белавина найдена лишь на 10 поселениях родановской культуры. [Белавин, 2000, с. 68–69].

Овручские шиферные пряслица попадали на территорию Прикамья, на наш взгляд, посредством болгарских купцов. Эта версия подтверждается массовыми находками пряслиц на территории Болгара, Биляра, Суvara и др.

[Полубояринова, 1993, с. 33, 86], а также удобством использования ближайшего к Овручу крупного торгового пути из Болгара в Киев для сбыта товара. Также на территории Прикамья были найдены стеклянные браслеты киевского или рязанского производства. В частности, на территории Болгара найдено множество стеклянных браслетов, поэтому, на наш взгляд, они могли попадать на территорию Прикамья из Древней Руси, по пути из Болгара в Киев или по Волжскому пути, а в последствии, посредством болгарских купцов на территорию Прикамья.

Важными находками являются куски обработанного и необработанного янтаря. Янтарь, на наш взгляд, попадал на территорию Пермского Предуралья посредством Волжской Булгарии. М. Д. Полубояринова пишет, что в XII–XIII вв. на территории Биляра жили и останавливались русские купцы, торговавшие янтарем, и ремесленники, его обрабатывавшие [Полубояринова, 1993, с. 74]. Мы можем предположить, что по Волжскому пути с территории Прибалтики янтарь поступал в Волжскую Булгарию и далее в Прикамье.

К южнорусскому импорту относится керамическое яйцо-писанка, второй половины XI–XII вв., найденное недалеко от городища Анюшкар. На территории Волжской Булгарии найдено множество яиц-писанок, а также их фрагментов [Полубояринова, 1993, с. 78], что свидетельствует о попадании данных артефактов в Прикамье посредством болгарского населения.

Из предметов вооружения хотелось бы отметить булаву и фрагмент булавы киевского типа, найденные близ д. Модороб [Белавин, 2000, с. 152] и на Родановом городище [Сарапулов, 2019, с. 28] соответственно. Датируются артефакты XII–XIII вв. На территории Прикамья, по подсчетам А. В. Данича, найдено 4 меча и одно навершие ножен. Автор предполагает, что мечи принадлежали выходцам с территории Руси или, скорее всего, Волжской Булгарии, пришедшим с торговыми караванами [Данич, 2012, с. 87].

А. М. Белавин связывает появление на территории Прикамья серебряного с позолотой медальона оплечья, сделанного в княжеских мастерских Владимира (вторая половина XII –

начала XIII вв.) с деятельностью болгарских купцов [Белавин, 2000, с. 154].

На Родановом городище найдена весовая гирька с железным ядром, заключенным в латунную оболочку, имеющая по 5 глазков на плоских сторонах. Вес ее составляет 97,4 г. [Сарапулов, 2019, с. 33]. Сферические гирьки с железным ядром, обтянутые медным сплавом, были распространены в подавляющем большинстве на территории Древней Руси. Аналогичные гирьки были найдены на территории Биляра и Болгара. По нашему мнению, данные предметы проникали на территорию Пермского Предуралья с болгарскими купцами.

Таким образом, мы можем безусловно говорить о тесных торгово-экономических и культурных связях Древней Руси и Волжской Булгарии. Взаимодействие между государствами началось с X в. и происходило по двум крупным торговым путям – пути из Болгара в Киев и Волжскому. По ним купцы Древней Руси попадали к болгарскому населению привозя русские и западные изделия. Зафиксировано стабильное проживание русского населения на территории Булгарии, которое занималось различным ремеслом (обработка янтаря, гончарное производство). Болгарские

купцы также активно проникали на территорию южной и северной Руси, привозя с собой различные украшения, монеты и драгоценные металлы в обмен на меха.

С X в. устанавливаются контакты Волжской Булгарии с Пермским Предуральем. Булгары шли на Север за пушниной, а взамен давали украшения, предметы роскоши, металлическую посуду. Фиксируется сильное культурное влияние болгар, которые в достаточно большом количестве проживали на территории Прикамья.

Среди общего числа древнерусских изделий, найденных на территории Прикамья, посредством болгарских купцов могли попадать следующие предметы: овручские шиферные пряслица и стеклянные браслеты; гирька с железным ядром, заключенная в латунную оболочку; куски обработанного и необработанного янтаря; керамическое яйцо-писанка; булава и фрагмент булав киевского типа; различные виды мечей; медальон оплечье.

*Научный руководитель – А. Н. Сарапулов,
канд. ист. наук.*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Список источников

Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2019 г. Пермь, 2019 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

Список литературы

1. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 198 с.
2. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
3. Белавин А. М. Островский С. Л. Волжская Булгария и Пермское Предуралье // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002. С. 182–200.
4. Валеев Р. М. Торгово-экономические связи Волжской Булгарии с Русью в IX – начале XIII вв. // Путь из Болгара в Киев. Казань, 1992. С. 87–94.
5. Данич А. В. Клинковое оружие Пермского Предуралья // Поволжская археология. Казань, 2012. Вып. 2. С. 86–106.
6. Захаров С. Д. Кузина И. Н. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Булгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера // Руси и Восток в IX–XVI вв. М., 2010. С. 28–36.
7. Моця А. П. Общие закономерности взаимоотношения торгово-экономических взаимоотношений Киева и Болгара в IX–XIII вв. // Путь из Болгара в Киев. Казань, 1992. С. 5–12.
8. Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993. 124 с.
9. Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Болгара в Киев) // Путь из Болгара в Киев. Казань, 1992. С. 12–23.

The role of Volga Bulgaria in the infiltration of ancient Russian products into the territory of the Permian Urals.

V. E. Kuznetsov

The article examines the role of Volga Bulgaria in the infiltration of ancient Russian items into the territory of the Perm Urals. We analyzed the route along the Volga River and the overland route from Bulgar to Kiev. The nature of the relationship between the two states is considered. The article also examines the relations between Volga Bulgaria and the Kama region, what cultural and economic influence the states exerted on each other and what goods they traded. The conclusions point to ancient Russian objects that came to the Urals through Bulgarian merchants.

Ключевые слова: Old Russia, Volga Bulgaria, Perm Urals, ethnocultural ties, Economic contacts, trade routes.

Кузнецов Вадим Евгеньевич

студент 4 курса

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

e-mail: Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Kuznetsov Vadim Evgenievich

4th year student

Perm State Humanitarian Pedagogical University

e-mail: Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

УДК 902.03

Три археологических подхода к определению религиозной принадлежности культовых зданий

Д. И. Папшев

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Канонические планы храмов трех мировых религий (христианства, ислама, буддизма) легко узнаваемы при археологических раскопках. Определение религиозной принадлежности культовых сооружений иных верований представляет большие сложности. Применяемые для этого способы рассмотрим на примере манихейских храмов.

Первый манихейский монастырь исследован Немецкими экспедициями Альберта Грюнведеля и Альберта фон Лекока в Турфанском оазисе в столице Уйгурского княжества Кочо. Он представляет собой прямоугольный в плане комплекс сооружений с примыкающими к нему с севера, востока и юга постройками (рис. 1) [Le Coq, 1923, S. 24; Восточный Туркестан..., 2000, с. 210–211]. Северная пристройка делится на две части. Западная часть представляет собой строение из двух пар помещений 3х3 м., разделённых центральным коридором. Внешние части здания образованы вытянуто-прямоугольным помещением, разделённым на две неравные части,

расположенные параллельно центральному коридору.

В середине южной части комплекса расположено прямоугольное сооружение, состоящее из трёх помещений. Среднее помещение почти квадратное, в восточной стене имело выход во двор, а западная стена представляет собой две стенки, одна из которых перекрывает другую. В пространстве между ними и были обнаружены манихейские рукописи.

В восточной части комплекса обнаружены остатки некоего сооружения, определённого, как «библиотека». Оно состояло из купольного квадратного помещения, примыкающих коридоров и ещё одной прямоугольной комнаты. Именно здесь и была обнаружена основная масса манихейских текстов.

В юго-западной части комплекса располагалась изолированная купольная квадратная постройка в виде целлы. В центральной части южной стены есть проём. Если аналогичные проёмы были в остальных стенах, то это было бы сооружение типа иранского чартака.

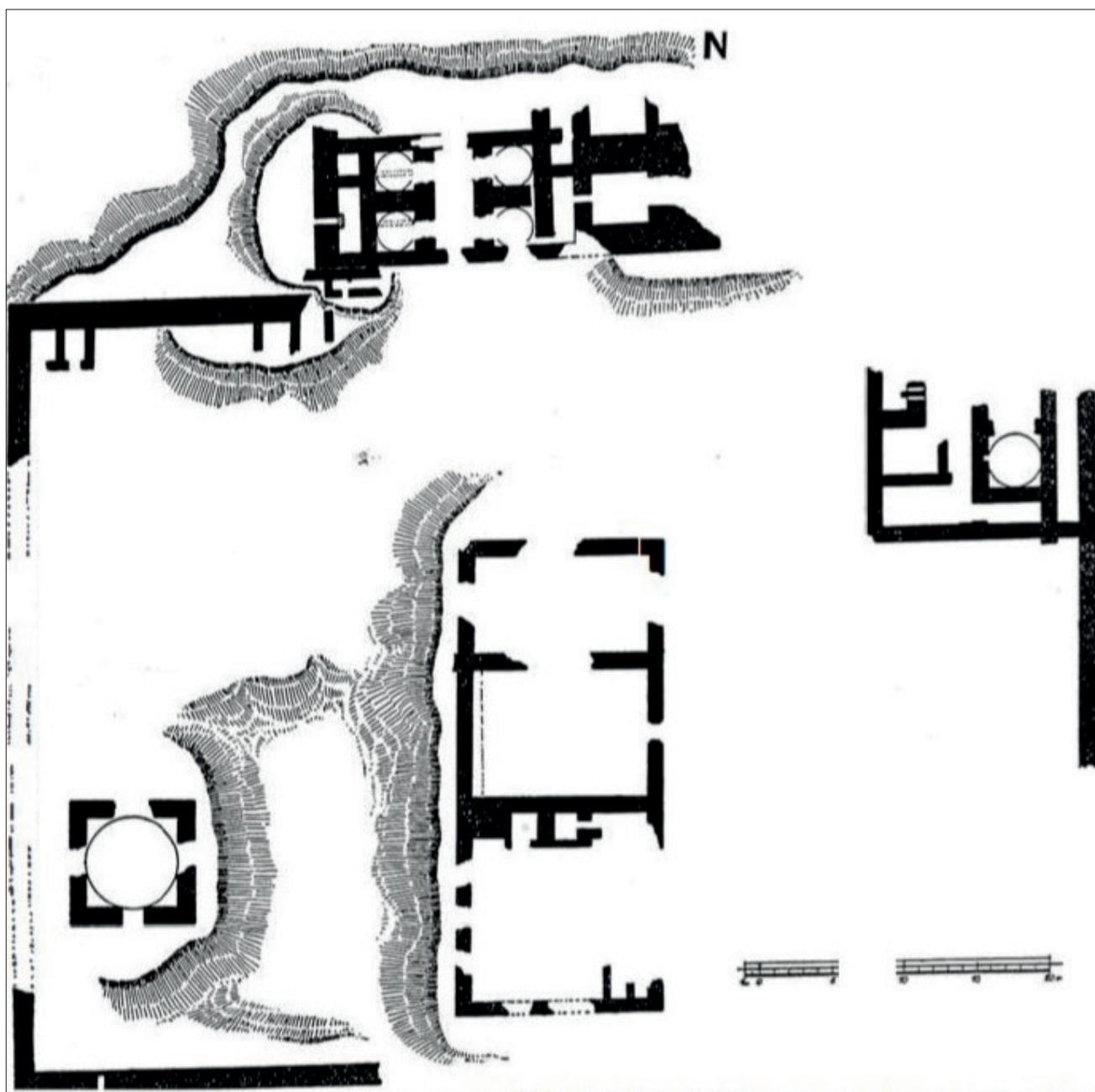

Рис. 1. Городище Кочо. Манихейский комплекс. По А. Лекоку

Несмотря на наличие фресок, также интерпретированных, как манихейские, прежде всего манихейская принадлежность комплекса определялась по обнаруженным манихейским манускриптам. Обнаружение соответствующих манускриптов выделим в первый способ определения религиозной принадлежности культовых зданий.

На среднем Енисее раскопки средневекового Уйбатского города в Хакасии выявили удивительное многообразие его храмовых сооружений. Различия их планировки совпали с указаниями на своеобразия манихейских святынь, оставленными тремя арабскими автора-

ми X, XII и XIV вв. Эти описания позволили объяснить каждый из архитектурных планов Уйбатского комплекса. В качестве примера приведём три сменявших друг друга храма.

Первый храм представлял собой квадратный двор, окружённый стеной из жёлтоглиняных сырцовых кирпичей [Кызласов, 2008, с. 494]. Близ центра юго-западной стены двора располагалось круглое лёгкое сооружение типа вихары (рис. 2). Внешне сооружение имело форму купола. Ад-Димешки писал о манихейских храмах: «К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежат следующие – храм

Рис. 2. Манихейский храм Первопричины.

По Л. Р. Кызласову

Первопричины, образующий круглую стену и имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра...» [там же, с. 493–494]. Как мы видим, описание в целом соответствует планировке описанного храма.

На смену ему в середине 760-х гг. приходит квадратный (размером 22×22 м.) колонный зал со 169 колоннами (рис. 3) [там же, с. 495]. По описанию ал-Масуди манихейский храм Солнца должен иметь квадратную форму. Это указание даёт основания определить религиозную принадлежность и назначение уйбатского колонного зала.

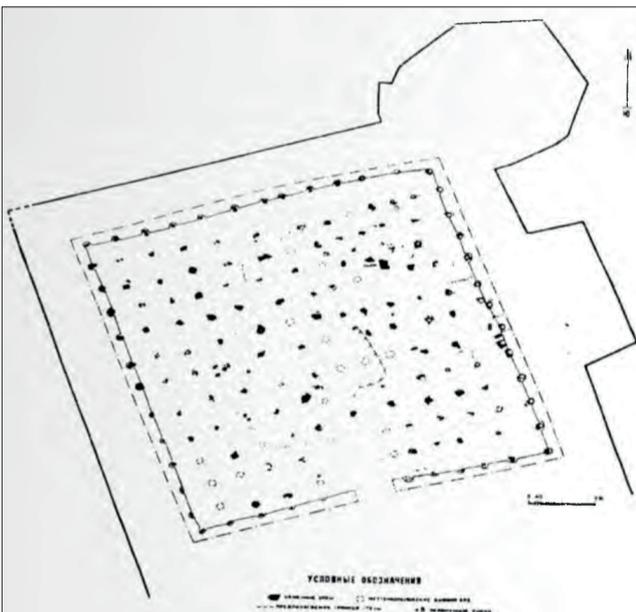

Рис. 3. Манихейский храм Солнца. По Л. Р. Кызласову

Дополнительным свидетельством в пользу этого определения служит то, что к северо-западной стене этого храма была пристроена платформа, имеющая следы возжигания огня.

К середине IX в. этот храм обветшал, и поверх него был построен новый храм, не имевший крыши, но имевший круглое кирпичное возвышение у западной стены с расположенным на нём алебастровым алтарём (рис. 4). Алтарь имел низкий бортик и был ориентирован углами по сторонам света [Кызласов, 2008, с. 496–497]. Поскольку сооружение в плане представляло собой круг, Л. Р. Кызласов связывает его планировку с описанием ал-Масуди, которое указывает на то, что храм Миропорядка – круглый по форме [там же, с. 493].

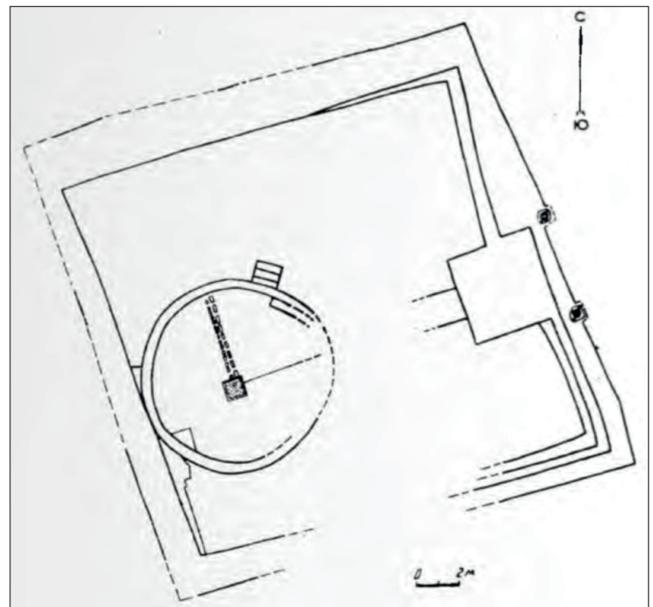

Рис. 4. Манихейский храм Миропорядка. По Л. Р. Кызласову

Как мы видим, второй способ заключен в сопоставлении архитектурных планировок сооружений с описаниями планов манихейских храмов в письменных источниках. Именно их явное сходство и даёт основания полагать, что храмы Уйбатского комплекса построены манихеями.

Третий подход был применён при определении культовой принадлежности храма древнего города Кулана (городища Луговое, Казахстан). Сооружение имело все признаки крупного общественного здания (рис. 5, 1). Определение его как манихейского храма было произведено по особенностям оформления зала. В центре северо-восточной юго-западной стен располагались

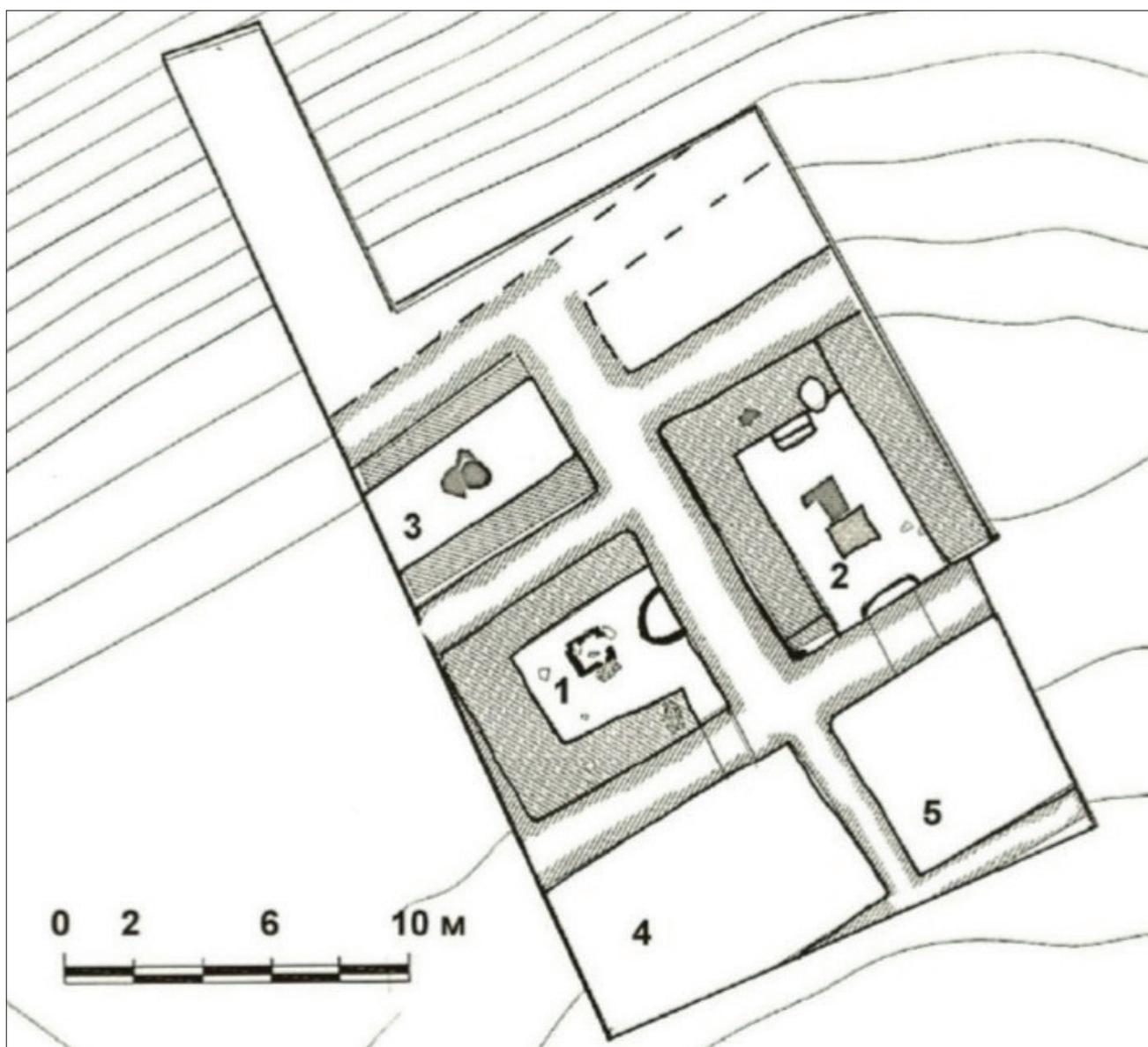

Рис. 5. Городище Луговое. Манихейский храм дворцового комплекса. По К. М. Байпакову, Г. А. Терновой

культовые ниши [Байпаков, Терновая, 2018, с. 113]. Через всю северо-западную стену от ниши до ниши шёл декоративный фриз из резной глины, который поддерживали пять пилястров. Поскольку северо-восточная ниша имела следы горения, она была отождествлена с Царством Света. Противоположная ниша обозначала Страну Мрака. В ней изображены листья винограда, заключённые в ромбы. Предполагается, что это символическое изображение связанных (распятых) частиц Света [там же, с. 122]. Вышеупомянутый фриз отождествляется с манихейским понятием о Поясе – Области смещения.

Как мы видим, в целом декор зала может быть соотнесен с манихейским представлением о мире. Символика орнамента отвечает основным понятиям манихейской доктрины.

Таким образом археологическое изучение объектов, религиозная принадлежность которых не соответствует канонам основных известных нам религий, проводилась по разным источникам: по рукописям религиозного содержания, обнаруженным на памятнике; по соответствию архитектурным канонам в письменных источниках; по соответствию декоративного оформления памятника религиозной доктрине предполагаемой религии.

Приведённые в работе пути определения культовой принадлежности не сводятся лишь к манихейским сооружениям. Они применимы при определении принадлежности любых храмов, не отвечающих канонам основных религий.

*Научный руководитель – И. Л. Кызласов,
д-р ист. наук, Институт археологии РАН*

Список литературы

1. Байпаков К. М., Терновая Г. А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. №3 (16). С. 111–129.
2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 583 с.
3. Кызласов Л. Р. Священный город манихеев на реке Уйбат // Сокровища культуры Хакасии. М.: НИИЦентр., 2008. Вып. 10. С. 492–499.
4. Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien: Die manichäischen Miniaturen. Berlin, 1923. Т. 2. 64 S.

Three archaeological approaches to determining the religious affiliation of cult buildings

D. I. Papshev

To date, there are no generally accepted ways to determine the cult affiliation of unknown structures. This article is devoted to the definition of three approaches to identifying the religious affiliation of buildings. The approaches are demonstrated by the example of three monuments of Manichaean cult architecture. The first of them is a monastery in Kocho, the capital of one of the Uighur principalities of the early Middle Ages. This monument has the usual layout. The Manichaean affiliation is determined by the presence of Manichaean manuscripts in the premises of the monastery. The second is the Manichaean temple complex on the Uibat River. L.R. Kyzlasov connects the layout of the buildings of the complex with the descriptions of Manichaean temples by Arab medieval authors. The third is the temple of the palace complex on the Lugovoye settlement (the ancient city of Kulan). K.M. Baypakov and G.A. Ternovaya compared the decor of the structure with the provisions of the Manichean creed. The identified approaches are applicable to determining the religious affiliation of any buildings that are not canonical to the main religions.

Keywords: monumental buildings, temples, religious affiliation, Eastern Manichaeism, Northern Manichaeism.

Папшев Дмитрий Ильич

Бакалавр 3 года обучения

Государственный академический университет гуманитарных наук
e-mail: papshevdmitry@yandex.ru**Papshev Dmitriy Ilyich**

3rd year bachelor

State Academic University for Humanities
e-mail: papshevdmitry@yandex.ru

УДК 903.01/09

Подпружные пряжки с территории Среднего Енисея в I тыс. н. э.: технологическая традиция изготовления из рога и кости***И. С. Половников**

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Подпружные пряжки являются составной частью подпруги, охватывающей корпус лошади для удержания седла. По способу крепления пряжек к подпруге их можно разделять на три группы: с подвижным язычком и крепежным штифтом, с неподвижным язычком-запором и пряжки-блоки без язычка, посредством которых подпружный ремень затягивался.

В таштыкской культуре вопрос о снаряжении коня остается практически неизученным, ввиду отсутствия сопроводительных захоронений коня в погребениях, либо культовых объектах. Однако в музеях Минусинской котловины хранится подъемный материал первой пол. I тыс. н. э., который ещё не введен в научный оборот.

К их числу относится хранящаяся в Хакасском национальном музее пряжка-блок без

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда» (проект № 20-18-00111).

язычка (инв. номер 5459/9). Она имеет размеры (4,9×3,5×1,2 см) и подовальную в плане форму, в ее широкой части прорезано два проема, в верхней части по центру - круглое сквозное отверстие (разрушено). Изготовлена из одинарной роговой пластины. На ней фиксируются следы сверления со стороны губчатого вещества, отчетливо выделяется в нижнем проеме остатки двух каналов. Пряжка с аналогично расположенным сквозным отверстием зафиксирована в погребении хуннского периода в с. Агинском в Забайкалье [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XI, 16].

Также к рассматриваемому периоду относится пряжка с неподвижным язычком-запором и двумя проемами под ремень, хранящаяся в Минусинском краеведческом музее (инв. номер 9533/415). Её размеры (3,7×2,8×0,6 см), выполнена из одинарной роговой пластины.

В этом же музее хранится пряжка-блок без язычка с двумя проемами под ремень, изготовленная из астрагала крупного копытного животного (инв. номер 9533/408). Её размеры (4,6×2,9×1,6 см). В проемах отчетливо выделяются каналы от сверлений.

Традиция изготовления подпружных пряжек из кости и рога продолжилось в древнетюркское время. Б. Б. Овчинниковой были рассмотрены экземпляры древнетюркских подпружных пряжек, однако она отметила, что они изготавливались исключительно из рога марала. В своих выводах она опиралась на определения специалистов-палеозоологов [Овчинникова, 1990, с. 113, 114]. А. П. Бородавский, изучивший большой массив предметов из рога и кости Западной Сибири, уточнил, что в южно-сибирском регионе сырьем для их изготовления служили помимо разветвленных рогов марала, также и лосиный рог [Бородавский, 1997, с. 101]. Однако в ходе дальнейшего изучения пряжек Минусинской котловины открылись новые детали, которые дополняют предыдущие выводы. На материалах из погребального комплекса Маркелов Мыс 2 была рассмотрена технология изготовления подпружных пряжек древнетюркского времени и установлено, что их вырезали из цельного рога [Половников, 2021]. Аналогичные наблюдения были сделаны при анализе подпружных

пряжек из других памятников Минусинской котловины. Установлено, что кроме одинарных роговых пластин, заготовкой для четырех экземпляров послужила двойная роговая пластина участка лопаты лосиного рога (Капчалы IV, курган 1; Маркелов мыс-I, могила 2; Маркелов мыс-II, курган 69). По своим физическим характеристикам двойная роговая пластина отличается повышенной твердостью, изломо- и износостойкостью [Панковский, 2016, с. 1004].

Помимо роговых подпружных пряжек, в Минусинском краеведческом музее хранится пряжка, выполненная из астрагала крупного копытного животного (инв. номер 9533/406). Она имеет размеры (5,4×3,4×1,9 см, диаметр отверстия 0,5 см) и прямоугольную в плане форму, в ее широкой части прорезано два проема под ремень, которые соединены между собой (место под язычок). На боковой стороне посередине проделано сквозное отверстие под штифт для крепления язычка. По своим морфологическим особенностям и технологии изготовления этот предмет близок к древнетюркским пряжкам.

Стоит подчеркнуть, что в гунно-сарматское и в древнетюркское время в Минусинской котловине в качестве сырья для пряжек использовался чаще рог, чем кость. Малочисленность изделий из кости (2 экз. из астрагалов крупных копытных животных) может объясняться меньшей прочностью материала по сравнению с компактной цельного рога.

В обработке пряжек было задействовано несколько инструментов: сверло, скобель, строгальный и режущий нож, абразив. Анализ предметов позволил восстановить следующую последовательность технологических операций при изготовлении пряжек:

- разметка;
- преобразование общего контура заготовкам с помощью строгального ножа и, вероятно, грубого абразива;
- сверление сквозных отверстий в местах выреза под расположение язычков и ремней;
- расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью строгального ножа;
- окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы с пряжками.

Последовательность технологических операций и набор орудий, использовавшийся при изготовлении подпружных пряжек из кости и рога позволяет говорить о существовании устойчивого домашнего производства, связанного с основным видом хозяйственной деятельности - скотоводством и охотой. Обращает на себя внимание тот факт, что костным материалом служили астрагалы крупных копытных животных. Помимо этого, стоит отметить, что на территории Горного Алтая,

начиная с рубежа VIII в. н. э. одновременно с пряжками из рога стали использоваться изделия из железа [Савинов, 1984, табл. III, 22; IV, 20]. В типовой набор (копенский этап, минусинский и тувинский варианты) входят крупные железные подпружные пряжки с язычком на вертлюге [Савинов, 1994, табл. VI–VIII]. Очевидно, как и в Горном Алтае, население Минусинской котловины, начиная с VIII в. также одновременно пользовалось пряжками из рога и железа.

Список литературы

1. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. 201 с.
2. Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
3. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
4. Панковский В. Б. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Кишинев: STRATUM Publishing House, 2016 (Археологические памятники Приднестровья III). С. 1003–1038.
5. Половников И. С. Роговые подпружные пряжки из древнетюркского погребального комплекса Маркелов Мыс 2: морфологический и технологический анализ // Сб. тезисов докладов LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции. Иркутск, 2021. С. 162–163.
6. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
7. Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. 215 с.

Girth buckles among cattle breeders of the Middle Yenisei in the 1st millennium AD: technological tradition production of horn and bone

I. S. Polovnikov

This publication presents a short summary of the manufacture of girth buckles from the burial complex of the sites Khakass-Minusinsk Basin. The technology of manufacturing girth buckles of the ancient Turkic time was considered and it was found that they were cut from a single horn and bone. The sequence of technological operations and the set of tools used in the manufacture of girth buckles made of bone and horn allow us to speak of the existence of a sustainable domestic production associated with the main type of economic activity – cattle breeding and hunting. Attention is drawn to the fact that astragalus of large ungulates served as bone material. It is worth emphasizing that in the Hunno-Sarmatian and in the ancient Turkic times in the Khakass-Minusinsk Basin, horn was more often used as raw material for buckles than bone.

Keywords: the Altai-Sayan region, Khakassia, the early middle-ages Turks, horn girth buckles, methods of fabrication

Половников Иван Сергеевич

аспирант 3-го года обучения
Новосибирский государственный университет
лаборант
Лаборатория гуманитарных исследований
e-mail: polis.sib@gmail.com

Polovnikov Ivan Sergeevich

Graduate 3rd year
Novosibirsk State University
Assistant
Laboratory of humanitarian research
e-mail: polis.sib@gmail.com

УДК 903.2(470.53)

Предметный комплекс средств передвижения и конского снаряжения, как отражение хозяйственной деятельности жителей бывшей деревни Постанового из раскопок Рождественского могильника

Д. С. Смирнов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия

В работе будет исследовано пространство повседневности жителей деревни Постанового на основе анализа артефактов в группе «детали транспортных средств», из которой выделены две категории – «средства передвижения» и «конское снаряжение».

Публикация основана на материалах, полученных в ходе археологических раскопок Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ на памятнике «Рождественский I, могильник» в Карагайском округе Пермского края с 2010 по 2021 гг.

Погребения средневекового Рождественского могильника перекрыты культурным слоем д. Постанового. Из архивных документов известно, что с 1623–1624 гг. здесь существовал починок Вотцкое городище [Шумилов, 2008, с. 63]. В Рождественской отказной книге 1785 г. Главного управления заводами и имением наследников А. В. Всеволожского также описывается д. Сыкыскор [ГАПО, ф. 174, оп. 1, д. 74]. Последнее найденное упоминание о ней относится к 1951 г. в Похозяйственной книге [Архивный отдел админ. Караг. муниц. округа, ф. 43 о. 3, д. 35]. Исходя из фактов можно предположить, что д. Постанового существовала с XVII до середины XX в. В эту хронологию «укладывается» ставрографический и нумизматический материал.

Самым распространённой находкой являются подковные гвозди и подковы. Коллекция состоит из 8 целых подков, среди которых одна заготовка, и 9 фрагментов. Лошадь подковывали обычно раз в четыре недели. Слишком частая перековка лошади не рекомендовалась, так как необходимый роговой слой не успевал вырасти за короткий срок [Шангина, 2003, с. 306–307].

По А. Н. Кирпичникову, в коллекции выделяется две разновидности подков (систематизи-

рованы только целые экземпляры) [Кирпичников, 1973]. К 1 типу относится одна подкова (рис. 1, 12) – по своему облику эти подковы наследуют форму ледоходных шипов, что, возможно, указывает на их преимущественно зимнее использование. Ко 2 типу принадлежит 6 подков (рис. 1, 10, 11, 13–16). Стоит заметить, что, по наблюдениям А. Н. Кирпичникова, у подков этого типа со временем исчезает волнистый обрез края, а полукружия расширяются. Следовательно, одна подкова (рис. 1, 16) более старого варианта, чем другие пять подков этого типа.

Мы основывались на типологии средневековых подков, что уже говорит о неточности данных, но классификации подков нового времени пока нет, а свою разработать пока невозможно, в связи с ограниченной коллекцией материала.

Также имеется одна заготовка для подковы (рис. 1, 17), что может говорить о вероятном наличии кузнечной мастерской в д. Постанового. По данным 1897 г. географа И. Я. Кривощёкова ближайшая кузнечная мастерская находилась в с. Нердва, примерно в 30 км от б.д. Постанового, где работали до 40 кузниц с 76 рабочими [Кривощёков, 1897, с. 9].

Цель собирания коллекции состояла в том, чтобы сохранить целостность находок памятника, поэтому в коллекцию попали не только целые подковы, но и их различные фрагменты.

Интересно, что изломы подков находятся на разных местах. Чаще всего подкова обломлена по центру гребня, таких экземпляров семь (рис. 1, 2–6, 8–9). Вероятно, это связано с тем, что металл в этом месте истончался, теряя прочность благодаря подгибу. Два экземпляра (рис. 1, 1–7) сломаны у отверстий для ухналей, что, вероятно, также обусловлено истончением металла.

Рис. 1. Подковы и их фрагменты

В семи сломанных подковах (рис. 1, 1, 3–8) и в двух целых (рис. 1, 10, 13) имеются застрявшие ухналы. Почти все подковные гвозди не разогнуты. Можно сказать, что лошадь преодолевала большие расстояния по плохой дороге, из-за чего подкова ломалась, и кузнецу не нужно было разгибать гвозди. Некоторые сломанные подковы сильно изношены, что свидетельствует либо об отсутствии кузнеца в деревне, либо о дороговизне подковывания для жителей. Вероятно, лошади зачастую ходили с израненными копытами.

Всего найдено 32 подковных гвоздя, не считая тех, которые в подковах и их фрагментах. В коллекции имеются ухналы со шляпками (рис. 2, 1) или без шляпок – с расширением в верхней части стержня (рис. 2, 2). Они соответствуют подковам разного типа – для гвоздей со шляпками в подкове делалось углубление в виде желоба.

В деревне необходимо было иметь подкованных животных для перемещения грузов. Также не стоит забывать в использовании лошадей в военном деле, ведь есть архивные свидетельства гражданской войны на территории с. Рождественск, которая находится в 1,6 км от д. Постанового, о чем также свидетельствуют находки винтовки Мосина, пуль и других предметов в категории «оружие» [Смирнов, 2019, с. 78–85].

Наиболее значимым компонентом верхнего конского снаряжения как в современном, так и в древнем его варианте, являются удила. Были найдены двусоставные удила – одно целое, с равными половинками грызла (рис. 2, 3), и один фрагмент поменьше, состоящий из нецелого кольца и одного грызла (рис. 2, 4). Удила достаточно массивные.

Также в раскопе была найдена одна шпора (рис. 2, 5). Хотя шпора не играет роль в хозяйственно-бытовой детальности жителей, но упо-

Рис. 2. Предметный комплекс средств передвижения и конского снаряжения

минание её в рамках конского снаряжения вполне уместно. Шея шпоры идет вверх под углом, прежде чем выровняться, выглядя похожей на шею лебедя. Шпора может говорить о том, что кто-то из жителей деревни был военным или она была потеряна во время гражданской войны.

В хозяйстве очень сильно пригождались конские путы. Был найден один фрагмент цепи от конских пут (рис. 2, 6). Крестьяне использовали их, так как верёвки, в основном, конь очень быстро рвал или путался.

Очень важным механизмом для передвижения телеги, а именно для соединения лошади и груза, являлся вертлюг (рис. 2, 7). Также было найдено неопределённое железное приспособление, но однозначно связанное с функцией соединения лошади и телеги (рис. 2, 8).

Извозный промысел, занятия по хозяйству требовали надежных транспортных средств. Были построены телеги и сани для перевозки всевозможных грузов, которыми крестьянин пользовался почти каждый день.

От такого средства передвижения, как телега, найден железный обод колеса. Колёсные средства передвижения в крестьянском хозяйстве в XVIII–XX в. являлись наиболее распространённым. Каждый хозяин, имевший лошадь, обязательно обзаводился телегой [Хозяйство и быт русских..., 1959, с. 210]. Телеги в хозяйстве использовали как для перевозки пассажиров, так и для сельскохозяйственных работ. Однако вплоть до XVIII в. телеги использовали не так широко, как сани. Это объяснялось плохими дорогами, по которым в летнюю пору можно было проехать только на полозьях [Шангина, 2003, с. 343].

Был найден фрагмент полоза от саней (рис. 2, 9) – загнутая железная дуга с отверстием для крепления. Русские сани XVIII–XIX и начала XX вв., уже достигли большого конструктивного совершенства и типологического разнообразия в результате широкого хозяйственного и культурно-бытового их применения [Хозяйство и быт русских..., 1959, с. 204]. Так в деревне Прокино, расположенной

в 20 км от бывшей деревни Постаного бытовали «полозки» – вид саней для вывозки сена зимой [Словарь пермских говоров, 2002, с. 155]. Обычно сани использовали уже после первого снегопада, и до самого растаивания снега.

В категории «водный транспорт» найдены две лодочные заклёпки (рис. 2, 10–11). При плохих дорогах весной и в летнее время лодку использовали как для хозяйственных нужд – рыбной ловли, перевозки сена, снопов, дров, при охоте, так и для поездок на ярмарку, в гости, для катания по реке в праздничный день [Шангина, 2003, с. 291]. Лодки существенно изменили характер рыбного хозяйства, давая возможность заниматься рыболовством как вблизи, так и очень далеко от населенных пунктов. Рядом с б. д. Постаного протекает река Обва. Анализ костяного материала позволяет утверждать, что в Обве ловилась стерлядь, осётр, щука, судак, окунь, сом и лещ [Данич, 1994, с. 61]. Также был найден фрагмент уключины (рис. 2, 12).

Географ рубежа XIX–XX вв. И. Я. Кривощёков отмечает, что в земледельческие районы Соликамского уезда Пермской губернии входит Александрово-Рождественская волость, в составе которой была деревня Постаногово. Немаловажным условием находок в категории «средства передвижения» и «конское снаряжение» является полное отсутствие у населения заработка в зимнее время, в результате чего они отправлялись за 200–300 вёрст на Кизеловский, Чусовской и другие заводы Пермской, и даже Вятской губернии [Кривощёков, 1897, с. 2–4].

Хозяйственные занятия жителей занимали ведущее место в их жизни, что подтверждают находки сельскохозяйственного и скотоводческого инвентаря. Коллекция свидетельствует о направленности жителей на рыбный промысел. Вероятно, население пользовалось сетями для большей поимки рыбы. Но всё же в отдельных подсобных хозяйствах скот не был чем-то особенным. Стоит заметить, что лошадь использовали в основном только как транспортное средство, не было потребности в ней как в источнике мяса. Вероятнее всего, лошадь не была показателем высокого социального статуса своего владельца как это принято считать. Усредненное поголовье скота в Соликамском уезде на 1895 г.: лошадей по 1,5; коров по 2,5; овец по 2,3. Иван Яковлевич Кривощёков делает вывод, что скотоводство в крестьянском домохозяйстве Соликамского уезда ведётся в большинстве случаев как средство для получения навоза (удобрения): молочность и пригодность скота для убоя крайне ничтожны [Кривощёков, 1897, с. 10].

Жители использовали большие поля как угодья для заготовки сена, места выпаса скота, заготовки дикоросов, что и сейчас продолжается жителями существующего по сей день села Рождественск.

*Научный руководитель – Н. Б. Крыласова,
д-р ист. наук, профессор,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Список источников

1. К руководству. О донесениях горному департаменту о беспорядках и забастовках на заводах. О предоставлении копии отчетов предст. в гор. Департамент – в Совет съезда горнопром. юга России / ГАПО, ф.174, оп.1, д.74.
2. Похозяйственная книга № 4 основных производственных показателей хозяйства колхозников на 1949-1950-1951/ Архивный отдел администрации Карагайского муниципального округа, ф.43 о.3, д.35.
3. Кривощёков И.Я. Записка о состоянии земледелия в Соликамском уезде, Пермской губернии, составленная комиссией, избранной XXVI очередным земским Собранием. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1897. 16 с.

Список литературы

1. Данич А. В. Вооружение война и охотника по материалам Рождественского городища и могильника / XXV Урало-Поволжская Археологическая студенческая конференция. 1993 год: Тезисы докладов. Самара. 1994. С.59–61.
2. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1–36. М.; Л.: Наука, 1973. 140 с.
3. Словарь пермских говоров. Вып. 2: (О–Я) / А. Н. Борисова, О. В. Гордеева, Е. К. Мисюра, Е. А. Петухова, К. Н. Прокшева, Т. А. Сироткина, О. Е. Соловьева. Пермь: «Книжный мир», 2002. 574 с.
4. Смирнов Д.С. Предметы вооружения из д. Постаногово как свидетельство событий гражданской войны на территории Карагайского района // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета

- Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 1 (15). Пермь: ПГГПУ, 2019. С. 78–85.
5. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры / А. С. Бажкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина М: Советская Россия, 1959. 254 с.
6. Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. 688 с.
7. Шумилов Е. Н. Исчезнувшие населённые пункты Пермского края: Краткий исторический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь, 2008. 96 с.

The subject complex of vehicles and horse equipment as a reflection of the economic activity of the inhabitants of the former village of Postanogovo from the excavations of the Christmas Burial ground

D. S. Smirnov

The work will explore the space of everyday life of residents of the village of Postanogovo based on the analysis of artifacts in the group «vehicle parts», from which two categories are distinguished – «vehicles» and «horse equipment». This publication is based on materials obtained during the archaeological excavations of the Kama Archaeological and Ethnographic expedition of the PGGPU at the monument «Rozhdestvensky I, burial ground» in the Perm Region from 2010 to 2021. The collection can be interpreted as an incomplete complex: items for horse equipment (horseshoes, horseshoe nails, spur, bit, swivel, stirrup); vehicles – carts (iron wheel rim, connection parts with horse harness), boats (boat rivets, rowlock), sledges (sled runners). It should be noted that the items have no traces of changing their functionality.

Keywords: vehicles, equestrian equipment, economic activity, Christmas burial ground.

Смирнов Данил Сергеевич

бакалавр 4 года обучения

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

e-mail: pohtadanila@mail.ru

Smirnov Danil Sergeevich

bachelor of 4 years of study

Perm State Humanitarian Pedagogical University

e-mail: pohtadanila@mail.ru

УДК 903.02(235.222)

Керамический комплекс поселения Купчегень-1 (материалы раскопок 2021 г.)

В. И. Такпаева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Керамическая посуда эпохи раннего Средневековья Алтая на данный момент исследована крайне слабо из-за малой изученности поселенческих памятников. Поэтому весьма актуально изучение новых материалов из датированных поселений. Таким является поселение Купчегень-1, расположенное в Центральном Алтае и исследуемое археологической экспедицией ГАГУ. На памятнике в 2020 г. была проведена разведочные работы, позволившие датировать основной слой поселения [Константинов, 2021]. В 2021 г. на поселении были проведены раскопки широкой площадью, в ходе которых был получен большой объем

материала. Находки фрагментов керамических сосудов, найденные на поселении в ходе разведочных работ 2020 г., уже рассматривались нами [Такпаева, 2021, с. 153], в этой работе будут рассмотрены материалы раскопок 2021 г.

Поселение Купчегень-1 находится на северо-западной окраине села Купчегень Онгудайского района Республики Алтай в 860 м к северо-западу от его центра, на правом берегу р. Большой Ильгумень. Памятник расположен в ложбине, на нижней части склона горного отрога Теректинского хребта, на небольшой наклонной площадке.

Раскоп 2021 г. был заложен на размываемом участке в западной части памятника. Пло-

щадь земляных работ составила около 100 м². В ходе работ был выявлен очаг, отмечено большое скопление золы в культурном слое поселения, выявлены следы глиняного сооружения(?). Был получен большой объем остеологического материала, обнаружены железные и костяные изделия, керамические пряслица. В 2022 г. на месте размыва в северо-восточной части памятника собраны еще несколько фрагментов керамических сосудов.

Материалы раскопок 2021 г. составили 2001 фрагмент керамики, 201 (10 %) из которых орнаментирован. Количество венчиков составило 127 фрагментов, 45 из которых орнаментированы. Найдено 30 фрагментов придонных частей сосудов.

Обнаруженные в ходе раскопок фрагменты керамики преимущественно относятся к хорошо профилированным сосудам горшковидной и баночной формы. Также в керамическом комплексе представлено небольшое количество фрагментов чашевидных сосудов. Среди подъемного материала, собранного на размыве в 2022 г. найден фрагмент керамического сосуда с носиком.

Орнаментация керамики на поселении достаточно разнообразная. Украшалась, как правило, верхняя часть сосуда. На 15 фрагментах зафиксирована орнаментация по срезу венчика. Самым распространенным видом орнамента является протаскивание гребенчатым штампом и прочерчивание концом палочки. Также довольно часто встречаются наклонные вдавления пальцем и двузубчатым штампом.

Встречаются такие виды орнамента, как: протаскивание гребенчатым штампом (41 фрагмент); прочерчивание концом палочки (18); наклонные вдавления пальцем (10); двузубчатый штамп (8); прямоугольные вдавления (8); округлые вдавления (4); вдавления уголкообразной лопатки (3); вдавления раздвоенного округлого штампа (3); оттиски плоского штампа (3); ромбические вдавления, формирующие сетку (2); оттиски ткани (2); наклонные вдавления палочки (1); оттиски наклонного двузубчатого штампа (1); вдавления пальцем (1); овальные вдавления (1); защипы (1); рассеченный валик (1); валик с наклонными насечками (1); наклонные вдавления палочки (1); вдавления плоского штампа с расширяющимися краями (оттиски сломанного ребра?) (1); наклонный

оттиск угловатого штампа с расширяющимися краями (1).

Указанные виды орнамента формируют композиции в виде ряда круглых вдавлений; сетки из вдавлений ромбической формы; одного или двух рядов вдавлений двузубчатого штампа в верхней части сосуда; ряда вертикальных оттисков плоского штампа; ряда вдавлений плоского штампа с расширяющимися краями; вертикальных или горизонтальных протаскиваний гребенчатого штампа; одной или двух линий, прочерченных концом палочки; двойных или тройных линий, прочерченных концом палочки; одного или двух рядов наклонных вдавлений пальцем; пересекающихся линий, прочерченных гребенчатым штампом; ряда или двух прямоугольных вдавлений.

Некоторые аналогии купчегенской керамики можно найти в материалах средневековых слоев поселений Сары-Бел и Тьткескень-3, расположенных на Средней Катуни [Кунгуров, 1994, с. 44; Поселение Сары-Бел, 1995]. Керамика этих поселений, близкая по орнаментации к купчегенской, относится авторами раскопок к средневековой. На ней представлены такие виды орнаментации как протаскивание острого края орнамента, горизонтальные линии, ряды округлых вдавлений, насечки, защипы, гребенчатый и двузубчатый штамп, треугольники, образованные вытянутыми вдавлениями.

Найденным в ходе раскопок двум фрагментам керамики, украшенным валиками, обнаруживаются аналогии в материалах поселений Аскад-2 и Партизанская Катушка, находящихся на Средней Катуни. Эти памятники относятся к раннему железному веку [Шульга, 2015, с. 78–79].

Таким образом, рассмотренный керамический комплекс из материалов раскопок 2021 года по облику и качеству изготовления форм сосудов соответствует материалам, полученным на поселении ранее. Данный комплекс выглядит однородным, за исключением лишь некоторых фрагментов. Исходя из аналогий фрагментов керамики и датировке железных и костяных изделий, найденных на поселении, хронология комплекса укладывается в рамки раннего Средневековья.

*Научный руководитель – Н. А. Константинов,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

1. Константинов Н. А. Предметный комплекс поселения Кучегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 1. С. 19–33
2. Кунгуров А. Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескен-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
3. Поселение Сары-Бел / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, Н. Ф. Степанова, Н. Ю. Кунгурова // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. № 1 С. 6–19.
4. Такпаева В. И. Средневековая керамика поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Материалы XLI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2021. С. 153–154
5. Шульга П. И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ. 2015. 336 с.

Ceramic complex of the Kupchegen-1 settlement (materials of excavations 2021)

Такпаева В. И.

The paper presents the results of a study of a ceramic complex from the settlement of Kupchegen-1, located in the Kupchegen village, Ongudai district of the Altai Republic, as part of an archaeological expedition of the Gorno-Altai State University in 2021. A total of 2001 fragments of ceramic vessels were found, 201 (10%) of which were ornamented. The number of rims was 127 fragments, 45 of which are ornamented. On 15 fragments, ornamentation along the edge of the rim was recorded. An exceptionally beautiful type of ornament is drawn with a comb stamp and traced with the end of a stick. 30 fragments of bottom vessels were found. Most of analogues of Kupchegen's ceramics are found in the materials of the medieval layers of the settlements of Sary-Bel and Tytkesken-3.

Keywords: Altai, pottery, early Middle Age, settlement, Kupchegen-1

Такпаева Валерия Ивановна

студентка 4 года обучения

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: takpaeva1997@mail.ru

Takpaeva Valeria Ivanovna

4th year student

Gorno-Altai State University

e-mail: takpaeva1997@mail.ru

УДК 903.5(571.53)

К истории исследования погребальных комплексов эпохи средневековья в Северном Приангарье*

А. Д. Торохова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

На сегодняшний день накоплено достаточно данных о погребальных комплексах Северного Приангарья, относящихся ко времени Средневековья. Эта информация представлена в публикациях о могильниках и отдельных погребениях в крупных научных трудах, посвящённых археологическим изысканиям на указанной территории. Специальных обобщающих исследований по погребаль-

ным комплексам Северного Приангарья эпохи Средневековья нет, хотя есть отдельные могильники, описанные в научных трудах весьма досконально (к примеру, Проспихинская Шивера-IV) [Мандрыка, Сенотрусова, 2010; Сенотрусова, 2013; Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014; и др.]. В то же время, такие работы существуют для юга Средней Сибири [напр., Николаев, 2004].

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России: проект № FZZE-2020-0021

С историей исследования средневековых погребений ситуация обстоит также – авторы публикаций рассматривают её лишь в общем контексте изучения погребальных комплексов Северного Приангарья, то есть как составную часть общей истории исследования региона. Исключение составляют ряд работ П. В. Мандрыки и П. О. Сенотрусовой, где история изучения средневековых погребений представлена достаточно подробно [Сенотрусова, 2013; Мандрыка, Сенотрусова, 2018].

Данная статья является попыткой систематизировать накопленный массив научных работ по теме и представить историю исследования средневековых погребений Северного Приангарья как самостоятельный сюжет.

Точкой отсчёта изучения погребальных комплексов Северного Приангарья можно считать научную поездку Н. И. Витковского, который в 1882 г. совершил путешествие по долине р. Ангары от г. Иркутска до устья р. Тасеевой, в ходе которого посетил стоянку на р. Чадобец, где им были обнаружены остатки погребений – впервые для низовьев Ангары [Дударёк, 2010].

В 1936–1937 гг. А. П. Окладниковым на участке ангарской долины (от бывшего Братского острога до устья Ангары) было открыто и осмотрено 85 местонахождений, на ряде которых впоследствии были отмечены погребальные комплексы, отнесенные к эпохе Средневековья (ансамбль памятников Кода, стоянка Усть-Кова). Также он обследовал устье р. Карапчанки, где обнаружил могильник, содержащий погребения неолита и бронзового века [Васильевский, Бурилов, 1971].

В 1967 г. в связи с затоплением ложа водохранилища будущей Усть-Илимской ГЭС на 12-метровой террасе правого берега р. Карапчанки был выявлен многочисленный археологический материал, в том числе обломки человеческих костей. На следующий год специальным Илимским отрядом под руководством Р. С. Васильевского были проведены рекогносцировочные работы. Среди прочего были обнаружены 3 погребения, одно из которых выполнено по обряду трупосожжения, сопроводительный инвентарь которого был сильно повреждён [там же]. На основании сохранившегося инвентаря (кинжал, пласти-

ны-подвески) исследователи отнесли его к железному веку, однако данное погребение, вероятнее всего, относится к эпохе Средневековья. Плохая сохранность материала не позволяет однозначно говорить о его принадлежности.

В 1970–1990-х гг. в долине нижнего течения р. Ангары были обнаружены единичные погребения, отнесенные к периоду Средневековья, а также открыты местонахождения, на которых в будущем будут раскопаны средневековые могилы – преимущественно в ходе работ Богучанской экспедиции.

По устному сообщению Н. И. Дроздова, в 1969 г. участниками Комплексной экспедиции ИГУ был открыт ансамбль многослойных археологических памятников Шивера Проспихино. В 1974 г. Н. И. Дроздовым открыта стоянка Остров Каменный I (74 км) [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, с. 94, 419].

В 1977–1978 гг. на стоянке Чадобец были найдены два средневековых погребения, устроенных по обряду трупосожжения на стороне [Сенотрусова, 2013].

В 1974 г. В. И. Привалихиным были открыты стоянки Сергушкин-1, 3 и могильник Сергушкин-3 (в целом изучение ансамбля археологических памятников на о-ве Сергушкин началось в 1924 г. после открытия Н. М. Кюнером и В. С. Миличем стоянки Сергушкин-2). Позже, в 1980-м г. В. И. Привалихиным совместно с А. М. Пашиновым был обнаружен могильник Отико I, где в период с 1981 по 1983 гг. выявлено и исследовано 8 разновременных погребений, 2 из которых отнесены к цэпаньской культуре. Стоянка и могильник Капонир открыты им же в 1986 г. и частично исследованы в период с 1987 по 1995 гг. [Привалихин, 1993, с. 10, 13–15, 17].

В 1998 г. Нижне-Ангарским отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством Е. О. Роговского открыта стоянка Усть-Зелинда-2 [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, с. 456].

Также средневековые погребения обнаружены в 2000-х гг. на могильниках Усть-Тасеева, и в 2010 г. Скородумный Бык [Фокин, 2013; Лысенко, Гревцов, 2006].

К настоящему моменту на всех вышеперечисленных местонахождениях (или на территориях, прилегающих к ним) зафиксиро-

ваны погребения, относящиеся к раннему или развитому Средневековью. Так, на могильнике Усть-Кова с 1979 по 1988 гг. раскопано 12 погребений, относящихся к эпохе средневековья (VII–XII вв. н. э.). В 1990-м г. на площади памятника Усть-Кода в процессе разведочных работ было зафиксировано зольное пятно с вкраплениями угля и фрагментов жженой кости – в ходе дальнейших работ обнаружено погребение, отнесенное к VIII–XII вв. н. э. [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, с. 84, 193].

Стоит отметить, что подавляющее большинство средневековых погребений было обнаружено на данной территории в ходе спасательных археологических работ, приуроченных к строительству ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Часть могильников в принципе открыто именно в этот период (напр., Проспихинская Шивера-II, IV, Усть-Зелинда-2). В период с 2007 по 2012 гг. средневековые погребения были зафиксированы: на территории ансамбля Шивера Проспихино – 88 погребений; могильнике Усть-Зелинда-2 – 10; могильнике Сергушкин-3 – 10; могильнике Кода (включает в себя все погребения ансамбля) – 4 погребения; могильнике Отико I – 4;

могильнике Капонир – 2; могильнике Остров Каменный I (74 км) – одно погребение. Все они попадают в широкий хронологический диапазон VII–XIV вв.

В целом изучение погребальных комплексов эпохи Средневековья в Северном Приангарье продолжается. В 2018 г. отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводились полевые работы на стоянке Галкина-1, расположенной в Енисейском районе, недалеко от г. Лесосибирска (Красноярский край). Географически, это западная окраина Северного Приангарья. Там был выявлен могильник эпохи Средневековья, включающий в себя 15 погребений [Постнов, Басова, 2019].

Таким образом, на территории Северного Приангарья было выявлено более 100 погребений эпохи Средневековья. Их систематизация и изучение погребального инвентаря позволит получить новые данные для построения периодизационных схем в контексте изучения погребальных комплексов Северного Приангарья.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов,
преподаватель исторического факультета,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов [и др.]. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.
2. Васильевский Р. С., Бурилов В. В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск: Наука, 1971. Вып. 2. С. 202–284.
3. Дударёк С. П. История археологических погребальных комплексов Северного Приангарья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск, 2010. С. 132–133.
4. Лысенко Д. И., Гревцов Ю. А. Предварительные данные о погребальных обрядах памятника Усть-Тасеева эпохи средневековья // Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Материалы I (XLV) Российской (с международным участием) археол. и этногр. конф. студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV). Иркутск, 2005. С. 259–260.
5. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. 16. С. 550–554.
6. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурная принадлежность памятников развитого Средневековья южнотаежной зоны средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98–112.
7. Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: Усть-талкинская культура. Иркутск: Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2004. 304 с.
8. Постнов А. В., Басова Н. В. Могильник на стоянке Галкина-1 // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 455–457.
9. Сенотрусова П. О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья периода развитого Средневековья: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 190 с.

10. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Пошехонова О. Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 103–114.

11. Фокин С. М. Новые сведения о погребальной обрядности населения Нижнего Приангарья в эпоху железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2(22). С. 125–128.

On the history of the research of burial complexes of the Middle Ages in the Northern Angara region

A. D. Torokhova

This article is concentrated on the issue of scientific research of burial complexes of the Middle Ages in the Northern Angara region. It presents history of this research – from the first discoveries to the present days. This article represents discoveries from such archaeological sites as Chadobets, Ust-Koiva, Caponier, Ust-Dzelinda-2, Sergushkin-3, Ust-Taseeva, Skorodumnyy Byk, Otiko I, Ostrov Kamenny (74 km) I, Galkina-1, burial at the mouth of the Karapchanka river, the ensemble of sites of the Code and Shivera Prospikhino. The purpose of this article – to systematize the accumulated array of scientific publications on the topic and present the history of the study of medieval burials of the Northern Angara region as an independent plot.

Keywords: Middle Ages, Northern Angara region, history of this research.

Торохова Анна Дмитриевна

Магистрант 1 года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna

1st year graduate student
Irkutsk State University
e-mail: monocystal7@mail.ru

УДК 903.5(571.54/55)»653»

Погребение XII–XIV вв. в пади Ранет (Юго-Восточное Забайкалье)

З. Ч. Ухинов

Иркутский государственный университет, Иркутск
Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Иркутск

Юго-Восточное Забайкалье в период XII–XIV вв. имеет непосредственное отношение к формированию империи Чингисхана и монгольской этнокультурно-политической общности. Массовым видом археологических памятников, связанных с монгольским населением, являются погребальные комплексы. В Восточном Забайкалье археологами исследовано около 200 погребений, как одиночные, так и в составе могильников, которые можно отнести к «монгольской общности». Одиннадцать погребальных и жертвенно-поминальных конструкций было исследовано в 1979–80 гг. в районе пос. Ясногорск (устье р. Турга и р. Онон). И одно примечательное погребение раскопал яс-

ногорский краевед А. Лоскутников в 1990-е годы в могильнике в пади Ранет (Ранет-I).

Материалы. Могильник расположен в устье пади на правом борту, на южном склоне в седловине сопки. Могильник состоял из трех каменных надмогильных конструкций, расположенных цепочкой с востока на северо-запад. Погребение № 1 крайнее восточное. Каменная кладка овальной формы вытянута по линии С-Ю. Плотность камней в кладке разряженная, глубина залегания камней до 40 см в центре. На глубине 90 см были обнаружены остатки внутримогильной деревянной конструкции в виде рамы (рис. 1, А). Рама состоит из 4-х досок-стенок, без дна, прямоугольной формы размером

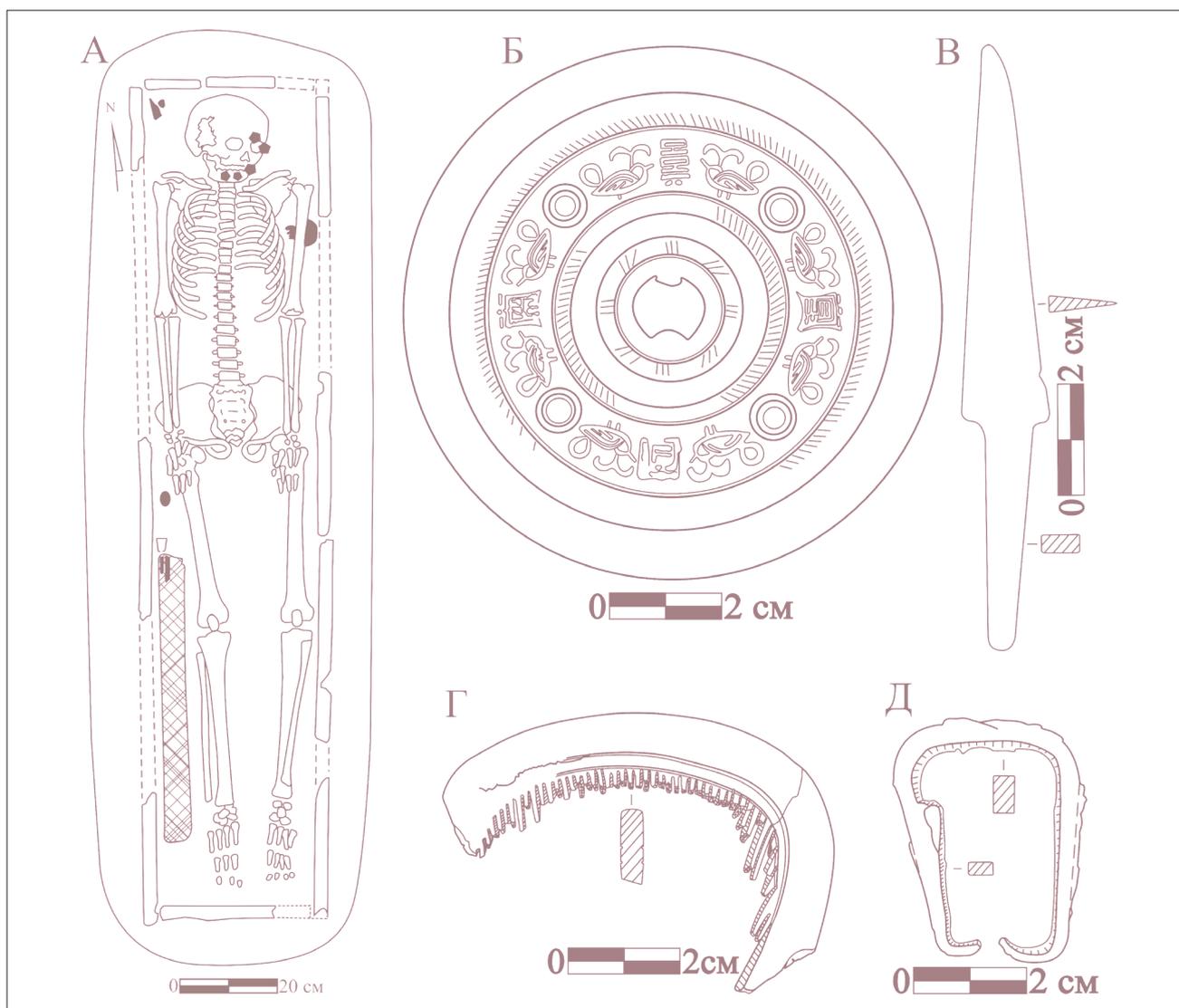

Рис. 1. А – внутримогильная конструкция, костяк человека и расположение сопроводительного инвентаря; Б – бронзовое зеркало «Цзя-Чан-Гуй-Фу»; В – железный черешковый нож; Г – деревянный гребень; Д – железная скоба

190×70 см. Рама была закрыта крышкой, сделанной из кусков бересты сшитых между собой.

Внутри рамы обнаружен костяк человека, положение вытянутое на спине, руки вдоль туловища (рис. 1, А). Справа от черепа лопатка барана. С левой стороны и на самом черепе остатки желтой материи с 6 пришитыми шестиугольными бляхами, с помощью ниток они крепились к берестяной основе вырезанной по форме бляхи. Рядом с левой плечевой костью найдены остатки кожаной сумочки, обшитой войлоком. В сумочке находились деревянный гребень (рис. 1, Г) и бронзовое зеркало (рис. 1, Б). Возле правой бедренной кости найдена железная пуговица. Ниже находились железная скоба (рис. 1, Д) и фрагменты деревянного пенала сплетенного из прутьев ивы, под пеналом железный черешковый нож (рис. 1, В).

Анализ. Внутримогильная конструкция имеет прямоугольную форму, что является единственным вариантом в Юго-Восточном Забайкалье, все остальные рамы в форме равнобокой трапеции – широкая часть в изголовье и более узкая в ногах. Так же нетипичным является перекрытие из кусков бересты, обычно перекрытие рамы состояло из 2–3 досок.

Шестиугольные бляхи и их берестяной подклад являются украшением головного убора. Аналогичные украшения из бересты ромбовидной формы обнаружены в погребениях № 34 и № 38 могильника Малая Кулинда [Ухинов, 2012, с. 465]. Пенал из ивовых прутьев не имеет аналогий и неизвестно назначение так же, как и у железной скобы.

Бараньи лопатки редко встречаются в погребениях, но несколько аналогий есть. В мо-

гильнике Окошки-I: в погр. № 10 лопатка со следами снятия мяса; погр. № 49 вертикально установленная лопатка и железный нож, за пределами колоды [Останки животных..., 2014, с. 65, 69]. Будулан, № 2 лопатка у правой голени погребенного [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 46]. Эти лопатки можно интерпретировать как пищу для покойного в загробном мире.

Интересный набор из кожаной сумочки, зеркала и гребня. Зеркало с изображением четырех пар геральдически расположенных птиц, разделенных шишечками с основаниями и стилизованными иероглифами «Цзя-Чан-Гуй-Фу». Перевод надписи «пусть в доме всегда будет богатство и знатность», зеркало является копией зеркала конца династии Западной Хань (I в. до н.э.) [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 109, рис. 102]. Аналогичные зеркала обнаружены в Малой Ку-

линде, № 27 (XII–XIV вв.) [Ковычев, 1980, с. 48] и в Окошки-I, № 5 (2 пол. XIII–1 пол. XIV в.) [Останки животных..., 2014, с. 65]. Аналогичный набор (зеркало вместе с деревянным гребнем) обнаружен в Чиндант-I, №11 [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 55]. В данном случае в повседневной жизни это зеркало применяли по прямому назначению.

Заключение. По совокупности признаков погребального обряда и аналогий в сопроводительном инвентаре данное погребение можно охарактеризовать как женское, периода XII–XIV вв., и отнести к монгольской этнокультурной общности. В погребении представлен уникальный набор сопроводительного инвентаря, часть которых имеют широкие аналогии на территории Азии древнемонгольского периода.

Список источников

Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 8018. 173 л.

Список литературы

1. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
2. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. 170 с.
3. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) / А. В. Харинский, Т. Ю. Номоконова, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.
4. Ухинов З. Ч. Береста в погребальной практике средневековых монголов Восточного Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2012. С. 464–467.

Burial XII-XIV centuries. in the valley of Ranet (South-Eastern Transbaikalia)

Z. Ch. Ukhinov

In the South-Eastern Transbaikalia in the 1990s, a Mongolian burial of the 12th-14th centuries was excavated. The burial was in the valley of Ranet. The parameters of the burial correspond to the characteristics of the Mongolian burials. Oval masonry (grave construction). Wooden coffin made of boards (intra-grave structure). The human skeleton is located on the back, orientation to the north. Funeral inventory: sheep bone (shoulder blade), leather handbag, wooden comb, bronze mirror, hexagonal plaques - headdress decoration, wicker pencil case, iron knife. In this case, a unique set of grave goods is presented, some of which have broad analogies in Asia during the period of the Mongol Empire.

Keywords: South-Eastern Transbaikalia, Yasnogorsk village, burial, ancient Mongols, bronze mirror, wooden comb.

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич

стажер-исследователь,
Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет;
научный сотрудник,
Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова
e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Ukhinov Zorikto Chimitdorzhievich

Trainee researcher,
Scientific Research Center «Baikal region»,
Irkutsk State University;
Researcher,
A. M. Sibiriyakov Museum of the History of Irkutsk
e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Мохэское жилище: проблема конструкции входа

Д. А. Шаманин

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Одним из дискуссионных моментов, касающихся конструкции жилищ мохэской археологической культуры, является вопрос расположения входа. На этот счет существуют разные мнения вход мог располагаться в одном из скатов кровли или же дымовое отверстие могло служить таковым. Большое значение в изучении вопроса имеет анализ материалов раскопок поселенческих памятников мохэской археологической культуры с привлечением этнографических данных, в основном, с территории изучаемого региона.

Однако одним из важных факторов в исследовании мохэских жилищ является тот факт, что в распоряжении у археологов имеются китайские летописные источники, в число таковых входят: «Суйшу» (VII в.) и «Вэйшу» (VI в.). Согласно первому источнику племена мохэ устраивали свои жилища следующим образом:

«Сбивают землю наподобие плотины, и в ней выдалбливают пещеры для жития. Отверстие находится сверху, а спускаются и выходят по лестнице».

Во втором же источнике приведено отличающееся некоторым деталями описание домостроительной техники мохэсцев:

«Земля влажная, город построен в полуземлянках, дом имеет форму кургана, отверстие находится наверху, а для входа и выхода используются лестницы.» [Бичурин, 1950, с. 92]. Археологи по-разному интерпретируют данные этих источников.

Е. И. Деревянко считает, что вход и выход осуществлялся через дымовое отверстие посредством столба с зарубками, вкопанного неподалеку от очага и, соответственно, центра жилища. Подобная конструкция являлась зимним вариантом входа, летом же мохэцы либо переселялись в летние наземные жилища, либо же пользовались летним входом,

располагавшимся в стенке полуземлянки, что было также зафиксировано в нанайских полуземлянках. Более того, Е. И. Деревянко также подтверждает подобное расположение входа этнографическими данными о жилищах нивхов, коряков, чукчей [Деревянко, 1975, с. 161].

Существует иная точка зрения на данную проблему, заключается она в том, что вход располагался в одном из скатов кровли жилища. Это согласуется со сведениями летописей, поскольку вход мог находиться на высоте 50 см над уровнем древней дневной поверхности, а верхняя рама подобной конструкции предположительно была на высоте 140 см над уровнем пола жилища, как это было зафиксировано в жилище Туньжэнь F3, изученном в ходе раскопок памятника Туньжэнь (КНР, правобережье р. Амур) – найфельдская группа археологической культуры мохэ – VI–IX вв. Более того, Фэн Эньсюэ считает, что осуществление входа через дымовое отверстие и наличие столба с зарубками представляются непрактичными (опасность возгорания, угарные газы и т.д.) [Фэн Эньсюэ, 2007, с. 1, 10].

По-иному на данную проблему позволяют взглянуть результаты раскопок на Усть-Чёрнинском городище, где было изучено несколько жилищ и одна хозяйственная постройка. Этот памятник входит в состав Шилкинской системы городищ, датируемой исследователями концом I – нач. II тыс. н. э. и фиксирующей западную границу проникновения сумо мохэ (троицкая группа археологической культуры мохэ Западного Приамурья (втор. пол. VII–XI вв.) на территорию монголоязычных шивэй.

Жилища Усть-Чёрнинского городища – это полуподземные (глубиной до 60 см, площадью ок. 30 м²) постройки каркасно-столбовой конструкции, представляющей собой четыре вертикальных опорных столба, которые удерживают

живают верхнее перекрытие, кровлю (диагонально расположенные следи) и несколько дополнительных стоек, которые стояли на уровне пола жилища. Обустройство стенок котлована – обвязка из жердей, примыкавшая вплотную к стенкам. Внешнее и внутреннее устройство данных жилищ можно назвать традиционным для памятников раннего железного века – Средневековья Среднего Приамурья [Ахметов, Алкин, 2018, с. 205].

В результате раскопок жилищ на Усть-Чёрнинском городище были выявлены некоторые особенности, которые можно связать с расположением входа в данные жилища. Например, в жилище, которому соответствует западина №76, нары были расположены лишь с трех сторон (северной, восточной и западной), с четвертой (южной) мог располагаться вход. Подобные же черты обнаруживают остатки остальных жилищ. Кроме этого, благодаря жилищу, изученному в западине 2, можно добавить некоторые признаки расположения входа. Именно с южной стороны жилища было найдено наименьшее количество фрагментов перекрытий, сохранность которых была плохой относительно фрагментов, зафиксированных с других сторон. Также, у центральной части южной стенки был обнаружен плоский камень, который можно интерпретировать как приступочный камень на входе. Исследователями было высказано предположение о наличии навеса над входом в жилище, поскольку за пределами котлована были зафиксированы несколько столбовых ямок [Ахметов, Алкин, 2018, с. 206].

Благодаря сравнению различных точек зрения на данную проблему и анализу материалов раскопок мохэских жилищ можно выделить некоторые признаки, позволяющие определить расположение входа и его конструкцию:

1) в упомянутых выше жилищах наличие входа со стороны одного из скатов кровли, могло указывать меньшее количество остатков деревянных перекрытий и нар, чем с других сторон. Так, на Усть-Чернинском городище подобное расположение зафиксировано на жилищах №2, 61, 62, 65, 66, чаще всего с южной стороны (юго-запад), жилища Туньжэнь F2 и

F3 – с юго-восточной. Вход был направлен в сторону реки;

2) по центру южной стенки жилища № 2 была найдена каменная плита, которую можно интерпретировать как приступочный камень. Подобные находки фиксировались и в других жилищах;

3) еще одним признаком может быть наличие столбовых ямок как от «дверной» рамы внутри котлована, так и от столбиков навеса снаружи. Первое соответственно зафиксировано на жилище Туньжэнь F3, второе – на Усть-Чёрнинском городище при раскопках западины № 2 и, предположительно, жилища Туньжэнь F2.

Расположение входа со стороны одного из скатов кровли было подтверждено в результате проведения в июле 2013 г. группой исследователей реконструкции-имитации полуземлянки усеченно-конического каркаса. В основу эксперимента легли материалы раскопок жилища 5 Михайловского городища V–VII вв. на р. Завитой, конструкция которого соответствует домостроительной традиции носителей михайловской культуры – монголоязычных бэй шивэй. Исследователями был сделан следующий вывод касательно расположения входа: оно связано с той стороной, где бревна рамы-основы расположены ниже, чем по периметру всей конструкции [Реконструкция-имитация..., 2014, с. 66, 75].

Таким образом, в некоторых случаях в ходе проведения раскопочных работ удается фиксировать не только расположение входа, но и его конструкцию. Она могла быть представлена как «дверной» рамой с приставленной к стенке небольшой лестницей, так и тамбуром или навесом, что можно определить, исследовав предвходовое пространство. Можно предположить, что входы жилищ, исследованных в ходе раскопок на Усть-Чёрнинском городище, представлены обоими видами конструкций: навес – жилище №2, «дверная» рама – возможно, жилища №61, 62, 65, 66 и 76.

Научный руководитель – С. В. Алкин,

канд. ист. наук,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

1. Ахметов В. В., Алкин С. В. Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинской системе городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 205–208.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л.: 1950. 334 с.
3. Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 250 с.
4. Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье / С. П. Нестеров, В. П. Мыльников, Д. П. Волков, Б. В. Наумченко // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 64–76.
5. Фэн Эньсюэ. Хэйлунцзян чжуню янань дицюй дэ мохэ фанью [黑龙江中游沿岸地区的鞑鞑房屋]. Жилища мохэ вдоль среднего течения реки Хэйлунцзян // Бяньцзян каогу яньцзю. Вып. 6. 2007. С. 274–289 (на кит. яз.)

Mohe dwelling: the problem of the entrance design

D. A. Shamanin

This work is devoted to the issue of the location of the entrance and its design features in the dwellings of Mohe. The Chinese chronicles give very vague information about this, because of this there are many different interpretations. Archaeologists have several different points of view: the entrance through the smoke hole or the entrance from one of the roof slopes. However, the materials of the excavations of dwellings on the Ust-Cherninsky settlement allow us to deduce a different version of the design. Due to the comparison of different points of view, the attraction of new archaeological data and ethnography, it becomes possible to highlight some features that allow us to identify the location and design of the entrance.

Keywords: Mohe Archaeological Culture, Ust-Cherninsky fortification, dwellings, entrance structure

Шаманин Даниил Андреевич

бакалавр 3 года обучения

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: d.shamanin@g.nsu.ru

Shamanin Daniil Andreevich

3st year bachelor

Novosibirsk National Research State University,
e-mail: d.shamanin@g.nsu.ru

УДК 903.57

Монашеское захоронение на кладбище Ново-Тихвинского монастыря

Е. А. Яковлева

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Со времени основания г. Екатеринбург считался стратегически значимым городом: центром горнозаводской промышленности, региональной торговли и духовным центром, что подтверждается концентрацией крупных и значимых монастырей на Среднем Урале. Одним из них являлся Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь (учреждён в 1810 г.). Высокий статус объекту придавал сформировавшийся около него элитный некрополь, где упокоились именитые жители г. Екатеринбурга.

В 2003–2004 гг. раскопки на территории кладбища проводились С. Н. Погореловым, изложившим краткие описания найденному материалу в отчете. Среди прочих монашеских захоронений наше внимание привлекло погребение № 98, в котором более полно представлены этапы монашеского захоронения [Погорелов, 2004, с. 43–44] (см. таблицу).

В могиле присутствует сопроводительный материал, характерный для монастырского кладбища, а также уникальные элементы, отраженные в облачении покойного.

**Модель отражения «монашеского чина погребения» XIX – начала XX вв.
на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря (по археологическим данным)**

Обрядовые действия Официальный канон и предписания	Возможное материальное отражение в археологическом источнике
<p>1 этап. Приготовление к смерти Исповедь Причащение Прощание братии с умирающим Соборование Елеосвящение*</p>	<p>*Из 47 обнаруженных стеклянных емкостей для елеосвящения, 10 находок относится к монашеским погребениям.</p>
<p>2 этап. Посмертное обращение Чтение Псалтыри Панихида (может совершаться несколько) Литии (может совершаться несколько) Омовение не полагается, так как монаха не положено видеть нагим. Монаха полагается обтирать губкой, смоченной теплой водой, крестообразными движениями на груди, руках, ногах, коленях. Одевание в новую чистую ризу, так, чтобы наготы видно не было, затем на усопшего возлагается куколь так, чтобы не было видно лица (лицо мужчины следует покрывать до бороды) *. Также облагают на него аналав, соответствующий чину и палий, усмяный (кожаный) пояс, обувает в новые сандалии или тапочки. Монахи малой схимы могут быть укутаны во власяницу и рясу, в камилавке на голове **. Затем монаха оборачивают в мантию, совершая перекрестия на головы, груди и в коленях, завязывая концы у ступней **.</p>	<p>*Головной убор может быть представлен скуфьей с меховой опушкой и наметкой, накинутой на лицо, что характерно для кладбища Ново-Тихвинского монастыря или клобуком с наметкой, накинутой на лицо. **Тело погребенного укутано в мантию с ткаными перекрестиями в области головы, груди и коленях с узлом в районе ступней. Поверх надевается епитрахиль для священствующих монахов или схимонашеская наметка. Поверх кладутся покрывала. Лицо закрыто большим покрывцом, воздухом. К монаху кладут икону Богоматери или Спасителя. На груди священствующего монаха может помещаться наперсный крест.</p>
<p>3 этап. Погребение На протяжении погребения совершаются Литии или Панихиды. Мощи выносят из келии, относят в церковь. Затем ложе с мощами переносят в усыпальницу, келью и полагают в гроб, священник трижды крестообразно окропляет гроб, затем вливает елей. Возможно положение венчика на лоб, но канонем не регламентировано *. Заупокойная лития</p>	<p>*Из 36 погребений, в которых были обнаружены остатки венчика, 7 определены как монашеские.</p>
<p>4 этап. Поминовение 3 день, 9 день, 40 день, 1 год</p>	

В раскопанном объекте сохранился фрагмент черепа с остатками волосяного покрова, на котором «зафиксировано очелье» [Погорелов, 2004, с. 43]. Данный элемент правильно определять как «венчик» – лента с изображением Иисуса Христа, Богоматери и Предтечи с надписью «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас» (табл. 1). По существу, этот символ означал надежду верующих в получении венца по милосердию Троицаго Бога и ходатайству Богоматери и Предтечи [Булгаков, 1993, с. 1289]. Венчики продавались в церквях и имели строго фиксированную стоимость: раскрашенный венчик торговался за 2 коп., раззолоченный низшего сорта – 5 коп., высшего сорта – 15 коп., противоатласный – 50 коп., атласный – 1 руб. (указ Священного Синода от 17 апреля 1871 г.) [Булгаков, 1993, с. 1290].

В юго-западном углу гроба обнаружена бутылочка. С.Н. Погорелов заключает, что в этой емкости находилось елейное масло для елеосвящения [Погорелов, 2004, с. 43–44] (табл. 1). При соборовании (елеосвящении) масло разводилось с небольшим количеством вина и наносилось на больного или умирающего человека в небольшом количестве, поэтому остатки могли быть перелиты в приемлемую емкость (в том числе, например, в маленькие бутылочки из-под вина) и остаться у больного, после его кончины остатки масла выливались в гроб и на усопшего [Булгаков, 1993, с. 1275–1277]. Помещение емкости внутри гроба не регламентировалось церковными правилами. Вероятнее всего, это действие было вызвано отношением к этому предмету как к религиозно значимому: емкость нельзя было просто

выбросить, её надлежало хранить, либо отдать в церковь или в монастырь.

«Меховая опушка головного убора», [Погорелов, 2004, с. 43–44] сохранившаяся на черепе или скуфья представляет повседневный головной убор монахов и духовенства. Скорее всего, они производились в Ново-Тихвинском монастыре сестрами. Ещё игуменьей Таисией (настоятельница в период 1810–1826 гг.) в обитель были введены мастерские рукоделия, в том числе пряжа шерсти, шитье по бархату и другим материям шелками, золотом и серебром, шитье плащаниц, хоругвей, покровцев на потиры и диски и всякой церковной и ризничной утвари и прочих изделий, в том числе и по заказу частных лиц [Иконников, 1875, с. 14].

Не менее интересными предоставляются уникальные фрагменты одеяния усопшего из погребения № 98.

Лицо погребенного закрыто двумя покрывалами, поверх лежит «ритуальная лента» и тканевый крест [Погорелов, 2004, с. 43–44]. Первое покрывало скорее всего является воздухом – покрывалом из алтаря, которым по обычаю накрывают лицо в знак уважения [Булгаков, 1993, с. 1290]. После отречения и облачения монаха в новые одежды, если он был схимником, его покрывают куколью – верхней одеждой [Мансветов, 1884, с. 170], (см. табл.).

Наличие второго покрывала вызывает вопросы, оно имело остатки нанесенного рисунка. Это мог быть параман (аналав) – принадлежность монахов малой схимы [Мансветов, 1884, с. 171]. Он может представлять собой квадратный плат, изображающий крест на Голгофе, либо как тканевый крест, который тоже зафиксирован в погребении. Второе покрывало также может быть схимонашеской наметкой – шлейфная часть клобука (головной убор), укрывавшего лицо усопшего (см. табл.). Относительно погребальной ленты интерпретации могут быть различными, к сожалению, в копии отчета отсутствуют фотографии, что

мешает атрибуции сопроводительного инвентаря.

Не менее интересны и другие детали облачения: «Тело погребенного было обернуто лентами сине-зеленого цвета с вышивкой. Ленты зафиксированы на плечах, перехлесты на тазе, коленях, у ступней завязаны на бант» [Погорелов, 2004, с. 44]. Скорее всего, этот элемент относится к традиционному монашескому погребению: «Если скончавшийся монах, то после крестообразного отречения тела, его одевают в одежды, приличные его образу, и сверх их зашивают в мантию, которая и бывает ему как бы гробом; над мантией делают из того же облачения три креста ради Христа, которого крест он нес в своем образе, и сверх всего полагают икону Того, Которого он возлюбил, то есть Христа» [Булгаков, 1993, с. 1292]. Изложенное позволяет сделать вывод, что по расположению сопроводительного инвентаря и прослеженным деталям одежды погребенного захоронение № 98 соответствовало общим положениям монастырских уставов. Мы склонны разделять вывод С. Н. Погорелова о монашеской принадлежности усопшего, однако установить его имя пока не представляется возможным.

Изучение инвентаря погребений является важной частью изучения некрополей, а также служит ценным источником по изучению жизни Ново-Тихвинского женского монастыря, так как многие письменные источники из архива обители были сожжены, а многие данные просто утеряны. Таким образом, детальное рассмотрение элементов погребения позволит приблизиться к реконструкции погребального обряда священнослужителей и, отчасти, к деталям быта в Екатеринбургской обители.

*Научный руководитель – С. Ф. Кокшаров,
д-р. ист. наук, заведующий кафедрой
археологии и этнологии,*

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Список источников

Погорелов С. Н. Отчет об археологических исследованиях кладбища Екатеринбургского Горно-Уральского Ново-Тихвинского женского монастыря (участок внутримонашеского кладбища 19 века). Т. 6. 2004 // Архив Екатеринбургского Горно-Уральского Ново-Тихвинского женского монастыря. 65 с.

Список литературы

1. Булгаков С. В. Елеосвящение // Настольная книга для священно-церковно-служителей. В 2 ч. Ч.2. М.: ИО Московского Патриархата, 1993. С. 1273–1288.
2. Булгаков С. В. Приготовление усопшего к погребению // Настольная книга для священно-церковно-служителей. В 2 ч. Ч.2. М.: ИО Московского Патриархата, 1993. С. 1289–1295.
3. Иконников В. С. Историческое описание Екатеринбургского Ново-тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб.: типо-лит. Д. А. Лифшица, 1875. 119 с.
4. Мансветов И. Студийский монастырь и его церковно-служебные порядки // Прибавления к Творениям св. Отцов. Книга 3. Часть 34. М.: 1884. С. 145–221.

Monastic burial in the Novo-Tikhvinsky convent cemetery

E. A. Yakovleva

The article is devoted to the interpretation of archaeological material from the elite necropolis in the Novo-Tikhvinsky women's monastery. Information is considered on the example of a monastic burial. Based on the data obtained, mass and unique elements of the grave goods and attire of the deceased were considered. The conducted research will allow reconstructing the monastic funeral rite in the city of Yekaterinburg and the details of life in the monastery.

Keywords: Yekaterinburg, urban archeology, church archeology, monastic burials, Novo-Tikhvinsky convent.

Яковлева Евфимия Алексеевна

Бакалавр 4 года обучения

Уральский федеральный университета

e-mail: yakovleva-evfimiya@mail.ru

Yakovleva Evfimiya Alekseevna

4th years bachelor

Ural State University

e-mail:yakovleva-evfimiya@mail.ru

УДК 903'1(571.513)

Пищевые растения в системе питания качинцев

К. С. Бурашникова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Вопрос питания является важнейшим для характеристики быта и культуры качинцев. Органические остатки пищи редко сохраняются в процессе археологизации, поэтому большое значение получают исторические и этнографические источники. Наиболее информативным является труд Петра Симона Палласа «Путешествие по разным местам государства Российского», в котором он осветил традиции и хозяйственный уклад качинцев, как наиболее крупной этнокультурной группы. В связи с этим хронологическим периодом данной статьи является XVIII век – время путешествия П. С. Палласа и написания им его работы.

Население Хакасско-Минусинской котловины уже в период раннего железного века занималось комплексным хозяйством [Савинов, Длужневская, 2008, с. 50]. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, занимались земледелием, собирали дикорастущие растения, ягоды, полезные травы, ловили рыбу, охотились. Такое множество занятий обеспечивало разнообразное питание, однако, поскольку качинцы – это преимущественно скотоводы, то основу их рациона составляла мясная и молочная пища. Вместе с тем значительную долю составляют продукты растительного происхождения, без которых трудно представить систему питания любого народа, поскольку она является основным источником витаминов и необходимых микроэлементов. В связи с этим важно проследить долю растительной пищи в системе питания народов, основой хозяйствования которых не является земледелие.

Населению Хакасско-Минусинской котловины земледелие было известно уже во время существования тагарской культуры. Существует гипотеза о том, что представители дан-

ной археологической культуры занимались примитивным земледелием. Найдены обломки каменных зернотерок и ручные жернова, в большом количестве бронзовые серпы. Но нет абсолютной уверенности, что этими орудиями труда обрабатывали одомашненные культуры, а не дикорастущие. В нескольких могилах найдены зерна и чешуйки проса и ячменя. Были обнаружены остатки «пашни» тагарского времени, которые имели вид отдельных грядок. Существует даже предположение, что тагарские племена применяли искусственное орошение полей [История Сибири..., 2019, с. 213]. Но, по всей вероятности, древние «каналы» служили для водопоя скота и полива лугов, особенно в засушливые годы. Вместе с тем, даже такие малочисленные свидетельства говорят о том, что население Хакасско-Минусинской котловины уже в древности могло знать о земледелии, потреблять его продукты, собирать дикорастущие виды.

В России сведения о питании качинцев становятся известными благодаря Сибирским экспедициям Петра Симона Палласа. Описывая в своем произведении «Путешествие по разным местам государства Российского» быт, обычаи и традиции, П. С. Паллас рассказывал и о пище качинцев [Паллас, 1786, с. 461–476]. Его сведения особенно ценны для нашей работы потому, что, рассказывая о тех или иных растениях, употребляемых в пищу, П. С. Паллас, как естествоиспытатель, давал их краткие ботанические характеристики (название вида на латинском языке, места произрастания) [Там же, с. 464].

О питании качинцев Паллас писал так: «Их обыкновенная и любезнейшая пища... есть, во-первых, мясо, горох или ржаная каша

из муки, на сковороде изжаренная». Также в пищу употреблялась медвежья трава (черемша), которую ели свежей, добавляли в суп, зашивали как приправу [Там же, с. 463].

Другими наиболее распространенными дикорастущими растениями, которые употреблялись в пищу были сарана и кандык (собачий зуб), дикий пион [Там же, с. 462]. Их пекли в золе, заправляли в суп вместо крупы, варили в молоке. На зиму сушили, заготавливали впрок [Патачаков, 1958, с. 65]. Любимейшим блюдом из кандыка является «хандых потхы». Его готовили таким образом: сушеный кандык мололи на ручной мельнице или толкли в ступе. Полученную муку засыпали в кипящую на огне сметану и мешали до готовности.

Сарану использовали для блюда «сип потхы». Сушеные корни разминали на каменной терке. Затем, как только в казане закипало молоко или масло, туда насыпали молотую сарану. Получалась вкусная каша «сип потхы». Из ее муки пекли даже хлеб.

Из сушеного кандыка и сараны делали комбинированный продукт «угба» (хандых угбазы). Сушеные корни сначала крупно мололи на ручной мельнице. Полученную крупу смешивали с ячменной крупой и сырцами «пичирё». Полуфабрикат «угба» засыпали в закрома амбара или хранили в специальных кожаных сундуках «сирхап», или в кожаных мешках «тöцөрчик». Обычно «угба» служила для приготовления супов «угба үгре». Но иногда из нее варили кашу на молоке «угба потхы»,

Употреблялись корни диких пионов – «сиңне». Их сушили, мололи и добавляли в суп в качестве приправы либо пекли лепешки. [Бутанаев, 1994, с. 19–20]. Из зерна кендыра (дикой конопли) делали лакомство для детей – зерно обжаривали и катали из него шарики [Патачаков, 1958, с. 66].

Наиболее распространенным зерном был ячмень. Его зерна обжаривали на сковороде, мололи, таким образом готовили самое популярное блюдо качинцев – талган. Его нужно было разбавлять водой, чаем, молоком, сметаной, айраном, топленным маслом или жиром. Такое блюдо было удобно брать с собой в дорогу, поэтому особенной популярностью оно пользовалось среди чабанов, охотников, путников [Кустова, 2020, с. 75].

Помимо ячменя качинцы сеяли ярицу, рожь и пшеницу. Зерно размалывали в муку и стряпали пресные лепешки «көптүргес». Их иногда начиняли рубленным мясом, салом. Готовили кашу из кырлыка (дикой гречихи). Были распространены разнообразные блюда из кедрового ореха «хузух», из него готовили кашу «изире потхы», которой кормили отощавших охотников [Бутанаев, 1994, с. 22–23].

Хотя грибы и не относятся к царству растений, однако их тоже стоит отметить поскольку они являются важным дополнением к повседневному рациону. Съедобными грибами качинцы считали только грузди «хазың мискези». Их варили, а затем обжаривали в сметане [Там же, с. 22].

Значительную часть растительной пищи качинцев различные виды дикорастущих ягод: брусника (тиин хады или нир), черника (ноньных, көк нир), земляника (чир чистегі), малина (ағас чистегі), смородина (харахат), красная смородина (хызылхат), костяника (көзирхат, хусхачах чистегі), черемух (нымырт), боярка (тоо). Ягоды ели в свежем виде, клали в молоко или сметану. Черемуху и боярышник сушили, перемалывали, затем заваривали кипятком или разбавляли сметаной, молоком и в качестве десерта подавали к чаю. Из черемухи готовили «торт-хан нымырт» – мороженая черемуха. Ягоду заливали топленным маслом и ставили в прохладное место до застывания [Патачаков, 1958, с. 66].

Также стоит отметить еще одну область применения растений – медицину, поскольку раньше именно они были основным сырьем для приготовления лекарств. П.С. Паллас писал о том, что качинцы заготавливали панцерину шерстистую в качестве лекарства из-за ее благовонного запаха [Паллас, 1786, с. 473].

Таким образом, растительная пища занимала значительное место в ежедневном рационе населения Хакасско-Минусинской котловины. Качинцы старались максимально полно использовать природные ресурсы родного края: они сами выращивали некоторые зерновые культуры, собирали дикорастущие корни и травы, ягоды и грибы. Знали и о лечебных свойствах растений.

Научный руководитель – О. А. Митько

канд. ист. наук, доцент,

Новосибирский государственный университет

Список литературы

1. Бутанаев В. Я. Хоорай ас-тамахтары. Абакан: Изд-во «Хакасия», 1994. 40 с.
2. История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье. Новосибирск: Изд-во ИЭАТ СО РАН, 2019. 643 с.
3. Кустова Ю. Г. Углеводная пища в традиционном питании хакасов // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 74–78.
4. Паллас П. С. Путешествие по разным местам государства Российского. СПб: издано при Императорской Академии наук, 1786. 575 с.
5. Патачков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. 121 с.
6. Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб, 2008. 170 с.

Food plants in the Khakas nutrition system

K. S. Burashnikova

Animal products are the basis of nutrition of the population of the Khakass-Minusinsk basin. At the same time, plant foods play an important role in their diet. Significant information about the Khakass nutrition system was presented by Peter Simon Pallas in his «Journey to different places of the Russian state», in particular, he wrote that the Khakas often ate candyk, ramson, liliun martagon, paeonia anomala, cannabis ruderalis grains. They also grew wheat, rye, barley, cooked various porridges and tortillas from them. The most popular dish, talgan, was prepared from barley. The source of vitamins were wild berries: cranberries, blueberries, strawberries, raspberries, currants, boneberries and wild cherry. Khakass also collected mushrooms, there was a pine nut picking. Panzerina was used as a medicinal plant.

Keywords: Khakassia, nutrition system, plant food.

Бурашникова Ксения Сергеевна

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: k.burashnikova@g.nsu.ru

Burashnikova Ksenia Sergeevna

Student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: k.burashnikova@g.nsu.ru

УДК 069.4(571.5)

Деятельность музеев Восточной Сибири в области сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов (1990-2000-е гг.)

С. Е. Кочергин

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Одной из актуальных проблем является сохранение историко-культурного наследия коренных малочисленных народов, на быт и традиционный образ жизни которых с каждым годом все большее влияние оказывают негативные последствия глобализации, социально-экономические факторы, а также другие негативные тенденции. Из-за этого постепенно происходит утрата их уникальности, самобытности. В субъектах Российской Федерации, расположенных на

территории Восточной Сибири, а именно в республиках Бурятия, Тыва, Якутии, в Забайкальском крае, Иркутской и Красноярской областях проживает большое количество коренных малочисленных народов: долганы, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, сойоты, тофалары (тофа), тувинцы-тоджинцы, чукчи, чулымцы, эвенки, эвены (ламуты), энцы, юкагиры.

В Российской Федерации в последние годы наблюдается тенденция увеличения интереса

к культуре коренных малочисленных народов, проводятся различные форумы, конференции и заседания. Активно поднимается эта проблема и на государственном уровне. Так в Указе «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России», который подписал Президент страны Владимир Владимирович Путин, говорится о том, что 2022 г. объявлен Годом культурного наследия народов России [Указ Президента Российской ...].

Музеи Сибири играют большую роль в этой сфере, так во второй половине XX в. начинается активное создание экспозиций, посвященных культуре и быту коренных малочисленных народов, в 1968 г. был открыт музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока в г. Новосибирске, в 1973 г. в г. Улан-Удэ этнографический музей под открытым небом народов Забайкалья, в 1980-е гг. появился музей народов Севера Бурятии, в конце 1980-х гг. в Новосибирском государственном педагогическом университете создан зал этнографии.

Формирование новых музеев и экспозиций этнографической направленности не прекратилось и в 1990-е гг. Как пишет Т. П. Урожаева: «ознаменовался резким спадом посещаемости, административным переподчинением ряда музеев, пересмотром принципов построения экспозиций» [Урожаева, 2018, с. 94–98].

В 1994 г. архитектурно-этнографический музей «Тальцы», ставший в этом же году самостоятельным учреждением, начал создание эвенкийской экспозиции, в настоящий момент эвенкийская историко-культурная зона включает в себя зимнее стойбище и захоронения, в 2006 г. в музее приступили к строительству тофаларской экспозиции, которая включает в себя зимнее и летнее стойбища.

К сожалению, в настоящее время, кроме постоянной экспозиции «Этнография народов Восточной Сибири. Буряты, эвенки, тофалары» в отделе истории Иркутского областного краеведческого музея им. Н. Н. Муравьева-Амурского и вышеупомянутых экспозиций архитектурно-этнографического музея «Тальцы», на территории г. Иркутска и Иркутского района отсутствуют музейные учреждения, в которых бы широко раскрывалась тема коренных малочисленных народов региона (эвенки, тофалары).

По-другому ситуация обстоит в Нижнеудинском районе, который расположен на западе Иркутской области, там находится Нижнеудинский Музейно-Культурный Центр, открытый в 1972 г. как краеведческий музей. Учреждение располагает богатой коллекцией материальной и духовной культуры тофаларов, в настоящее время действует экспозиция «Этнография Тофаларии». Большое развитие музей получил в 1990-е гг. с внушительным притоком предметов в его фонд. Так, музеем на безвозмездной основе была получена частная, этнографическая по содержанию, коллекция М. И. Пугачева, представляющая культуру малой народности тофа [Коллекции].

В 2000-х гг. по инициативе сойотов (коренной малочисленный народ) была предложена идея создания сойотского комплекса в Этнографическом музее народов Забайкалья, в 2007 г. сотрудниками музея организована экспедиция в с. Орлик Окинского района для решения вопросов по будущей выставке «Сойоты», также были собраны различные материалы о культуре и быте этого народа. В настоящее время сойотский комплекс включает в себя множество экспонатов, среди которых традиционные жилища, предметы, связанные с рыболовством, охотой, бытом и хозяйственной деятельностью [Аюшеева, 2019, с. 98–101].

Особую роль в сохранении историко-культурного наследия коренных малочисленных народов в 2000-х гг. сыграл Красноярский краевой краеведческий музей. Учреждение занималось активной научно-исследовательской работой, так по его инициативе в 2004 г. состоялась международно-практическая конференция «Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее», посвященная 100-летию со дня рождения ученого-этнографа Б. О. Долгих, 70-летию Красноярского края и Международному десятилетию коренных народов мира. По материалам конференции был выпущен сборник в 2-х частях, включающий в себя большое количество исследований, посвященных проблемам коренных народов азиатской части России [Этносы Сибири, 2004]. Помимо этого, в 2008 г. по материалам Красноярского краевого краеведческого музея был выпущен фотоальбом, посвященный повседневной жизни коренных малочисленных народов под названием «Этносы Енисейского меридиана».

В с. Оленек Оленёкского улуса Республики Саха расположен Оленекский историко-этнографический музей народов Севера, который был открыт в 1988 г. Основой музейного фонда являются предметы этнографической направленности, которые демонстрируют богатую культуру коренного населения Якутии, особое внимание уделяется оленекским эвенкам. С момента своего открытия, музей активно проводит работу в сфере сохранения, популяризации и актуализации культуры малочисленных народов, так в 1989 г. музей принял участие во Всесоюзном фестивале молодежи коренных малочисленных народов Севера, который проходил в г. Якутске, с 2002 по 2014 гг. музей проводил этнографические экспедиции в бассейнах р. Оленек и его притока Арга – Сала [История. Оленёкский...].

Итогом деятельности Российской Федерации за почти двадцатилетний период (1990–2000-е гг.) в сфере защиты прав коренных малочисленных народов стала Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, которая была утверждена в 2009 г. Обозначенный временной отрезок стал новым этапом в развитии сферы сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Музеи, основной задачей которых в XX в. была агитационно-массовая и идеологическая работа, после распада Советского Союза вынуждены были перестроиться на новые формы работы. Ввиду того, что культурные потребности общества кардинально изменились, экспозиции должны были соответствовать веяниям тех лет, отражать тенденции характерные для того времени, среди которых была и проблема самоопределения в среде автохтонных народов. Как показал проведенный анализ, музеи на территории Восточной Сибири в 1990–2000-е гг. активно вели работу по созданию экспозиций, организовывали конференции, выпускали иллюстративный материал, проводили экспедиции и т.д., тем самым внося большой вклад в сохранение, популяризацию и актуализацию историко-культурного наследия коренных малочисленных народов. В настоящее время музеям важно расширять межрегиональные и международные связи в этой сфере, делиться опытом экспедиционной деятельности, построения экспозиций, проведения тематических выставок и т. д.

*Научный руководитель – Е. В. Саяпарова
канд. ист. наук, доцент,
кафедра политологии, истории и регионоведения,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Аюшеева Н. Г. Предметы материальной культуры сойотов в фондах и экспозиции этнографического музея народов Забайкалья // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2019. С. 98–101. DOI 10.31443/978-5-89610-290-8-2019-98-101.
2. Коллекции. Нижнеудинский Музейно-Культурный Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://nudinsk-museum.ru/kollektsii/> (дата обращения: 19.06.2022).
3. История. Оленёкский историко-этнографический музей народов Севера [Электронный ресурс]. URL: <http://olenekmuseum.ucoz.com/index/0-2> (дата обращения: 26.06.2022).
4. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» от 30.12.2021 № 745 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (дата обращения: 20.06.2022).
5. Урожаева Т. П. Музеи Иркутской области во второй половине 1990-х гг.: достижения и проблемы развития // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Бийск, 2018. С. 94–98.
6. Этносы Сибири: Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. 421 с.

Activity of museums of Eastern Siberia in the field of preservation of historical and cultural heritage of indigenous peoples (1990-2000)

S. E. Kochergin

The article is devoted to the current problem of preserving the historical and cultural heritage of indigenous minorities, which is given great attention both in the scientific community and at the state level.

The main content of the study is an analysis of the activities of museums in Eastern Siberia in the field of preserving the historical and cultural heritage of indigenous peoples, in particular, the creation of expositions, exhibitions, conferences, and the production of illustrated material is considered.

It is noted that museums are being transformed according to new historical conditions and are being rebuilt to new forms of work. It is concluded that the museums of Eastern Siberia conducted active research and expedition activities during the period under review.

Keywords: museum, indigenous peoples, Eastern Siberia, historical and cultural heritage.

Кочергин Савелий Евгеньевич

Студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: savaintr64@gmail.com

Kochergin Saveliy Evgenievich

4th year student

Irkutsk State University

e-mail: savaintr64@gmail.com

УДК 256(571.52)

Роль шаманизма в туризме Республики Тыва

Б. Б. Ондар

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

В современном мире развитие этнографического туризма является одной из перспективных, т.к. каждая территория имеет свои традиции, обычаи, особенности быта и другие своеобразные и неповторимые ценности, которые являются достоянием народа. Одним из таких достояний является тувинский шаманизм.

Шаманизм, сохранившийся на территории Республики Тыва (Тува), воспринимается тувинцами как составная часть культуры. Основной отличительной чертой шаманизма как формы религии является особое экстатическое общение со сверхъестественным миром, обращаясь к которому шаман может помочь человеку. К шаманам обращаются не только местное население республики, но и туристы с разных концов мира, которых интересуют вопросы шаманизма.

Вопросы шаманизма в Туве изучали М. Б. Кенин-Лопсан (1972, 1993), В. И. Харитонов (2009), М. В. Монгуш (2013), Д. М. Сундуй (2014) и другие исследователи.

Считается, что истоком тувинского шаманизма является тенгрианство (тюркское «тенгри» – небо), называемое самым древним мифологическим представлением среднеазиатских народов [Безертинов, 2000].

В Туве, для обозначения шамана, наиболее широко применяется термин «хам». От слова «хам» или «кам» происходит и глагол «камлать», т. е. шаманить. Основные функции, которые исполнял шаман – лечение, обеспечение удачного промысла, отведение несчастий и другие. Традиционный шаман являлся духовным предводителем общества, а потому его социальная роль была чрезвычайно велика [Монгуш, 2013, с. 55–66].

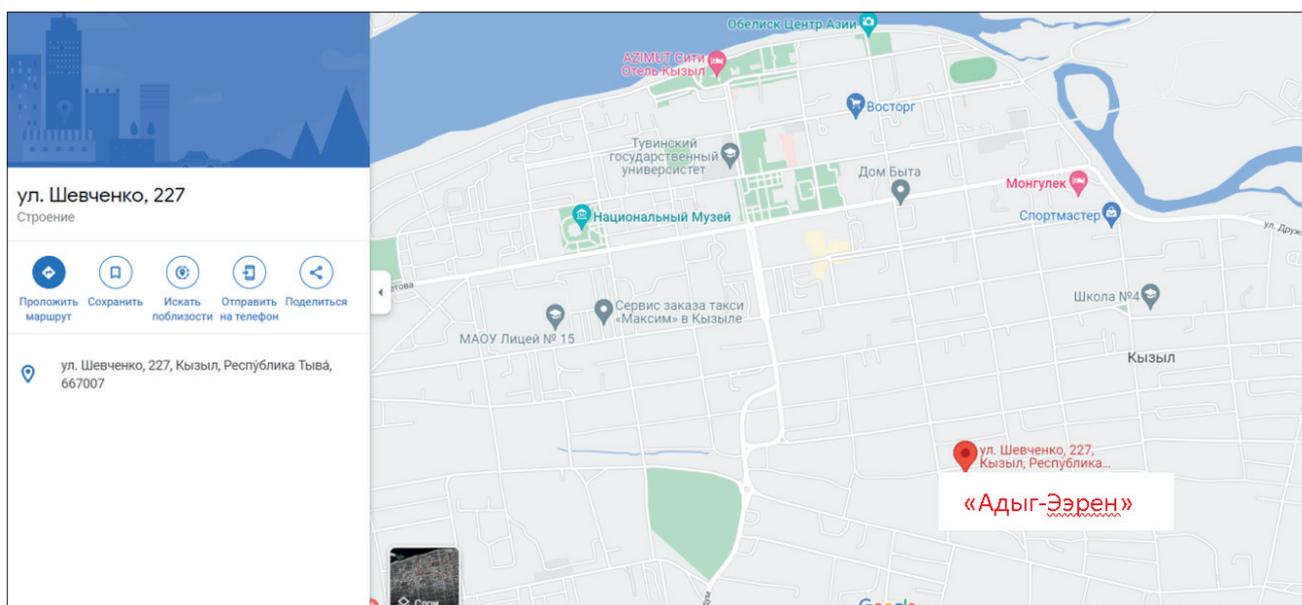

Рис. 1. Местоположения шаманских организаций (источник информации сервис «Яндекс карта»)

Вопросы происхождения шаманов наиболее полно осветил М.Б. Кенин-Лопсан. Он выделил шаманов, происходящих от: 1) предков, 2) духов Земли, 3) духов воды, 4) духов неба, 5) злых духов «албыс» или «аза» [Монгуш, 1993], также происхождение шаманов идет от четырёх стихий – огонь, вода, земля, воздух; тотемических животных – медведь, птица и другие; природных мест – горы, реки, водные источники, горные перевалы и т.д. [Сундуй, 2014, с. 82–93].

Как же становятся шаманами? В шаманизме самых разных народов, в том числе тувинцев, мы встречаемся с уникальным явлением, получившим название «шаманская болезнь» и представляющая собой как бы свидетельства шаманского призвания. Существует такое понятие как «шаманская болезнь». Заразиться «шаманской болезнью» нельзя. У тувинцев шаманский дар чаще всего передается внутри одного рода. Известный исследователь Сибири Е. К. Яковлев писал, если в роду был шаман, то «кровь его непременно отродится в потомках», это как «дворянская порода», как «белая кость». Если сын или дочь шамана не обнаружат в себе шаманского дара, это не означает, что линия преемственности прервалась – кто-нибудь из будущих потомков обязательно родится с этим призванием [Яковлев, 1909]. Считается, что болезнь проявится только в том, в кого вселится дух.

Этот дух и будет насыщать болезненные симптомы, вынуждая человека реализовать своё призвание. Избежать этого призвания невозможно. Если избранник не прислушается к духам и не начнет перенимать азы шаманской практики, то на всю жизнь может остаться больным [Харитонов, 2009, с. 148–164].

В Республике Тыва шаманы формируют организации [там же]. В настоящее время в Туве насчитывается более 10 шаманских организаций, где практикуют более 300 шаманов. Наиболее крупной и известной шаманской организацией считается «Адыг-Ээрен» в переводе с тувинского означающий «Дух медведя». Представителем, а также одним из сильнейших шаманов данной организации является Кара-оол Дупчун-оол, который является верховным шаманом Республики Тыва.

Шаманские организации имеют централизованную вертикальную структуру, их члены имеют удостоверения личности, а именно удостоверение шамана. Претендентов в организацию принимают путём индивидуального собеседования для выявления «шаманских способностей». При этом кандидаты должны были начинать или продолжать свою практику индивидуально, числясь в организации и сдавая денежные взносы, за что организация регистрировала их трудовую деятельность, либо принимать клиентов в помещении организации.

В Туве проходят фестивали шаманизма. Например, в 2019 году проходил международный фестиваль «Центр зова 13 шаманов», где проводились познавательные семинары, практические мастер-классы и тренинги; в 2022 г. в Туве прошел фестиваль тувинского шаманизма «Дунгур», с целью сохранения этнокультурного наследия России, содействия процессу возрождения, сохранения и развития традиционного шаманизма. В современной Туве шаманизм приобретает коммерческую форму. В зависимости от предлагаемых услуг устанавливаются прецеденты. В туристской деятельности республики, посещение шаманов и участие в обрядах является одной из неотъемлемых частей туристских маршрутов. Например,

в г. Кызыле наиболее посещаемым местом является местная религиозная организация шаманов «Адыг-Ээрен». На рисунке 1 показана карта, где отмечено месторасположение «Адыг-Ээрен».

Таким образом, шаманизм в Республике Тыва традиционно имеет устойчивые позиции, является важной частью социальной жизни местного населения. В связи с развитием туризма шаманизм приобретает новые черты существования и способствует сохранению этнокультурного наследия уникальных территорий как Республика Тыва.

*Научный руководитель – Т. Н. Биче-оол,
старший преподаватель,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

1. Безертинов Р. Н. Тенгрианство религия тюрков и монголов. Набережные Челны: Аяз, 2000. 454 с.
2. Монгуш К. Б. Магия тувинских шаманов. Кызыл: Изд-во МП «Новости Тувы», 1993. С. 159.
3. Монгуш М. В. Шаманизм в Туве и на Окинаве: сходства и различия // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 55–66.
4. Сундуй Д. М. Тувинский шаманизм и его особенности // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 13. С. 82–93.
5. Харитонов В. И. «Шаманизм» в современной России: к проблеме возрождения // Этнографическое возрождение. 2009. № 6. С. 148–164.
6. Яковлев Е. К. Этнографические заметки о сойотах-урянхайцах (поверья, легенды, пословицы). Красноярск: Енисейская губернская типография, 1909. 56 с.

The role of shamanism in tourism of the Republic of Tyva

B.B. Ondar

The article discusses the issues of shamanism in the Republic of Tyva, its role in the development of ethnographic tourism. Tuvan shamans are addressed not only by the local population, but also by tourists visiting the republic from different states. It is believed that the origin of Tuvan shamanism is Tengrianism. The main functions performed by shamans are treatment, ensuring successful fishing, averting misfortunes and others. According to M.B. Kenin-Lopsan's research, shamans come from ancestors; spirits of Earth, water, sky; evil spirits, from the four elements; animals, natural places. Among Tuvans, the shamanic gift is most often transmitted within the same genus. In the Republic of Tyva, shamans form organizations with a centralized vertical structure. In recent years, shamanism festivals have been held in Tyva, where seminars, master classes, trainings and other educational meetings are held in order to preserve the ethno-cultural heritage. Currently, shamanism is acquiring a commercial form with fixed prices for services.

Keywords: shamanism, Republic of Tyva, shamanism festival, ethnotourism, Adyg-Eeren.

Ондар Бедек Буянович

студент 3 курса
Тувинский государственный университет
e-mail: mogekhurenbelek@gmail.com

Ondar Bedek Buyanovich

3rd year student
Tuvan State University
e-mail: mogekhurenbelek@gmail.com

Кукла и оберег в старообрядческой культуре

Д. В. Ошлокова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Одним из ярких проявлений этнической культуры старообрядцев является сохранение стариной одежды, игрушек и традиций. Вплоть до второй половины прошлого века использовали домашний льняной холст и самодельные шерстяные ткани для изготовления одежды и бытовых предметов. Игрушки являются одним из основных составляющих детской субкультуры. Игра важна как в духовном, так и физическом развитии ребенка. Она является одним из способов социализации и подготовки к взрослой жизни. Под понятием игра подразумевается система увлекательных занятий, возникших в глубокой древности в результате трудовых навыков с целью физического и морально-эстетического воспитания подрастающих поколений.

По освещаемой проблеме на материале старообрядческой культуры Уймонской долины опубликованных сведений нет, поэтому данная статья написана на основе полевых сведений, собранных методом этнографического наблюдения и опроса информаторов [ПМА]. В селе Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай известен Музей старообрядчества, основанный на базе школьного музея. В его коллекции имеются предметы, непосредственно относящиеся к субкультуре детства староверов. Это образцы детской одежды, игрушки, колыбели, называемые «зыбка». Интерес представляют мячи для игры, изготовленные детьми из коровьей или овечьей шерсти следующим образом. Весной, во время линьки животных, дети собирали старую шерсть, а затем смешивали ее с мылом, формируя шар, и давали высохнуть [Музей]. Стоит отметить, что подвижные игры способствовали развитию у ребенка физических навыков ловкости, быстроты реакции, скорости и других логических способностей.

Не меньшее значение для развития ребенка имели и драматизированные игры, в ходе которых разыгрывались сценки, воспроизво-

дящие эпизоды из жизни окружающего детей мира. Для проведения таких игр дети строили дома, а с помощью подручных средств создавали интерьер. Для подобных игр девочки нередко сами изготавливали кукол. Шили их из ткани, или оборачивали тканью деревянный брусок. Интересным является поверье, согласно которому куклам нельзя было рисовать лицо, и у них не должно было быть ни рук, ни ног. Считалось, что если вдруг кукла с руками и ногами попадет под веник, то ночью домовою кого-нибудь задавит.

В наши дни кукла – это детская игрушка. Дети более незащитны перед злом, чем взрослые. Чтобы защитить своих потомков от тьмы, женщины изготавливали для детей куклы Пеленашки. Такие обереги клались в колыбель. Согласно представлениям старообрядцев, они отводили от малышей болезни и неприятности, забирая их себе. Ещё в недалёком прошлом старообрядцы к кукле относились с ритуальным значением. Куклы выступали основными оберегами дома, семьи, домочадцев и домашнего хозяйства. У каждой этнотерриториальной группы старообрядцев была своя кукла-берегиня. Обрядовая кукла «Берегиня Рода» у уймонских старообрядцев – это мощная, сильная кукла. Цвет ткани в одежде куклы желателен темно синий, как символ мудрости. Обрядовая кукла Берегиня изготавливается из ношенной одежды домочадцев, что бы она оберегала каждого в отдельности. Считалось, если взять тряпочки от старой одежды человека, то кукла будет оберегать этого человека еще сильнее. Делалась без иголок и ножниц, чтобы они не могли нанести вред своим хозяевам. Нитки обрывались руками или перекусывались зубами, даже ткань рвали руками. Эту куклу традиционно ставят напротив входной двери, чтобы она встречала всех входящих: злых людей и злые силы в дом не пускала бы, а добрых встречала. Её ритуальная особенность проявляется в том, что ее входящие не видят,

не замечают, хотя она установлена напротив входа в дом и стоит на виду.

Приведём опубликованные сведения о кукле у семейских староверов из Забайкальского края: «Куклы нам шили бабушки или матери, а когда подрастали, шили сами. Куклы мы шили из разных тканей, какие могли достать. Конечно, мы шили из лоскутков. Кукла изготавливалась так: брали кусок ткани и сворачивали ее трубочкой, чтобы она была средней толщины, и два аналогичных рулончика для ручек. Ткань брали белую или светлую, чтобы на ней можно было нарисовать лицо. Затем ниткой отделяли голову от туловища, то есть перевязывали третью или четвертую часть туловища, а на предполагаемом уровне плеч пришивали руки. Потом шили рубаху – «вырезнушку», то есть вырезали из ткани рубаху и сшивали по рукавам и бокам с правой (лицевой) стороны. Затем шили сарафан — «вырезной», и сшивали его по бокам. Самым главным был платок, потому что он был модным. Его вырезали треугольником. Потом шили запон, то есть фартук. Он был тоже очень модным. Готовые вещи надевали на куклу. После того, как куклу сошьют, ей рисовали или вышивали лицо (глазки, ротик, носик, брови). Когда она была готова, ей давали имя и начинали играть» [Исследовательская...].

Интерес вызывает традиционные куклы у старообрядцев Поморья, называемые «панки»: «Бросающейся в глаза особенностью панков является их грубая форма — схематические черты, намёком выделяющие детали, но при этом в каждой игрушке даже малыш, легко угадывал человека или животное, которое панка изображала. Детишки в этих деревянных истуканчиков замечательно играли и всё было просто до того момента, пока куклы не попали на глаза культурологов и вмиг не обрели у оных невероятную загадочность (культурологам нравится когда всё сложно, когда есть причины выдвигать завиральные гипотезы и трясти пылью книжных архивов). И панки, имеющие действительно вид древних идолов,

вызвали у исследователей настоящий экстаз. А так как ни один респондент в Поморье не смог озвучить ни единого иного предназначения панков, кроме как для детских игр, то учёным не оставалось ничего другого как включить свою безудержную фантазию» [«Панки»].

В словаре В. Даля слово «оберег» означает «обережь нареч. близ берега, берегом, землей или водой, но более по воде. Держись оберег, держи обережь, правь судном ближе к берегу. Обереги мн. прибережный лед» [Толковый...]. В том значении, как мы здесь понимаем, у В. Даля нет. На одном из сайтов сказано: «Люди, участвующие в этнографических экспедициях еще раньше, не слышали от информантов слово «оберег». Очень часто так называемым «обереговым» куклам дают имя «Берегиня». Здесь звуковая похожесть вынуждает подразумевать некую символическую связь этих двух слов. А в словаре славянской мифологии Академии наук говорится, что «Берегиня» – это персонаж русалки в славянской мифологии. Этнографическая практика дает понять, что русалка – это злое существо, которое боялись и избегали с ним встречи» [Народная...].

Проанализировав имеющиеся сведения о кукле у староверов разных групп, мы убеждаемся в том, что она выступала не только в значении игрушки, но и оберега в этнокультурном смысле. Особенностью является разные ее названия, способы изготовления и использования, у каждой группы староверов сложились отличительные черты. В наш современный урбанизированный век дети покорены влиянию гаджетов и компьютерных технологий. Интернет и телевидение, казалось бы, могут создавать и визуализировать любые области знаний, но информация, получаемая ребенком из масс-медиа, не даёт содержательного материала детской субкультуры.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

1. Исследовательская работа «Кукла-оберег у старообрядцев. Семейских // Инфоурок [Электронный ресурс] URL: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-kukla-obereg-u-starobryadcev-semeyskih-584526.html> (дата обращения 27.05.2022 г.)
2. Музей Уймонской долина (старообрядчества) // Алтай туристский [Электронный ресурс] URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/bogatstva-altaya/muzei/294-verkh-ujmonskij-shkolnyj-kraevedcheskij-muzej> (дата обращения 27.05.2022 г.)

3. Народная кукла в аспекте национальной безопасности // Перуница [Электронный ресурс] URL: <https://www.perunica.ru/vospitanie/9342-narodnaya-kukla-v-aspekte-nacionalnoy-bezopasnosti.html> (дата обращения 27.05.2022 г.)
4. «Панки» традиционные деревянные поморские игрушки // Перуница [Электронный ресурс] URL: https://www.perunica.ru/chistiyy_ist/10095-panki-tradicionnye-derevjannye-pomorskie-igrushki.html (дата обращения 27.05.2022 г.)
5. ПМА (полевые материалы автора), май 2022 года: Клепикова Тамара Михайловна, 1990 г.р., с. Верх-Уймон Усть-Коксинского р-на; Ошлоков Виктор Еремеевич, 1957 г.р., с. Мульта Усть-Коксинского р-на; Ошлокова Светлана Владимировна, 1972 г.р., с. Талда Усть-Коксинского р-на; Ошлокова Татьяна Анатольевна, 1991 г.р., с. Мульта Усть-Коксинского р-на.
6. Толковый словарь Даля онлайн // Толковый словарь живаго великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=20481> (дата обращения 27.05.2022 г.)

Doll and amulet in the Old Believer culture

D. V. Oshlokova

Field information on the problem under study was collected by ethnographic observation and a survey among the Altai Republic Uymon Old Believers. Attention is drawn to the exhibits of the Old Believer Museum in the village of Verkh-Uymon (Ust-Koksinsky District) related to the Old Believers' childhood subculture. Beliefs that when making a doll in the old days, and nowadays a talisman doll, it is not customary to draw a face and add arms and legs to it are of research interest. The collected data are compared with information published about the doll among the ethnoterritorial groups of Transbaikalian and Pomeranian Old Believers. Based on the analysis of the information available, it was concluded that the doll acted not only as a toy, but also as a talisman in the ethno-cultural sense. It is summarized that the game is important both for a child's spiritual and physical development and for the preservation of the Old Believer cultural ethnographic features.

Keywords: Uymon Old Believers, game, doll, amulet, ethnic group, children's subculture, ethnography

Ошлокова Дарья Викторовна

студент 1-го курса
историко-филологический факультет
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Oslokova Daria Viktorovna

1st year student
Faculty of History and Philology
Gorno-Altai State University
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

УДК. 791.43:614/26(571.56)

Конструирование сложной идентичности: на примере якутского фильма «Пугало»

Е. А. Паук

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Актуальность проблемы идентичности непосредственно связана с личностью человека, связывающего себя с той или иной социальной, экономической, культурной, этнической общностью. Сама проблематика приобретает весомый научный статус как проблемы философского характера, что подчёркивает её неизменную актуальность, необходимость постоянных научных изысканий.

Проблематика осмысления «сложной идентичности» последовательно разрабатывалась в работах культурологов и философов В. А. Куренного, Ю. М. Резника, В. М. Розина, предлагающих различные трактовки, научные подходы к пониманию данного термина. В многообразии потока научных мыслей, симпатична идея исследователя П. С. Гуревича о том, что проблематика сложной идентичности – это

феномен антропологический, одновременно являющийся потребностью, как со стороны индивидуума в своём самоотождествлении (дополнительно акцентируем, через раскрытие своей личности и внутренних потенций), так и со стороны социума, т.е. фокус внимания, сосредоточен не на индивидууме, а на составляющей взаимоотношений индивида и социальной группы [Белик, 1999, с. 130].

Закономерен вопрос: как удовлетворить эту потребность? На наш взгляд, кинематограф через культурную форму, киноязык формирует сложную идентичность, тем самым, этнос осуществляет самопрезентацию, транслируя зрителям особенности культуры, позволяющие сконструировать идентичность

Понять логику процесса конструирования сложной идентичности оптимально на конкретном примере. Обратимся к фильму кинорежиссёра Максима Давыдова «Пугало», приятно шокировавшего кинокритиков и интеллектуалов в 2020 году – фильм выиграл главный приз Кинотавра.

Конструирование идентичности начинается с противоположной позиции: деконструкции личности Шаманки, отсутствия её культурной идентификации. Аспект формулируется двояко: как начальная позиция или последовательный процесс. Имя Шаманки неизвестно: сама героиня его не произносит вслух, как и её односельчане. Этот дискурс остаётся неизменным, являясь основой процесса деконструкции личности шаманки, доходя до концепта практического полного разрушения личности шаманки. Важен и ряд других моментов, образующих логическую цепочку. Так, сложной формулой остаётся сакральность шаманки. Через кинопрезентацию якутский этнос внешне не даёт намёка для идентификации: отсутствие шаманского облачения, атрибуты (нагрудника, бубна) только подчёркивает мощную деконструкцию привычного визуального образа шамана.

Процесс деконструкции личности окончательно оформляется за счёт биографии Шаманки: она не представлена как цельное образование, отсутствующие элементы замечены опасными мифологемами, окончательно формирующими идентификацию шаманки как «Чужого» и «Другого».

Акцентируем, что фильм, сконструированный на основе обрывочности сюжета, приобретает нелинейную структуру, подчёркивает сложность идентификации личности шамана и социальной группы в целом, придавая уже синергетическую трактовку, погружая в контекст различных состояний систем: Хаоса и Порядка [Синергетическая философия..., с. 34].

Так, общество односельчан, консолидировавшихся на основе чувства ненависти к Шаманке, активно стремится к формуле Порядка. Реализация этой формулы обеспечивается путём коллективной травли шаманки остальными людьми. Через такую стратегию люди очерчивают границы своего коллектива, его движению к Порядку, которые шаман не может проходить – про знахарку ходят различные слухи, в одной из сцен, избивают – страх (как источник ещё поддерживающий формулу сакральности фигуры шаманки), в этом случае, не является препятствием для односельчан.

Однако, Порядок отнюдь не целостен, хоть и односельчане стремятся к нормализации жизни, но для достижения идеального состояния Порядка, они вынуждены обращаться за помощью к Шаманке: она способна вылечить страдающего бесплодием мужчину, казалось бы, безнадежно умирающего человека, облегчить роды, дать появиться на свет малышу [Жить, чтобы..., 2005].

Иными словами, только шаманка способна конструировать важный элемент идеального Порядка – Жизнь. Однако в самоидентификации Шаманки этот концепт является вторичным: на первый план выходит именно концепт отсутствия отождествления с социальной группой и духовной солидарности с ней (в общих рамках этносоциальной группы). Сам её дар, возможность общения с духами, скорее представлен как проклятие, а не как благословение. В этом, Шаманка более тяготеет к состоянию Хаоса, но скорее, внутреннего свойства.

Отсюда, очередное противоречие на пути к идентификации, поскольку для якутского общества существование Шаманки вносит беспорядочность, разлад в социальных отношениях и взаимодействиях и, тем самым,

является потенциальной точкой бифуркации, имеющий разрушительный потенциал. Сущность точки бифуркации сосредоточена не в плоскости создания чётко фиксируемого конкретного события, за которым следует переход системы в новое состояние. Напротив, эта неизменная точка бифуркации, не подлежащая корректировке, в отличие от уже классического понимания данного понимания в синергетике [Синергетическая философия..., 2009, с. 121].

Шаманка в интерпретации фильма – это неизменный источник бифуркации, создающий качественные флуктуации, их качество связано с конструированием процесса архаизации. В силу неявного аттрактора общество постоянно обращается к Шаманке, тем самым увеличивая влияние и данной точки бифуркации, а соответственно, качественной архаизации. Опасность такого процесса заключается в том, что он доходит до стадии уже состояния архаизации, когда возвращение к старому, по сути, означает практически возврат в первобытность и соответствующий контекст. Иными словами, этот возврат – настоящая деградация, причём, социокультурного характера. Такой процесс имеет две стороны: социальную и культурную. В первом случае, не прошедшая проверку на прочность, социальная структура, система теряет статус самоорганизующейся, а сложившиеся социальные отношения не функциональны и в случае институциональных оформлений: полиции, здравоохранения. Врач не может вылечить больного (поэтому обращаются к шаманке за помощью), а полицейский не может предотвратить избиение Шаманки. Словом, система социальных отношений постепенно деградирует. Ещё аспект архаизации – деструкция культурной составляющей, существующих культурных норм. В одном из логических на-

правлений, это обратное движение общества от цивилизации (в ценностно-смысловом представлении общества, это ещё одна вариация состояния Порядка) к архаике в широком смысле этого термина. В идентификации якутского общества, испытавшего влияние буржуазной культуры, такой поворот – движение к Хаосу, его культурным источникам: мифологическому сознанию, религиозному фундаменту социальных отношений.

В целом, общий вывод дискуссионен и неутешителен: якутский этнос в фильме «Пугало» представлен не как целостное образование, коллектив людей, связанных общностью происхождения, языка, культуры, мышления.

Презентация этноса транслирует его качество как абсолютно расколотого социального и культурного образования, с позиции культуры, что продуцируется в проблемно-смысловые линии, тесно переплетённые между собой. Постулат о «расколотой культуре» приобретает актуальность. В формулировке киноязыка, демонстрируемая культура и её нормативы не функциональны как институт, поскольку идеалы размыты, а универсалии и вовсе отсутствуют. Сложная идентичность имеет яркий, но негативный характер. Личность шамана противоречива, поскольку в ней не только сочетаемы концепты высшего порядка Хаоса, Порядка и линии другого уровня: точка бифуркации, но и добавляются новые (архаизация, Жизнь), выстраивающие сложную идентичность, как личности, так и окружающего его социума.

*Научный руководитель – И. Л. Дамешек,
д-р ист. наук, профессор кафедры
истории России исторического факультета,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Синергетическая философия истории: колл. мон.; под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. СПб: Северный колледж, 2009. 313 с.
2. Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1999. 241 с.
3. Жить, чтобы жить: три с половиной фильма Дмитрия Давыдова [электронный ресурс] // Искусство кино [официальный сайт]. 2005. 23 марта. URL: <https://kinoart.ru/texts/zhit-chtoby-zhit-tri-s-polovinoj-filma-dmitriya-davydova> (дата обращения: 22.06.2022).

Construction of a complex identity: on the example of the Yakut film «Scarecrow»

Pauk E. A.

This article discusses the problem of complex identity as a theoretical construct, the study of which is based on the scientific analysis of the film Scarecrow (2020). Understanding a complex identity is associated with the general moment of the need for its visual presentation. On this basis, the idea is expressed that cinema, as a cultural form, uses the features of film language to meet this need for self-presentation of an ethnos, its culture, and identity. The article provides a historiographical overview of the problems of complex identity. Additionally, within the framework of the general conceptualization, this theory is filled with new semantic, theoretical content - synergetic, postulates of a synergetic scientific direction. The synergistic «cut» allows, within the framework of scientific research, to fill the formula of a complex identity in relation to both the individual shaman and the social group as a whole.

Keywords: shaman, Order, non-linearity, complex identity, sacralization, archaization.

Паук Евгений Александрович

Студент 1-го курса магистратуры

Иркутский государственный университет

E-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

Pauk Evgeny Aleksandrovich

1st year graduate student

Irkutsk State University

E-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

УДК 7.091.4:39(292.511/516)

Репрезентативность этнического образа в дизайне костюма участников фестиваля «Сибирская этника»

О. В. Хмельницкая, А. В. Шайдуров

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Учитывая интегративный характер социально-гуманитарного знания, авторы попытались представить диалогический характер исследования культурного явления, как фестиваль дизайна и искусств «Сибирская этника», поднимаемый в рамках исследования культурного пространства. За основу исследования берётся классификация определения культуры А. Кребера и К. Клакхона, в частности историческое определение, акцентирующие внимание на роли традиций в культуре, подчеркивающие ее преемственный характер.

История возникновения фестиваля кроется в научно-исследовательской деятельности кафедры «Дизайн костюма» (Далее – Омская школа дизайна костюма (ОШДК)). Появление фестиваля «Сибирская этника» имеет прочную этнокультурную платформу, которая начала формироваться ещё с конца 1970х. Отправной точкой в исследовании взято появление фестиваля «Сибирская этника», но этнический век-

тор, который закономерно трансформировался в фестиваль, был создан раньше, с возникновения Омского технологического института и кафедры художественного моделирования, далее кафедра была переименована в кафедру «Дизайн костюма». Одним из факторов, благодаря которому возникла ОШДК, перешагнув формат просто кафедры дизайна костюма, был именно этнический вектор. Этот вектор развивался несколькими путями, которые шли параллельно и развивались практически одновременно. Первый путь обозначил этнокультурный фактор: Омск – один из крупнейших городов Западно-Сибирского региона, находится между Уралом и Алтаем, на юге граничит с Казахстаном. Кроме того, Омск выгодно расположился на пересечении Транссибирской магистрали и крупной водной артерии – р. Иртыш. Центральное месторасположение города на периферии, богатый этнический состав страны и высокая заинтересованность студентов из различных регионов способствовали разноо-

бразию национального состава среди студентов, тем самым формируя этнические тенденции в формирующейся Омской школе дизайна костюма, а самовыражение через подчёркивание этнических культурных корней стало одной из характерных задач региональной школы. Второй путь развития этнического вектора: «Сибирская этника» закономерно появилась в период актуализации локальной культуры, при этом была подготовлена почва для её появления. Начиная с 1986 г. на кафедре дизайна костюма проводились фундаментальные и прикладные исследования по проблеме «Национальные традиции в современном дизайне костюма», причём с 1986 по 2001 г. она являлась стержнем научно-исследовательской работы кафедры. Также студенты-участники театра мод «Образ», образованного в 1980 г. в своём творчестве делали попытки осмысления культуры народного костюма. Выдержка из манифеста молодёжного театра мод «Образ», созданного на базе ОШДК, брошюра 1988 г.: «Особенно богата возможностями область народного костюма. Если среднерусская полоса сравнительно изучена этнографами и искусствоведами, то Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север остаются для наших модельеров «terra incognita». Все изучения Сибири и Дальнего Востока, крайнего Севера было всё же изучено с точки зрения этнографии, но мало исследовано с точки зрения этнологии и культурной антропологии.

Всероссийский фестиваль дизайна и искусств «Сибирская этника» имеют историю в 10 лет. Такая продолжительность выражает актуальность в современном культурном поле запроса на этничность. Этничность в современном глобализованном мире представляет собой компиляцию с современными культурными элементами, а также рекурсию смыслов этничности и элементов этнической культуры в современном дизайне костюма. Разумеется, предтечей рождения мысли об организации и проведения фестиваля принадлежит идеологу и создателю проекта «Омская Арт-резиденция», начальнику управления коммуникаций, инноваций и молодежной политики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица» Васильевой Эмме Викторовне. Современное влияние на традиционные культуры

автохтонных народов Сибири оказывает процесс унификации культуры. Явления, наблюдаемые при этом процессе, выражаются в утрате традиционных способов ведения хозяйства, социальной организации, обрядов и обычаев, а также других формах духовной культуры. В сложившейся ситуации в полной мере можно утверждать, что основное, на чём держится этническое самосознание народов Сибири, это легенды, мифы и героический эпос. Сохранение этнического самосознания через фольклор позволяет не только «конструктивно» выходить из сложившейся ситуации унификации культуры, но и предоставляет доступ к некоторым видам ресурсов (политические, природные, финансовые, территориальные) [Шнирельман, 2018]. Таким образом, мы можем увидеть использование мифов не только для поддержки этнического самосознания и источника этнической истории, но и как политического инструмента. При создании современного костюма студенты и дизайнеры приступают именно к «переработке» смыслов этнического костюма, его элементов и мифологии, сказок и эпоса разных автохтонных культур. Как правило, участники причастны к определённым культурам, конструкт которых показывают в рамках проведения фестиваля. Для нас будет актуальным использование следующего определения визуальной культуры, как части семиотического пространства, особого мира живописных и графических форм повседневной реальности, окружающей человека, являющейся частью его жизненного мира и имеющей огромное значение для формирования его идентичности [Эозин, 2004, с. 65–67]. Данные метафизические [Хайдеггер, 2013, с. 32] и фундаментальные исследования элементов этнического костюма народов Сибири служат базисом для работ, представленных на фестивале. За последние годы фестиваль вышел на принципиально новый уровень, большое количество участников не являются студентами ФГБОУ ВО «ОмГТУ», а примерно 50% участников – из Центральной полосы России и других регионов Сибири (Казань, Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Улан-Уде, Новосибирск, Красноярск, Барнаул), впервые с 2020 г. в фестивале участвуют участники из других стран Республика Беларусь и Республика Казахстан. Подобный интерес к мероприятиям фестиваля

обусловлен высоким запросом на этничность и этнические элементы в современном костюме. Все описываемые символы рассматривались им как своего рода языки, то есть знаковые системы, через которые культура выражает себя. Основой, используемой в работе, является тезис Клода Леви-Стросса о бессознательных структурах культуры, которые объединяют древнее и современное общество [Леви-Стросс, 1994, с. 42–44]. Диспозитив этничности представлен в работах в качестве культурной апроприации этнических элементов, используемых в костюме или в качестве части собственной этнической памяти участников и репрезентуется в исследованиях, элементах костюма.

Концепт этничности обрёл новое звучание благодаря фестивалю, диалектичность подходов к репрезентации показана в работах участников. На основании категорий репрезентации и видения аудитория воспринимает и интерпретирует визуальные образы. Факторы, определяющие

ракурс рассмотрения (под каким углом), объект (кто смотрит), предмет (на что мы смотрим), это – воспитание, время, среда, и, главное, идеология, которая наделяет смыслами окружающую реальность. Обращение к категории образа в костюме в контексте этничности было связано с переосмыслением места и роли этноса в историческом процессе, с пересмотром комплекса исторических источников. Таким образом, можно смело заявить, что образом управляет человек. Часто человек «подгоняется» под стандарты образа, предлагаемые аудиторией: мать, солдат, работник и т. д. Каждый образ создается из некой совокупности характеристик, которые составляют типичного представителя этого образа, и он становится образцом. В контексте фестиваля этим образцом становится этническая память, элементы национального костюма, которые переопределяются в соответствии с нормами и образцами современных тенденций в моде и дизайне костюма.

Список литературы

1. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. 382 с.
2. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 564 с.
3. Шнирельман В. А. Миф о далеких предках и этническая идентичность [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 6(70). URL: <http://history.jes.su/s207987840002252-6-1> (дата обращения: 21.09.2021).
4. Эозин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. М.: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.

Representativeness of the ethnic image in the costume design of the participants of the festival «Siberian Ethnics»

O. V. Khmel'nitskaya, A. V. Shaidurov

The article will focus on the relevance of holding the All-Russian Festival of Design and Arts «Siberian Ethnics». On the format of the festival as a new semantic construct of ethnicity in the cultural field through the prism of costume design.

Keywords: costume design, image, ethnic image, identity.

Хмельницкая Ольга Владимировна

старший преподаватель кафедры «Дизайн костюма», ведущий специалист по социокультурной деятельности Омский Государственный Технический Университет, e-mail: khmel'nitskayao@mail.ru

Khmel'nitskaya Olga Vladimirovna

Senior Lecturer of the Department of Costume Design, Leading Specialist in Socio-Cultural Activities Omsk State Technical University, e-mail: khmel'nitskayao@mail.ru

Шайдуров Александр Валерьевич

младший научный сотрудник Центра материальной культуры и дизайна, Омский Государственный Технический Университет, аспирант 2-го курса, Томский государственный университет e-mail: Shaidurovav@bk.ru

Shaidurov Alexander Valerievich

Junior Researcher, Omsk State Technical University, 2nd year postgraduate student, Tomsk State University, e-mail: Shaidurovav@bk.ru

Культурные изменения, вызываемые антропоценными процессами

А. В. Шайдунов

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Последствия деятельности человечества множатся в геометрической прогрессии, начиная с влияния на климат, заканчивая геологическими изменениями деятельности человечества. Триумф технологической рациональности и науки не привели к ответам на важные вопросы человечества как социального, так и технологического характера, более того необходима постановка нового глобального вопроса о новом взгляде на фундаментальные понятия, которые служат ориентирами в современном мышлении. На сегодняшний момент эти вопросы становятся остросоциальными и репрезентируются во многих работах современных художников в крупных и значимых выставочных пространствах. В данной работе мы остановимся на последствиях деятельности человека как геологической силы, способной изменять не только физический ландшафт планеты, но и оказывать глобальное влияние на жизнь и устои малых этнических групп, проживающих на территории юга Кемеровской области. Если мы акцентируем внимание на способах «конструктивного» выхода из сложившихся ситуаций и условий, то можем отметить, как один из способов сохранения этничности в современное время является фольклор, рассмотрим подробнее космогонические и этногенетические мифы. Именно миф о предках является одним из самых важных компонентов этнической идентичности. Манипуляции с мифом о предках позволяют конструировать нужные для политических и культурных элит знания о прошлом. Перейдя, собственно, к понятию миф, мы понимаем следующее: миф – это систематизированное и по возможности непротиворечивое, хотя эмоционально насыщенное и упрощенное, изложение исторического сюжета. Данные мифа напрямую коррелирует с различными этнополитически-

ми, этноцетристскими и этногенетическими мифами.

Возникновение данного диспозитива, обусловлено исторически и связано оно с развитием философской мысли и развитием технологий, а также появлением новых способов изменения ландшафта и биоразнообразия путём человеческого вмешательства. Начнём с рассмотрения метафизики как одного из основных способов познания и понимания в данной работе. Под метафизикой в данном исследовании мы понимаем «Метафизика есть вопрошание, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нём так, что сами спрашивающие, оказываемся поставленные под вопрос. Соответственно основные понятия тут не обобщения, ни формулы всеобщих свойств некоторой предметной области (животное, язык), но понятия особенного рода. Они схватывают каждый раз целое, они предельные смыслы, вбирающие понятия. Метафорическая мысль есть мышление, охватывающее понятиями в этом двояком значении: мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию» [Хайдеггер, 2013, с. 32]. В данном случае именно метафизика позволяет нам понять и познать уже существующую классификацию предметов, объектов и процессов и осуществить переоценку их в рамках нового диспозитива современной философской мысли. Необходимо в рамках рассмотрения описанных проблем остановиться на понятии «антропоцен», впервые его ввели в научный оборот П. Крутцен и Ю. Строммер в 2002 г., официально заявив об этом на научной конференции. Однако, споры по поводу даты отсчёта антропоцена как новой геологической эпохи ведут и по настоящее время, в частности П. Крутцен и Ю. Строммер объявили датой начала антропоце-

на с момента создания парового двигателя в 1784 г., некоторые учёные ссылались на дату начала антропоцена 1950-ые годы, как датой начала масштабных ядерных испытаний. Аргументации в пользу начала новой геологической эпохи служили следующие факты: за последние 150 лет человечество исчерпало 40% известных запасов нефти, на создание которых ушло несколько сотен миллионов лет; почти 50% поверхности суши было преобразовано в результате воздействия человека, что имеет значительные последствия для биоразнообразия, круговорота питательных веществ, структуры почвы, биологии почвы и климата; в настоящее время синтетическим путем для получения удобрений и сжигания ископаемого топлива фиксируется больше азота, чем естественным путем во всех наземных экосистемах; более половины всей доступной пресной воды используется для человеческих целей, а ресурсы подземных вод быстро истощаются во многих районах [Крутцен, 2002]. Далее мы рассмотрим исторически сложившийся сдвиг в науке и иных областях человеческих жизней на акциденцию, иначе говоря, второстепенное, или как пишет Армен Аванесян «анормалии», то есть это перепрочтение и в новом виде и понимании второстепенного и в некоторых случаях именно второстепенное становится субстанцией, что и можно назвать «анормалией» по Армену Аванесяну [Аванесян, 2019, с. 25–30]. В нашем исследовании мы рассмотрим, как выражается акциденция в культурных изменениях в контексте антропоцена. Остановимся на понятии «некрополитика» – это использование социальной и политической власти, чтобы диктовать, кто из людей могут жить, а какие – должны умереть. Некрополитика может рассматриваться как одно из проявлений биополитики и биовласти по М. Фуко [Foucault, 1978–1979]. Понятие некрополитики выдвинул в 2003 г. камерунский философ Ахилл Мбембе [Mbembe, 2003, pp. 11–40] – как определенные типы государственной политики, которые направлены на регулируемое сокращение населения, его «сконструированное помещение в условия, угрожающие смертью». Суть некрополитики: физическое и социальное насилие, избав-

ление от «ненужных людей» в обществе гиперпотребления, где ценность человеческой жизни определяется её экономической рентабельностью, человеческая личность обесценивается как таковая. Но перейдя к современному осмыслению некрополитических практик в контексте антропоцена, то мы остановимся на работах Поля Б. Пресьядо: «Но суть антропоцена не исчерпывается господствующим влиянием человека. Она также состоит в распространении по всей планете изобретенных нашим видом некрополитических технологий: капиталистические и колониальные практики, культура каменного угля и нефти, превращение экосистем в потребляемые ресурсы вызвали волну вымирания целых видов растений и животных и запустили глобальное потепление» [Пресьядо, 2021, с. 42–44]. В данном случае мы наблюдаем расширение смысловой нагрузки и поиске новых аномалий введённого А. Мбембе понятия некрополитика, путём деконструкции власти и выявлением новых взаимосвязей между некрополитическими практиками и антропоценом, что обусловлено некрополитическими практиками капиталистического мира.

Общественность способов выбора добычи полезных ископаемых часто транслируется и репрезентируется, как в искусстве, так и в музейных экспозициях, один из последних ярких примеров проведение массового события, приуроченного к «300-летию открытия Кузбасса». Изменения ландшафта касаются крупномасштабной добычи угля, развёрнутой на территории юга Кемеровской области, так как основным методом в последнее десятилетие стала добыча угля «открытым» способом, то есть открытие разрезов и на месте отработанных участков по добыче угля остаются вместо гор или долин карьеры. Карьеры, как правило, засаживают пихтой, но лесов, дичи и порой даже малых рек-притоков Кондомы или Мрас-су изменяют с целью добычи угля. Рассмотрим, прежде всего, положительное и отрицательное влияние антропоцена, а также возможные формы рационального «зелёного» антропоцена.

Положительное влияние антропоцена прежде всего заключается в развитии экономики региона и как следствие увеличение уровня

жизни местных жителей за счёт индустриализации и глобализации. Также стоит отметить предоставление возможности выбора большего количества рабочих мест. Привлечение капитала в регион также привлекает инфраструктуру, что позволяет развиваться креативной экономики региона.

Основными негативными факторами являются, прежде всего, нарушение экологии, которое сопровождается нарушениями в биологическом разнообразии видов, ухудшением экологического состояния природы и как следствие водных и лесных ресурсов, но, пожалуй, одной из важнейших проблем остаётся «варварское» вторжение антропоцена в процес-

сы сохранения культуры малых этнических групп.

Если быть резким в высказываниях, то можно смело предположить, что в настоящий момент уникальные малые этнические группы, населяющие территорию юга Кемеровской области, находятся в состоянии посягательства собственной этничности. Предтечей этого состояния являлась массовая добыча полезных ископаемых без должных механизмов рекультивации и восстановление природного равновесия, отсутствие системы защиты нематериальной духовной культуры и отсутствие соответствующего законодательства в этой сфере.

Список литературы

1. Аванесян А. Метафизика сегодня. М.: V-A-C Press, 2019. 108 с.
2. Крутцен П. Геология человечества // Природа. 2002. 415. 23. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.1038/415023a> (Дата обращения: 03.07.2022 г)
3. Пресьядо Поль Б. Квартира на Уране. Хроники перехода / Пер. с исп. Н. Протасени. М.: No Kidding Press, 2021. 288 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль. 2013. 564 с.
5. Foucault M. Naissance de la Biopolitique. Cours au Collège de France 1978–1979. Фуко, Мишель. Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. г. Перевод на русский язык: А. В. Дьяков. – СПб., 2010. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 10.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6709/6724> (Дата обращения: 25.06.2022)
6. Mbembe A. Necropolitics // Public Culture. 2003. № 15 (1). P. 40.

Cultural changes caused by anthropogenic processes.

A. V. Shaidurov

The article will focus on the consequences of anthropogenic influence on the culture of small ethnic groups. The increased relevance is also due to the accumulation of environmental problems, and, in particular, the increase in the turnover of the consumer power of society and the proportional increase in human waste without effective generally accepted systems for their disposal and processing.

Keywords: anthropogenic influence, cultural changes, accidental shift, necropolitics, ethnicity.

Шайдуров Александр Валерьевич

младший научный сотрудник Центра материальной культуры и дизайна, Омский Государственный Технический Университет, аспирант 2-го курса, Томский государственный университет
e-mail: Shaidurovav@bk.ru

Shaidurov Alexander Valerievich

Junior Researcher, Omsk State Technical University, 2nd year postgraduate student, Tomsk State University,
e-mail: Shaidurovav@bk.ru

Ирбизек как символ этноспорта Республики Алтай

С. С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В современном обществе спорт воспринимается значительно шире, пополняясь новыми спортивными видами. В 2022 г., объявленном Годом сохранения нематериального культурного наследия народов России, следует обратить внимание на недостаточно изученную тему об этноспорте. Вопрос о специфике этноспорта в регионе представляет научный интерес в изучении этнографии и этнологии в Горно-Алтайском государственном университете [Тадина, 2021].

Этноспорт формируется как альтернативная форма развития спорта в целях сохранения традиционных народных игр. Под определением «этноспорт» подразумевается форма сохранения игрового наследия, выработанного традиционным образом жизни народов и изменяющегося под влиянием урбанизации: «До сих пор понятие «спорт» в специальной литературе рассматривается обычно в предельно узком значении как функциональная деятельность по организации и обеспечению нескончаемой череды состязаний, хотя даже на обиходно-бытовом уровне спортом давно уже называют любые виды состязаний, в том числе этнокультурные – традиционные виды физической активности» [Кыласов, 2012, с. 8]. В организационной работе современного спорта проявляется влияние процессов глобализации, проявляющееся в сужении этнокультурного разнообразия и введением общемировых стандартов в состязательности. В ответ на это формируются институты этноспорта – создание национальных федераций по традиционным видам физической активности разных народов, проведение комплексных традиционных игр, показывающих этнокультурную специфику народа и вызывающих интерес в его этнической культуре.

Фестивали этноспорта дают возможность участия в традиционных играх и организуются как важные этнокультурные мероприятия в

регионе. Для того, что принять участие в традиционных играх, необходимы навыки, которые приобретаются в случае ведения традиционного образа жизни. В городских условиях жизни многие традиционные навыки утрачиваются – например, скачки на конях, метание аркана или топора. Тот, кто решил участвовать в традиционных играх, должен приобрести умения и навыки, которыми обладали предки. Такое желание закреплено в одном из фундаментальных прав народов на культурные различия и самобытность, закреплённых в нормативных документах, принятых международным сообществом:

- конвенция № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1991 году Генеральной конференцией Международной организации труда;

- декларация 61/295 «О правах коренных народов», принятая в 2007 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций [Конвенции и декларации].

Популяризация и развитие национальных видов спорта в Республике Алтай, привлечение молодежи к занятиям спортом, повышение спортивного мастерства в этноспорте, выявление сильнейших спортсменов региона стали основными целями мероприятия под названием «Игры Ирбизека». Имя алтайского богатыря Ирбизек означает «молодой снежный барс». Этим именем называются стадионы, спортивная школа единоборств, которая была создана в г. Горно-Алтайске, столице Республики Алтай. Название Ирбизек стало звучать как спортивное название соревнований, проходивших даже за пределами республики. В г. Новосибирск почти десятилетие назад была заложена традиция проведения турнира «Ирбизек» по национальной борьбе Алтайских гор куреш» [В Новосибирске...]. В связи с таким событием широкую популярность

получила республиканская Спортивная школа единоборств, названная именем народного силача Ирбизек.

В алтайском народе сохранились предания о силаче Ирбизеке, рождённом три века назад в долине Кан-Ябаган на территории современного Усть-Канского района, и происходившего из сёока-рода кыпчак, подразделения котон кыпчак. В память о нём в этой долине установлено каменное изваяние, которое названо «камнем Ирбизека». Его установили летом 2000 года в честь алтайского богатыря, о необычайной силе которого сложены предания [Ябыштаев, 2017]. Сюжеты из жизни богатыря Ирбизека широко известны по газетным статьям и литературным произведениям. Автор повести «Ирбизек» (1964) И. В. Шодоев отмечал, что человек по имени Ирбизек действительно проживал в Ябагане в начале XIX века. Предания о нём сложены на основе реальных событий, происшедших в болотистой окрестности села Яконур (Экинур), на Келейском перевале у соседнего села Келей Усть-Канского района [Шодоев, 1984, с. 4].

Этноспортивная традиция была заложена в г. Горно-Алтайске – центре Республики Алтай в 2015 г. На стадионе Спартак во время празднования Дня физкультурника впервые были проведены соревнования по алтайскому многоборью, названные «Ирбизектин ойыны – Игры Ирбизека». В объявленное многоборье вошли следующие виды алтайского национального спорта: стрельба из лука, борьба «куреш», перетягивание палки (масс-реслинг), бег, поднятие и перенос камня на расстояние, выбивание

бабок плёткой «камчы». В 2019 г. Фестиваль национальных игр прошёл во второй раз. Организатором выступила редакция республиканской газеты «Алтайдын Чолмоны» в партнерстве с Фондом общественной премии имени Григория Чорос-Гуркина. В каждом виде национального спорта были свои победители, участвовавшие из разных сел и райцентров республики. Победителей в многоборье награждали медалями, грамотами и денежными призами. Фестиваль национальных игр завершил концерт «Легенда Алтая». Звезды алтайской эстрады представили песни о древней культуре предков-кочевников [Ожившие легенды].

У стадиона Спартак, где была заложена традиция проведения фестиваля алтайских национальных видов спорта «Игра Ирбизека», региональной общественностью было предложено установить памятник алтайскому богатырю и национальному герою Ирбизеку. И это предложение прозвучало неслучайно, потому что имя алтайского богатыря стало символом этноспорта Республики Алтай. В условиях глобализации всесторонняя поддержка этнокультурных различий регионов воспринимается как борьба за экологию – экологию природной среды, экологию культуры, экологию человека. В глазах современного общества этноспорт становится частью программы жизнеобеспечения и сохранения исторически сложившихся этнокультурных систем.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

1. В Новосибирске прошел турнир по борьбе куреш «Ирбизек» // WWW. Алтайские-горы. РФ Туристско-информационный центр [Электронный ресурс] URL: http://altai-mountains.ru/news/novosti_organizacij/?idnews=2320 (дата обращения 15.05.2022 г.)
2. Конвенции и декларации // Организация объединённых наций [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 15.05.2022 г.)
3. Кыласов А. В. Теория этноспорта. М.: Советский спорт, 2012. 112 с.
4. Ожившие легенды. Фестиваль национальных игр прошел в Горно-Алтайске // Новости Горного Алтая [Электронный ресурс] URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/106992> (дата обращения 15.05.2022 г.)
5. Тадина Н. А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск: Издат. дом «Наука», 2021. Ч. 1. С. 309–315.

6. Шодоев И. В. Автордон* (от автора) // Шодоев И.В. Кызалан*ду жылдар (Грозные годы): роман. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 1984. С. 3–5.
7. Ябыштаев Т. С. «Камень» Ирбизека как символ рода кыпчак у алтайцев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. С. 417–420.

Irbizek as a symbol of the ethnosport of the Altai Republic

S. S. Yabyshtaev

Ethnosport in the Altai Republic is developing as an alternative form of sport in order to preserve the gaming heritage in the form of Altaians' folk games. The stadiums, sports school of martial arts are named after the hero Irbizek. The Altaians have saved legends about the strongman Irbizek who came from the syok (clan) – Кыпчак. In the Kan-Yabagan valley (the Ust-Kansky district), in 2000, there was installed a stone statue, called the «stone of Irbizek.» Popularization and development of national sports in the Altai Republic, young people involvement and sportsmanship improvement in ethnosport have become the main goals of the ethnocultural event called «Irbizek's Games». The regional community came out with an offer to erect a monument to the Altai epic and national hero Irbizek, who has become a symbol of the ethnosport in the Altai Republic.

Keywords: ethnosport, intangible heritage, Altaians, republic, symbol, Irbizek, ethnic culture

Ябыштаев Судур Степанович

студент 3-го курса
историко-филологический факультет
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Yabyshtaev Sudur Stepanovich

3rd year student
Faculty of History and Philology
Gorno-Altai State University
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

УДК: 7.031.1(571.51)

История изучения памятников наскального искусства в верховьях р. Маны (на примере писаницы Шкапчик – 1,2)

И. А. Владимирова, Е. А. Можарова, Т. Н. Овсянникова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия

Несмотря на трехсотлетнюю, богатую от-крытиями историю археологического изучения Енисейской Сибири бассейн реки Маны в этом отношении до сих пор остаётся белым пятном на археологической карте региона. Единственными объектами, известными на берегах реки Маны, являются береговые утёсы с наскальными изображениями. Соответственно, всестороннее изучение наскального творчества позволяет раскрыть хозяйственную и культурную стороны жизни местного населения в различные хронологические периоды.

История изучения писаницы Шкапчик берёт свое начало в 20 веке, но материалы первых исследователей, практически, не публиковались, то есть не были введены в научный оборот. Соответственно, о существовании данной писаницы науке мало что было известно. Именно поэтому работы с материалами архивов и музейных фондов актуальны на сегодняшний день и имеют далекие перспективы.

Писаница Шкапчик расположена в 5 км к северу от д. Кой Манского района Красноярского края, на левом берегу р. Маны, на скальном массиве в устье ручья Шкапчик. На территории писаницы выявлены 3 скопления наскальных рисунков, обособленных территориально. Рисунки выполнены красной охрой разных оттенков. Присутствуют фигуры всадников и пешеходов, животных, птиц, знаки солнца, деревья. Представлены культовые и скотоводческие сцены. Датировать петроглифы можно I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Интерес представляют пункты 1 и 2, которые имеют богатую историю исследования.

В 1912 году с целью изучения природы Восточного Саяна сотрудниками Красноярского краеведческого музея (ККМ) под руководством орнитолога Аркадия Яковлевича Тугаринова была совершена поездка в верховья р. Маны. В экспедиции участвовали сотрудник музея В. П. Ермолаев и красноярский художник Д. И. Каратанов [Тугаринов, 1913]. В ходе работ была обнаружена ранее неизвестная писаница, расположенная в 2 верстах выше с. Выезжий Лог. На писанице была проведена визуальная зарисовка изображений с краткой аннотацией и фотофиксация. Судя по данным Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и Красноярского краеведческого музея речь идет о рисунках писаницы Шкапчик, расположенных в пунктах 1 и 2 (Фонды ККМ, нег. № 5622, отд. Археологии, № 74/83) [Материалы ..., л. 224, 252].

Повторно данные петроглифы были обнаружены сотрудником ККМ Романом Викторовичем Николаевым в 1962 году [Николаев, 1989]. Им был составлен план местонахождения, зарисованы изображения на плоскостях 1 и 2 пункта 1 [Николаев, 1962, л. 10–14]. Опубликованы они были только в 1995 году в статье, посвященной вопросам появления оленеводства в Восточных Саянах [Николаев, 1995].

Следующим «первооткрывателем» писаницы стал Владимир Феофанович Капелько. Судя по копиям наскальных рисунков из личного архива художника, которые в данный момент находятся в музее археологии и этнографии Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева (МАС ВХ КВФ. Мана 21-26), Владимир Феофано-

вич работал с рисунками писаницы Шкапчик в 1982 г. Петроглифы были им скопированы контактным способом на микалентную бумагу. Контуры изображений были подведены зеленым карандашом. После этого он с целью передачи рельефа камня протер микалент красящим пигментом черного цвета (сажа газозавая).

Рассмотрим плоскости подробнее: изображения 1 плоскости 1 пункта представляют собой многофигурную композицию, расположенную по диагонали. Здесь представлены солярные знаки, фигуры людей, в том числе и всадников, а также животных. По периметру плоскости расположены округлые охристые пятна. Высота плоскости 2 м, ширина 2,2 м.

На плоскости 2 мы видим 5 рисунков: три дерева с симметричными ветвями, опущенными вниз (по 6 на каждом), также изображена фигура в виде треугольника с широким основанием внизу (возможно, жилище). Правее выявлена дуга, пересеченная жирной горизонтальной линией, концы которой опущены вниз. Плоскость расположена в 1 м от плоскости 1, ширина ее 3 м и высота 0,8 м.

Пункт 2 писаницы находится в 11 м ниже по течению пункта 1 и в 140 м выше ручья Шкапчик. На плоскостях выявлены рисунки красного цвета, выполненные в линейном стиле.

Плоскость 1 является левой, широкой (более 1,5 м) стенкой скального углубления. Рисунки повреждены узкой, вертикальной трещиной, известковыми натечками. На плоскости мы видим двух зооморфов с рогами, расположенными один над другим. Ниже располагаются солярный знак и фигура человека с «П»-образной постановкой рук, ноги прямые, расставлены в стороны. Стоит отметить, что художник скопировал не все рисунки, а зафиксированные им несколько отличаются от современных данных по ряду деталей.

Правее находится плоскость 2 шириной 0,2 м. Рисунки выявлены на высоте 1,5 м от верхней кромки осыпи и представлены фигурой человека с чертами птицы. Ниже него расположена решеткообразная фигура трапециевидной формы.

Плоскость 3 отделена от плоскости 2 ступенчатым уступом, является ее естественным

продолжением. Ширина плоскости 0,2–0,4 м. Верхняя фигура имеет вид солярного знака, ниже изображен человек, наклоненный влево с «П»-образной постановкой рук и прямыми ногами, расставленными в стороны.

На 4 плоскости выявлена фигура человека, расположенная вдоль наклонной кромки. Правее показан солярный знак с 12-ю короткими лучами-отростками и перекрестием внутри.

Очередное «открытие» писаницы было сделано в 1991 году во время разведочных работ отряда КГПИ под рук. А. Л. Заики. В тот период были проведены следующие работы: составление топографического плана местонахождения рисунков, их копирование на полиэтилен и фотофиксация на черно-белую пленку. Именно тогда была определена базовая индексация петроглифов. Был выделен пункт 1 (2 плоскости) и отстоящий от него на расстоянии 140 метров пункт 2 (4 плоскости) [Археологические памятники..., 1992].

Последующие работы проводились в контексте зимних исследований петроглифов региона в 1996, 1999, 2010, 2022 гг. под рук. А. Л. Заики. В 1996 г. наскальные рисунки были сфотографированы на цветную пленку [Результаты работ..., 1997]. В 1999 и 2010 гг. было проведено повторное копирование наскальных изображений с уточнением предыдущей информации, выявлены новые рисунки в известных композициях [Заика, Кузнецов, 2008, с. 59–60; Заика, Кузнецов, Березовский, 2011]. В 2022 г. рисунки были обследованы с использованием современных цифровых технологий.

На каждом этапе изучения наскальных рисунков в бассейне реки Мана совершенствовалась методика, использованная красноярскими исследователями, повышался уровень интерпретации древних изображений. К сожалению, не все материалы опубликованы, тем не менее, красноярские исследователи внесли весомый вклад в изучение древней и традиционной культуры таёжных народов Восточного Саяна.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева*

Список источников

1. Материалы, собранные А. Яворским о директоре Красноярского музея с 1905 года А.Я. Тугаринове и его исследованиях края, путешествиях (воспоминания, фотографии, письма) // ГАКК, ф. 2120, оп. 1, д. 9. 252 л.
2. Николаев Р. В. Отчет по полевой археологической работе Красноярского краевого музея в 1962 г. (в зоне строительства железной дороги Абакан – Тайшет) // Архив ККМ, оп. 05, д. 82, 1962. 65 л.

Список литературы

1. Археологические памятники р. Маны / А. Л. Заика, Е. В. Гушин, А. А. Коваль, А. В. Шахов // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 128–129.
2. Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. 76 с.
3. Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П. Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Мат-лы меж. науч. конференции. Том 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 153–159.
4. Николаев Р. В. В горах Западного Саяна // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское кн. Изд-во, 1989. С. 189–196.
5. Николаев Р. В. Писаницы Южной Сибири как источники по развитию оленеводства // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 59.
6. Результаты работ в Манском и Мотыгинских районах Красноярского края / А. Л. Заика, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, А. В. Каява // Археологические открытия 1996 года. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. С. 322–324.
7. Тугаринов А. Я. В Манском белогорье // Наша охота. 1913. № 7.

The history of the study of rock art monuments in the upper reaches of the mana river (on the example of the pisanitsa Shkapchik – 1,2)

I. A. Vladimirova, E. A. Mozharova, T. N. Ovsyannikova

The object of the research is the scientific study of the ancient traditional creativity of the taiga peoples of the right bank of the Yenisei. The subject is the history of the study pisanitsa Shkapchik 1, 2.

Despite the three-hundred-year, discovery-rich history of the archaeological study of Yenisei Siberia, the Mana River basin in this respect still remains a blank spot on the archaeological map of this region. The only objects known on the banks of the Mana River are the coastal cliffs with rock carvings. Accordingly, a comprehensive study of rock art makes it possible to reveal the economic and cultural aspects of the life of the local population in various chronological periods. This work will tell about the scientific contribution of Krasnoyarsk researchers at various stages of studying the ancient and traditional culture of the peoples of Yenisei Siberia.

Keywords: Mana, petroglyphs, rock art, pisanitsa Shkapchik, history of research, micalent copying, Siberia.

Владимирова Ирина Андреевна

Бакалавр 1 года обучения

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Можарова Евгения Александровна

Бакалавр 1 года обучения

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Овсянникова Татьяна Николаевна

Бакалавр 1 года обучения

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П.Астафьева
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

Vladimirova Irina Andreevna

Bachelor of 1 year of study

Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Mozharova Evgeniya Aleksandrovna

Bachelor of 1 year of study

Krasnoyarsk Pedagogical University
named after V.P. Astafyev
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Ovsyannikova Tatiana Nikolaevna

Bachelor of 1 year of study

Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P.Astafyev
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

Изображения лошадей на «оленных» камнях (по результатам работ В. В. Волкова в Монголии)

В. А. Гражданкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

На территории Центральной Азии изображения лошадей появились на изваяниях древних кочевников в начале I тыс. до н.э., наряду с другими зооморфными персонажами (оленом и кабаном) [Кубарев, 1979, с. 54]. В настоящее время детальная систематизация такой группы источников еще не предпринималась, хотя в ряде публикаций отдельные аспекты данной темы уже нашли отражение. Цель нашей работы заключается в рассмотрении сведений о петроглифах на «оленных» камнях Монголии, изложенных в научных трудах известного отечественного археолога В. В. Волкова, чтобы выделить специфику изображений лошадей.

«Оленные» камни – стелы от 1 до 3 м в длину с выбитыми на них изображениями различных реалий: оружия и украшений, антропоморфных знаков и животных (прежде всего оленей), в характерной стилизованной манере [Савинов, 1994, с. 96]. Имеются рисунки лошадей. Часть из них представлена без контекста к характерному предметному комплексу. Выделяются изображения, связанные с украшениями человека. Встречаются петроглифы колесниц и воина вместе с лошадей. Животные, запечатленные на «оленных» камнях, по-своему уникальны. Они имеют определенные схожие и отличительные черты.

Изучением «оленных» камней на территории Монголии на протяжении более трех десятилетий успешно занимался выдающийся исследователь древностей Центральной Азии, заведующий Отделом бронзового века Института археологии РАН, доктор исторических наук Виталий Васильевич Волков. В его книге «Оленные камни Монголии» [Волков, 2002] опубликовано свыше двухсот «оленных» камней, описаны их местонахождения и зафиксированные изображения. Запечатленные на «оленных» камнях образы животных, чаще всего копытных (олени и лошади), по мнению ученого, могли отображать идеи куль-

тов и верований, особенности искусства и ремесла древних племен, оставивших эти рисунки на каменных монументах. В классификации «оленных» камней В. В. Волкова внимание уделяется особенностям стиля изображений оленей и лошадей. Чаще всего эти животные изображены на каменных изваяниях с изящно изогнутой шеей, с подогнутыми конечностями, а также в композиции с другими животными, оружием и украшениями, которые тоже представлены в разнообразных вариантах исполнения. По мнению В. В. Волкова [2002], вторым по значимости образом, после оленя, запечатленным на средней части каменных изваяний, является изображение лошади. Иногда их можно обнаружить в виде наверший кинжалов и ножей [Диков, 1958, с. 45–46].

«Оленные» камни в Монголии встречаются в одиночку и значительными скоплениями до 20 изваяний и более. Картографирование обследованных монументальных памятников указывает на то, что основная их масса расположена в северных и северо-западных районах страны, но наиболее крупные скопления приурочены к главным горным степям Монголии: Хэнтию, Хангаю, Монгольскому Алтаю. Множество петроглифов коней происходят из Завханского, Баянхонгорского и Ховд (Кобдского) аймагов (лошади запечатлены с различными реалиями). По-своему уникальными являются петроглифы трех больших лошадей на «оленном» камне из Алтан Санда в Монголии [Волков, 2002, с. 34].

Имеющиеся многочисленные изобразительные материалы коней на «оленных» камнях позволяют заключить, что образ лошади прочно вошел в мировоззрение древних кочевых социумов и, возможно, являлся вторым по значимости в изобразительном искусстве населения Центральной Азии. На данный момент остается открытым вопрос о том, сколько на самом деле насчитывается изображений лошадей на «оленных» камнях Монголии, а также на сопредельных с ней терри-

ториях. Какие категории петроглифов коней являются наиболее часто встречаемыми на монументальных памятниках и сколько всего их можно выделить, исходя из большого количества изобразительных материалов. Для вышеперечисленных разработок необходимо сформировать полную базу данных об изображениях лошадей и детально проанализировать все имеющиеся петроглифы на «оленных» камнях. Этому в полной мере спо-

собствует работа В. В. Волкова «Оленные камни Монголии» [Волков, 2002], а также каталог древних изваяний, подготовленный монгольскими исследователями и переизданный в трех томах в 2021 году.

Научный руководитель – А. А. Тишкин

д-р ист. наук, проф.

Алтайский государственный университет

Список литературы

1. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. 247 с.
2. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: АН СССР, 1958. 140 с.
3. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
4. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.

Images of horses on «deer stones» (based on V. V. Volkov's work in Mongolia)

V. A. Grazhdankina

This article is devoted to the study of the images of ancient horses depicted on the «deer stones» of Mongolia and its neighboring territories. The «deer stones» is a stele with images of various objects and animals engraved on it. They are rather large, between one and three meters in length. The stone carvings are not connected to any one culture. The «deer stones» are important archaeological sources for studying the culture of the archaic nomadic empire of Inner Asia. The author focuses on the results of the study of stone carvings with petroglyphs of horses by researcher V. V. Volkov in Mongolia. The characteristic features of numerous depictions of ancient horses from the Late Bronze Age and Early Iron Age are discussed. The categories of horse images on «deer stones» are given for the first time. The article summarizes the research materials and information about the petroglyphs of horses on stone carvings.

Keywords: Mongolia, horses, «deer stones», nomads, petroglyphs, Internal Asia, V. V. Volkov.

Гражданкина Виктория Алексеевна

Студентка 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: grazhdankina_v0607@mail.ru

Grazhdankina Victoria Alekseevna

Student 2st year

Altai State University

e-mail: grazhdankina_v0607@mail.ru

УДК 7.031.1(571.53)

К вопросу о становлении концепций исследователей по интерпретации и периодизации образов и стилей в наскальном искусстве Среднего Приангарья

Н. С. Кацер

Братский государственный университет, Братск, Россия

Среднее Приангарье – известный с начала XVIII в. регион древнего наскального искусства, где абсолютное большинство таких памятников было затоплено Братским и Усть-Илимским водохранилищем.

Первое упоминания о наскальных рисунках на территории Приангарья принадлежит руководителю первой академической экспедиции в Сибирь доктору Д. Г. Мессершмидту. Об этом свидетельствуют записи его

путевого дневника от 8 июля 1725 года, где одна из заметок сообщает о «писаном камне на правом берегу Тунгузки, приблизительно в 2–2/3 верст от Климова. Я приказал пристать у него, чтобы осмотреть начертанные на нем древния изображения и отметить в числе древностей. Но они заключались только в двух всадниках, изображенных красною, не-исчезающею краскою» [Радлов, 1888, с. 19]. Таким образом, Д. Г. Мессершмидт первый из исследователей, кто обратил внимание на писаницы Приангарья.

Свое видение на периодизацию и значение изображений не только «писаного камня» на Ангаре, но и в целом рисунков на территории Сибири (р. Лена, Томь и др.), внес Г. Ф. Миллер – руководитель научного отряда Второй Камчатской экспедиции. Он писал: «...считаю справедливым попытаться высказать свой собственный взгляд на происхождение писаных камней. Если их приписать грубому народу, преданному охоте, то, право, не знаю, почему их приурочивать к столь отдаленному времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям ее» [Миллер, 1999, с. 537]. Так, его концепция сводилась к двум главным аспектам: данные изображения нанесены рукой современников и то, что их могли использовать в религиозных, «волшебных» обрядах [там же].

Летом 1882 г. участник польского восстания 1863 года, исследователь-археолог Н. И. Витковский совершил маршрутное обследование всей долины реки Ангары. Во время поездки ученый посетил 2-ой Каменный остров. Исследователь тщательно и скрупулезно проанализировал немногочисленный археологический материал ангарских стоянок. Большинство вещественных находок он отнес к каменному веку по аналогии с предметами из уже известных неолитических комплексов под Иркутском в районе Китоя и Тункинской долины. Витковский сделал зарисовки и описания наскальных изображений, охарактеризовал особенности техники их нанесения и зафиксировал степень сохранности. Изображения на 2-м Каменном острове исследователь с осторожностью датировал «тунгусским

временем». Результаты исследований были представлены в форме публичного отчета на общем собрании в Иркутске 6 февраля 1989 г., опубликованного впоследствии в двух частях в «Известиях ВСОРГО» [Витковский, 1889]. Среди научных открытий советского периода в изучении памятников наскального искусства региона особое место заняли исследования А. П. Окладникова. На основе изучения значительного пласта наскальных изображений в долине р. Ангары, А. П. Окладниковым была разработана периодизация наскальных изображений региона, их стилистическое и семантическое описание соотнесение изображений с археологическими культурами. Например, изображения медведей и лосей, в стиле так называемого «своеобразного монументального реализма», были отнесены автором к эпохе неолита [Окладников, 1966]. Так же к неолиту и эпохе палеометалла приурочены всевозможные антропоморфные рисунки, личины, геометрические знаки, символы.

Весьма неоднозначной и одновременно удивительной служит дискуссия вокруг петроглифа с о. Ушканьего, обнаруженного в 1937 году на Шаманском пороге у д. Ершово. Характеризуя изображение, А. П. Окладников подчеркивал «примитивность и беспомощность» линий формы, которые «принципиально отличаются от привычных для каждого, кто наблюдал традиционные для наскальных рисунков тайги, силуэтов животных, преимущественно - лосей» [Окладников, 1976, с. 49]. После сравнения рисунка лося с о. Ушканьего с датированными скульптурными изображениями лосей глазковского времени, исследователь пришел к выводу о его чрезвычайной древности и аналогиям с изображениями плейстоценовых носорогов. Так, взяла свое начало концепция о том, что на территории Среднего Приангарья существуют рисунки палеолитического времени.

Тем не менее, такая трактовка загадочных изображений, предложенная А. П. Окладниковым, расколола исследователей на ее сторонников и противников. Относительно трудно распознаваемых наскальных рисунков, интерпретируемых сторонниками концепции А. П. Окладникова как «носороги», «мамон-

ты» и «страусы» [Ларичев, 1968, с. 353–354], очень интересным представляется мнение А. А. Формозова: «нельзя забывать, что на писаницах рисовали не только реальных зверей, но и мифологических персонажей» [Формозов, 1992, с. 50–51]. Сторонники концепции В. И. Молодин и Д. В. Черемисин, анализируя древнейший пласт наскальных изображений Северной Азии, признают, что загадочные изображения на о. Ушканий и Долгом (Дубынинском) пороге «действительно резко отличаются от всего известного массива ангарских изображений», поэтому «вопрос о датировке этих памятников следует пока оставить открытым» [Молодин, Черемисин, 1999, с. 139]. На сегодняшний день, одно из самых спорных изображений не только Среднего Приангарья, но и Сибири в целом, оказалось единственным спасенным с зоны затопления Усть-Илимского водохранилища. Вопрос о периодизации спасенного петроглифа «носорога» с о. Ушканьего остается сложным и до сих пор.

После 1975 г., когда было затоплено последнее Усть-Илимское водохранилище, региональные исследования наскального искусства приостановились. Концепции, изложенные А. П. Окладниковым в монографии «Петроглифы Ангары» и ряде статей стали руководящими для последующих исследователей наскального искусства Приангарья и сопредельных территорий. Значительным сдвигом является выделение изобразительных стилей среди зооморфных изображений – томского, ангарского, минусинского. Исследования палимпсестов на писаницах 2 Каменного острова [Пономарева,

2011, с. 63]. позволили установить хронологическую последовательность создания наскальных изображений и выделения их в пласты, а также находки аналогичных изображений и символов на керамике и в скульптуре,

На протяжении почти 300 летней истории исследований наскального искусства Среднего Приангарья концепции исследователей претерпевали неоднократные изменения. В первую очередь это связано с уровнем развития научной мысли в исторической и археологической науке. Сформированные в середине – второй половине XX в. концепции А. П. Окладникова по периодизации и семантической интерпретации изображений обозначили основной вектор развития и с незначительными корректировками актуальны до сих пор. Благодаря исследованиям в соседних регионах, где не произошло физическое уничтожение памятников наскального искусства, к началу 2020 г. были получены данные, позволяющие по новому взглянуть на технологию изготовления изображений, их взаимосвязь со стояночными и погребальными комплексами по трасологическим данным. Остается открытым вопрос существования в регионе изображений палеолитического возраста, а также соотношения изображений на скалах, керамике и скульптуре с учетом находок последних лет.

*Научный руководитель – М. В. Панюхин,
доцент кафедры истории, психологии и политологии
Братского государственного университета,
старший научный сотрудник
МБУК «Братский городской объединенный музей
истории освоения Ангары»*

Список литературы

1. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине реки Ангары // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1889. Т. 22, № 1. С. 1–42.
2. Ларичев В. Е. Охотники за мамонтами. Новосибирск: Наука, 1968. 452 с.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1999. Т. 1. 607 с.
4. Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.
5. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.
6. Окладников А. П. Удивительные звери острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1976. С. 47–55.
7. Пономарева И. А. К вопросу изучения изображений ангарского стиля // Археология, этнография и палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Российской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2011 С. 63–66.
8. Радлов В. В. Сибирские древности. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1888. Т. 1. Вып. 1.

9. Формозов А. А. К датировке Восточно-Сибирских писаниц // Петр Алексеевич Кропоткин. Гуманист, ученый, революционер. Чита: 1992. С. 50–51.

On the question of the formation of the concepts of researchers on the interpretation and periodization of images and styles in the rock art of the Middle Angara region.

N. S. Katser

This article examines the change in the concepts of researchers on the interpretation and periodization of images and styles in the rock art of the Middle Angara region. The initial stage of research is characterized by isolated, random discoveries of rock carvings, unsystematic studies and limited descriptions. At the same time, the researchers made attempts to analyze the role, meaning and cultural-chronological affiliation of a specific type of sources. Later, the concepts outlined by A.P. Okladnikov in his writings, became guiding for subsequent researchers of rock art of the Angara region, leaving behind complex, open questions of periodization and semantic interpretation of images.

Keywords: Middle Angara region, rock art, history of archaeological research, concepts of researchers.

Кацер Надежда Сергеевна

студент 4 курса

Братский государственный университет

e-mail: nadedakatser@yandex.ru

Katser Nadezhda Sergeevna

Student 4th year

Bratsk State University

e-mail: nadedakatser@yandex.ru

УДК 7.031.1(571.51)

Койская писаница по материалам В. Ф. Капелько

Е. А. Можарова, И. А. Владимирова, Т. Н. Овсянникова

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

Река Мана является правым притоком реки Енисей, берёт своё начало в высокогорье Восточного Саяна, имеет скалистые берега с таёжной растительностью и привлекает следами творческой деятельности наших далёких предков. На реке располагается целый комплекс скал с петроглифами. Тема исследований Манских писаниц достаточно актуальна. Например, писаница напротив п. Кой изучается не так давно – данный памятник археологии был открыт в 1982 году абаканским художником В. Ф. Капелько. Он провёл контактное копирование рисунков на полиэтилен и другие материалы. К сожалению, результаты работ Владимира Феофановича не были опубликованы.

Целью нашего исследования является анализ копий художника (МАС ВХ КВФ. Мана 01-19) и более поздних материалов исследований. Койская писаница посещалась археоло-

гами не один раз: в 1987 г. археологическим отрядом КГПИ были проведены археологические разведки в верховьях р. Маны. В состав отряда входили: художник В. Ф. Капелько, сотрудник ХКМ Э. А. Севастьянова, красноярские сотрудники лаборатории археологии Л. Ю. Блейнис и А. А. Бокарев [Блейнис, 1987, л. 2–9; Заика, 2006]. Участниками отряда были скопированы рисунки Койской писаницы. Также койские петроглифы обследовались археологами и позднее, в том числе и А. Л. Заикой в 1991, 1994, 1996, 2010, 2020, 2022 годах [Археологические памятники..., 1992; Результаты работ..., 1997; Заика, Кузнецов, 2008, с. 58–59; Заика, Кузнецов, Березовский, 2011].

Койская писаница находится на левом берегу реки Маны, в 500 м к северу от п. Кой. Представляет собой ряд плоскостей с рисунками, выполненными охрой различных оттенков на протяжении 80 м.

Рис. 1. Койская писаница. Плоскость 1

Плоскость № 1 (рис. 1) находится на западном участке писаницы. В нижней левой части плоскости показана антропоморфная фигура, к которой, практически, примыкает контурное изображение овала расщепленного пополам го-

ризонтальной линией (бубен? солярный знак?). Немного выше и правее расположено охристое пятно, напоминающее отпечаток человеческой руки. Между овальной фигурой и пятном выявлено округлое пятно. Несколько выше находится изображение животного (медведь?) с валенкообразным оформлением конечностей, выполненное охрой более яркого цвета и, возможно, более позднего происхождения.

Плоскость № 2 (рис. 2) расположена правее плоскости №1. В нижней левой части плоскости изображен ряд знаков, дугообразных и вертикальных линий. По диагонали, выше и правее композиции из дуг располагаются две контурные, округлые фигуры, с двумя вертикальными отростками вверх (личины?). В правой фигуре есть перегородка, и два вертикальных отростка вниз (антропоморф?). Выше и правее их расположена ещё одна композиция рисунков, представленная двумя антропоморфами, соединёнными между собой горизонтальной линией, и голова рогатого лося. У правой антропоморфной фигуры в руке вертикальный предмет (лыжа?). А перед рогами лося нанесена тонкая вертикальная извилистая линия.

Рис. 2. Койская писаница. Плоскость 2

Рис. 3. Койская писаница. Пloшкость 3

Плошкость № 3 (рис. 3). В левой части плошкости изображена антропоморфная фигура. Рядом с антропоморфом располагается вертикальная линия. Правее находится зооморфная фигура, с соединёнными конечностями (медведь?). Немного правее зооморфа располагается вертикальная линия с отростками (дерево?).

Плошкость № 4 (рис.4). В нижнем левом углу находится горизонтальный ряд трудноопределяемых изображений, возможно солярные знаки и фрагменты антропоморфных фигур.

Правее, в центре ряд антропоморфных фигур в «рогатых» головных уборах, разделённые трещиной. Слева от трещины две фи-

Рис. 4. Койская писаница. Пloшкость 4

гуры: первая фигура с двумя «рогами», справа к ней примыкает трудноопределимый предмет удлиненной формы с развилкой в нижней части (держит рыбу?); над ней находится другой антропоморф с двумя «рогами». В одной руке он держит округлый предмет (бубен?), в другой – удлиненный предмет, показанный вертикальной линией. Правее первой фигуры показано силуэтное изображение задней части крупного животного. Следующая группа «рогатых», антропоморфных фигур находится правее трещины. Они имеют большие размеры, непропорционально удлиненные тела, аморфное оформление нижних конечностей, сравнительно небольшие головы с прямыми «рогами».

Выше удлиненных антропоморфов в левой части плоскости, изображены три личины. Они заключены в естественные контуры, оформленные трещинами скалы. Глаза личин показаны круглыми пятнами, имеют «улыбающийся» рот. У правой личины есть нос в виде 2-х пятен (ноздри) и 2 черточки-брови, сходящие кверху. Над ней расположена скобовидная фигура, опущенная концами вниз, правее показан косой крест. Немного выше и правее креста - линия, согнутая под прямым углом.

Крайняя правая фигура представлена в виде зооморфа (медведь?), обращенная влево.

Над крайней левой личиной изображены самка лося с детенышем. Лосиха показана статично. Детеныш изображен в динамике, как бы неуклюжего движения влево (одна передняя нога согнута в колене).

Плоскость № 5 (рис. 5). В левом нижнем углу находится изображение безрогого лося. Часть его морды разрушена. Животное показано в динамике движения вправо. Передние ноги перекрывает аморфное пятно. Над лосем находится фигура, имеющая неправильный округлый контур с небольшими радиальными отростками и круглым пятном в центре (солнце? глаз?). Справа к ней примыкает силуэтная, дугообразная фигура с раздвоенным верхним концом. Между ними, немного выше, расположены две вертикальные дугообразные линии (ноги человека?). Между округлой фигурой и силуэтной дугой выявлено округлое пятно. В 0,4 м выше композиции расположен горизонтальный ряд из пяти вертикальных, параллельных между собой линий, разной длины.

Правее безрогого лося, по другую сторону трещины, выявлена вертикальная линия. Пра-

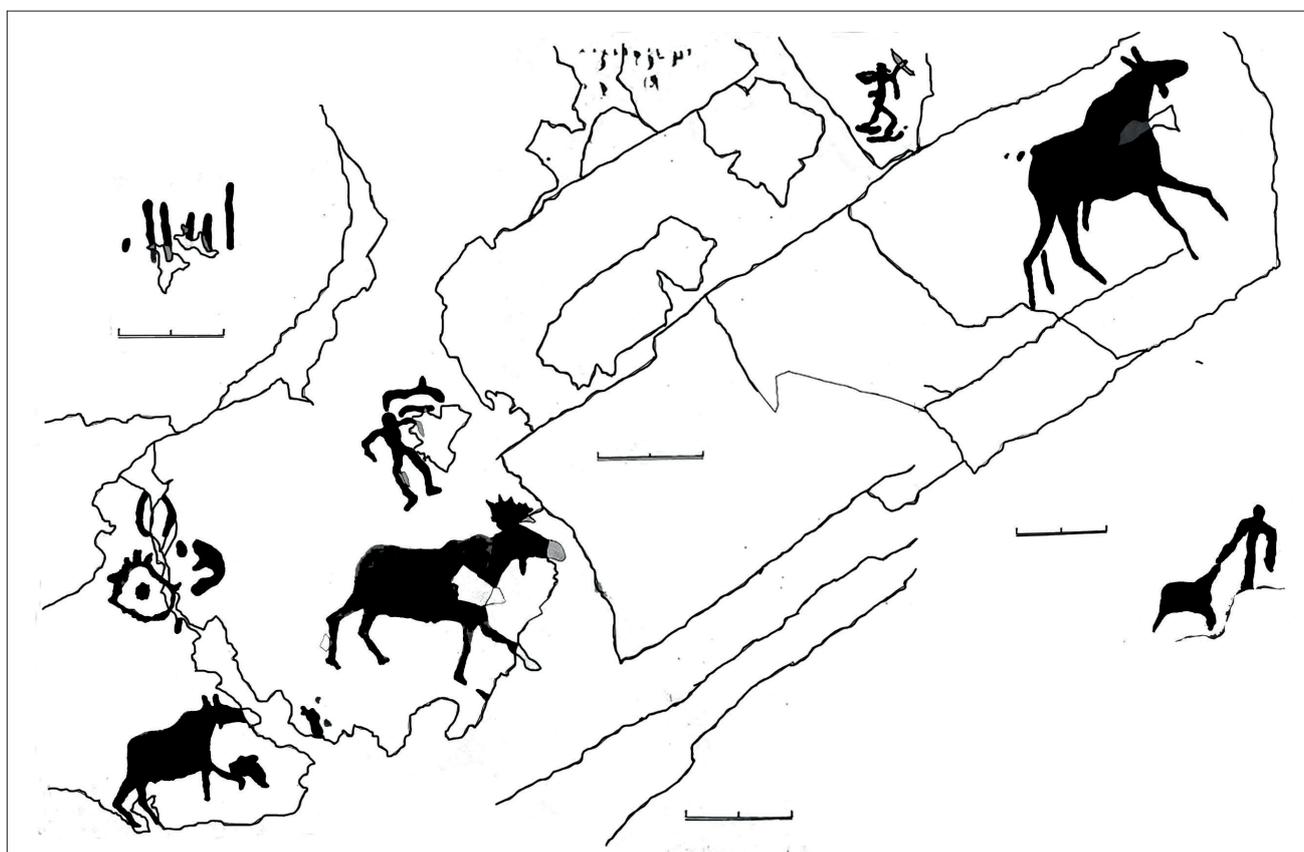

Рис. 5. Койская писаница. Плоскость 5

вее и выше ее расположено другое, более крупное изображение лося. Передняя часть морды уничтожена. Над рогатым лосем выявлено изображение человека, выполненное в линейном стиле. Над фигурой человека расположены две горизонтальные, волнистые линии, параллельные между собой. Верхняя линия в средней части имеет вертикальный отросток, левым концом примыкает к голове человека. Правее и по диагонали, выше антропоморфной фигуры (в 0,9 м) расположена ещё одна линейная, антропоморфная фигура лыжника, изображенная в динамике движения в правую сторону в позе стрельбы из лука. Правее фигуры лыжника силуэтное изображение безрогого лося. Фигура выполнена в том же стиле, что и другие лоси. Животное ориентировано вправо. Между задними ногами выявлена вертикальная линия (вариант постановки ноги?). Ниже фигуры лося расположена в фас фигура человека в линейном стиле, которая «держит» силуэтную фигуру зооморфного вида. Вследствие разрушения скальной поверхности, нижняя часть антропоморфной фигуры отслоилась. Все рисунки на плоскости – светло-бурого цвета, фигура крупного безрогого лося более темных тонов, крайняя правая фигура светло-красного цвета.

Таким образом, основываясь на копиях наскальных рисунков писаницы Кой, выполненных художником, были уточнены уже более поздние материалы. Копии Капелько по свое-

му содержанию являются более полными, так как скалы со временем разрушаются, да и глаз художника видит рисунки более точно. Вместе с тем, он не обратил внимания на скальный фриз, расположенный между плоскостями № 1 и № 2, где на верхних ярусах скалы современными исследователями была зафиксирована ещё одна плоскость с петроглифами.

На писанице представлены образы обитателей таёжной фауны (лоси, маралы, медведи), сцены охоты на них, антропоморфные объекты поклонения (личины, фигуры в масках-личинах), шаманы с бубнами, знаки.

Рисунки датируется эпохой неолита – ранней бронзы (6–4 тыс. лет назад).

Судя по сюжетам писаницы, у древнего населения господствовали присваивающие формы хозяйства, но в эпоху палеометалла круто меняется мировоззрение: зооморфных божеств сменяют антропоморфные.

Результаты исследований раскрывают дополнительные возможности для реконструкции духовной и материальной культуры древнего населения Енисейской Сибири.

Исследование наскальных рисунков Койской писаницы требуют дальнейшего продолжения с применением современных методик.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева*

Список источников

Блейнис Л. Ю. Полевой дневник // Архив Музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева. 1987 г. Оп. 54, д. 01. 96 л.

Список литературы

1. Археологические памятники р. Маны / А. Л. Заика, Е. В. Гушин, А. А. Коваль, А. В. Шахов // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 128–129.
2. Заика А. Л. История исследования манских писаниц // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 2. Красноярск: КГПУ, 2006. С. 128–149.
3. Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. Красноярск: КГПУ, 2008. 76 с.
4. Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П. Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Том 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 153–159.
5. Результаты работ в Манском и Мотыгинских районах Красноярского края / А. Л. Заика, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, А. В. Каява // АО 1996 года. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. С. 322–324.

Koiskaya pisanitsa based on the materials of V.F. Kapelko

E. A. Mozharova, I. A. Vladimirova, T. N. Ovsyannikova

The work is dedicated to rock art on the Mana River. The object of the study is the Koi scribble, the main sources are copies of V.F. Kapelko's rock paintings, field documentation of the 1980s.

Keywords: rock art, Mansky pisanitsa, Koi pisanitsa, Kapelko.

Можарова Евгения Александровна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский Педагогический Университет
им. В. П. Астафьева
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Mozharova Evgeniya Aleksandrovna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk Pedagogical University
named after V.P. Astafyev
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Владимирова Ирина Андреевна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский Государственный Педагогический
Университет им. В.П. Астафьева, Красноярск
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Vladimirova Irina Andreevna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Овсянникова Татьяна Николаевна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский государственный университет
им. В.П.Астафьева
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

Ovsyannikova Tatiana Nikolaevna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P.Astafyev
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

УДК 7.031.1(571.51)

Характеристика писаницы Шкапчик-3 (по материалам В. Ф. Капелько)

Т. Н. Овсянникова, И. А. Владимирова, Е. А. Можарова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия

Данная работа посвящена наскальным рисункам писаницы Шкапчик–3 на р. Мане (правый приток р. Енисей). Предметом исследования являются копии петроглифов, выполненные известным художником и исследователем наскального искусства В. Ф. Капелько.

Писаница Шкапчик–3 располагается на левом берегу р. Маны в 99 м ниже по течению от пункта 2 и в 40 м выше ручья Шкапчик. Местонахождение представляет собой глубокую нишу в скале, ширина которой составляет 3 м, глубина 1 м, а высота 4 м. Поверхность скалы имеет сильные повреждения, у левой части ниши образова-

лась мощная осыпь. Плоскости с рисунками занимают нишу и прилегающие скальные фризы.

Рисунки писаницы Шкапчик–3 представляют собой изображения всадников, животных, деревьев, человеческие фигуры, солярные знаки, выполненные охрой бордового цвета. К настоящему времени выявлено 9 плоскостей с рисунками [Археологические памятники..., 1992; Результаты работ..., 1997; Заика, Кузнецов, 2008, с. 59–60; Заика, Кузнецов, Березовский, 2011].

Судя по копиям наскальных рисунков из личного архива художника, которые в дан-

ный момент находятся в музее археологии и этнографии Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева (МАС ВХ КВФ. Мана 27-51), Владимир Феофанович работал с рисунками писаницы Шкапчик в 1982 г. При сравнительно-сопоставительном анализе копий В. Ф. Капелько и материалов современных исследований, выяснилось, что к писанице Шкапчик – 3 относятся 25 копий художника, маркированных индексом М-3-П. Копии выполнены контактным способом на микалентную бумагу, как с последующей протиркой сажей газовой, так и без нее. Контуры рисунков подведены карандашом зелёного и черного цвета.

К плоскости 1 относятся два листа микалентной бумаги размерами 85×57 см и 21×19 см. На самом крупном представлены копии рисунков, расположенных в глубине ниши. По своим очертаниям они совпадают с материалами современных исследований. Представлены антропоморфные фигуры, изображения всадника, густо покрывающие скальную плоскость. Присутствуют также округлые знаки. На другой копии контуры рисунка отличаются от современных данных: в одном случае В. Ф. Капелько зафиксировал полукруг с радиальными лучами на месте солярного символа.

Плоскость 2 расположена левее плоскости 1 и представляет скальный фриз, рассечённый диагональными и вертикальными трещинами. Присутствуют на отдельных каменных выступах изображения всадников, пеших людей, солярных символов. Видимо поэтому В. Ф. Капелько скопировал каждый рисунок на отдельном небольшом куске микалента размерами 9–12×13–49 см в количестве 6 листов. Художник скопировал не все рисунки, а зафиксированные им несколько отличаются от современных данных по ряду деталей.

Плоскость 2А находится левее плоскости 2 за поворотом скалы. Присутствует одиночное изображение всадника, показанное схематично, в линейном стиле. Фигура ориентирована в правую сторону, ноги животного вертикально опущены вниз, голова на длинной шее, поднята. Ноги всадника не показаны, правая рука отведена назад, левая, более длинная, опущена на голову животного. Необходимо отметить, что на копии В. Ф. Капелько изображение животного показано более реалистично.

Плоскость 3 расположена правее плоскости 1, под углом нависает над нею, имеет ширину более 1 м, обращена на юго-восток. Рисунки находятся на высоте 2 м от подножия и представлены изображениями линейных фигур и солярных символов. В. Ф. Капелько на одном листе микалента зафиксировал рисунки только в крайней правой части плоскости. В целом они соответствуют современным данным, но более точны в деталях. Особенно это прослеживается на примере солярных символов.

Плоскость 4 расположена правее плоскости 3. Рисунки дислоцированы разрозненно на восьми небольших угловатых выступах скалы. Представлены изображения людей, всадника, солярных знаков, деревьев (?). В. Ф. Капелько зафиксировал изображения только на трёх каменных выступах. При анализе копий выяснилось, что часть рисунков художник не заметил, а часть – не зафиксирована современными исследователями.

Плоскости 5/5А находятся правее и выше плоскости 4 на широком (2 м) скальном фризе, рассечённом диагональными трещинами. На поверхности скалы плохо сохранились изображения людей, солярных знаков, шаманских бубнов (?). На 5 листах микалента В. Ф. Капелько зафиксировал практически все наскальные изображения. Но трактовка некоторых фигур отличается от современных данных, например: солярный знак – лучник. Часть рисунков художник не заметил (две антропоморфные фигуры), а часть – не была зафиксирована современными исследователями (солярный знак).

Плоскость 6 расположена правее и выше плоскости 5 на подобном широком скальном фризе, испещрённом трещинами. На каменную поверхность нанесены изображения всадника, солярных символов, линейных фигур. Копии В. Ф. Капелько на трёх листах микалента, практически, полностью идентичны современным данным.

Плоскость 7 находится правее и ниже плоскости 6 над верхней кромкой скальных осыпей, перед крутым поворотом скалы. Зафиксировано одиночное изображение антропоморфной фигуры, выполненной в линейном стиле. Копия рисунка, выполненная В. Ф. Капелько на небольшом (19×31 см) листе микалента, полностью соответствует современным данным.

Художник, видимо, не заметил рисунки на плоскостях 8, 9, которые находятся в стороне от основного скопления рисунков, и в летнее время скрыты густой растительностью. Вместе с тем, рисунки на трёх листах микалента не зафиксированы современными исследователями на данном местонахождении. На первом листе размерами 32×35 см изображены две антропоморфные фигуры, на втором (10×22 см) линейная фигура орнитоморфного вида, третий лист имеет размеры 16×19 см, на нём изображен округлый знак, диагонально пересечённый прямой линией. По всей видимости, данные изображения или выпали из внимания современных исследователей, или утрачены вследствие разрушения скальных пород.

Основываясь на копии наскальных рисунков писаницы Шкапчик-3, выполненных Владимиром Феофановичем на микалентную бумагу, были уточнены более поздние материалы исследований. Копии Капелько по своему содержанию являются более полными, так как скалы со временем разрушаются. Вместе с тем, он не обратил внимания на известные на данный момент плоскости № 8, 9. По результатам анализа материалов художника и корреляции их с результатами современных исследований получена наиболее полная информация о наскальном творчестве древних народов Восточного Саяна на примере писаницы Шкапчик-3.

Суммируя информацию из различных источников можно прийти к следующим выводам. На писанице представлены антропомор-

фные образы, изображения всадников, небесных светил (солнце, луна), шаманских бубнов, знаков. Большинство рисунков выполнены в «линейном» стиле, характерном для поздних петроглифов. Судя по сюжетам, самые ранние рисунки выполнены в эпоху раннего железа (рубеж эр), когда начинает использоваться верховая езда на лошади и получает распространение шаманизм. Данные тенденции в хозяйственной и культурной жизни народов Восточного Саяна получили своё дальнейшее развитие вплоть до этнографической современности (конец XIX в.). Тематика петроглифов (космические символы, шаманская атрибутика) свидетельствует о культовом характере писаницы, святилище, где обряды сопровождалась нанесением рисунков. Подобная ритуальная практика привела к появлению аморфных пятен охры – следствие интенсивного нанесения изображений на ограниченном пространстве (центральная плоскость 1). Таким образом, результаты исследования раскрывают дополнительные возможности для реконструкции духовной и материальной культуры древнего населения Енисейской Сибири. Результаты анализа материалов В.Ф. Капелько предполагают дальнейшее исследование рисунков на территории писаницы Шкапчик-3.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева*

Список литературы

1. Археологические памятники р. Маны / А. Л. Заика, Е. В. Гушин, А. А. Коваль, А. В. Шахов // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 128–129.
2. Результаты работ в Манском и Мотыгинских районах Красноярского края / А. Л. Заика, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, А. В. Каява // Археологические открытия 1996 года. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. С. 322–324.
3. Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. 76 с.
4. Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П. Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Мат-лы меж. науч. конференции. Том 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 153–159.

Characteristics of the писаницы Shkapchik-3 (based on the materials of V. F. Kapelko)

T. N. Ovsyannikova, I. A. Vladimirova, E. A. Mozharova

The paper analyzes the materials of studies of petroglyphs in the Management River basin, made by the famous artist V.F. Kapelko. The object of research is the scribble Shkapchik - 3, the main source is copies of rock paintings, field materials.

Keywords: V. F. Kapelko, Mana, petroglyphs, writings, micalent paper.

Овсянникова Татьяна Николаевна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский государственный университет
им. В. П. Астафьева
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

Ovsyannikova Tatiana Nikolaevna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafyev
e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

Владимирова Ирина Андреевна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский Государственный Педагогический
Университет им. В. П. Астафьева, Красноярск
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Vladimirova Irina Andreevna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk
e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Можарова Евгения Александровна

Бакалавр 1 года обучения
Красноярский Педагогический Университет
им. В. П. Астафьева
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Mozharova Evgeniya Aleksandrovna

Bachelor of 1 year of study
Krasnoyarsk Pedagogical University
named after V.P. Astafyev
e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

УДК 003.314(571.51)

Петроглифы как один из компонентов «культы гор» у коренного населения Минусинской котловины

И. В. Сирюкин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Уже на протяжении трехсот лет Минусинская котловина является местом притяжения для исследователей археологического наследия нашей страны. В течение всего этого времени в сфере научного интереса остаются вопросы быта и религиозной жизни местного населения. Начиная с XIX в., появляются первые труды по географии, этнографии и истории края [Степанов, 1835; Кузнецов, 1889; Адрианов, 1904; и др.], содержащие информацию современников, которые собственными глазами видели проводимые обрядовые практики.

Одним из главных культов у хакасов Минусинской котловины является культ гор, имеющий древние корни. Культ гор был распространен достаточно широко и вошел во многие древние религии: культ Олимпа в Греции, Синая у палестинских евреев и др. [Потапов, 1946, с. 145]. Поклонялись горам многие народы Цен-

тральной Азии. Согласно китайским летописям, алтайские тюрки поклонялись горе Бодын-инли [Там же]. Г. Н. Потанин отмечал, что культ священных гор постепенно входил в состав буддийского культа: «Кроме поклонения огню, в Монголии сохранилось повсеместно поклонение горам, ... выдающимся урочищам. Обряды этого поклонения вошли уже в состав ламаистского культа и сопровождаются ... молитвами лам; священных гор в Монголии множество, и к собственному имени таких гор часто придается эпитет богдо или хаирхан» [Потанин, 1881, с. 81–101]. После этого автором приводится длинный список таких священных гор и отмечены некоторые действия, которые совершают последователи: на вершинах гор собираются люди для поклонения; колют баранов, приносят вино, угощают всех собравшихся; при этом исполняется запрет на произношение некоторых слов.

А. П. Степанов в своей книге «Енисейская губерния» (1835) зафиксировал помимо географического описания края информацию о верованиях коренного населения. Согласно сведениями автора, верования «татар не-христиан» основывается не на вере в шаманство, а на почитании священных холмов и рощ, в определенное время они собираются на «празднование» и проводят жертвоприношения, без участия шаманов, но под контролем со стороны старейшин. Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев приводят данные М. А. Кастрена от 1847 г.: «Поклонялись в прежние времена также и высоким скалам, святость которых обозначалась намалеванными или высеченными фигурами... рассказывают, что ... ныне в иной день ... татарские поколения собираются у подножия «писанных скал» ... чтобы отмечать свои праздники» [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 64]. Поклонение утесу горы Иней тас, которую местное население называло «Каменной старухой» на р. Кюг, было описано Д. А. Клеменцом, при этом автор указывает, что хакасы ежегодно собираются возле скалы и приносят жертвы старухе. Также

Рис. 1. Наскальные рисунки народных гуляний: 1 – Оглахты [По: Кызласов, Леонтьев, 1980]; 2 – Тепсей.

рядом с утесом он обнаружил площадку, покрытую песком и огороженную каменной оградой, внутри которой стояли грубые каменные изваяния, похожие на животных, эти фигуры были вывезены в Минусинский музей и переданы А. В. Адрианову [Записки..., 1891, с. 27]. В качестве мест культовых молений Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев указывают гору Оглахты и Сулекскую писаницу [1980, с. 65]. Во время проведения таких молений хакасские роды оставляли свои тамги на скалах о пребывании там. В настоящее время такие тамги мы можем встретить в большом количестве на скалах Минусинской котловины. Помимо этого, встречаются впечатляющие картины «хороводов», возможно, что в них запечатлены сцены ритуалов, проходивших здесь в сезонные праздники (рис. 1). Не исключено, что выбивание «отметки», то есть своей родовой тамги было направлено на духа горы, этим человек указывал на свое отношение к тому или иному роду и просил у духа благословения и помощи.

Часто моления имели жертвенный характер, потому что в конце этого действия в жертву духу приносилось животное, чаще всего лошади, которые после жертвоприношения становились «изыхами». Лошадь специально подготавливали для этого мероприятия. А. П. Степанов так описывает этот процесс: «из всех улусов избирается наилучшая белая лошадь, после этого ее отводят в священное место, где скидывают с ее шеи уздечку и после этого конь бродит по воле» [Степанов, 1835, с. 85]. Этнографы говорят о том, что лошадь украшали, вплетая цветные ленты в хвост и гриву и омывали молоком, после завершения обряда изображение лошади выбивалось на скале [Бурнаков, 2006, с. 64–65]. Хакасы верили, что после проведения обряда, коня оседлывает сам дух «изых». Изображения «изыхов» на скалах Минусинских писаниц известны в большом количестве (рис. 2). Так, например, на одну из плоскостей с Оглахты нанесено изображение лошади, фигура которой украшена солярными знаками, циркулярным орнаментом и тамгами, возможно, тамгой показана принадлежность жертвенного животного тому или иному хакасскому роду. Шею коня обрамляет несколько линий, с кружками на концах и точками посередине (бубенцы?). По мнению Л. В. Еремина на спи-

не животного восседает небольшой всадник, возможно, что именно так хакасы представляли духов, которые живут в горах и помогают людям, приносящим им жертвы [2008]. Он указывает, что в конце обряда шаманы выбивали или рисунок самого жертвенного коня или след его копыта, чем подчеркивалось успешное проведение мероприятия на «документе» [Там же, с. 180].

К культу гор также относится обычай сооружения на вершинах гор сооружений из камней, которые посвящались духам-хозяевам этих гор. Такие священные сооружения назывались «обаа» [Бутанаев, 2003, с. 33], либо «обо» [Кузнецов, 1889, с. 18; Потапов, 1946, с. 145]. Для их сооружения каждый проходящий по перевалу или вершине должен был им поклониться и поднести новые камни. Часто мужчины приносили камни, которые поднимали во время подъема на гору, а женщины приносили березовые ветви и втыкали их с восточной стороны «обо». При первом прохождении перевала человек был обязан повязать священную ленту «чалама» на ветви, которые втыкались в «обо», если человек этого не выполнит, его жизнь сократится, также людям было запрещено смеяться и петь песни рядом с «обаа» [Потапов, 1946, с. 146]. По информации В. Я. Бутанаева «обо» сооружались в кыргызское время и назывались в хакасской среде «кыргызскими камнями». Автор приводит хакасскую легенду о духах-хозяевах:

Рис. 2. Изображение жертвенного животного [По: Кызласов, Леонтьев, 1980].

с наступлением осени, когда природа начинает «засыпать», вместе с ней ложатся спать и духи, усаживаясь на эти насыпи [Бутанаев, 2003, с. 34]. И. Кузнецов же указывает, что в конце XIX в. все еще сохраняется среди инородческого населения религиозный обычай бросать в определенное место древесные ветви, либо камни на перевалах из одной долины в другую, поэтому автор относит создание «обо» к новому времени [Кузнецов, 1889, с. 18].

В 2017 г. во время полевой разведки на Тепсее (местонахождение Усть-Туба) на вершине горы петроглифическим отрядом Кемеровского государственного университета были обнаружены три «обо», в кладке одного из них была обнаружена плитка с рисунком коня, выполненном в стиле «этнографических» изображений (рис. 3). Можно предположить, что эта «жертва» могла быть преподнесена духу гор, задобив которого, человек надеялся получить в ответ какие-то блага. Следует отметить, что в настоящее время «обо» сооружают и туристы, подражая местным традициям.

Таким образом, петроглифы являлись важным компонентом культа гор, и наносились местным населением Минусинского края во время проведения ритуальных и обрядовых практик.

*Научный руководитель – О. С. Советова,
д-р. ист. наук, профессор,
Кемеровский государственный университет*

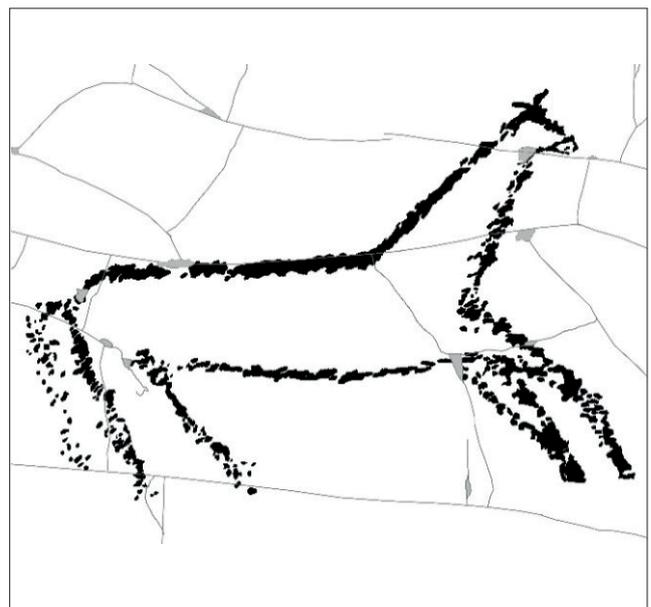

Рис. 3. Усть-Туба IV, изображение найденное в «обо».

Список литературы

1. Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. Вып. 4. С. 25–52.
2. Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
3. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.
4. Ерёмин Л. В. Казановка: реальный мир мифов // Сокровища культуры Хакасии. М.: Научно-информационный издательский центр, 2008. С. 178–189.
1. Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты. Альбом. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2017. 160 с.
5. Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Кн. 11: Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск, 1891.
6. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. – Томск: Издание Иннокентия Кузнецова, 1886. 185 с.
7. Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. 98 с.
8. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
9. Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 1. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1881. 338 с.
10. Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
11. Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835. 440 с.

Petroglyphs as one of the components of the «cult of mountains» among the indigenous population of the Minusinsk basin

I. V. Siryukin

The article discusses the cult of mountains, which has ancient roots and is widespread among representatives of Turkic tribes.

The author identifies petroglyphs that can be attributed to the cult of the mountains of the indigenous population of the Minusinsk basin.

Among the images of this cult, the author highlights images of richly decorated sacrificial animals «Izykhs» and parts of their bodies (most often hooves), which were applied to rocks and tiles that can be found on the territory of the Minusinsk basin writings.

In addition to the images of animals, the author points to several scenes - «round dances», which, in relation to the data of the authors of the XIX century, can capture folk festivals, after which generic signs were applied to the rocks, richly represented at different locations.

Keywords: the cult of mountains, cave art, petroglyphs, ethnographic image, Minusinsk basin, Middle Yenisei.

Сирюкин Иван Витальевич

Магистрант 2 года обучения

Кемеровский государственный университет

e-mail: ivansiryukin@mail.ru

Siryukin Ivan Vitalievich

2st year graduate student

Kemerovo State University

e-mail: ivansiryukin@mail.ru

Формирование базы данных об изображениях щитов на «оленных» камнях Центральной Азии

Ал. Ал. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К настоящему времени существенно увеличилось количество информации о результатах изучения «оленных» камней в Центральной Азии, что требует эффективной систематизации для ее хранения, визуализации и дальнейшего использования. Одной из таких возможностей является создание электронных баз данных. Обозначенный подход обеспечит не только формальное обобщение сведений, но и позволит продолжить более детальные исследования имеющихся реалий на рассматриваемых древних изваяниях. В рамках намеченной деятельности необходимо проводить проверку достоверности опубликованной информации, а также осуществлять дополнение ее. Одним из малоизученных изображений на «оленных» камнях являются щиты, которые выступают маркером определенного статуса древнего воина-кочевника. Их документирование создаст условия для расширения научного потенциала важных источников.

Технологии баз данных уже нашли широкое применение в исторических науках. Основной их функцией является систематизация, хранение и демонстрация подробной информации. Использование в исследованиях таких систем, как, например, MS Access, заключается не только в возможности внести массив данных, но и представить дополнительные ресурсы (фото, видео и др.). Эту информацию можно оформить в виде подробной таблицы. Для разработки структуры базы данных и применения методов доступа к ней необходимо осуществить анализ той предметной области (объектов и процессов), которая подлежит дальнейшему изучению. Предварительный список основных показателей позволяет выявить наличие идентичной информации, а также дополнить его. Этот и другие этапы работы способствуют формированию базы данных, а также ее наполнению. Дальнейшее эффектив-

ное использование зависит от количества и качества имеющихся сведений.

Специально созданием базы данных, содержащей изображения щитов на «оленных» камнях Центральной Азии, пока никто не занимался. Сведения о древних изваяниях культуры херексуров и «оленных» камней в разном виде представлены в публикациях, среди которых нужно отметить базовые монографии [Кубарев, 1979; Волков, 2002; Савинов, 1994; и др.]. Особенно востребованными станут недавно изданные три тома каталога «оленных» камней Монголии и сопредельных территорий [Монгол..., 2021a; Монгол ба бус..., 2021б]. Перечисленные труды лягут в основу создаваемой авторской базы данных. На начальном этапе нашей работы были привлечены сведения, сформированные и проанализированные В. В. Волковым [2002].

Основная цель публикации – продемонстрировать опыт создания макета базы данных на основе электронной таблицы, содержащей информацию об известных изображениях щитов на «оленных» камнях. Для реализации обозначенной цели и поставленных задач применялся системный подход [Казаков, 2010], который предполагает изучение сторон, свойств, частей и характеристик предмета исследования в контексте целостной системы. Опираясь на имеющийся опыт создания БД, нами была предпринята попытка формирования нового информационного продукта по теме исследования.

На данном этапе макет базы данных «Щиты на “оленных” камнях», созданный в Microsoft Excel, состоит из следующих 12 полей: 1) регион распространения; 2) административная и географическая привязка, GPS координаты; 3) название памятника; 4) параметры и характеристика «оленного» камня; 5) назначение «оленного» камня; 6) щит и его

характеристики; 7) место расположения щита, наличие пигмента; 8) изображение предметов вооружения; 9) иллюстрация; 10) год и автор открытия; 11) сведения о публикации или архивных данных; 12) примечание.

В первом поле указывается регион расположения каждого «оленного» камня. Пока представлена информация о Центральной Монголии. Второе поле содержит сведения об изваяниях, обнаруженных в Архангайском аймаке, с названием местности и ее описанием. В третьем поле указывается название памятника или местности. В четвертое поле записана вся имеющаяся информация о номере, материале и размерах «оленного» камня. Помимо этого, описывается весь узор и орнамент, представленный на поверхности. Пятое поле содержит информацию о назначении «оленного» камня. В большинстве случаев оно остается неясным, но имеются данные об использовании их в погребальных и мемориальных комплексах. В шестом поле кратко указана характеристика щита, представленного на изваянии, а именно форма, размеры, орнамент, наличие умбона. Седьмое поле демонстрирует место расположения щита (сзади, сбоку и т. д.) и учитывает сохранение пигмента от раскраски. В восьмом поле перечисляются все изображения предметов вооружения, представленных на «оленном» камне. Девятое поле отражает иллю-

страции, а десятое – год и автора открытия. В одиннадцатом поле указаны источники и литература, в которых содержится характеристика представленного изваяния. Двенадцатое поле отражает необходимые уточнения в качестве примечаний.

Для создания и наполнения базы данных была использована информация из монографии В. В. Волкова [2002]. В таблице приведены сведения об «оленных» камнях, находящихся в Архангайском аймаке (Центральная Монголия). В дальнейшем планируется значительно расширить базу данных информацией о найденных древних изваяниях на других территориях (Западная и Северная Монголия, Забайкалье, Тува, Алтай и др.). Разработанная база данных позволит тщательно изучить все известные изображения щитов на «оленных» камнях по всей Монголии и на других территориях. Затем необходимо интегрировать электронную таблицу в Microsoft Access. Это даст возможность добавлять такие элементы, как, например, 3D-модели и интерактивные карты. Сформированный массив информации будет способствовать реконструкции военного дела древних племен Центральной Азии.

Научный руководитель – В. В. Горбунов,
д-р ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет

Список литературы

1. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. 247 с.
2. Казаков Ю. В. Системный подход к научно-исследовательской работе: учеб. пособие. Тольятти: ТГУ, 2010. 68 с.
3. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
4. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
5. Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел. / Ц. Төрбат, Ж. Гантулга, Н. Баряхуу, Д. Батсүх, Н. Төрбаяр, Н. Эрдэнэ-Очир, Н. Батболд, Ц. Цэлхагарав. Улаанбаатар: «Мөнхийн усэг» ХХК, 2021а.
6. Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II / Отв. ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: «Адмон» ХХК, 2021б. (на монг. яз).

Formation of a database on the images of shields on the «deer» stones of Central Asia

A.A. Tishkin

Considerable information has been accumulated about the «deer» stones of Central Asia. Currently, there is a need to create electronic databases for systematization, visualization and detailed research of the existing realities at ancient objects. The creation of a database layout based on a spreadsheet containing information about known images of shields, which act as a marker of the status of warriors, was undertaken. The published information about the sculptures of the Arkhangai aimag (Central Mongolia) is involved. The layout of the database «Shields on “deer” stones» was created in Microsoft Excel, consists of the following fields: administrative and geographical reference; GPS coordinates, the name of

the monument; the location of the shield; its characteristics; the year and author of the discovery; etc. In the future, it is planned to expand the database with information about sculptures from other territories, integrate a spreadsheet into Microsoft Access and add elements.

Keywords: Mongolia, nomads, «deer» stones, shields, Central Asia, database.

Тишкин Алексей Алексеевич

студент 3 года обучения

Алтайский государственный университет

e-mail: mattcraft@mail.ru

Tishkin Aleksei Alekseevich

3rd year student

Altai State University

e-mail: mattcraft@mail.ru

УДК: 7.031.1(571.55)

Антропоморфные фигуры в наскальном искусстве Восточного Забайкалья (Забайкальский край)

О. Ю. Ячменёв

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

С эпохи мезолита изображение человека в наскальном искусстве приобретает совершенно иной характер сравнительно с эпохой палеолита. Изображение человека, как правило, становится центром композиции, либо его существенной составляющей. Чаще всего человеческая фигура сакрализовалась, по этой причине фигуры людей изображались в виде антропоморфных существ. Такие фигуры в наскальном искусстве представлены разными стилями и манерой исполнения, в зависимости от традиций, обрядов, ритуалов, религиозных практик и природно-климатических условий, окружавших древних людей. Наскальное искусство представляет собой важнейший кластер по изучению народов, живших на территории Забайкалья, начиная с эпохи неолита. В рамках данной работы нами будут рассмотрены разные варианты антропоморфных изображений характерных для территории Восточного Забайкалья в контексте традиций памятников данного типа сопредельных территорий. В результате многолетних исследований писаниц на территории Забайкалья А.П. Окладниковым выделено четыре типа изображений: селенгинские, лесные, кяхтинские и средневековые [Окладников, Запорожская, 1970, с. 64–166].

Отличительным свойством селенгинской группы является наличие оградок различной

калибровки, при этом внутри оградок нередко нанесены точки и пятна. Как правило в оградках пятна комбинируются с антропоморфными фигурами [Там же, с. 65–66]. К такому типу памятников, можно отнести Урулюнгу́й I, расположенный в Приаргунском районе [Мазин, 1986, с. 67–68]. С оградками часто сочетаются изображения птиц, которые могут быть на панно как обособленно, так и внутри общего сюжета, либо с группами человечков [Окладников, Запорожская, 1970, с. 65–78].

К самым многочисленным изображениями селенгинской группы писаниц относятся антропоморфные стилизованные фигурки. Человечки, как правило по размеру имеют примерно одинаковые габариты, горизонтально сгруппированы, часто рядами и в несколько ярусов. В таком случае они стоят плотно друг к другу, соединены ногами или руками. Наиболее распространенной является фигура во весь рост, строго в фас, руки которой семерично опущены вниз, по бокам. Изредка встречаются фигурки с руками, распростертыми горизонтально или воздетыми вверх. К таковым относятся рисунки на памятниках Сохатиный Камень, Титовская Сопка [Окладников, Запорожская, 1970, с. 44–45], Смоленские скалы [Верещагин, Пуховский, 2011, с. 268], расположенные на территории Читинского района; Токту́й в Оловя-

нинской районе; Барун-Кондуй [Окладников, Запорожская, 1970, с. 48–50], Копчил, Кондуй 16, Цорон I–III, Усть Цорон, Бараун-Кондуй I и II в Борзинском районе [Мазин, 1986, с. 40–60]; Кирочи в Шилкинском районе [Окладников, Запорожская, 1970, с. 48]; Калашниково, Могойтуй, Малый-Улистой, Маргуцек, Урулюнгуи I–III, Нортый I и II, Казачий I–III, Бырка и Дровяная в Приаргунском районе [Мазин, 1986, с. 60–80]; Гыршелунский Камень в Хилокском районе [Петров, 2009, с. 1–10] и Муйшин в Тунгокоченском районе [Ветров, Брандишаускас, 2011, с. 216–217].

Встречаются изображения человечков, у которых четко обозначен признак мужского пола. А. П. Окладников называет эти изображения «фаллическими» [Окладников, Запорожская, 1970, с. 77]. К таким изображениям относятся, например, некоторые фигурки на памятниках Кара [Мазин, 1986, с. 169], Чандайча [там же, с. 173], Могойтуй [там же, с. 220] и др. Причем многие из них нарисованы таким образом, чтобы выделить «главу семейства» или количество «мужчин в семействе», например, как в Чандайча [там же, с. 173] или в Урулюнгуе [там же, с. 221].

Главным отличием лесных писаниц от селенгинских является отсутствие оградок и изображение животных (олений, косуль, кабанов и др.) [Окладников, Запорожская, 1970, с. 129–130]. Надо отметить, что данная А.П. Окладниковым трактовка относительна, так как, можно заметить, что у каждого из памятников присутствуют свои особенности в сюжете и исполнении.

Особенное место среди антропоморфных изображений занимают «рогатые человечки». Чаще всего они выполнены в традиционной манере: голова, шея и туловище переданы у них вертикальной линией, ноги расставлены, руки приподняты [Мазин, 1994, с. 15]. Их отличительной чертой является наличие двух линий, исходящих от головы – «рогов». Такие фигурки встречаются на писаницах Токтуи [Окладников, Запорожская, 1970, с. 223], Средне-Шайкино [Мазин, 1986, с. 171], Усть-Цорон [Мазин, 1986, с. 205], Бараун-Кондуй I [Мазин, 1986, с. 209].

Достаточно редким явлением в наскальном искусстве Восточного Забайкалья являют-

ся изображения личин, они известны только в Средне-Шайкино [Мазин, 1986, с. 29–34], Бырке [Мазин, 1986, с. 77] и Доно [Мазин, 1986, с. 39]. Такими же редкими являются изображения «грибовидных людей», как в Усть-Цороне [Мазин, 1986, с. 49]. Похожие рисунки можно встретить в Пегтымели на Чукотке, где обнаруживаются в большом количестве фигуры с грибами на голове [Диков, 1971, с. 86]. Различие состоит лишь в том, что первые выполнены охрой, а «чукотские» – техникой выбивки и шлифовки.

Нередко можно увидеть фигуры людей в образе фантастических существ, например, «солнцеликих» человечков в Токтуе [Окладников, Запорожская, 1970, с. 47–48], Усть-Цороне [Мазин, 1986, с. 44–45]. Контурная голова изображения напоминает диск; возможно, это местные божества, участвующие в каком-то обряде. Фантастические антропоморфные фигуры характерны для Каларского района. Техника выполнения и стилистика изображений значительно отличаются от большинства древних рисунков Восточного Забайкалья: это писаницы Сень, Ималык I и Кегей, расположенные в притоках реки Чары [Кочмар, 1994, с. 33–49]. Фантастические изображения можно встретить на памятниках Казачий I, где несколько фигурок представляют собой стержень, из которого исходят две нижние конечности, а венчается окружностью с крестовиной внутри [Мазин, 1986, с. 71]. В Бараун-Чулутай [там же, с. 56–58] или в Могойтуйе от головы одной антропоморфной фигуры исходят линии (лучи). Возможно, это тоже символ «солнечного духа». Однако, это лишь одна из возможных трактовок.

Кроме того, ученых привлекают изображения «шаманов», от головы которых также могут исходить рога или лучи. Их отличительной чертой, как правило, является наличие колотушки и бубна. Такие изображения можно встретить на писаницах: Усть-Цорон [там же, с. 205], Ималк I [Кочмар, 1994, с. 43], Шаман Гора в Хилокском районе [Константинов, 2003, с. 4–5] и Церковка в Красночикоином районе [Верещагин, 2011, с. 326]. Частым объектом изображения является сцена охоты. Среди таких сцен особое место занимает писаница Шаман-Гора, где происходит коллективная охота

на лесных бизонов [Под покровительством..., 2003, с. 4–5] и Бутиха с охотой на благородного оленя (изюбра) [Мазин, 1986, с. 205]. Достаточно редким явлением на территории Восточного Забайкалья является изображение лодок, известных по писанице Кигей в Каларском районе, а также Средне-Шайкино в Могочинском районе [Мазин, 1986, с. 31]. Подобные встречаются на памятниках Якутии (писаницы Усть-Чара и Бас-Юрях) [Кочмар, 1994, с. 154–194]. Как правило, лодки выполнены плавным полумесяцем. В них отмечены антропоморфные фигурки в виде маленьких стерженьков.

Таким образом, антропоморфные фигуры в наскальном искусстве отражают верования, ритуалы, традиции и род деятельности населения, обитавшего в пределах данной террито-

рии с эпохи неолита (кон. III – начала II тыс. до н. э.) до средневековья (I тыс. н. э.).

В результате нашей работы удалось выявить по меньшей мере девять вариантов антропоморфных изображений (таблица):

1) человечки, выполненные в традиционном и «фаллическом» стиле, ареал распространения которых простирается фактически на всю территорию Восточного Забайкалья;

2) «рогатые» фигуры, распространенные в основном в Борзинском районе, Каларском районе, частично в Хилокском и Оловянинском районах (бассейны рек Онона, Чары и Хилка);

3) грибовидные изображения, которые встречаются только в Борзинском районе (Усть-Цорон), в бассейне р. Онон;

Таблица

Варианты антропоморфных изображений

Варианты антропоморфных изображений	Примеры
Человечки, выполненные в традиционном и «фаллическом» стилях	
«Рогатые» фигуры	
Грибовидные изображения	
«Солнцеликие» фигуры	
Личины	
Сложно интерпретируемые фантастические изображения	
«Шаманы»	
Охотники с луком	
Лодки с человечками	

4) «солнцеликие» фигуры в Оловянинском районе и Агинском, в бассейне р. Онон;

5) личины встречаются в Могочинском (Средне-Шайкино), Нерчинско-Заводском (Доно), Приаргунском (Бырка) районах в бассейнах рек Шилка, Онон и Аргуни;

6) сложно интерпретируемые фантастические изображения выявлены в Каларском, Приаргунском и Борзинском районах, в бассейнах рек Аргуни и Онона;

7) «шаманы» в основном распространены в Хилокском, Красночикийском, Агинском, Каларском и Борзинском районах (в бассейнах рек Хилок, Чикой, Онон и Чара);

8) охотники с луками встречаются в Хилокском, Шилкинском, Приаргунском и Борзинском районах в бассейнах рек Хилок, Шилка и Онона;

9) лодки с человечками известны только в Каларском и Могочинском районах, в бассейнах рек Чара и Шилка.

Если определять аналогии, то изображения в традиционной манере и «фаллические» встречаются на писанице Цолга, в Бурятии, в долине р. Хилок [Тиваненко, 1984, с. 11] и Наран-Хабсагай [Окладников, Запорожская,

1970, с. 11–12]. «Рогатые» фигурки являются одним из самых распространенных компонентов наскальных изображений, от выбитых на Байкале – Саган-Заба в Бурятии [Окладников, 1974, с. 72], до нанесенных красной краской – Скала I в Бурятии [Окладников, Молодин, Конопацкий, 1980, с. 8–9]. Что касается фантастических изображений в Каларском районе, то стоит отметить, что писаницы Севера Забайкалья тесно связаны с культурой нанесения изображений на поверхность скалы, распространенной в Якутии, подобные изображения встречаются в Токко и Крестях [Кочмар, 1995, с. 160–174].

Таким образом, предварительный анализ распространения разных видов антропоморфных изображений в наскальном искусстве Восточного Забайкалья позволяет обозначить варианты культурных связей древних обитателей Забайкалья и сопредельных территорий. Дальнейшее изучение этой проблематики является перспективной научной задачей.

*Научный руководитель – М. В. Константинов,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

1. Верещагин В. М., Пуховской Д. А. Смоленские скалы // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 268
2. Верещагин В. М. Церковка // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 326
3. Ветров В. М., Брандишаускас Д. Мушин // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 216–217
4. Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (Петроглифы Пегтымеля). М.: Наука, 1971. 140 с.
5. Под покровительством большого шамана / М. В. Константинов, С. Г. Васильев, Л. В. Екимова, И.И. Разгильдева // Археологическое путешествие по Забайкалью: путеводитель полевой экскурсии «Древние культуры Азии и Америки». Чита: Экспресс типография, 2003.
6. Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. 263 с.
7. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 259 с.
8. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.
9. Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 169 с.
10. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч.2. Л.: Наука, 1970. 264 с.
11. Окладников А. П., Молодин В. И., Конопацкий А. К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1980. 40 с.
12. Петров Р. Ф. Отчет по археологической разведке 2008–2009 гг. петроглифов горы Гыршелунский Камень. Хилок, 2009. С. 3–4.
13. Тиваненко А. В. Новые памятники древнего наскального искусства Западного Забайкалья (каталог, дополнение). Улан-Удэ, 1984. 23 с.

Anthropomorphic figures in the rock art of Eastern Transbaikalia (Zabaikalsky Krai)

O. Y. Yachmenev

This article raises the problem of anthropomorphic images in the rock art of Eastern Transbaikalia (Trans-Baikal Territory), classification of these images, cultural influence on them. In the process of research, it turns out that drawings can have a different character and style, from Selenga to taiga, from fantastic images to hunting scenes. This research is based on scientific literature, primarily monographs by such scientists as A.P. Okladnikov and A.I. Mazin. Articles and abstracts are also involved. The main scene in the rock art of Transbaikalia is hunting and collective relations. Drawing analogies, it turns out that some of the rock paintings of Transbaikalia differ significantly from the general segment of the writings, due primarily to the remoteness of the territories and climatic conditions.

Keywords: Pisanitsy, A. P. Okladnikov, A. I. Mazin, hunting scene, fantastic figures, anthropomorphic images, Selenga group of pisanitsy, ochre, knockout

Ячменёв Олег Юрьевич

Студент 2 года обучения

Забайкальский государственный университет

e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

Oleg Yurievich Yachmenev

Student of 2 years of study

Trans-Baikal State University

e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

УДК 903.22(1-928.5)

Каменные наконечники в древнейших комплексах Патагонии: разновидности и хронология

Д. С. Дружинин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Патагония – обширная территория, занимающая северо-восточную Аргентину, часть Чили и Уругвая к югу от рек Рио-Негро и Лимамай. Данный регион играет огромную роль в реконструкции первоначального заселения континента. Для Патагонии можно выделить несколько типов наконечников, которые служат определяющими для выделения культурных комплексов. Это желобчатые наконечники, схожие с североамериканскими наконечниками типа кловис, и листовидные наконечники типа фиштейл. На ряде памятников обнаружен также пре-кловисный компонент, выделение и изучение которого сейчас представляет одну из главных задач южноамериканской археологии.

Основной тип наконечников для Южной Америки представлен двусторонне обработанными черешковыми наконечниками типа фиштейл. Они впервые стали предметно изучаться после пионерных раскопок Дж. Берда в 1936 и 1937 гг. в чилийской пещере Фелл и окрестностях, где была выявлена убедительная связь между стратифицированными отложениями и наконечниками [Bird, 1988]; имеется тенденция к признанию наконечников из Фелл феноменом времени кловис с датировками от 12,8 до 12,1 кал. тыс. л. н. [Waters, Amorosi, Stafford, 2015, p. 378]. Однако основной комплекс фиштейл более поздний, общая совокупность дат показывает период между 10,2 и 10,8 кал. тыс. л. н., что делает их одновременными с североамериканскими наконечниками фолсом [Handbook..., 2008, p. 1143]. Данные наконечники распространены в Центральной Америке и Южной Америке - в Эквадоре, Колумбии, Бразилии, Перу, Уругвае, Чили и Ар-

гентине. При этом наибольшая концентрация фиштейл наблюдается в Аргентине и Уругвае. В Патагонии фиштейл присутствуют в Тагуа-Тагуа в Центральном Чили; Серро ла Чина, Серро эль Сомбреро и ряде местонахождений на хребте Тандилиа на патагонском севере и в зоне пампы; Пьедра Мусео и Серро Амиго Оэсте в центральной Патагонии; Куэва дель Меддио, Трес Арройос и Куэва дель Лаго София на крайнем юге континента.

Наконечники фиштейл отличаются большим разнообразием размеров и техник изготовления. Под ними понимают листовидные наконечники с характерным сужающимся черешком, шестиугольным и сплюснутым в центре поперечным сечением, при этом желобки на наконечниках имеют единичный характер. Некоторые из них слишком крупные или мелкие, чтобы классифицировать их как наконечники, и в целом вариации размеров у фиштейл гораздо значительнее, чем у кловис. Для изготовления наконечников предпочитали высококачественный камень, например, кварц или кварцит, но также обсидиан, риолит, халцедон. Первичная обработка заготовки из отщепов осуществлялась тщательными фасиальными снятиями, а финальная обработка заключалась в краевой двусторонней ретуши и подшлифовке краев черешка. Для крупных наконечников осуществлялась дополнительная бифасиальная обработка снятием удлиненных утончающих отщепов (thinning flakes), что требовало «профессиональных» навыков и имело высокую вероятность ошибки, следовательно, крупные фиштейл были одними из самых трудозатратных, могли использоваться в ритуальных целях

или как показатель престижа [Flegenheimer, 2017, p. 153]. Для изготовления миниатюрных или атипичных наконечников применялись крайне низкие трудозатраты. Миниатюрные наконечники могли использоваться в социальных практиках, связанных с охотой; атипичные наконечники, лезвие которых напоминает концевые скребки, часто унифасиальные, область их применения неясна. Предположительно, фиштейл могут быть региональной адаптацией культуры кловис, наподобие фолсом в Северной Америке [Morrow, 2006, p. 108].

Другой определяющий тип наконечников – желобчатые бесчерешковые наконечники типа кловис, найденные в Северной и Центральной Америке от южной Канады до северо-западной Венесуэлы. Наконечники кловис присутствуют во всех центральноамериканских странах, но не в Южной Америке. Они делались на бифасиальных преформах методом снятия отщипа со всей поверхности изделия (*overall/overshot flaking*) из высококачественного камня, – яшмы, обсидиана, халцедона, агата, кварца и кварцита. Наконечники кловис делятся на два типа – с приблизительно параллельными или слегка изогнутыми краями, или с расширением в центральной части. Вторая разновидность имеет определенное сходство с наконечниками фиштейл, что нередко приводило исследователей к их смешению [Perrot-Minnot, 2014, p. 190]. Несмотря на отсутствие в Южной Америке наконечников типа кловис, на чилийских приморских территориях, в провинциях Осорно, Вальдивия и Арауко, был обнаружен ряд наконечников, которые имеют некоторые характерные черты кловис, сделаны из базальта, обсидиана и кремнистых пород. Возможно, они заполняют пробел в движениях кордильерской популяции, соединяя Тагуа- Тагуа на севере и южные памятники Патагонии, но, к сожалению, данные памятники не имеют четкого археологического контекста и их сложно датировать. Данные наконечники и южные патагонские памятники с фиштейл относят к явлениям времени кловис [Morrow, 2006, p. 112]. Сама культура кловис существовала непродолжительный период, между 13,3 и 12,8 кал. тыс. л. н., и распространялась по континенту достаточно быстро.

Также выделяют пре-кловисный компонент для ряда памятников Южной Америки, для Па-

тагонии относительно доказанным он считается на Монте Верде в Центральном Чили, Пьедра Мусео и Серро Трес Тетас на аргентинском Центральном Плато, Трес Арройос на Огненной Земле. Сомнительными остаются пре-кловисные датировки для Лос Толдос в аргентинской Южной Патагонии и Куэва дель Лаго София в чилийской части. В зоне пампы пре-кловисный период представляет Арройо Секо, а таковая древность у Ла Модерна на сегодняшний день опровергнута [Dillehay, 2000, p. 214]. Как правило, на памятниках пре-кловисного возраста не находят наконечников, однако на Монте-Верде был обнаружен атипичный кварцитовый наконечник без желобка, созданный без снятия отщипа со всей поверхности изделия, характерного для кловис [Suarez, 2014, p. 157].

Полная картина распространения наконечников до сих пор не ясна. Фиштейл на юге континента в целом древнее, чем на севере, и коррелируют с возрастом кловис; этот факт позволяет предположить, что носители культуры фиштейл первоначально освоили южную оконечность континента, и уже оттуда распространились на более северные районы Патагонии. В таком случае, возникает вопрос о сосуществовании культур кловис и фиштейл, что, безусловно, наблюдается в Центральной Америке, где оба типа наконечников находят в едином стратиграфическом контексте (на памятниках Лос Грифос, Лос Вампирос, Ледивилль-1 и Турриальба), но в Южной Америке такие случаи не зафиксированы [Suarez, 2014, p. 165]. Для Патагонии имеется только ряд наконечников в чилийских приморских провинциях, которые могут быть одновременными с кловис, однако их интерпретация затруднена из-за нарушенной стратиграфии или ее отсутствия. Таким образом, продолжаются активные дискуссии вокруг пре-кловисного компонента на ряде памятников и периодизации позднеплейстоценовых-раннеголоценовых культур Южной Америки. Эти вопросы требуют дальнейшего научного изучения, особенно в Патагонии, где сосредоточены многие древнейшие свидетельства заселения континента.

Научный руководитель – А. В. Табарев,

д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

1. Bird J. *Travels and Archeology in South Chile*. Iowa: University of Iowa Press, 1988. 246 p.
2. Dillehay Th. D. *The Settlement of the Americas: A New Prehistory*. New York: Basic Books, 2000. 371 p.
3. Flegenheimer N., Weitzel C. Fishtail Points from the Pampas of South America: Their Variability and Life Histories // *Journal of Anthropological Archaeology*. № 45. Amsterdam: Elsevier, 2017. Pp. 142–156.
4. *Handbook of South American Archeology*. New York: Springer Publishing, 2008. 1191 p.
5. Morrow J. E., Gnecco C. *Paleoindian Archaeology: A Hemispheric Perspective*. Florida: University Press of Florida, 2006. 288 p.
6. Perrot-Minnot S. Las tradiciones Clovis y Cola de Pescado en Centroamérica // *Anales de la Academia de Geografia e Historia de Guatemala*. № 87. Guatemala, 2014. Pp. 188–212.
7. Suarez R. Pre-Fishtail Settlement in the Southern Cone ca. 15,000–13,100 yr. cal. BP: Synthesis, Evaluation, and Discussion of the Evidence. // *Pre-Clovis in Americas: International Science Conference Proceedings*. Washington: Smithsonian Institution Press, 2014. Pp. 153–191.
8. Waters M. R., Amorosi Th., Stafford Th. W. Redating Fell's Cave, Chile and Chronological Placement of the Fishtail Projectile Points // *American Antiquity*. № 80 (2). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 376–386.

Lithic Projectile Points in the Ancient Complexes of Patagonia: Varieties and Chronology

D. S. Druzhinin

The paper reviews the two types of projectile points and trying to reveal their interaction in Americas in a particular case of Patagonia. It explains the distribution area of fishtail and clovis- like points in Patagonia, techniques of their manufacturing and its chronological interpretation, emphasize actual questions of their archaeological research in the ancient complexes of Patagonia. Further study of projectile points' distribution models could give a valuable information about human dispersal in Patagonia as specific region, and in Americas as the part of general picture of the New World colonization.

Keywords: Patagonia, projectile points, fishtail, clovis-like, South American archaeology.

Дружинин Данила Сергеевич

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

Druzhinin Danila Sergeevich

Student 3st year

Novosibirsk State University

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

УДК 26-5(282.282)

Декапитация как важнейший элемент ритуальных практик в южной части перуанского побережья

Г. А. Елошкин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Акцентированное отношение к голове, как к части тела, наделенной особыми сверхъестественными свойствами, характерно для многих культур как Старого, так и Нового Света. Оно стало формироваться на ранних этапах развития человека: наиболее древние свидетельства с это находки отделенных от тела черепов конца нижнего палеолита в

Греции [Медникова, 2004, с. 40]. Культ голов развивался под влиянием многих природных, религиозных, социальных и психологических факторов, находя свое отражение в разнообразных практиках: трепанация, модификация черепа, декапитация и т. п. В Южной Америке культ голов находит особое отражение в религиозных представлениях доколумбового насе-

ления, а также сохраняется вплоть до этнографической современности.

Трудно сказать, что именно послужило причиной придания голове такого статуса. Возможно, фундаментом, ставшим основой особого отношения к головам, может являться наблюдение человека за поведением сородичей, получивших черепно-мозговые травмы – изменения в их поведении могли восприниматься как вмешательство божественного [там же, с. 23]. Соотнеся таким образом голову с местом сосредоточия души или жизненной силы, древний человек стал совершенно иначе воспринимать эту часть тела.

Манипуляции с телом как живого, так и мертвого человека можно связать со стремлением общества обеспечить плодородие почв, устойчивость мироздания, сменяемость и возобновление жизненных циклов [там же, с. 32; *The geographic origins...*, 2009, p. 246; Aponte, 2016, p. 51]. Особенно четко это прослеживается в ритуальных практиках культур южного побережья Перу, где суровый гипераридный климат неразрывно связал культ голов (а именно – трофейные головы) с культом воды и плодородия.

Начиная с раннего горизонта в иконографии культуры паракас (840–260 гг. до н. э.) формируется образ трофейных голов, которые занимают к поздней фазе (380–260 гг. до н. э.) важную позицию в религии носителей культуры [Browne, Silverman, Garcia, 1993, p. 275; *Comprehensive Numerical Chronology...*, 2012, p. 2301]. Дальнейшее развитие культа голов прослеживается в последующей культуре наска (1–750 гг. н. э.), носители которой оставили наибольшее количество археологических свидетельств, связанных с отрубленными головами [Conlee, 2007, p. 438].

Термин «трофейная голова», введенный в научный оборот Максом Уле (Max Uhle) в 1901 г., не совсем точно отражает символическое значение и происхождение отрубленных голов, представленных как в искусстве, так и в погребениях или тайниках [Browne, Silverman, Garcia, 1993, p. 275; *The geographic origins*, 2009, p. 247]. Культ голов на южном побережье Перу никогда не был статичным, напротив, он эволюционировал, приобретая новые черты. Первоначально в культуре паракас трофейные

головы появляются в иконографии, где они изображались прикрепленными змеевидными придатками к антропоморфным или зооморфным персонажам [Frame, 1995, p. 6]. Постепенно их образ усложнялся, обретая новые черты и функции. Предельно точно определить символическое значение трофейных голов для носителей культуры паракас пока сложно, однако можно сделать несколько общих выводов.

Трофейные головы связаны с образом шамана, выступая в роли помощника в процессе контроля духов, а также оружия для сражения в загробном мире [Barnhart, 1994, p. 13]. Вполне возможно, что в этой связи они могут символизировать предков, становясь талисманами [Mena, 2012, p. 245]. Главная же функция трофейных голов прослеживается в определенной связи между ними и плодородием. Головы подобно семенам, которое можно срезать, подготовить, а затем посадить в землю; они часто сочетаются с растительной атрибутикой, а проливающаяся кровь отождествляется с водой [Peters, 1991, p. 311; Browne, Silverman, Garcia, 1993, p. 277; Aponte, 2016, p. 48].

В целом, для периода раннего горизонта характерно почти полное отсутствие археологических находок трофейных голов, а также постепенное развитие ритуала жертвоприношения для обеспечения плодородия [Aponte, Thays, 2013, pp. 53–54]. На этом этапе развития религиозных представлений трофейные головы имеют скорее ритуальное происхождение.

Культура наска переняла у паракаса две главные религиозные практики – это декапитация и связанный с ней культ плодородия [Lévy Contreras, 2017, p. 14]. В периоды прото-наска (100 г. до н. э. – 1 г. н. э.) и ранняя наска (1–450 гг. н. э.) сохраняются культурные традиции паракаса, что находит отражение и в трофейных головах. Они сохраняют свою ритуальную функцию и связь с плодородием, а вокруг культа голов строится новое общество. После упадка религиозного центра Кауачи в начале средней наски (450–550 гг. н. э.) происходит трансформация культа трофейных голов – их количество резко увеличивается, в иконографии появляются сцены войны. Для этого периода подчеркивается именно военное, а не ритуальное происхождение трофейных голов [Browne, Silverman, Garcia, 1993, p. 290]. В

иконографии появляются сцены человеческих жертвоприношений, заключающихся в отрезании головы обсидиановым ножом [Conlee, 2007, p. 441; Burger, 2007, p. 484].

Несмотря на изменение в религии, символическое значение трофейных голов сохраняется. Они продолжают выступать в тесном взаимодействии с представлениями о плодородии и возрождении, а также могут символизировать предков, однако теперь используются для показа статуса и подтверждения прав на землю [Conlee, 2007, p. 243].

Декапитация на разных этапах развития культур южного побережья Перу выступала в качестве важного элемента ритуальных практик, связанных в первую очередь с культом плодородия. Занимая центральное положение

в шаманских ритуалах, выступая как символ власти и силы, имея связь с духами предков, трофейная голова, занимала одно из центральных положений в религиозных обрядах и иконографии. Обезглавливание врагов или соплеменников по итогу войны или ритуальной битвы как в паракесе, так и в культуре наска представляло собой важный аспект жизни древнего перуанца. Иными словами, трофейные головы иллюстрируют в формате особого ритуала стремление поддерживать сельское хозяйство, а позднее – победу в межтерриториальных конфликтах.

Научный руководитель — А. В. Табарев

д-р ист. наук, доц., ведущ. науч. сотр.

Института археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

1. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 208 с.
2. Aponte D. La colección textil Paracas Necrópolis del Museo de Arqueología y Antropología de la Universidad Nacional Mayor de San Marcos // Colección Paracas. Joyas Sanmarquinas. Lima: El Centro de Producción Editorial e Imprenta, 2016. Pp. 37–60.
3. Aponte D., Thays C. Rituales de Sangre en Paracas Necrópolis: Una revisión Iconográfica. Paracas. Catálogo de exposición de la sala Paracas. MNAAHP. Lima: Ministerio de Cultura, 2013. Pp. 51–64.
4. Barnhart E. Shamanism in Moche Art and Iconography: The Shaman and His Deity. Unpublished thesis, 1994. 92 p.
5. Browne D.M., Silverman H., Garcia R. A Cache of 48 Nasca Trophy Heads from Cerro Carapo, Peru: Report. Latin American Antiquity. 1993. Vol. 4. Is. 3. Pp. 274–294.
6. Burger R.L. Late Paracas Obsidian Tools from Animas Altas, Peru. Andean Past. 2007. Vol. 8. Pp. 477–492.
7. Comprehensive Numerical Chronology for the Pre-Columbian Cultures of the Palpa Valleys, South Coast of Peru. / I. Unkel, M. Reindel, H. Gorbahn, J. Isla Cuadrado, B. Kromer, V. A. Sossna // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. Pp. 2294–2303. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.02.021>
8. Conlee C.A. Decapitation and Rebirth. Current Anthropology. 2007. Vol. 48. Is. 3. Pp. 438–445.
9. Frame M. Ancient Peruvian Mantles 300 b.c. – a.d. 200. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. 27 p.
10. Lévy Contreras J.G. Los «apéndices serpentiformes» en la iconografía Nasca: Repertorio y significado: Tesis para optar al título de magíster en arqueología. Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, 2017. 121 p.
11. Mena C.L. Análisis de los personajes de un tejido paracas: una interpretación iconográfica del Manto Blanco. Arqueología y Sociedad. 2012. Is. 24. Pp. 227–248.
12. Peters A. Ecology and Society in Embroidered Images from Ecology and Society in Embroidered Images // Paracas Art and Architecture: Object and Context in South Coastal Peru / ed. By A. Paul. Iowa City : University of Iowa Press, 1991. Pp. 240–314.
13. The geographic origins of Nasca trophy heads using strontium, oxygen, and carbon isotope data / K. J. Knudson, S. R. Williams, R. Osborn, K. Forgey, P. R. Williams // Journal of Anthropological Archaeology. 2009. Vol. 28. Pp. 244–257.

Decapitation as the most important element of ritual practices in the southern part of the Peruvian coast

Eloshkin G. A.

The ritual practices of Paracas and Nasca cultures, localized on the southern coast of Peru, are closely associated with trophy heads. Decapitation into the Early Horizon (840–260 BC) became a characteristic manifestation of the religious ideas of the ancient Peruvian. There are a number of difficulties associated with the origin of trophy heads — is it the local

population or representatives of other nations? One way or another, the religious significance of decapitation and severed heads for the ancient inhabitants of the south of the Peruvian coast is great. Trophy heads most likely originate as part of a fertility cult, but gradually their symbolic meaning develops, acquiring a greater connection with the war. The character of severed heads is preserved in the religious beliefs of the Peruvians even after the extinction of the Nazca culture, but it was in this culture that trophy heads became most widespread, continuing the traditions of the Paracas.

Keywords: South coast of Peru, Paracas, Nasca, decapitation, trophy heads, sacrifices, fertility cult.

Елошкин Григорий Александрович

Бакалавр 2 года обучения
Новосибирский государственный университет
E-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru

Eloshkin Grigory Alexandrovich

2nd year bachelor
Novosibirsk State University
E-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru

УДК 902.2(593)

Археологические памятники Таиланда: хронология, периодизация, состояние изученности

А. И. Мальцева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Юго-Восточная Азия представляет собой крупный регион, общая площадь которого составляет 4,5 млн км². На полуостровах Индокитай и Малакка, расположен Таиланд, на сегодняшний день это вторая по площади и по численности населения страна в Юго-Восточной Азии с площадью в 513 тыс. км² и населением в 67 млн. чел.

Климат в Таиланде разнообразен, на севере страны он влажный и тропический, в центральной и южной частях - субэкваториальный, на границе с Малайзией экваториальный. Страна имеет большую протяженность (1860 км) с севера, граничащего с Мьянмой и Лаосом, на юг, граничащий с Малайзией. Такую конфигурацию страны таиландцы из-за необычной формы сравнивают с ритуальным топориком [Иванова, 2005, с. 96].

На территории Таиланда известно множество памятников всех эпох, начиная с раннего палеолита. В ходе археологических раскопок стоянок в Чандэ и Тхаманао (пров. Канчанабури в Центральном Таиланде) были обнаружены каменные орудия того же типа, что и орудия, которыми пользовались питекантропы на Яве [Берзин, 1973, с. 5]. Интерес к изучению региона вызывает и то, что палеолитические

индустрии Восточной и Юго-Восточной Азии отличаются от технокомплексов остальной части Евразии [Деревянко, 2015, с. 221].

Таиланд – страна, сохранившая независимость от европейских колонистов. Это отразилось на природе формирования исследовательского интереса: он был вызван в первую очередь национальной потребностью в изучении прошлого страны. Выделяется два этапа формирования интереса. К первому (XV–XIX вв.) относится появление и существование мифов и легенд о буддизме (Tamnan), хронологических записей событий в каждом царствовании (Pongsawadan).

К XIX в. относится начало второго этапа – нового витка интереса к прошлому страны. Король Рама IV впервые применяет археологические методы, в 1831 г. было раскопано основание Пхра Патхом Чеди, древнейшей буддийской ступы на территории королевства [Shoosongdej, 2017, p. 98].

Интерес к древностям продолжал развивать король Рама V, при нем в 1904 г. появляется Сиамское сообщество, в настоящее время оно является международным центром таиландоведения.

В 1912 г. был создан Департамент изящных искусств с целью управления культурным

наследием страны, демонстрации произведений тайского искусства на международных выставках. В это же время важную роль в развитии истории и археологии сыграл принц Дамронг, признанный “отцом тайской истории”. Он являлся ведущим антикваром, основал Национальный музей и библиотеку, а также создал Археологическую службу, которую впоследствии курировал [Иванова, 2006, с. 126–127]. Главным образом, первоначально развитие археологии напрямую было связано с антикварным и национальным интересом, потребностью в поиске и изучении корней предков тайцев.

В XX в. внутренний интерес также дополняется внешним интересом иностранных исследователей, Сиа́м становится объектом исследования для ученых из Европы, США, Австралии, соседних стран Азии.

Новые научные дисциплины проникали в Сиа́м, география и история были первыми иностранными науками, локализованными в Сиа́мский интеллектуальный ландшафт [Peleggi, 2013, p. 1522]. Наряду с этим шло активное сотрудничество тайских специалистов с иностранными археологами. В результате совместной работы принц Дамронг с французским исследователем Ж. Седесом сиа́мские древности были разделены на семь стилей, названных в честь региональных княжеств (Mueang), существовавших с VI в. по XV в. на территории будущего Сиа́ма: Дваравати, Шривиджая, Лопбури, Чианг Саен, Сукхотай, Утонг, Аюттхая. Эта классификация остается канонической и используется по сей день [Peleggi, 2004, p. 136].

Интерес к доисторическому прошлому развивался по большей степени во второй половине XX в. Систематические исследования начались в 1955 г., когда в университете Синлапакон был учрежден Факультет археологии.

С 1960-х гг. было проведено множество экспедиций совместно с западными учеными (тайско-датская, тайско-австралийская, тайско-новозеландская экспедиции и др.).

В XX в. довольно много тайских археологов приобрели опыт западного образца, участвуя в полевых программах под руководством иностранцев. К 1980 г. доисторическая археология компенсировала свое запоздалое начало.

Активно велись археологические исследования на таких всемирно известных памятниках, как Бан Чианг, Ноннокта и в пещере Духов [Glover, 1993, p. 48].

Для Таиланда выделяют следующие хронологические рамки периодов: Палеолит: 2.500.000 л. н. – 10.000 л. н. Одними из важнейших памятников являются пещеры Тхам Лод, Ланг-Ронгръен, грот Саи Йок и пр.; Неолит: 10.000 – 4.000 л. н. К памятникам неолита относятся стоянка Бан Као, Ванг Бходи, Банчианг и пр.; Бронзовый век: 3.000 л. н. – 2.500 л. н. Памятники: поселение Баннади, Ноннокта, Облуанг и др.; Железный век: 2.500 л. н. – 1.500 л. н. Памятники: поселение Бандонтапхет, Нонтунгпайпон, пещера Онгбах и др.

Интерес к изучению Сиа́ма имел место и в СССР, ключевое место здесь занимал, основанный еще в 1818 г. Институт востоковедения. Основоположниками советской тайландистики являются Э. О. Берзин и Н. В. Ребрикова, ими были опубликованы первые труды-монографии. Исследования проводились также В. И. Искольдским, С. С. Грикуровым, А. Б. Зубовым и др., они охватывали различные аспекты такие, как история, религия, культура, экономика и политическая система Таиланда [Фомичева, 2021, с. 289–290]. Исследования продолжаются и по сей день, главным образом под руководством центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения. На сегодняшний день уровень изученности археологии Таиланда в России не высок, встречаются отдельные обзорные работы по материалам европейских и тайских исследований, отсутствуют крупные проекты направленные на изучение археологии данного региона.

В Таиланде в настоящее время Департамент изящных искусств и тайские университеты являются основными учреждениями, занимающимися археологическими исследованиями. Большинство исследований сосредоточено на доисторических и исторических периодах, этноархеологии и управлении культурными ресурсами. Количество местных археологических исследований растет, что дает новый толчок к развитию археологии в стране и подтверждает перспективность региона [Conrad, 2020, p. 5186].

Совместных российско-тайландских археологических проектов пока реализовано не было, этот вопрос стоит на перспективной повестке. Таиланд представляет собой интереснейший район Юго-Восточной Азии, где сотрудничество российских специалистов с тайскими является целесообразным и взаимовыгодным, ввиду богатства территории археологическим материалом как доисторического, так и исторического периода. Большое коли-

чество еще не решенных вопросов о расселении гомининов в регионе, процессе перехода к производящему хозяйству, появлении металлургии требуют тщательного и последовательного изучения.

*Научный руководитель – А. В. Табарев,
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

1. Берзин Э. О. История Таиланда: (краткий очерк). М.: Наука, 1973. 313 с.
2. Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. 611 с.
3. Иванова Е. В. Роль Сиамского общества в исследовании истории, этнографии, культуры Таиланда (к столетию со времени основания) // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна / Маклаевские чтения 2002–2006 гг. СПб. 2006. С.124–136.
4. Иванова И. С. Социально-экономическая география зарубежной Азии. Юго-Восточная Азия. М.: Географический факультет МГУ, 2005. 184 с.
5. Фомичева Е. А. Традиции изучения Таиланда в России. Часть I. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том IV, № 3 (53). С. 284–294.
6. Conrad C. History and Current Debates of Archaeology in Mainland Southeast Asia // Encyclopedia of Global Archaeology. 2020. Pp. 5181–5188.
7. Glover I. Other peoples' pasts: Western Archaeologists and Thai Prehistory // The Journal of the Siam Society. 1993. Vol. 81. No. 1. Pp. 45–53.
8. Peleggi M. Royal antiquarianism, European orientalism and the production of archaeological knowledge in modern Siam // Asia in Europe, Europe in Asia. 2004. Pp. 133–161.
9. Peleggi M. From Buddhist icons to national antiquities: Cultural nationalism and colonial knowledge in the making of Thailand's history of art // Modern Asian Studies. 2013. Vol. 47(5). Pp.1520–1548.
10. Shoocongdej R. The history and practice of archaeology in Thailand // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. 2017. Pp. 97–110.

Archaeological sites of Thailand: chronology, periodization, state of knowledge

Maltseva A.I.

Thailand is a country in Southeast Asia. There are many archaeological sites of all eras, starting from the Early Paleolithic. The research interest in the study of antiquities was a national initiative. The growth of this interest is divided into 2 stages. The first one is connected with local traditions, the second one refers to scientific methods of studying the past. The main period of development of interest in prehistory occurred in the XXth century. At this time in Siam were founded the Siam Society, the Fine Arts Department and the Faculty of archaeology in Silpakorn University. They played an important role in the formation of the study of archaeology and history in Thailand. The history of this region was studied in the USSR too, mainly in the Institute of Oriental Studies, this Institute still has a leading role in studying Oriental Studies in Russia.

Keywords: Southeast Asia, archaeology in Thailand, Thai prehistory.

Мальцева Анастасия Игоревна

бакалавр 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: a.maltseva4@g.nsu.ru

Maltseva Anastasia Igorevna

1st year Bachelor
Novosibirsk State University
e-mail: a.maltseva4@g.nsu.ru

Этнокультурные традиции Южной Кореи

А. А. Очур-оол

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Актуальность темы обусловлена тем, что этнокультурные традиции Кореи стали терять значимость в нынешнее время. Но, тем не менее, некоторые традиции до сегодняшнего дня продолжают пользоваться значимостью среди корейцев.

В XX в. наступил новый этап в истории человечества – сложилась система мирового хозяйства, процесс эволюции которой охватывает достаточно продолжительный период времени. Глобализация охватывает все стороны человеческого общества: политику, экономику, социальную жизнь, культуру, что ведёт к становлению общечеловеческой цивилизации. Следствием ее являются миграционные процессы, охватившие все индустриально развитые страны, в том числе и Республику Корея.

В 1990-х годах начал проявляться особый интерес к корейской культуре («корейская волна») за рубежом. Он означает, что основным направлением во внешней политике Кореи является повышение интереса корейской культуры в иностранных государствах [Курбанов, 2018, с. 689].

Одним из главных компонентов общества для корейцев является семья – то место, где происходит социализация человека, в котором он учится языку, обычаям, культуре государства, религии народа.

Семейные традиции и обряды играли важную роль в процессе развития и становления семейных отношений в Корее. Социальные функции семейной обрядности корейцев тесно связаны с культурными, социальными, социальными и бытовыми традициями. Семье и семейным традициям в Корее отводилось одно из самых важных мест в укреплении моральных принципов, основанных на почитании и уважении старших.

Семейные традиционные обычаи выполняли важные социальные функции, создавали основу государства. Они были неотъемлемой частью воспитания детей, их социализации. И в наши дни конфуцианство и его обычаи в

Корее не утратили своего значения в формировании духовности, сохранении наследия истории и культуры. Один из компонентов конфуцианства – морально-этическая доктрина – оказывает наибольшее влияние на образ мыслей и поведение граждан Кореи. Сегодня конфуцианство выступает как хранитель ритуалов, традиционных форм жизни и рациональности. Оно культивирует в массовом сознании ценность образования и науки, необходимость сохранения и продолжения культурного наследия, воспитывает представление о значимости хорошего вкуса, здравого смысла, нравственности [Ли Кван Сунн..., 2013].

Традиции и обычаи в Корее имеют сильное влияние на культуру. Они особенно выделяются в конфуцианстве. Обычаи прочно закрепились в жизни людей, поэтому проведение обрядов чаще всего происходит не потому, что человек взывает, к примеру, к милости предков, а потому, что данная установка закрепились в сознании народа.

Конфуций считал, что при разрушении традиций и обычаев, погибнет и государство [Лачина, с. 35].

В настоящее время многие обряды и ритуалы утрачены. Но наиболее чтимыми и популярными традициями испокон веков остаются «Соль-наль» и «Чхусок». Соль-наль – это праздник Нового года по лунному календарю. Отмечается он в последних числах января или в феврале. Чхусок, осенний праздник урожая и благодарности земле за ее щедрость. Помимо этих национальных праздников поминание предков и посещение могил являются одним из важных обычаев корейской культуры.

Таким образом, традиции и обычаи Кореи в современном мире утратили свое сильное влияние на отношения между людьми, не являются жесткими регуляторами правил поведения, позволяющих воспитанию трудового народа, преклонения перед властью. Они уже не несут тех социально-нравственных традиций, этиче-

ских, религиозных установок которые были у них раньше. Единственная функция, которую они все еще выполняют – это, пожалуй, укрепление отношений внутри семьи.

В эпоху глобализации культура Кореи стремительно меняется. В настоящее время почти все традиционные обычаи остались лишь в книгах. И даже те обычаи, которые в данное время еще соблюдаются, не несут истинную

суть из раннего времени. Обычаи корейской культуры перестали передаваться из поколения в поколение. И все чаще корейская культура начала перенимать элементы западной культуры.

*Научный руководитель – Т. В. Люндун
канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры
всеобщей истории, археологии и документоведения
Тувинский государственный университет*

Список литературы

1. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 744 с.
2. Лачина Е. В. Традиционные ценности в современной Кореи: учеб. пособие. С. 15–47.
3. Ли Кван Сун. Социально-философский анализ семьи (на примере корейской семьи) [электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/128790/> (дата обращения: 01.02.2013)

Ethnocultural traditions of South Korea

Ochur-ool A. A.

South Korea is a distinctive and rapidly developing power. The state is experiencing economic growth, improving the quality of life of the population. Perhaps the country owes its progress to centuries-old traditions that are unshakable over a long period.

Korea is a very ancient state, which has developed its own system of values, customs and traditions. Today, there are many sources from which you can learn about Korean culture, customs and traditions. Korean culture has undergone such a factor as the influence of modernity and foreign cultures. Despite this, the majority of Koreans living in Central Asia prefer to honor and respect the old customs and observe national holidays. Thus, the purpose of this article is to study the customs of Korean culture.

Keywords: Korean culture, traditions, culture, Korea, globalization

Очур-оол Айзат Аясовна

Студентка 2 курса
Тувинский государственный университет
e-mail: ochurool1703@gmail.com

Ochur-ool Aizat Ayasovna

2nd year student
Tuva State University
e-mail: ochurool1703@gmail.com

УДК 316.66(510)

Трансформация статуса женщин Китая в современном мире

Е. А. Савельева

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Исучая историю, нельзя не отметить крайний консерватизм китайцев, проявляемый во всех сферах жизни, включая семейные отношения. В первую очередь на протяжении многих веков общество регулировалось конфуцианскими ценностями и традициями. В них закрепляется подчиненное положение

женщины, которая всегда стоит ниже мужчины. Разницу положений мужчины и женщины также отражает представление китайцев об инь и ян. Где в противопоставление ян, мужской стороне, обозначающей тепло, солнце и свет, существует инь – женская сторона, олицетворяющая тьму и холод.

Актуальность темы обусловлена тем, что женщины издревле являлись хранительницами очага, главной задачей которых являлся уход за детьми и домом. Однако период политики реформ и открытости, начавшийся в 1974 г., дал возможность китайским женщинам работать и зарабатывать наравне с мужчинами, являться полноправными членами общества [Веселова, 2018, с. 1455]. С течением времени сложилась тенденция к изменению статуса женщин в Китае, усилению их роли обществе в целом.

Целью исследования является анализ изменений в китайском обществе в конце XX в., повлиявших на трансформацию гендерного аспекта, изучение данных изменений на основе статистических данных, достижений деятельности программ, основной задачей которых является улучшение статуса женщин.

В традиционной китайской семье женщина считалась бесправным и молчаливым членом семьи, являясь скорее вещью во владении мужчины, с мнением которой не считались, и чьи функции предельно ясны: работа по дому, забота о хозяйстве и уход за детьми.

Тем не менее, в XX в. вместе с модернизацией общества, и протестными движениями в духе того времени шла и борьба женщин за свои права. Процессы, происходящие во второй половине XX в. (реформы открытости, модернизация экономики) привели к трансформации социальной структуры китайского общества и традиционных ценностей.

В 1949 г. в Китае была создана Всекитайская федерация женщин, являющаяся лидером китайского женского движения с момента основания. Эта организация продвигает государственную политику в отношении женщин и защиты их прав.

В статье 48 Конституции КНР закреплено, что люди Китая обладают равными правами во всех областях жизни, вне зависимости от гендера.

Правительство Китая приняло ряд законодательных актов, которые защищают права и интересы женщин, например: законы о браке, о наследовании, об охране здоровья матери и ребенка, об охране труда женщин и т. д.

Следует также отметить изменение образа китайской женщины в сознании людей: сейчас

это не домохозяйка или нежеланный ребенок в семье, а активный участник общественной жизни, бизнесвумен или, возможно, политик.

Целью правительства Китая является осуществление основной государственной политики равенства между женщинами и мужчинами, содействие всестороннему участию женщин в экономическом и социальном развитии, а также содействие реализации равенства между женщинами и мужчинами и участвовать в политической, экономической, культурной, социальной и семейной жизни [Ma Jingkui, 2004, с.139].

В 1995 г. правительство КНР приняло специальные программы повышения статуса женщин на период 1995–2000 гг., а также 2001–2010 гг., и далее с 2010–2020 гг.

Анализ данных последней проводимой программы, а именно итогового отчета о статистическом мониторинге реализации Китайской Национальной программы развития женщин, которая была принята и реализована в 2011 году, позволяет отметить достижения в шести областях, таких как правовая, здравоохранение, образование, экономика, политика, социальное обеспечение [Final Statistical Monitoring ... , 2021].

К примеру, согласно Седьмой национальной переписи населения Китая на 2020 год продолжительность жизни женщин выросла с 77,37 лет на 2010 г., до 80,88 лет на 2020 г. Значительно снизился коэффициент материнской смертности – более чем на 40% по сравнению с 2010 г.

Гендерный разрыв сократился на всех этапах образования. К примеру в 2020 году 22,7 миллиона девочек были вовлечены в дошкольное образование, что на 68% больше, чем в 2010 г.

Также, число студенток, обучающихся в колледжах/университетах и программах для взрослых в колледжах/университетах, составило 51,0% и 58,0% всех студентов бакалавриата, что на 0,1 и 4,9 процентных пункта больше, чем в 2010 году.

Женщины всё активнее строят карьеру и добиваются успехов. На данный момент доля женщин-делегатов ВСНП и женщин-членов Китайской народной политической консультативной конференции достигла самого высоко-

го уровня в истории. В 2018 г. на 13-й сессии ВСНП присутствовало 742 женщины-делегата, что составляет 24,9% от общего числа делегатов и на 3,6 процентных пункта выше, чем на 11-й сессии (2008 г.). Это была сессия ВСНП с самой высокой долей женщин-делегатов в истории. В том же году на 13-й сессии Национального комитета КПЗКК было 440 женщин-членов, что составляет 20,4% от общего числа членов, что на 2,7 процентных пункта больше, чем на 11-й сессии (2008 г.)

Поэтому важно отметить, что работа по улучшению и укреплению статуса женщин в Китае ведется, и данные программы добиваются положительных результатов, что отражено в данных. Статус женщины в Китае все более носит независимый характер, укрепляется в обществе и сознании людей.

Однако нельзя не затронуть все еще существующие проблемы, такие как насилие в

семьях, влекущие за собой разводы, сексуальные домогательства, традиционное мышление жителей сельской местности, где тяжелее всего приживаются реформы.

Таким образом, на основе полученных в ходе исследования данных, можно отметить трансформацию статуса женщин в Китае, достижения, связанные с улучшениями в данном направлении. Таких как, к примеру, снижение коэффициента материнской смертности, усиление охраны труда работающих женщин, увеличение доли женщин-делегатов ВСНП. Все это говорит о всестороннем вовлечении женщин в жизнь китайского общества.

Научный руководитель – Е. В. Айыжы

канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории,

археологии и документоведения,

Тувинский государственный университет

Список литературы

1. Веселова Л. С. Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности // Учен. зап. Казан ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160, кн. 6. С. 1455–1465.
2. Ma Jingkui. Women and Men in China Facts and Figures // Department of Population, Social, Science and Technology, National Bureau of Statistics. 2004. P. 139.
3. Final Statistical Monitoring Report on the Implementation of China National Program for Women's Development (2011–2020) // National Bureau of Statistics of China. 2021. 12 Dec. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202112/t20211231_1825801.html.

The transformation of the status of women in China in the modern world

E. A. Saveleva

When studying history, one cannot but notice the extreme conservatism of the Chinese in all spheres of life, including family relations. Primarily for centuries, society has been governed by Confucian values and traditions that enshrine the subordinate position of women, whose main task has been caring for children and the home. Over time, however, there has been a trend towards changing the status of women in China and strengthening their role in society as a whole.

This article examines the transformation of the status of women in China in the late 20th century and in modern times. The statistical data allowing identifying the changes in the gender role of women, their involvement in the life of Chinese society are studied. Facts, on the basis of which it is possible to argue about the change of the status of women in China, are given.

Keywords: transformation of the status of women, China, gender roles, woman's role in China, modernity, Chinese society.

Савельева Елизавета Александровна

студентка 2 курса

Тувинский государственный университет

e-mail: parkkd@mail.ru

Saveleva Elizaveta Aleksandrovna

2nd year student

Tuva State University

e-mail: parkkd@mail.ru

УДК 903.32(1-925.8/9)

Хоабиньский комплекс – современное состояние изученности. Пещера Там Ханг

А. А. Федорова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Хоабинь (hoabinhian) – комплекс археологических культур палео-мезо-неолита на территории Юго-Восточной Азии. Памятники распространены в горных районах и прибрежных территориях провинций Вьетнама, в пещерах Лаоса, на западе и севере Тайланда, юге Китая, полуострове Малакка, Суматре, Яве и Сулавеси, в Индонезии, Японии, Австралии, в Сибири и на Дальнем Востоке [Борисковский, 1966].

Комплекс имеет огромную территорию распространения, в связи с чем, точную датировку выделить крайне сложно, на сегодняшний день возраст памятников отмечается следующими датами: от 18 тыс. до 6 тыс. л. н. [Viet, Thi Oanh, 2002] или от 13 тыс. до 4 тыс. лет назад [Bellwood, 1978].

Памятники со следами хоабиньской культуры в основном представлены известняковыми пещерами или каменными убежищами, из чего можно сделать вывод, что населявшие их люди использовали естественные укрытия ландшафта. Обнаружение открытой стоянки Сап Вьет (Sap Viet) считается скорее исключением. Погребения зачастую совершались в пещерах или около них.

Облик хоабиньского человека прослеживается между австрало-монголоидом и меланезийцем. Вьетнамские исследователи по найденному скелетному материалу предположили практику канибализма у хоабиньцев.

М. Колани (M. Colani) (1866–1943) исследовала около 100 пещер и стоянок первобытных обитателей Вьетнама и Лаоса и является первооткрывателем этой культуры в провинции Хоа Бинь (Hoa Binh) [Colani, 1927]. Тогда она отнесла её к мезолитическому времени, но по мере углубления изучения становилось понятно, что довольно большой пласт культуры относится к финалу позднего палеолита – началу неолита (финала плейстоцена – начала голоцена).

В 1926 г. М. Колани в гротах местечка Ланг Нео (Lang Neo) и обнаружила топоры, подверженные незначительной оббивке, а также полное отсутствие наконечников стрел, скребков, пластинчатых нуклеусов, что объяснила тем, что орудия изготавливались в основном из бамбука, дерева и раковин. Она выделила в развитии хоабинь 3 этапа [Colani, 1927]: древнейший период, промежуточный период, наименее древний период.

В 1970 г. В. Солхейм (W. G. Solheim) также выделял три этапа, непосредственно относящихся к позднему палеолиту, мезолиту и неолиту: ранний (50–20 тыс. л. до н. э.), средний (20–15 тыс. л. до н. э.), поздний (15–2,5 тыс. л. до н. э.). [Solheim, 1970, p. 149]. Исследования 2010–2012 г. опровергли предположения М. Колани и В. Солхейма, посредством обнаружения пережитков культуры хоабинь в слое культуры шонви [Деревянко и др., 2012].

Орудийный инвентарь, характерный для хоабиньской культуры, представлен галечными орудиями (орудиями типа Суматра миндалевидной и дисковидной формы, короткими и длинными топорами, отщепами, небольшим количеством орудий со шлифованным рабочим краем, костяными остриями, скреблами из раковин. Это типичный орудийный набор для распространенных в регионах Юго-Восточной и Восточной Азии позднепалеолитических памятников. 14 C-даты ложатся в диапазоне от 9,3 до 12 тыс. л. н.

Отличительными признаками хоабиньского комплекса является практически полное отсутствие отщеповых орудий и пластин, а также крупные размеры орудий.

Для лучшего понимания поставленных задач обратимся к памятнику Северо-Восточного Лаоса, содержащему свидетельство существования хоабинь. Пещера Там Ханг (Tam Hang) была обнаружена Ж. Фромаже (J.

Fromaget) из Геологической службы Индоки- тая в 1934 году. Найденные там останки ассо- циированы с ранне- и среднеплейстоценовой фауной с датировкой по 14 C – 15,7 ± 0,8 тыс. лет назад [Movius, 1955, p. 2].

Позднепалеолитические охотники-соби- ратели Юго-Восточной Азии, учитывая со- ответствие размеров скелетов из Там Ханг и пещеры Минатогава (Япония) были невысо- кими по современным западным стандартам. Масса их тел и рост схожи с представителями других территорий Юго-Восточной Азии, но имеют более массивный пояс нижних конеч- ностей. Сходство с представителями из Китая говорит о миграциях в районе 30 тыс. л. н. [Heekeren, 1948]. Грот Там Ханг был заселено охотниками, которые производили каменные

орудия труда в периоды позднего плейстоце- на, тогда как в период голоцена наблюдалось распространение экономической системы, ос- нованной на сельскохозяйственном производ- стве наряду с производством сосудов (тарной посуды).

Хоабиньская традиция в технологии ка- менного инвентаря была связана с мощным культурным очагом на юго-востоке Азии, от- куда происходило расселение генетически свя- занных между собой этносов «тихоокеанского ствола» – тайских, австроазиатских и австро- незийских.

Научный руководитель – А. В. Табарев,

д-р ист. наук, ведуц. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

1. Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.: Наука. 1966. 181 p.
2. Деревянко А.П., Зянг Хай Н., Хак Шу Н., Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Чеха А.М., За Дой Н., Тхан Тоан Ф. Предварительные итоги исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2010-2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН. 2012. Т. XVIII. С. 63-67
3. Bellwood P. Man's Conquest of the Pacific. The Prehistory of Southeast Asia and Oceania. London : Collins. 1978. 462 p.
4. Colani M. L'Age de la Pierre dans la Province de Hoa Binh // Memoires du Service Geologique de L'Indochine. Hanoi. 1927. Vol XIV. №.1. Pp. 230–239.
5. Heekeren H. R. van. Préhistorical Discoveries in Siam 1943-1944 // Proceedings of the Prehistoric Society. 1948. Vol. XIV. P. 24 - 32.
6. Movius H. L. Palaeolithic Archaeology in Southern and Eastern Asia, Exclusive of India // Cahiers d'Histoire Mondiale. 1955. Vol. II. Pp. 333–338.
7. Solheim II. W. G. Northern Thailand, Southeast Asia and World Prehistory // Asian Perspectives. 1970. Vol. XIII. Pp. 145–162.
8. Viet N., Thi Oanh N. Archaeology of Death in Vietnam // Southeast Asian Research Association of Vietnam, conference 2002, Sigtuna. Sweden. URL: <http://drnguyenviet.com/?id=5&cat=1&cid=22>

The Hoa Binh complex is the current state of exploration. Tam Hang cave.

A. A. Fedorova

Hoabinhian is a complex of Paleo-Meso-Neolithic archaeological cultures in Southeast Asia. The article deals with the problem of the origin of the Hoa Binh complex and the Hoa Binh culture in particular. It also notes and describes all currently known information about the existence of this culture. The current problems of Southeast Asia in the study of Hoa Binh culture are highlighted. On the example of the Tam Hang complex, the features of the existence of culture are noted.

Keywords: Southeast Asia, Indochina, Hoa Binh, culture, complex, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic.

Федорова Анастасия Александровна

студентка 4-ого курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Fedorova Anastasia Aleksandrovna

4th year Student

Novosibirsk State University

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Техноморфологические критерии выделения нуклеусов-резцов карене, бюске и Вашон*

И. С. Шегутов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Наиболее ранними проявлениями верхнепалеолитических традиций в контексте изучения проблемы распространения человека современного вида на пространствах Евразии являются индустрии ориньякского технокомплекса. Целью данного исследования является рассмотрение типологических критериев характерных ориньякских изделий: резцов типа карене (*caréné*), бюске (*busqué*) и Вашон (*burin des Vachon*).

Рассматриваемые изделия впервые были описаны как типы резцов в классификации 1910 г. [Bouyssonie, Bouyssonie, Bardon, 1910] под наименованием «*burin busqué*» (с фр. – изогнутый). Их типологической особенностью стала дугообразная резцовая кромка, полученная серией субпараллельных резцовых сколов, образующих изогнутый в профиле фронт. Авторами выделялось два варианта резцов: «бюске с выемкой» и «бюске без выемки». Этот принцип деления широких резцов сохранился в работах Р. Бурлона (1911 г.), М. К. Бреккита (1920 г.), Л. Праделя (1963 г.), А. Леруа-Гурана (1964 г.) [Brezillon, 1968, pp. 165–173].

Дальнейшая типологическая дифференциация произошла в 1934 г. [Noone, 1934], с введением в терминологию резцов термина *carénés*, во французском языке обозначающего подвдную часть судна, и уже использовавшегося на тот момент для описания морфологически схожих скребков. Этот термин стал обозначать орудия, ранее именуемые резцами «бюске без выемки» и закрепился в большинстве классификаций и типологий [Sonneville-Bordes, Perrot, 1956; Sonneville-Bordes 1960; Heinzelin de Braucourt 1962; Demars, Laurent, 1992]. Собственно термин «бюске» в этих и последую-

щих работах стал обозначать исключительно резцы бюске с выемкой.

«Резец Вашон» долгое время рассматривался как плоский вариант резцов карене (*burin de plan*) [Bouyssonie, Bouyssonie, Bardon, 1910; Pradel, 1953], но впоследствии был выделен в отдельный тип [Perpère, 1972].

Описанные типы изделий традиционно интерпретировались исключительно как орудия, но исследования последних десятилетий позволили сделать вывод о том, что изначальной функцией резцов карене и связанных с ними типов было производство микропластин. Во избежание путаницы, во французском палеолитоведении было решено использовать устоявшуюся типологическую терминологию, вкладывая в нее технологический смысл [Le Brun-Ricalens, Brou, 2006].

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение современных критериев выделения типов кареноидных нуклеусов-резцов. Поскольку имеющиеся французские определения носят, по нашему мнению, излишне морфологический характер, предпринята попытка техноморфологического описания типологических критериев в терминах, принятых в иркутской школе археологии.

Нуклеус-резец карене представляет собой изделие на широкой в сечении заготовке (на пластине, сколе или осколке) с горизонтальной площадкой, обычно сформированной путем снятия с фронта по продольной оси заготовки пластинчатых сколов, называемых «таблетками» 1-го и 2-го порядка. Процесс утилизации нуклеуса-резца карене предполагает последовательное снятие с площадки, представленной негативом пластинчатого скола, сначала технических реберчатого и полуреберчатого сколов,

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров» и при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-22-325

а затем и получение искомым пластин-заготовок, как правило, изогнутых в профиле. Таким образом формируются основные морфологические критерии нуклеусов-резцов карене: дугообразная рабочая кромка и изогнутый в профиле фронт [Le Brun-Ricalens, Brou, 2006].

Первичное использование резцов карене в качестве нуклеусов для пластин подтверждается ремонтными сборками [Le Brun-Ricalens, Brou, 2003].

Нуклеус-резец бюске, в целом, соотносится по технологии утилизации с описанным выше резцом карене. Отличительным типологическим критерием резца бюске является наличие выемки, которая останавливает скалывание пластинчатых снятий. Выемка формируется единичным или серией сколов. Имеются также варианты атипичных резцов бюске, где вместо выемки используется естественная конфигурация заготовки, то есть фронт располагается на выступающей ее части [Michel, 2010, fig. 6]. Кроме выемки, к типологическим особенностям резцов бюске относят менее дугообразный, чем у резцов карене, фронт [Demars, Laurent, 1992]; а также наличие последовательного перехода поверхности скалывания с фронта на одну из латералей [Michel, 2010, p. 174].

Ремонтные сборки позволяют интерпретировать резцы бюске как нуклеусы для пластин [Flas, Jacobs, 2004]. Это небольшие изогнутые пластины Дюфур подтипа Рок-де-Комбе [Demars, Laurent, 1989] и пластинки с естественной спинкой, ретушированные как пластины Каминад [Bordes, Lenoble, 2002]. Среди технических сколов, соотносимых с резцами типа бюске, выделяются сколы подправки дистала с характерной выемкой [Le Brun-Ricalens, Brou, 2006].

Нуклеусы-резцы типа Вашон характерны для развитого Ориньяка. Технология утилизации, сравнительно с нуклеусами-резцами карене, принципиально не меняется. Морфо-

логия этих резцов обусловлена спецификой обработки, направленной, в основном, на получение прямых в профиле пластин-заготовок. Поэтому резцы Вашон могут иметь более крупные метрические параметры, более длинные и, как правило, более широкие негативы пластинчатых снятий. Характерным приемом является производство последнего снятия по центру фронта, без смещения поверхности скалывания на латераль [Michel, 2010, p. 492]. По Ле Брюн-Рикален и Бро особенностью нуклеуса-резца Вашон, и отличием его от резца de plan, является наличие латеральных сколов, формирующих бифасиальный или унифасиальный облик изделия. Следствием специфики утилизации нуклеуса-резца Вашон является также изменение в категории технических сколов: для них характерны «таблетки» 1-го и 2-го порядка типа *Thèmes*, латеральные и фронтально-латеральные сколы [Le Brun-Ricalens, Brou, 2006].

Получение пластин с прямым профилем с нуклеусов-резцов Вашон подтверждается ремонтными сборками [Pelegrin 1995; Pesesse, Michel, 2006], лишь на некоторых средиземноморских стоянках отмечена тенденция производства с данных изделий более крупных изогнутых в профиле пластин [Le Brun-Ricalens, 2005].

Завершая краткий обзор, стоит отметить, что рассмотренные изделия имеют определенные аналогии в материалах верхнего палеолита Северной Евразии: с техникой утилизации нуклеусов-резцов карене схожа техника тогешита [Gomez Coutouly, 2011], выделенная в японском палеолитоведении; аналогами западноевропейским нуклеусам-резцам Вашон можно считать клиновидные нуклеусы Северной Азии, что отмечено в том числе французскими исследователями [Le Brun-Ricalens, 2005].

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова,
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

1. Bordes J.-G., Lenoble A. La "lamelle Caminade" un nouvel outil lithique aurignacien?, Bulletin de la Société préhistorique française. Paris. 99, 4, 2002. P. 735–749.
2. Bouyssonie J., Bouyssonie A., Bardon L. Station préhistorique de Planchetorte près Brive (Corrèze). La grotte Lacoste, Extrait du Bulletin de la Société Scientifique, Historique et Archéologique de la Corrèze. 1910. 35 p.
3. Brezillon M. N. La denomination des objets de pierre taillée. Materlaur pour un vocabulaire des prehistoriens de langue française. Gallia prehistoire. Supplement IV. Paris, 1968. 423 p.

4. Demars P.-Y. et Laurent P., *Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe*, Paris, Éditions du CNRS, 1989. 178 p.
5. Demars P.-Y., Laurent P. *Types d'outils lithiques du Paleolithique supérieur en Europe*. Paris : Presses du CNRS, 1992. 179 p.
6. Gomez Coutouly Y. A. *Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World*. Prehistory and Technology Laboratory. Paris West University Nanterre La Défense. Paris, 2011. 631 p. (Ph.D. dissertation).
7. Heinzelin de Braucourt de J. *Manuel de typologie des industries lithiques*, Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique. Bruxelles, 1962. 74 p.
8. Flas D., Jacobs B. *Technologie du débitage lamellaire*, in: *L'atelier de taille aurignacien de Maisières-Canal (Belgique)*. Liège, 2004. Pp. 101–107.
9. Le Brun-Ricalens F. et Brou L. *Burins carénés-nucléus à lamelles: identification d'une chaîne opératoire particulière à Thèmes (Yonne) et implications*, *Bulletin de la Société préhistorique française*, 100, 1, 2003. P. 67–83.
10. Le Brun-Ricalens F., Brou L. // *Fiches descriptives de nucléus-outils carénés / Burins préhistoriques: formes, fonctionnements, fonctions*. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art, 2006. Pp. 361–376.
11. Le Brun-Ricalens F. *Chronique d'une reconnaissance attendue. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nucléus à lamelles. Bilan après un siècle de recherches typologiques, technologues et tracéologies // Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien*. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art, 2005. Pp. 23–72.
12. Michel A. *L'Aurignacien récent (post-ancien) dans le Sud-Ouest de la France: variabilité des productions lithiques. Révision taphonomique et techno-économique des sites de Caminade-Est, abri Pataud, Roc-de-Combe, Le Flageolet I, La Ferrassie et Combemenu*. Université Bordeaux 1 Sciences et Technologies, 2010. 601 p. (Ph.D. dissertation).
13. Noone H. V. V. – *Burins, un nouvel essai de leur classification*, *Congrès préhistorique de France*, 11e session, 1934. Pp. 478–488.
14. Sonnevile-Bordes de D. *Le paléolithique supérieur en Périgord*, Delmas, Bordeaux, 1960. 560 p.
15. Sonnevile-Bordes de D., Perrot J. *Lexique typologique du Paléolithique supérieur: outillage lithique. IV, Burins*, *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 53/7-8, 1956. Pp. 408–412.
16. Perpère M., *Les burins aurignaciens du gisement des Vachons (Charente)*, *Congrès Préhistorique de France*, XIXe session, Auvergne 1969. 1972. Pp. 320–323.
17. Pesesse D. et Michel A., *Le burin des Vachons: apports d'une relecture technologique à la compréhension de l'Aurignacien récent du Nord de l'Aquitaine et des Charentes*, *Paléo*, 18, 2006.
18. Pelegrin J., *Technologie lithique : le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne)*, Éditions du CNRS, Paris, 1995. 297 p.
19. Pradel L. *Précisions sur les burins d'angle et sur les burins plans*, *Congrès préhistorique français*, 14e Session, Strasbourg-Metz, 1953. Pp. 545–552.

Technomorphological criteria for the allocation of nucleus-burins carénés, busqué and Vachons.

I. S. Shegutov

This article presents the results of a literature review on the typology of carenoid burins of the Aurignacian technocomplex. These artefact types have traditionally been interpreted exclusively as tools, but research in recent decades has led to the conclusion that the original function of the carenoid burins was blade production. In order to avoid confusion, French Palaeolithic studies have decided to use the established typological terminology, investing it with a technological meaning. In this connection, it is relevant to consider the modern criteria for distinguishing the types of carenoid nucleus-burins. As the available French definitions are excessively morphological, an attempt has been made to describe the typological criteria in terms accepted in the Irkutsk school of archaeology.

Keywords: Aurignacian technocomplex, technomorphological criteria, burin caréné, burin busqué, burin des Vachons

Шегутов Иван Сергеевич

Магистрант 1 года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: shegutow@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeevich

1st year magistrate
Irkutsk State University
e-mail: shegutow@gmail.com

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ** – Алтайский государственный университет.
- АКИО** – Андроновская культурно-историческая общность.
- АНО** – Автономная некоммерческая организация.
- АО** – Археологические открытия.
- АЭ** – Археологическая экспедиция.
- БНЦ** – Бурятский научный центр.
- БрГУ** – Братский государственный университет.
- ВИАЭ** – Вестник археологии, антропологии и этнографии.
- ВДИ** – Вестник древней истории.
- ВСОРГО** – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.
- ГАГУ** – Горно-Алтайский государственный университет.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАМО** – Государственный архив Магаданской области.
- ГК РФ** – Гражданский кодекс Российской Федерации.
- ДВО РАН** – Дальневосточное отделение Российской академии наук.
- ДВФУ** – Дальневосточный федеральный университет.
- ЗабГУ** – Забайкальский государственный университет.
- ИА РАН** – Институт археологии Российской академии наук.
- ИАЭТ СО РАН** – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИГУ** – Иркутский государственный университет.
- ИИМК** – Институт истории материальной культуры.
- ИЛАИ** – Известия лаборатории археологических исследований.
- ИрГТУ** – Иркутский государственный технический университет.
- КГПИ** – Красноярский государственный педагогический институт
- КГПУ** – Красноярский государственный педагогический университет
- КемГУ** – Кемеровский государственный университет.
- КККМ** – Красноярский краевой краеведческий музей.
- КОАП** – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии.
- ЛГУ** – Ленинградский государственный университет.
- МАЭ РАН** – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук.
- УНМ ДВФУ** – Учебно-научный музей Дальневосточного федерального университета
- МГУ** – Московский государственный университет.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР.
- МНСК** – Международная научная студенческая конференция.
- НГУ** – Новосибирский государственный университет.
- НИЦ** – научно-исследовательский центр.
- НМРТ** – Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва.
- ОАН** – объект археологического наследия.
- ОКН** – объект культурного наследия.
- ОмГТУ** – Омский государственный технический университет.
- ОмГУ** – Омский государственный университет.
- ОШДК** – Омская школа дизайна костюма.
- ПГПУ** – Пермский государственный педагогический университет.
- ПМА** – полевые материалы автора.
- РАН** – Российская академия наук.
- РГО** – Русское географическое общество.
- СА** – Советская археология.
- ТГУ** – Томский государственный университет.
- ТНИИЯЛИ** – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
- ТНР** – Тувинская Народная Республика.
- ТюмГНГУ** – Тюменский государственный нефтегазовый университет.
- УрГУ** – Уральский государственный университет.
- ХГУ** – Хакасский государственный университет.
- ЮУрГУ** – Южно-Уральский Государственный Университет.
- ISU** – Irkutsk State University.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
LXII РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Кызыл, 22–24 сентября 2022 г.

Ответственные редакторы:

К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка

Перевод А. С. Митрухина

На обложке «Долина царей. Тува», фото А. А. Тюлюш

Дизайнер А. Э. Мижит

Подписано в печать 16.09.2022. Печать плоская. Формат 60×84/8

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28. Тираж 100 экз. Заказ № 17061

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru